

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

21 [1]

1859 May (1)

Plat. 27897 d. 72

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

1859

ЧАСТЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I.—ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ВАВИЛОНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ I—III. Д. Х. ХВОЛЬСОНА.
- II.—ОБЪ ИЗМѢНЕНИ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ СНАБЖЕНІЯ ВОЙСКЪ ВЕЩАМИ. (Окончаніе). Д. И. КАМЕНСКАГО.
- III.—ПИСЬМА О ЗЕМЛЕДѢЛИИ И КРЕСТЬЯНАХЪ ВО ФРАНЦІИ—II.— ЕВГЕНІЯ БОНМЕРА.
- IV.—ГОРА КОСМАЙ. П. С. СРЕТЬКОВИЧА.
- V.—МИРАЖЪ I—XII. ОЛЬГИ Н***.
- VI.—ЭЛЕГІЯ. М. П. РОЗЕНГЕЙМА.
- VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (См. на оборотѣ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Бобъ-Рокъ. Эпизодъ изъ временъ освобожденія Техаса въ 1832 году.
Соч. Чарльза Сильсфильда. VI—XI.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

—
1859.

Книг. № 509
2066
12/1-29
- J

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узакопненное число экземпляровъ. Москва, 15-го мая 1859 года.

Ценсоръ *А. Драшудовъ*

НОВООТКРЫТЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ВАВИЛОНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

1 5 11

Многіе германскіе ученые часто и сильно жаловались на невозвратимую утрату туземныхъ источниковъ для исторіи и образованности семитическихъ народовъ Передней Азіи. Произведеніе халдейскаго жреца Бероза, младшаго современника Александра Македонскаго, исторія Вавилоніи, въ трехъ книгахъ, за исключеніемъ немногихъ отрывковъ у Евсевія и Абидена, потеряно для насъ. Немного отрывковъ сохранилось и изъ міеолого-историческаго писанія финикійскаго жреца Санхоніатона, котораго относятъ къ XI вѣку до Р. Хр.; но и тѣ заимствованы не изъ оригинальнаго сочиненія, а изъ греческой передѣлки Филона Библосскаго. По какой-то странной судьбѣ утратились, за немногими мелкими отрывками, даже и историческія сочиненія греческихъ писателей о Передней Азіи, какъ-то: Гелланика, Демокрита, Ктезія, Александра Полигистора, Юбы, Менандра Эфесскаго, Кастора, Филона Библосскаго. Лишь только въ наше время предприняты археологическіе розыски, и найдено нѣсколько чрезвычайно важныхъ ассирійскихъ и вавилонскихъ памятниковъ. Величественные, но безмолвные указатели высокой образованности этихъ народовъ, они заставляютъ насъ еще болѣе сожалѣть объ утратѣ ихъ писаній.

Потому-то особенно пріятно мнѣ заявить ученому міру, что нѣсколько очень важныхъ и замѣчательныхъ остатковъ древней вавилонской письменности сохранилось въ арабскомъ переводѣ. Въ этихъ остаткахъ мы не только имѣемъ отрывки изъ произведеній древней вавилонской письменности, но и находимъ драгоценныя указанія объ умственной жизни древнихъ Ханаанцевъ, Ассирійцевъ и Сирійцевъ. Они проливаютъ свѣтъ на религиозное и общественное состояніе народовъ Передней Азіи въ до-Моисеевы времена и подають надежду, что когда-нибудь раскроется передъ нами величественная картина многосторонней духовной дѣятельности этихъ народовъ въ эпоху, которая доселѣ была облечена не проницаемымъ мракомъ.

Конечно, не одинъ читатель недовѣрчиво покачаетъ головою при извѣстіи о существованіи писаній древняго Вавилона. Возможно ли, спросять насъ, предполагать обширную, многостороннюю письменность у Вавилонянъ, еще до времени Навуходоносора, или даже прежде Набонассара (1)? и могли ли Вавилоняне достигнуть высокой степени образованія въ то время, когда Греки едва начинали знакомиться съ первыми элементами вѣдѣнія?

На это позволю себѣ сказать нѣсколько общихъ словъ. Въ семьѣ, въ маломъ обществѣ старшее поколѣніе обыкновенно бываетъ наставникомъ младшаго поколѣнія; питомецъ обыкновенно продолжаетъ дѣло своего воспитателя, пользуясь его уроками. Не такъ бываетъ однакоже съ народами. Старшій, ранѣе созрѣвшій народъ не всегда бываетъ учителемъ слѣдующаго за нимъ поколѣнія. Молодое племя часто должно приниматься за свое дѣло, такъ-сказать, съ самаго начала и проходить весь процессъ развитія, несмотря на то, что прежній народъ, по мѣрѣ силъ и способностей, давно уже кончилъ свой путь.

Присматриваясь ближе на примѣръ къ умственнымъ напряженіямъ въ средніе вѣка, невольно удивляешься съ перваго взгляда, зачѣмъ это Западная Европа съ такимъ трудомъ добивалась, съ такими усиліями допытывалась до первыхъ начатковъ знанія, когда болѣе пятнадцати вѣковъ тому назадъ уже жили Платонъ, Ари-

(1) Набонассаръ царствовалъ отъ 747 до 733 г. до Р. Хр. Его правленіе составляетъ начало новой эры, которой держались во всей Передней Азіи, а потомъ и въ Египтѣ; даже извѣстный астрономъ Птоломей употреблялъ это лѣтосчисленіе.

стотель, Теофрастъ, Фукидидъ и другіе великіе гении греческаго народа? Нашу образованность никакъ нельзя назвать развитіемъ и продолженіемъ образованности древнихъ; это образованность новая, опирающаяся только на воспоминанія о древности. Средніе вѣка не развивали далѣе, они даже не переносили къ себѣ тѣхъ умственныхъ приобрѣтеній, которыя были добыты древностью; новая эпоха взяла для своего храма лишь нѣсколько камней изъ развалившагося храма древности; она выстроила себѣ новый храмъ, и строила его почти съ фундамента. Новое человѣчество достигло настоящей степени своей образованности по многимъ окольнымъ путямъ; процессъ развитія его былъ длинный, утомительный. И однакоже древній міръ уже разъ совершилъ такой же, или очень подобный процессъ, и что еще важнѣе въ этомъ случаѣ, было очень много посредниковъ между древностью и новымъ временемъ. Не будь этихъ обстоятельствъ, еслибы для насъ совершенно утратилась образованность Грековъ, — что могло случиться, — и еслибы теперь напримѣръ нашлись арабскіе переводы подлинныхъ сочиненій Платона, Аристотеля, Гиппократя, Галена и другихъ, то конечно, мы стали бы сомнѣваться въ ихъ подлинности. Мы стали бы говорить: «Какъ возможно было Грекамъ взойти на такую высокую степень просвѣщенія за 400 лѣтъ до Р. Хр., тогда какъ наши предки, спустя пятнадцать вѣковъ послѣ нихъ, находились почти въ дѣтствѣ?» Не могла ли же и цивилизація Грековъ относиться къ цивилизаціи другаго какого-нибудь древняго народа, какъ наша эпоха относится къ эпохѣ Грековъ? Когда Греки едва могли чертить буквы, развѣ другой древній народъ не могъ написать огромныхъ, многотомныхъ религиозныхъ и историческихъ книгъ? Вѣдь нынѣшніе образованные Нѣмцы чертили только руны въ то время, когда угасала уже эпоха греко-римской образованности.

Возможность такого отношенія младшаго народа къ древнѣйшему не требуетъ доказательствъ. *Возможности* подобнаго отношенія между Греками, относительно младшими, и древними Вавилонянами, никто также не опровергнетъ прямыми и твердыми доводами. Греки никогда не почитали себя самымъ древнимъ народомъ, напротивъ они сами всегда признавали Египтянъ, Вавилонянъ и другихъ восточныхъ народовъ древнѣе себя. Сами образованные народы Передней Азіи всегда смотрѣли на Грековъ, какъ на народъ относительно юный. Итакъ возможность такого отношенія стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Что же

еслибы нашлись подлинныя документы, которые показали бы, что возможное было дѣйствительнымъ фактомъ? Было ли бы основаніе сомнѣваться и недовѣрчиво смотрѣть на эти документы? Не слѣдовало ли бы только сказать, что, благодаря этимъ документамъ, мы узнаемъ нѣчто такое, чего доселѣ не знали, и чего намъ даже въ голову не приходило? Теперь мы находимся именно въ этомъ положеніи. Я надѣюсь, скоро должны мы будемъ убѣдиться, что эпоха вавилонская, или правильнѣе древне-семитическаго образованія также предшествовала образованности Эллиновъ, какъ эллинскій періодъ шелъ впереди нашего, и что эпоха, еще болѣе древняя, эпоха, которую можетъ быть мы будемъ называть хамитскою, была еще старше вавилонской.

Поклонники эллинизма будутъ возражать противъ высокой образованности древнихъ Вавилонянъ; они будутъ утверждать, что извѣстія древнихъ и шарлатанство Халдеевъ, странствовавшихъ по Италіи во времена римскихъ императоровъ, не говорятъ въ пользу вавилонской образованности. Но мы въ свою очередь спросимъ ихъ: что, еслибы утратилась древняя греческая литература, и вмѣсто гениальныхъ твореній Грековъ сохранились только немногіе отрывки изъ неоплатониковъ и Византійцевъ, повѣрили ли бы мы тогда, что за 1500 лѣтъ до Чечеса и Кедрина писали Пиндаръ и Оукидидъ? А вѣдь это непреложная истина. Греки познакомились съ Вавилонянами во время всеобщаго и великаго ихъ упадка. Скитающіеся Вавилоняне бродили по Италіи съ шарлатанскими свѣдѣніями, ходячимъ товаромъ при императорахъ. Но эти вавилонскіе фокусники такъ же мало могутъ дать намъ понятіе о классическомъ цвѣтущемъ времени древней Вавилоніи, какъ могли бы характеризовать греческую духовную жизнь Периклова времени ханжи-неоплатоники или блюдолизы *Grassuli*, сидѣвшіе за столомъ римскихъ вельможъ, подъ именемъ грамматиковъ, риторовъ и т. п.

«Еслибы въ Вавилонѣ, замѣчаетъ одинъ умный, многосторонній ученый (1), дѣйствительно существовала на туземномъ языкѣ богатая, выработанная письменность за шесть вѣковъ до христіанской эры, то какъ бы ничего не знали о ней всѣ книги Ветхаго Завета и Геродотъ, еще довольно знакомые съ

(1) Эрнстъ Мейеръ *Geschichte der Botanik*. Кенигсбергъ 1856. Часть III. стр. 48.

Вавилономъ?» Къ сожалѣнію, эту мысль часто бросаютъ въ глаза въ ущербъ разысканій о Востокѣ. Но допустите эту мысль, и тогда придется вычеркнуть изъ исторіи иную тысячу лѣтъ, иную дюжину древнихъ народовъ. Много ли Геродотъ разказываетъ объ іудейскомъ народѣ, о его столь замѣчательной религіи, о его письменности? А Геродотъ очень часто бывалъ въ Финикіи. Много ли знаютъ Греки о Единомъ Богѣ израильскомъ, о высокихъ твореніяхъ пророковъ, объ исторіи Евреевъ, даже послѣ того, какъ священныя книги Евреевъ сдѣлались имъ доступны въ переводѣ семидесяти толковниковъ, даже послѣ того какъ въ Александріи жило очень много Іудеевъ? Знаетъ ли Геродотъ, или другой Грекъ о древне-египетской и финикійской письменности, хотя Греки были въ Финикіи, какъ дома? А что была древняя египетская и финикійская письменность, это такъ же мало подлежитъ сомнѣнію, какъ существованіе литературы нѣмецкой, французской и англійской. Было время, когда Грекамъ предоставляли монополію всесторонняго образованія насчетъ всѣхъ другихъ народовъ, но это время прошло. Съ одной стороны нельзя не удивляться высотѣ греческаго генія, съ другой — нельзя закрывать глаза передъ ихъ односторонностью, передъ ихъ національною исключительностью и неспособностію оцѣнить творенія другихъ народовъ. Соберите всѣ сказанія Грековъ о не-греческихъ народахъ, полезнаго найдете вообще немного; если же изъ этого немногаго извлекать *истинное*, то всѣ извѣстія чуть-чуть не приравняются нулю. Самымъ лучшимъ примѣромъ знакомства Грековъ съ иноземною исторіей могутъ служить сказанія ихъ о Евреяхъ: сколько глупостей, какое пустословіе! Притомъ, Греки совсѣмъ не знали языка посѣщаемыхъ ими чужихъ земель; значить, они, говоря по нашему, основывались на словахъ *чичероновъ*; но вавилонскій *чичеронъ* еще меньше могъ сообщить Геродоту о древней вавилонской письменности, чѣмъ нынѣшній римскій *чичероне* о рукописяхъ Ватикана, или римской лигературѣ и археологіи. Слѣдовательно, незнаніе Греками древней вавилонской письменности совсѣмъ не можетъ служить доказательствомъ ея несуществованія. Есть даже примѣры, что важныя и весьма значительныя творенія, написанныя на греческомъ языкѣ, не упоминаются ни у кого изъ греческихъ писателей. Такъ, важное и, въ свое время, необыкновенное, географическое твореніе Страбона, извѣстное всѣмъ до сего времени, не упомянуто ни однимъ *греческимъ писателемъ*.

Что касается Ветхого Завета, то и тутъ неудивительно, если въ немъ нѣтъ указаній на древнюю вавилонскую письменность: такіе *argumenta ex silentio* надобно было бы употреблять очень осторожно. Впрочемъ, въ книгѣ пророка Даниила (1, 4, 17) говорится прямо о писаніяхъ Вавилонянъ, и существованіе такихъ писаній можно вывести еще, хотя не прямо, изъ другихъ ветхозавѣтныхъ сказаній. Если Саломонъ, царь еврейскаго народа, относительно юнаго, писалъ подъ конецъ XI вѣка до Р. Х. «о деревьяхъ, начиная отъ кедра ливанскаго до иссопа, ползущаго по стѣнѣ, о большихъ животныхъ, о птицахъ, червяхъ и рыбахъ» (1); отчего же у древнихъ Вавилонянъ не могло бы найдтись подобныхъ разысканій, написанныхъ гораздо прежде Саломона? Пока не явятся положительныя доказательства противнаго, конечно, остается допустить эту *возможность*.

Въ нижеслѣдующемъ я постараюсь дѣйствительно доказать существованіе обширной древне-вавилонской письменности, болѣе древней, чѣмъ самыя древнія изъ дошедшихъ до насъ твореній Грековъ, и составляющей *фактъ* не только *возможный*, но и *положительный*.

I.

Въ лейденской университетской библіотекѣ есть три арабскія рукописи. Въ предисловіяхъ къ нимъ и на ихъ заглавныхъ листахъ сказано, что ихъ на арабскій языкъ перевелъ нѣкто *Ибнъ-Вахшія*, съ языка *халдейскаго*. Кураторство Лейденскаго университета, по своей благосклонности, дало мнѣ возможность пользоваться этими тремя рукописями. Я занялся тщательнымъ ихъ изслѣдованіемъ и нашелъ въ нихъ три древне-вавилонскія сочиненія — древне-вавилонскія безспорно — сохранившіяся въ арабскомъ переводѣ вотъ какимъ образомъ:

(1) Это единственно правильное и натуральное объясненіе мѣста 2 Царства IV. 13. См. Эвальда *Geschichte des Volkes Israel*. Ренанъ, правда совсѣмъ иначе понимаетъ этотъ стихъ (*Hist. génér. des langues Semit. etc.* 1 p. 118. not. 3. Paris 1855). Но у Ренана объясненіе этого мѣста вообще тѣсно связано съ его понятіями о семитическихъ народахъ. При всемъ уваженіи къ учености Ренана, я долженъ рѣшительно сказать, что вся его характеристика семитическихъ народовъ недостаточна и лжива.

Абу-Бекръ Ахмедъ бенъ Али бенъ Кеисъ бенъ эль-Мохтаръ бенъ Абдъ-эль-Керимъ бенъ Харита бенъ Нединабенъ Буратаба бенъ Алатія эль-Касдани (то-есть Халдей) эссъ-Сууфи эль-Кассини, по прозванію Ибнъ-Вахшія, вотъ родословное имя того, кому мы обязаны благодарностію за сохраненіе остатковъ древне-вавилонской письменности. Этотъ Ибнъ-Вахшія, по своему происхожденію, былъ потомокъ древнихъ Вавилонянъ: это явствуетъ изъ его собственныхъ словъ, не разъ повторенныхъ, изъего прозванія эль-Касдани (халдей) и изъ именъ его предковъ. Онъ выдаетъ себя за мусульманина, и вѣроятно, еще пра-дѣдъ его Абд-эль-Керимъ перешелъ въ мохаммеданскую вѣру, потому что онъ первый изъ предковъ Ибнъ-Вахшіи носитъ мохаммеданское имя.

Ибнъ-Вахшія былъ уроженецъ города Кассинъ, отчего и прозвище его эль-Кассини. Касательно этого города я не нашелъ въ арабскихъ географахъ ни одного указанія, но за то о немъ часто упоминаютъ вышесказанныя вавилонскія рукописи. Онъ находился въ болотистыхъ краяхъ южной Халдеи, слѣдовательно въ главномъ мѣстопребываніи позднѣйшихъ Набатеевъ (1), которые были не что иное, какъ остатокъ древне-вавилонскаго народонаселенія. Ибнъ-Вахшія еще совершенно свободно понималъ языкъ набатейскій, или халдейскій, и даже весьма хорошо зналъ различныя его нарѣчія; сверхъ того онъ былъ свѣдуцъ въ персидскомъ, а можетъ-быть и въ греческомъ языкѣ. Притомъ онъ былъ въ значительной степени философски образованъ и обладалъ многосторонними естественно-историческими свѣдѣніями, за что въ послѣдствіи и прозванъ былъ чародѣемъ, подобно Алберту Великому. Онъ много путешествовалъ, посѣтилъ Египетъ, Персію, Индію, и принадлежалъ къ числу Сууфіевъ, въ собраніяхъ которыхъ онъ съ большимъ успѣхомъ иногда излагалъ философскія и нѣкоторыя теософическія ученія древнихъ Халдеевъ.

Его соплеменники въ южной Месопотаміи, остатки древняго вавилонскаго народонаселенія, слыли у Арабовъ обыкновенно подъ именемъ Набатеевъ, какъ мы это увидимъ ниже. Въ его время эти Набатей, всѣ или большею частію, были еще язычники и говорили еще языкомъ своихъ предковъ, но языкомъ, вѣроятно, сильно измѣнившимся. Во времена Арсакидовъ и

(1) См. мое сочиненіе: *die Ssabier und der Ssabismus*. С. Петербургъ, 1856. I. стр. 106, 109 и слѣд.

Сассанидовъ, у выродившихся потомковъ древнихъ Халдеевъ вѣрно еще уцѣлѣли кой-какіе довольно значительные остатки древняго вавилонскаго образованія. Даже во второмъ вѣкѣ ислама, при дворѣ калифовъ, поэты, особенно музыканты и пѣвцы, даже секретари, были Набатеи, то-есть люди вавилонскаго происхожденія. Но мало-по-малу они близились къ упадку, и какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, образованные изъ этихъ Вавилонянъ постепенно стали переходить въ исламизмъ и съ теченіемъ времени исчезли въ преобладавшей массѣ мохаммеданъ, а необразованные потомки древнихъ Вавилонянъ остались народомъ языческимъ, жили въ крайнемъ пренебреженіи и невѣжествѣ, храня однако воспоминаніе о величій своихъ предковъ и зная изъ ряда этихъ предковъ многія замѣчательныя личности.

Ибнъ-Вахшія питалъ сильную ненависть къ Арабамъ, — что частовстрѣчалось у новообращенныхъ Персовъ, — и очень былъ раздраженъ противъ нихъ за то презрѣніе, какое они оказывали его единоплеменникамъ, презрѣніе, доходившее до того, что въ его время имя Набатеевъ стало браннымъ словомъ. Подстрекаемый этими двумя чувствами, Ибнъ Вахшія рѣшился перевести и сдѣлать общедоступными еще уцѣлѣвшіе остатки древне-вавилонской письменности, дабы тѣмъ доказать, что предки его единоплеменниковъ, столь глубоко презираемыхъ Арабами, были люди весьма образованные и своими знаніями превзошли многіе народы древняго міра. Но не такъ-то легко было ему выполнить это свое усердное желаніе. Когда Вавилонія была покорена фанатиками Арабами, то тамошніе представители идолопоклонническаго народонаселенія ясно могли предвидѣть, какой жребій ихъ ожидаетъ. Вслѣдствіе этого они положили зарокъ своимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ по возможности скрывать и утаивать отъ новыхъ завоевателей свою языческую религію и языческую письменность, наслѣдіе своихъ отцовъ, такъ что, когда Ибнъ Вахшія нашель у одного язычника-Набатей, человѣка пообразованнѣе прочихъ своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, цѣлое собраніе древне-вавилонскихъ сочиненій, то владѣтель ихъ, ссылаясь на завѣтъ своихъ предковъ, не хотѣлъ выпустить изъ рукъ свои сокровища. Но зажиточный Ибнъ-Вахшія не испугался потребованныхъ большихъ денежныхъ вознагражденій, не скупился на убѣжденія и ласковыя слова, и растолковалъ Набатеймъ, что черезъ обнародованіе этихъ сочиненій слава ихъ предковъ явится

въ яркомъ свѣтѣ. Такимъ образомъ удалось ему наконецъ получить позволеніе перевести эти сочиненія на арабскій языкъ.

Число древне-вавилонскихъ сочиненій, отысканныхъ этимъ ревнителемъ, было должно-быть довольно велико. Они состояли изъ религиозныхъ книгъ, отчасти принадлежавшихъ древнѣйшимъ временамъ Халдеи. Кромѣ того тутъ находились также книги естественно-историческія, медицинскія, астрологическія, даже можетъ-быть книги астрономическія и историческія. Ибнъ-Вахшія, изъ найденныхъ имъ древне-вавилонскихъ писаній, многія перевелъ, однако далеко не всѣ; нѣкоторыя онъ началъ было переводить, но не кончилъ. Когда-нибудь въ другое время мы сообщимъ довольно длинный списокъ переведенныхъ имъ древне-вавилонскихъ писаній; но здѣсь, въ этой нашей статьѣ, займемся только тѣми изъ нихъ, переводы которыхъ мнѣ были доступны. Изъ этихъ переводовъ у меня теперь въ рукахъ три полныхъ сочиненія и отрывки изъ какого-то, кажется, потеряннаго творенія. Три полныя сочиненія имѣютъ слѣдующія заглавія:

1. Kitáb-el-Falá'hah en Nabathijjah, «Книга о набатейскомъ земледѣліи».

2. Kitáb es-Somûm, «Книга о ядахъ».

3. Kitáb Tenkelûschâ el-Bâb lí «Книга Вавилонянина Тенкелуша».

Отрывки изъ сочиненія, которое Ибнъ Вахшія перевелъ съ халдейскаго языка, носятъ слѣдующее заглавіе:

4. Kitáb Israg esch-Schems we'l-Qamar, «Книга о тайнахъ солнца и луны.» Авторъ книги мнѣ не извѣстенъ.

По всѣмъ соображеніямъ видно, что Ибнъ-Вахшія вообще переводилъ съ большою точностію и добросовѣстностію, хотя нельзя ожидать, чтобы при такомъ переводѣ дѣло обошлось еовсѣмъ безъ ошибокъ и недоразумѣній. Въ *Набатейскомъ земледѣліи* и въ книгѣ *О ядахъ* есть очень много длинныхъ и коротенькихъ прибавленій отъ переводчика, вставокъ, которыми онъ оправдываетъ свой переводъ, толкуетъ его и разъясняетъ. Такъ, онъ часто замѣчаетъ, что значеніе того или другаго слова въ оригиналѣ ему неизвѣстно, и что онъ это слово переводитъ только по догадкѣ. Иногда, напримѣръ, стоитъ въ текстѣ: такое-то растеніе принесено въ Вавилонію при такой-то прославившейся особѣ, и событіе это, по времени, совпадаетъ съ жизнію такого-то или другаго извѣстнаго мужа, — а Ибнъ-Вахшія при этомъ откровенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

замѣчаетъ, что прославившееся это лицо совершенно ему неизвѣстно, и что онъ не знаетъ даже вовсе, когда и гдѣ оно жило. Въ иныхъ мѣстахъ онъ вдругъ прерываетъ начатую фразу замѣчаніемъ, что рукопись, которою онъ пользуется, очень ветха, что дальнѣйшихъ строкъ тамъ разобрать нельзя, а потому онъ и не можетъ доперевести эту фразу. Иногда же, въ концѣ предложенія, онъ ставитъ замѣтку, что въ переводѣ этого предложенія показанныя числа переданы у него можетъ-быть не вѣрно, потому что въ оригиналѣ мѣсто это не совсѣмъ разборчиво написано и чиселъ хорошенъко разглядѣть невозможно. Въ книгѣ *О ядахъ*, есть между прочимъ длинный рецептъ, въ концѣ котораго Ибнъ-Вахшійя замѣчаетъ, что упомянутый въ этомъ рецептѣ одинъ медикаментъ въ подлинникѣ не показанъ, но онъ самъ его прибавилъ отъ себя, зная, что онъ очень полезенъ. Несмотря на свое высокое уваженіе къ древнимъ Вавилонянамъ и при всемъ стремленіи выставить ихъ передъ своими современниками въ наилучшемъ свѣтѣ, Ибнъ-Вахшійя не боится однако переводить такія вещи, которыя въ глазахъ Мохаммеданъ должны казаться очень смѣшными и нелѣпыми, даже весьма безбожными, и переводомъ которыхъ онъ прямо противодѣйствуетъ своей цѣли. Все это убѣдительно говоритъ, что Ибнъ-Вахшійя переводилъ вѣрно и добросовѣстно, какъ только могъ.

Собственные имена лицъ онъ передаетъ такъ, какъ они стояли въ подлинникѣ; но старинныя названія городовъ, земель и народовъ, онъ, по собственному его показанію, замѣняетъ тѣми именами, какія въ его время общеупотребительны. Очень ясно, что въ такой переводъ весьма могли вкратиться разныя ошибки и разныя недоразумѣнія; но во многихъ мѣстахъ онъ выражается при этомъ случаѣ такъ опредѣленно, что нельзя не согласиться, что и тутъ онъ поступаетъ добросовѣстно, и я увѣренъ, что на его толкованіе довольно безопасно можно положиться, по крайней мѣрѣ относительно именъ месопотамскихъ и вавилонскихъ городовъ. Впрочемъ въ рукописяхъ, которыми я пользовался, встрѣчаются также и безъ вѣсти исчезнушія имена земель и городовъ, которыхъ слѣда я не могъ найти у арабскихъ географовъ.

Его собственные вставки, даже самыя коротенькія, почти всегда можно узнать по предшествующимъ словамъ: *это говоритъ Абу-Бекръ*, или *это говоритъ Ибнъ-Вахшійя*, и т. п. Конецъ длинныхъ вставокъ всегда обозначается какимъ-нибудь особымъ словомъ или какою-нибудь фразою. Часто встрѣчающіе-

ся персидскіе и изрѣдка попадающіеся греческіе синонимы растений, за немногими можетъ-быть исключеніями, очевидно всѣ внесены еамимъ переводчикомъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ прямо и ясно говоритъ, что при переводѣ именъ растеній, онъ употреблялъ наиболѣе извѣстныя названія, что для этого онъ бралъ имена то набатейскія, то персидскія, то греческія, смотря по тому, то или другое имя болѣе извѣстно, и что онъ, наконецъ, иногда подводитъ синонимы, дабы выразиться какъ можно понятнѣе.

Переводъ упомянутыхъ вавилонскихъ книгъ сдѣланъ нашимъ Ибнъ-Вахшійей въ началѣ X вѣка по Р. Хр. Переводъ онъ диктовалъ своему любимому ученику Абу-Талибъ эзъ-Зайяту. Ибнъ-Вахшійя любилъ его, какъ роднаго сына, всегда называетъ его «о, мой сынъ». Онъ диктовалъ ему всѣ свои переводы съ халдейскаго языка и по духовному завѣщанію передалъ ему всѣ свои литературныя сокровища. Ибнъ-Вахшійя первоначально дѣлалъ эти переводы собственно для себя и кое-гдѣ вставлялъ въ нихъ поясненія. Потомъ переводъ и поясненія онъ диктовалъ своему ученику, и при этомъ случаѣ еще прибавлялъ къ нимъ новыя замѣчанія въ вышеупомянутомъ родѣ. Въ книгѣ *О ядахъ*, обращаясь къ этому своему ученику, Ибнъ-Вахшійя говоритъ въ одномъ примѣчаніи, что онъ перевелъ такое-то и такое-то халдейское сочиненіе, и что этотъ переводъ также продиктуетъ ему, какъ скоро кончитъ диктовку книги *О ядахъ*. Кажется, что Ибнъ-Вахшійя самъ не издалъ ни одного изъ своихъ переводовъ. Въ предисловіи къ переводу *Набатейскаго земледѣлія*, къ послѣдне-продиктованной имъ книгѣ, Ибнъ-Вахшійя поручаетъ вышеупомянутому своему ученику обнародовать сочиненіе это, какъ общепольное, и сдѣлать его доступнымъ для каждаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ проситъ его, чтобъ онъ многихъ имъ переведенныхъ сочиненій (какъ напримѣръ книги *О ядахъ*) не дѣлалъ столь общедоступными и обнародовалъ бы ихъ осмотрительно.

Упомянутый ученикъ Ибнъ-Вахшійи, Абу-Талибъ эзъ-Зайятъ, впрочемъ мало извѣстенъ. Его прародитель, Мохаммедъ бенъ Абу-эль-Маликъ эзъ-Зайятъ занималъ важное мѣсто при дворѣ калифа Мутасима, и именемъ его назывался цѣлый кварталъ въ городѣ Самаррѣ, который выстроенъ былъ этимъ калифомъ Мутасимомъ. Абу-Талибъ былъ, кажется, человѣкъ очень образованный. Онъ весьма добросовѣстно поступилъ съ литературнымъ наслѣдствомъ, полученнымъ послѣ своего учителя, и тѣмъ

совершенно оправдалъ то довѣріе, которое на него возлагалъ его учитель, завѣщавшій ему свои ученыя сокровища. Ибнъ-Вахшійя умеръ, не успѣвъ до конца додиктовать книгу *О набатейскомъ земледѣліи*. Онъ продиктовалъ Абу-Талибу только 80 листовъ этой книги, а остальную часть Абу-Талибъ издалъ уже по оставшимся бумагамъ своего учителя, и кое-гдѣ отъ себя прибавилъ краткія замѣчанія, которыя вездѣ ясно и обозначилъ какъ свои собственные. Въ концѣ той главы, гдѣ рѣчь идетъ о виноградѣ, Абу-Талибъ, встрѣтивъ въ оригиналѣ своего учителя около 20 неисписанныхъ листовъ, не замедлилъ это заявить и сообщить свои догадки о причинѣ такого пробѣла. Слѣдовательно, по всѣмъ соображеніямъ, издатель поступилъ съ переводомъ своего учителя столь же добросовѣстно, какъ поступалъ переводчикъ съ подлинникомъ. Перейдемъ теперь къ самой книгѣ.

II.

Прежде чѣмъ мы начнемъ наши изслѣдованія объ этой книгѣ, мы должны сперва сказать нѣсколько словъ объ этнографическомъ значеніи слова *Набатей*, чтобъ избѣжать недоразумѣнія, которыя неминуемо воспослѣдовали бы отъ ошибочнаго пониманія этого слова.

Въ моемъ сочиненіи *Сабей и сабизмъ* (т. I, стр. 698 и слѣд.) я высказалъ положеніе и доказалъ, что Арабы подъ словомъ *Набатей*, въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣли не что иное какъ древнее и новое туземное народонаселеніе древней Халдеи и народонаселеніе ея ближайшей окрестности; потому, что Арабы за Набатеевъ, въ обширномъ смыслѣ, считали почти всѣ арамейскія племена и даже Ханаанцевъ. По древне-вавилонскимъ рукописямъ, которыя у меня теперь въ рукахъ, Набатей есть общее имя, такое же, какъ Германцы или Славяне; подъ этимъ именемъ разумѣются почти всѣ народы, которыхъ мы называемъ Семитами. Въ этихъ древне-вавилонскихъ сочиненіяхъ Набатеями именуется различныя племена Месопотаміи (въ томъ числѣ и Халдеи), жители страны, лежащей по ту сторону Тигра до Холвана, жители полуострова, образованнаго обѣими рѣками Забъ, равно какъ Сирійцы и Ханаанцы. Такимъ образомъ общее это имя употреблялось для обозначенія древнѣйшаго слоя Семитовъ въ Передней Азіи. Гораздо позднѣе

переселившіеся въ Переднюю Азію Арабы, первобытные жители Аравіи, можетъ-быть, были вовсе не Семиты, и положительно не причисляются къ Набатеямъ. Объ Израильтянахъ же, въ этихъ книгахъ, вообще нигдѣ ничего не упомянуто.

Арабы назвали вышеупомянутое писаніе просто *Книгою о набатейскомъ земледѣліи*. Они это сдѣлали вопервыхъ потому, что у нихъ *набатейскій* и *вавилонскій* были понятіями совершенно тождественными; вовторыхъ потому, что изъ чрезвычайно обильной древне-вавилонской письменности по этому предмету, они только и знали что это одно сохранившееся древне-вавилонское агрономическое писаніе; а втретьихъ они для того его такъ называли, чтобъ отличить его отъ прочихъ сочиненій подобнаго содержанія. Вѣдь между Арабами было распространено много и другихъ старинныхъ на арабскій языкъ переведенныхъ сочиненій о земледѣліи, какъ напримѣръ *Книга о египетскомъ* (или коптскомъ) *земледѣліи* (1), *Книга о персидскомъ земледѣліи* и другія подобныя старинныя агрономическія сочиненія. Чтобы вышеупомянутую книгу отличить отъ прочихъ сочиненій подобнаго содержанія, какія явились у другихъ народовъ, Арабы и назвали ее просто: *Книга о набатейскомъ земледѣліи*, хотя въ оригиналъ она носить совершенно иное названіе.

Въ надписи на книгѣ значится, что подлинникъ писанъ на языкъ *халдейскомъ*. Самъ же Ибнъ-Вахшійя именуеъ его *древне-сирійскимъ*. Далѣе, въ другомъ мѣстѣ, Ибнъ-Вахшійя говоритъ о различныхъ набатейскихъ діалектахъ, которые все переводчику необходимо знать; этимъ Ибнъ-Вахшійя старается опровергнуть мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что его переводъ былъ работою легкою, потому что *языкъ, съ котораго онъ переводилъ, родственъ съ языкомъ арабскимъ*. Зна-

(1) Изъ этого сочиненія я недавно отыскалъ у нѣкоторыхъ іудейскихъ и арабскихъ писателей нѣсколько весьма драгоцѣнныхъ отрывковъ. Одинъ изъ этихъ отрывковъ ясно показываетъ, что эта книга сочинена въ то время, когда въ Египтѣ еще царствовали государи-идолопоклонники. Слѣдовательно эта книга сочинена никакъ не позднѣе эпохи Птолемеевъ. Изъ другаго отрывка явствуетъ, что Египтяне, въ то время какъ эта книга сочинена, уже давно *знали употребленіе очковъ*, а у насъ вообще думаютъ, что употребленіе очковъ началось лишь съ начала XIII столѣтія по Р. Х.; но это, какъ мы видимъ, совершенно ошибочно. Отрывокъ этотъ цитованъ у одного писателя, жившаго въ половинѣ XII вѣка по Р. Х.

читать, какъ и слѣдовало ожидать, подлинникъ былъ писанъ на одномъ изъ *семитическихъ* нарѣчій. Вообще, и прежде нельзя было сомнѣваться въ томъ, что вавилонское народонаселеніе было *семитическое*. Халдеи, какъ извѣстно, сами считали себя близкими племенными родственниками съ Ханаанами и Сирійцами, говорившими нарѣчіемъ семитическимъ. Въ древне-вавилонскихъ писаніяхъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, встрѣчается нѣсколько вавилонскихъ словъ; въ книгѣ *О ядахъ* есть даже цѣлыя, довольно длинныя заклинанія на вавилонскомъ языкѣ, и отсюда ясно видно, что этотъ языкъ былъ *семитическій*, и притомъ довольно близкій къ языку сирійскому. Даже многочисленныя собственныя имена, за исключеніемъ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ, носятъ несомнѣнный семитическій характеръ. Правда, встрѣчаются иногда слова, особенно названія растений, которыя не имѣютъ на себѣ обыкновеннаго семитическаго оттѣнка; но вѣдь и въ арабскомъ языкѣ попадаетъ множество именъ растений и животныхъ, которыя также этого оттѣнка не имѣютъ. Разъяснять причину этого явленія здѣсь не мѣсто. Весьма могли быть многочисленныя заимствованія изъ разныхъ чуждыхъ языковъ. Древніе Вавилоняне перенесли къ себѣ въ Вавилонію изъ чужихъ земель очень много растений и деревъ, а вмѣстѣ съ растеніями весьма могли быть перенесены и туземныя ихъ названія; примѣры этого мы видимъ и въ наше время. Точно также оказываются вавилонскаго происхожденія многія арабскія имена растений, отзывающіяся чуждыми звуками. Арабы могли въ Вавилоніи впервые узнать эти растенія и усвоить себѣ тамошнія ихъ имена; такимъ же образомъ могли поступать въ свою очередь и древніе Вавилоняне. Въ упомянутыхъ заклинаніяхъ также встрѣчается много непонятнаго; но не надо забывать, что подобныя иностранныя слова не могли сохраниться въ своемъ подлинномъ видѣ, пройдя черезъ руки многочисленныхъ арабскихъ переписчиковъ. Впрочемъ, судя по разнымъ соображеніямъ, я допускаю, что въ Вавилоніи многіе элементы языка и культуры до-семитической эпохи могли перейти въ семитическій періодъ.

Ибнъ-Вахшія переводитъ оригинальное заглавіе подлинника такъ: *Книга о воздѣлываніи земли, объ улучшеніи съменъ, деревъевъ и плодовъ, и объ отвращеніи отъ нихъ всякаго поврежденія*. Это спеціальное заглавіе, кажется, было не извѣстно могоммедаманъ или по крайней мѣрѣ не употребительно между ними, и они

по вышеприведеннымъ причинамъ назвали это писаніе просто: *Книгою о набатейскомъ земледѣліи*.

О происхожденіи книги Ибнъ-Вахшійя сообщаетъ баснословное сказаніе, не называя при этомъ источниковъ, откуда онъ это сказаніе заимствовалъ. Онъ говоритъ въ предисловіи, будто онъ открылъ, что сочиненіе этой книги приписываютъ тремъ древнимъ набатейскимъ мудрецамъ. Первый мудрецъ, который ее началъ писать, назывался Дагрить, и, какъ говоритъ преданіе, жилъ въ седьмомъ тысячелѣтіи семитысячелѣтняго сатурнова цикла; второй мудрецъ, по имени Янбушадъ, жившій въ концѣ того же тысячелѣтія, сдѣлалъ дополненія къ писанію своего предшественника; наконецъ книгу эту докончилъ третій мудрецъ, по имени Кутами, который жилъ по истеченіи четырехъ тысячъ лѣтъ семитысячелѣтняго солнечнаго цикла. Ибнъ-Вахшійя полагаетъ, что промежутокъ между обоими первыми упомянутыми мудрецами и между Кутами длился болѣе осьмнадцати тысячъ лѣтъ. Дагрить написалъ будто бы вполнѣ всю книгу, и его послѣдователи *вовсе никакихъ измѣненій не сдѣлали ни въ словахъ, ни въ порядкѣ изложенія своего предшественника*, но только по своимъ соображеніямъ и опытамъ къ каждой главѣ присоединили дополненія. Ибнъ-Вахшійя, какъ сказано, не показываетъ источника, откуда онъ почерпнулъ это сказаніе, а употребляетъ при этомъ неопредѣленные выраженія: «я нашель», «говорять», и проч.

Это показаніе долго сбивало меня съ толку. Но долгое временное занятіе самою книгою привело меня къ *полному* убѣжденію, что *вся* она, въ теперешнемъ своемъ видѣ, *есть произведеніе одного человѣка, и что этотъ человѣкъ есть никто иной, какъ вышеупомянутый Кутами*. Экономія цѣлаго сочиненія, его начало и конецъ, даже почти каждая страница, свидѣтельствуютъ противъ показанія Ибнъ-Вахшійи и говорятъ въ пользу моего предположенія; вездѣ видно, что Кутами, такъ сказать, самъ одинъ хозяинъ въ дому, что Дагрить и Янбушадъ только цитуются имъ точно такимъ же образомъ, какъ онъ цитуетъ почти дюжинами многихъ другихъ, и что показаніе Ибнъ-Вахшійи безъ сомнѣнія основывается на какомъ-нибудь недоразумѣніи. Еслибъ Ибнъ-Вахшійи не сдѣлалъ упомянутаго показанія, то ни одному читателю никогда бы и въ голову не пришло считать за единственнаго сочинителя всей книги кого-нибудь иного, кромѣ Кутами. Кутами прямо

говорить, что Дагрить писалъ трудно-понятными стихами, и что онъ, Кутами, многихъ изъ его стиховъ не сообщаетъ потому, что въ нихъ ему не все понятно; а разсматриваемая нами книга вся сплошь писана простою прозою. Кутами даже не вставлялъ въ свое писаніе цѣликомъ словъ Дагрита или Ямбушада, не держался рабски ихъ показаній; онъ только цитуетъ ихъ, хотя и чаще чѣмъ многихъ другихъ, но цитуетъ не слово въ слово, а только излагаетъ ихъ воззрѣнія на извѣстные предметы. Въ разныхъ мѣстахъ Кутами положительно замѣчаетъ, что онъ во всей основѣ своей книги, равно какъ и въ послѣдовательномъ расположеніи главъ, идетъ своею собственною дорогою и уклоняется отъ Дагрита въ распредѣленіи растеній. Дагрить расположилъ растенія по очереди планетъ, то-есть сперва описываетъ растенія, состоящія въ связи съ Сатурномъ, потомъ растенія, которыя находятся въ связи съ Юпитеромъ, и т. д. Кутами сперва имѣлъ намѣреніе подражать въ этомъ Дагриту и оттого началъ-было съ маслины, дерева, которое посвящено Сатурну, «богу земледѣлія»; но потомъ онъ измѣнилъ свой планъ и въ этомъ также отношеніи пошелъ своею дорогою. Если наконецъ прочесть окончательную главу всей книги, гдѣ Кутами даетъ отчетъ о своемъ трудѣ и распорядкѣ содержанія, то очень легко будетъ убѣдиться, что онъ, и только онъ *одинъ*, есть сочинитель всей книги. Такъ въ этой послѣдней главѣ онъ приводитъ причины, почему онъ говоритъ о бобахъ послѣ хлѣбныхъ растеній, тогда какъ Ханаанецъ Тамитри говоритъ о нихъ въ промежуткѣ между главой о ячменѣ и главой о рисѣ. Далѣе, онъ объясняетъ, что его разсужденіе о корневыхъ растеніяхъ начинается съ цикоріи потому именно, что такъ поступилъ Адами, и т. д. Еслибъ отношеніе Кутами къ этой книгѣ точно было таково, какъ показываетъ Ибнъ-Вахшійя, то Кутами не имѣлъ бы никакого повода такъ высказываться о распредѣленіи, виновникомъ котораго былъ бы не онъ.

Но если читателямъ нуженъ еще новый доводъ, что Кутами былъ единственнымъ сочинителемъ всей книги, то убѣдительнѣйшимъ образомъ это доказывается слѣдующимъ мѣстомъ. Въ книгѣ не разъ идетъ рѣчь объ особыхъ силахъ, свойствахъ и дѣйствіяхъ различныхъ растеній, и все это изложено частію по свидѣтельству другихъ, частію по опытамъ и наблюденіямъ самого Кутами. Но въ одномъ мѣстѣ онъ дѣлаетъ

вотъ какое замѣчаніе: Многія изъ этихъ растений имѣютъ свойства, для людей весьма полезныя, и хорошо было бы, еслибъ онъ, Кутами, въ особомъ отдѣлѣ потолковалъ объ этомъ предметѣ; но онъ объ этомъ уже говорилъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ только кстати приходилось; а тотъ, кому этотъ предметъ особенно любопытенъ, можетъ всё сюда относящіяся мѣста списать въ особую тетрадь и дать ей заглавіе: *Тетрадь о свойствахъ растений, которыя упомянуты у Кукамца Кутами въ его книгѣ о земледѣліи*. Я думаю, эти однѣ строки уже достаточно свидѣтельствуютъ, что Кутами былъ единственнымъ сочинителемъ всей книги, а не простымъ вставщикомъ нѣкоторыхъ дополненій въ чье бы то ни было чужое сочиненіе.

По одному мѣсту правда въ книгѣ *О набатейскомъ земледѣліи* можно съ перваго раза подумать, что Кутами не болѣе, какъ объяснитель своихъ предшественниковъ, Дагрита и Ямбушада, но при тщательномъ изслѣдованіи этого мѣста въ его настоящей связи, не трудно убѣдиться, что оно ровно ничего не доказываетъ. Кутами между прочимъ говорить слѣдующее: «Ни одинъ человекъ не въ состояніи вполнѣ исчерпать свой предметъ, всякій на многое только указываетъ и о многомъ умалчиваетъ, предоставляя читателю обдумывать цѣлое дѣло и изъ сказаннаго выводить необходимыя заключенія.» Далѣе Кутами говорить, что весьма возможно появленіе въ будущемъ человека, который будетъ разумнѣе и изобрѣтательнѣе его, который подвинетъ ученіе объ агрономіи гораздо далѣе впередъ, чѣмъ онъ (Кутами) въ состояніи былъ это сдѣлать, «какъ напримѣръ Дагрить въ свое время многое написалъ о разныхъ предметахъ земледѣльческихъ, потомъ, по прошествіи долгаго времени, явился Ямбушадъ, который хотя и не оставилъ никакого отдѣльнаго писанія о земледѣліи, но былъ послѣдователемъ Дагрита и присоединилъ къ его сказаньямъ многое, имъ самимъ открытое; наконецъ я пошелъ по слѣдамъ ихъ обоихъ, нисколько не думая стать по своимъ малымъ познаніямъ на ряду съ ними, а писалъ и повѣрялъ то, что они оба сообщили, перечитывалъ то, что они написали, и прибавилъ къ этому свои собственныя развѣдки. Да возможно будетъ тебѣ, читатель этой книги, говорить онъ наконецъ, вывести полезныя заключенія изъ всего сказаннаго, совершить и обдумать собственныя наблюденія и присоединить къ словамъ моимъ то, до чего не дошелъ я, и

что ты самъ откроешь, чѣмъ ты окажешь великую услугу людямъ» и т. д.

Но, въ сущности, изъ этихъ словъ видно, что Кутами распространялъ не *сочиненія*, а *предметъ*, которымъ занимались его оба предшественника. Такъ напримѣръ Кутами говоритъ далѣе, что о средствахъ врачевать болѣзни растений сообщалъ уже Деванаи, но Адами прежде всѣхъ подробно написалъ объ этомъ предметѣ; Дагрить и Янбушадъ вполнѣ воспользовались мудростію Адами, и каждый изъ нихъ присоединилъ свои собственные открытія; Кутами же съ своей стороны прибавилъ еще новыя дополненія.

Изъ того, что мнѣ теперь извѣстно о древне-вавилонской письменности, я вывожу заключеніе, что изъ всѣхъ древнихъ Вавилонянъ Дагрить и Янбушадъ писали о земледѣліи пространныѣ всѣхъ другихъ, и что Кутами взялъ этотъ предметъ въ такихъ же обширныхъ размѣрахъ, какъ они; поэтому, ихъ обоихъ можно по преимуществу назвать его предшественниками и руководителями, хотя онъ цитуетъ многихъ другихъ. Древне-вавилонскіе мудрецы — это отнынѣ положительно извѣстно — въ самыя отдаленныя времена занимались наукою земледѣлія. Уже Деванаи, древнѣйшій вавилонскій законодатель и вѣроучитель, сообщалъ въ своихъ писаніяхъ, между прочимъ, очень многое о земледѣліи, хотя и не оставилъ о немъ отдѣльной книги. Очевидно, что его агрономическія правила и предписанія имѣли преимущественно религиозный характеръ. Тѣмъ не менѣе однакожъ онъ оставилъ до тысячи изображеній различныхъ видовъ виноградной лозы (изъ которыхъ 113 сохранились еще во время Кутами) съ присовокупленіемъ объяснительныхъ словъ. Кутами подробно описываетъ одно изъ этихъ изображеній и сообщаетъ соответствующую замѣтку изъ текста Деванаи.

Адами, жившій долгое время спустя послѣ Деванаи, считается основателемъ особаго рода агрономическаго ученія въ древней Халдеѣ, но одна часть его писаній утратилась уже во время Кутами; другая же была совершенно затемнена позднѣйшими вставками, и ея подлинность была сомнительна; такъ по крайней мѣрѣ думаетъ Кутами, по мнѣнію котораго, книги, приписываемыя Адами, о послѣдователяхъ нѣкоторыхъ религиозныхъ вѣрованій, должны быть подложныя. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что Кутами не имѣлъ въ рукахъ своихъ полного, обнимающаго всю область земледѣлія, писанія Адами; правда,

что онъ цитуетъ его чаще нежели другихъ (кроме Дагрита и Ямбушада) но въ книгѣ его находятся многіе отдѣлы, гдѣ все не упоминается имя Адами, чего, при глубочайшемъ уваженіи своемъ къ нему, не сдѣлалъ бы Кутами, еслибъ Адами написалъ что-нибудь о содержаніи этихъ отдѣловъ.

Ишита, сынъ Адами, также многое сообщалъ о земледѣліи въ своихъ религіозныхъ писаніяхъ, но онъ говорилъ о немъ какъ бы мимоходомъ, и его агрономическимъ свѣдѣніямъ Кутами не придаетъ большой важности. Ишита былъ тотъ вѣроучитель, который возвелъ въ систему поклоненіе звѣздамъ и астрологию съ ея грубыми суевѣріями. Это ученіе, съ тѣмъ-то въ родѣ папства или священнаго халифата во главѣ, имѣло представителями своими людей съ огромнымъ влияніемъ, сдѣлалось господствующимъ въ Вавилоніи и распространилось по всей Месопотаміи и Сиріи. Но Кутами, послѣдователь Адами, Анухи, горячаго противника идолослуженія, и Ямбушада, оспаривавшаго поклоненіе звѣздамъ, былъ рѣшительнымъ противникомъ Ишиты и его ученія; правда, что онъ совѣтуетъ читать поселянамъ въ праздничные дни писанія Ишиты, для внушенія имъ чувствъ благочестія и справедливости, но тѣмъ не менѣе при каждомъ случаѣ жестоко нападаетъ на Ишиту и его ученіе и осыпаетъ ругательствами его послѣдователей.

Мази Суранскій, внукъ Ишиты, родоначальникъ жреческаго рода въ Сурѣ (на Евфратѣ, въ южной Халдеѣ), и повидимому также основатель вѣроученія (послѣдователи его соединились потомъ съ послѣдователями его дѣдка), оставилъ по себѣ агрономическія писанія, но не касался земледѣлія во всемъ его объемѣ, и только нѣкоторыя части его писаній, какъ на примѣръ главы о пальмахъ, виноградникахъ и пр., послужили источникомъ для Кутами.

Во время этого Мази Суранскаго, жили также три Ханаанца, писавшіе о земледѣліи, именно: Ануха эль-Хетьяни изъ южныхъ областей Ханаана, Тамитри эль-Хебкуши изъ сѣверной части этой страны, и Ссардана; но сколько мнѣ извѣстно, Ануха писалъ только о виноградныхъ лозахъ, Ссардана сообщалъ весьма немногія свѣдѣнія о земледѣліи, по крайней мѣрѣ Кутами цитуетъ ихъ очень рѣдко. Тамитри, какъ кажется, писалъ о земледѣліи во всемъ его объемѣ, но, какъ житель Ханаана, придерживался агрономической системы, отличной отъ системы Халдеевъ, а Кутами, по національной нена-

висти, не могъ пристать къ системѣ Ханаанцевъ, притѣснителей его отечества, и хотя онъ, всегда умѣренный и разсудительный, старается ослабить рѣзкое различіе между Халдеями и Ханаанцами и не отказываетъ послѣднимъ въ своемъ уваженіи, но при всякомъ случаѣ отдаетъ преимущество своимъ одноплеменникамъ. Другой Ханаанецъ, которому Ибнъ-Вахшійя даетъ имя «Ибрагимъ», и который по моему мнѣнію жилъ не задолго до Кутами, писалъ, какъ кажется, о нѣкоторыхъ отрасляхъ земледѣлія, не занимаясь разработкою всего ученія.

Дагрить, жившій задолго до Кутами и не оставившій о своей жизни никакихъ извѣстій, представляется первымъ изъ Халдеевъ, писавшихъ о всѣхъ отрасляхъ земледѣлія; о многомъ онъ говорилъ даже подробнѣе Кутами; послѣ Адами и Мази Суранскаго, по времени онъ первый, котораго Кутами цитуетъ вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о настоящемъ земледѣліи.

Но въ какомъ отношеніи стоялъ Ямбушадъ къ Дагриту? Не распространилъ ли только онъ творенія послѣдняго, обогативъ его своими замѣчаніями? Это я считаю рѣшительно невозможнымъ. Дагрить былъ благочестивый язычникъ; какъ замѣчено выше, онъ распредѣлялъ растенія по порядку планетъ. Напротивъ того Ямбушадъ, одна, какъ оказывается, изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей вавилонской древности, находился въ открытой враждѣ съ туземною религіей, никогда не посѣщалъ капищъ, не участвовалъ въ языческихъ празднествахъ и открыто передъ цѣлымъ народомъ отрицалъ вліяніе планетъ и ихъ божественныя свойства; слѣдовательно онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть продолжателемъ писаній Дагрита, все направленій котораго, а равно и религіозныя идеи, находившіяся въ тѣсной связи съ его агрономическими взглядами, были совершенно противны его натурѣ. Онъ находится повидимому въ такомъ же отношеніи къ Дагриту, въ какомъ Галенъ къ Гипократу: Галенъ пополнялъ и развивалъ врачебныя свѣдѣнія послѣдняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ совершенно иной взглядъ на дѣло; Галенъ никогда не обрабатывалъ и не улучшалъ твореній своего предшественника. Кутами часто сообщаетъ агрономическія правила, извлеченныя имъ изъ писаній Ямбушада; не рѣдко также писанія эти служатъ ему единственнымъ руководствомъ, такъ напримѣръ по части степныхъ растеній.

Но откуда же могло взятъ вышеприведенное показаніе Ибнъ-Вахшійи о происхожденіи нашей книги? Я полагаю, что оно

или основано на догадкѣ, или должно быть объяснено такимъ же образомъ, какъ выше приведенное мѣсто изъ Кутами. Въ источникахъ, которыми пользовался Ибнъ-Вахшійя, можетъ быть находилось слово въ родѣ *мимро*, которое въ древне-вавилонской терминологіи легко могло означать ученіе, *дисциплину*, и въ то же время *книгу*; Ибнъ-Вахшійя принялъ это слово въ послѣднемъ невѣрномъ значеніи и на этомъ основалъ свое ложное мнѣніе. На эту догадку, что Ибнъ-Вахшійя такое двусмысленное слово не точно перевелъ словомъ *книга*, навели меня нѣкоторыя мѣста изъ известныхъ мнѣ древне-вавилонскихъ писаній, гдѣ слово *книга*, употребленное переводчикомъ, не имѣетъ никакого смысла, и гдѣ для общей связи необходимо слово, которое бы означало ученіе, *дисциплину*; кажется впрочемъ, что самъ Ибнъ-Вахшійя въ послѣдствіи увидѣлъ свою ошибку и призналъ въ Кутами единственнаго и самостоятельнаго автора всей книги; во многихъ мѣстахъ, Ибнъ-Вахшійя, приводя слова текста, начинаетъ фразою: «Кутами, авторъ этой книги, говорить», или подобнымъ этому выраженіемъ, которое ясно показываетъ, что онъ почитаетъ Кутами самостоятельнымъ авторомъ. Очень можетъ быть, что Ибнъ-Вахшійя, по прошествіи нѣкотораго времени, самъ убѣдился въ ошибочности того мнѣнія о происхожденіи нашей книги, которое сообщено имъ въ предисловіи, а такъ какъ онъ, о чемъ уже упомянуто выше, не дожилъ до окончательнаго изданія своихъ твореній, то не имѣлъ и возможности исправить замѣченную имъ самимъ ошибку.

Впрочемъ, мы нисколько не имѣемъ намѣренія утверждать, чтобы каждое слово въ разбираемой нами книгѣ принадлежало Кутами, за исключеніемъ примѣчаній Ибнъ-Вахшійи, которыя узнать не трудно: кто возьметъ на себя смѣлость высказать подобное мнѣніе о книгѣ, относящейся къ глубокой древности? Критическая добросовѣстность новѣйшаго времени весьма мало извѣстна была въ древности, и уже Діодоръ (I, 5) жалуется на передѣльвателей и искажителей книгъ; къ тому же очень вѣроятно, что многія объясненія на поляхъ или замѣтки, сдѣланныя чужою рукой, въ теченіи вѣковъ вошли въ текстъ, такъ что ихъ теперъ распознать трудно. Да и есть ли какая-нибудь древняя книга, въ которой можно было бы отрицать вѣроятность подобныхъ прибавокъ и передѣлокъ? Только эту вѣроятность, которая должна быть принимаема въ соображеніе при каждой древней книгѣ, и преимущественно, если книга от-

носится къ литературѣ Востока, допускаю я какъ ограниченіе положенія, что единственнымъ авторомъ *Набайтеискаго земледѣлія* должно считать Кутами.

Мы отвлеклись бы слишкомъ далеко, еслибы стали говорить здѣсь о Кутами и объ отношеніяхъ его къ туземной религіи. Въ *Историческомъ введеніи* къ предпринятому нами изданію новооткрытыхъ вавилонскихъ источниковъ предметъ этотъ будетъ изложенъ со всѣми подробностями; теперь мы ограничимся немногими замѣчаніями. Кутами былъ родомъ Халдей и жилъ въ городѣ Вавилонѣ. Онъ былъ богатый землевладѣлецъ; помѣстья его лежали къ западу отъ Евфрата въ странѣ Тейзенабадъ, также и въ Бажерма (у Сирійцевъ Бет-Гарме), на восточномъ берегу Тигра противъ Текрита. Земли его обрабатывались множествомъ поселянъ, подъ распоряженіемъ опытныхъ и ученыхъ управителей, которые, въ необходимыхъ случаяхъ, совѣтовались съ агрономическими писаніями Халдеевъ. Служители Кутами часто приходили въ городъ, то есть въ Вавилонъ, гдѣ они бесѣдовали съ нимъ о различныхъ предметахъ сельскаго хозяйства. О себѣ самъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей книги говоритъ: «Я, Кутами, принадлежу къ Куканцамъ, и потомъ — знайте это! — къ сирійскимъ Суранцамъ». Смыслъ этого мѣста не совсемъ ясенъ. Значитъ ли оно, что онъ происходилъ изъ города *Куки* (Qûqá) и потомъ переселился въ Суру на Евфратѣ? Это невозможно; во первыхъ потому, что онъ долженъ былъ бы прибавить: «и наконецъ къ Вавилонянамъ», такъ какъ онъ постоянно жилъ въ Вавилонѣ, и во вторыхъ, предстоить вопросъ, зачѣмъ онъ прибавляетъ многозначительныя слова: «знайте это!» послѣ того какъ онъ объявилъ себя Куканцемъ. Основываясь на этомъ, мы полагаемъ, что Кутами разумѣетъ здѣсь не *мѣсто*, изъ котораго онъ происходилъ, а только *школу*, къ которой онъ принадлежалъ. Кутами хочетъ дать знать, что сначала онъ принадлежалъ къ школѣ Куканцевъ, а потомъ перешелъ къ школѣ Суранцевъ. По указаніямъ Страбона (1) и Плинія (2), Халдеи дѣлились на различныя школы, какъ напримѣръ Орхеновъ, Борзиппеновъ, Гиппареновъ и многія другія, имена которыхъ не дошли до насъ. Страбонъ упоминаетъ двѣ первыя школы, замѣчая при томъ, что, кромѣ ихъ, существуютъ у Халдеевъ

(1) Страбонъ XVI, 734.

(2) Плиній *Nat. Hist.* VI.

многія другія школы. Итакъ, легко можетъ быть, что въ Куки находилась особая халдейская секта или школа, носившая названіе этого города. Подъ именемъ Куки можно предположить городъ *Кохе* близъ Селевкии на Тигрѣ (1). По важности города Кохе, во времена христіанства, когда онъ былъ однимъ изъ главныхъ центровъ восточной церкви, можно также вывести заключеніе о значеніи этого города во времена язычества: извѣстно, что по большей части въ прежнихъ центральныхъ городахъ язычества-устроились центры христіанской церкви.

Что же касается до города Суры, то мнѣ положительно извѣстно, что онъ, съ глубокой древности, былъ главнымъ мѣстомъ халдейской учености и цивилизаціи. Многіе изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ людей, которыхъ цитуетъ Кутами, были Суранцы, и сверхъ того существуетъ много данныхъ, по которымъ можно предполагать, что въ древнѣйшія времена не Вавилонъ, а Сура была главнымъ средоточіемъ древне-вавилонской образованности (2). О важности Суры свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что Кутами, упоминая о Суранцахъ, выражается такъ, какъ будто бы они составляли особое значительное племя, и говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Хананцы, Халдеи, Суранцы и др., всѣ принадлежатъ къ потомкамъ Адама.» Впрочемъ возможно также, что Орхоэ, гдѣ, по указанію Страбона, была халдейская школа, тождественъ съ Сурою: по крайней мѣрѣ данныя о географическомъ положеніи обоихъ городовъ нисколько не противорѣчатъ предположенію нашему о ихъ тождественности.

Что же касается до выраженія: «къ сирійскимъ Суранцамъ», то я нисколько не сомнѣваюсь, что оно принадлежитъ Ибнъ-Вахшійи, и что въ подлинникѣ находилось другое слово, вѣроятно *Армою*, которое Ибнъ-Вахшійя перевелъ словомъ «сирійскій». Этою припиской *Армою* или другимъ словомъ, находившимся въ оригиналѣ, Кутами можетъ-быть хотѣлъ означить, о какихъ Суранцахъ идетъ дѣло, потому что существовало нѣсколько городовъ, носившихъ названіе *Сура*.

(1) Объ этомъ городѣ упоминаетъ Амміанъ Марцелинъ, а также имя его часто встрѣчается у сирійскихъ отцовъ церкви.

(2) Я намѣренъ обратить особенное вниманіе на этотъ предметъ въ моемъ *Историческомъ введеніи* и подробно разсмотрѣть вопросъ о южно-халдейской, до-вавилонской цивилизаціи, къ которой памятники той страны уже привлекли вниманіе изслѣдователей.

IV.

Мы доказали, что Кутами единственный авторъ всего писанія. Намъ предстоитъ теперь разрѣшить трудный и важный вопросъ: *около котораго времени издавъ Кутами свое великое твореніе?* Мы говоримъ «около», ибо здѣсь и рѣчи не можетъ быть о такихъ точныхъ и достовѣрныхъ хронологическихъ данныхъ, какія мы можемъ почти безошибочно опредѣлить, когда дѣло идетъ о времени греческихъ и римскихъ писателей.

Къ сожалѣнію, до насъ это писаніе не дошло въ подлинникѣ, а Ибнъ-Вахшійя древнія названія городовъ, земель и народовъ замѣнилъ новыми, употребительными въ его время; оттого пропало множество данныхъ, которыми мы могли бы воспользоваться. Указанія и намеки автора на современное ему состояніе страны составляютъ теперь для насъ главное пособіе къ *приблизительному* опредѣленію времени появленія книги.

Катрмеръ, имѣвшій передъ собою, при изданіи своего знаменитаго *Mémoire sur les Nabatéens* (*Nov. Journ. Asiat.* t. XV. 1835), только одну треть *Набатейскаго земледѣлія*, первый занялся этимъ вопросомъ. Онъ относитъ нашу книгу къ эпохѣ Навуходоносора, слѣдовательно къ половинѣ VI столѣтія до Р. X.

Вотъ доводы, представленные Катрмеромъ:

1) Книга говоритъ о различныхъ религіяхъ Востока, не упоминая ни одного слова о христіанствѣ.

2) Такое полное и обширное сочиненіе, въ которомъ все сельское хозяйство разсматривается въ порядкѣ, методически, и съ точнымъ изложеніемъ подробностей, могло быть издано тогда только, когда воздѣлываніе земли въ Вавилонѣ стояло на высокой степени совершенства, чего мы не замѣчаемъ не только во время Иисуса Христа, но даже и во время Александра Македонскаго, когда уже многіе каналы засорились, часть прежде цвѣтущей почвы превратилась въ болота и т. д.

3) Авторъ *Набатейскаго земледѣлія* представляетъ намъ современный ему Вавилонъ цвѣтущимъ городомъ, средоточіемъ главной религіи Востока. Онъ сообщаетъ о бесѣдахъ, которыя

онъ велъ съ разными лицами во многихъ храмахъ этой столицы. Известно, что основаніе Селевкіи нанесло Вавилону ударъ, послѣ котораго онъ не могъ уже оправиться, и что во время Арсакидовъ онъ пришелъ въ совершенный упадокъ до такой степени, что подъ конецъ не носилъ даже и названія города (1).

4) Авторъ говоритъ о Ниневіи, какъ о городѣ существующемъ, и, часто упоминая о различныхъ вавилонскихъ городахъ, ни однимъ словомъ не указываетъ на существованіе городовъ, основанныхъ Селевкидами, каковы напримѣръ Селевкія, Апамя, Ктезифонъ и др. Равно не находимъ мы у него ни малѣйшаго намека на Селевкидовъ или Арсакидовъ, такъ же какъ и на Сассанидовъ, и никакихъ свѣдѣній о существованіи какого-либо греческаго или римскаго писателя (2).

(1) Это доказательство въ самомъ дѣлѣ убѣдительно, но изъ него нельзя вывести такихъ рѣшительныхъ заключеній, какія вывелъ Катрмеръ. Слѣдующія обстоятельства несомнѣнны: Кутами былъ богатый землевладелецъ и жилъ въ городѣ Вавилонѣ, о чемъ онъ опредѣлительно говоритъ при многихъ случаяхъ; въ его время этотъ городъ былъ еще весьма значителенъ, и онъ дѣйствительно упоминаетъ о нѣкоторыхъ храмахъ, находившихся въ его время въ городѣ Вавилонѣ. Но изъ этихъ данныхъ я осмѣлился (въ моихъ *Сабіяхъ* II, стр.910) вывести только то заключеніе, что Кутами жилъ не позднѣе 2-го вѣка до Р. Х., потому что, по предположенію моему, послѣ того какъ парянскій сатрапъ Гимеръ или Эвермеръ (около 130 г. до Р. Х.) совершенно разрушилъ Вавилонъ, этотъ городъ никакъ не могъ уже находиться въ такомъ состояніи, въ какомъ изображаетъ его сочиненіе Кутами. Не зная коротко книги, я не смѣлъ тогда выводить дальнѣйшихъ заключеній. Чтобы городъ Вавилонъ былъ во время Кутами, «средоточіемъ главной религіи Востока», этого я никакъ не могъ извлечь изъ данныхъ, находящихся въ нашей книгѣ. Ниже мы приведемъ подобное доказательство глубокой древности этой книги, извлеченное нами не изъ описанія города Вавилона, а изъ описанія страны и ея жителей.

(2) Что Ниневія упоминается какъ городъ существующій, это не доказываетъ ничего; не говоря уже о томъ, что императоръ Клавдій почти на самомъ мѣстѣ древней Ниневіи основалъ городъ, носившій названія Клавдіополь и Колонія Нинива, и что еще гораздо позднѣе на томъ же мѣстѣ существовалъ городъ Ниневія, я замѣчу только, что въ разбираемомъ нами сочиненіи упоминаемая Ниневія всегда называется «Ниневія-Вавилонъ», то-есть *вавилонская Ниневія* или также *Ниневія-эль-Жезира* то-есть *Ниневія островъ*, и что Ибнъ-Вахшія съ величайшею опредѣленностью подтверждаетъ, что упоминаемая здѣсь Ниневія отнюдь не знаменитый городъ, лежавшій противъ Моссула, но соименный ему, лежавшій на полуостровѣ, образованномъ

5) Сочиненіе такого большого объема, написанное на халдейскомъ языкѣ, одно уже, по мнѣнію Катрмера, можетъ служить доказательствомъ, что въ то время, когда оно было издано, Вавилонія не подчинена была чужеземному владычеству, и что жители ея, спокойные и счастливые, могли беззаботно заниматься сложными работами, которыя необходимы при употребленіи и усовершенствованіи пріемовъ цвѣтущаго земледѣлія (1).

Изъ представленныхъ имъ доказательствъ Катрмеръ старается сдѣлать выводъ, что книга написана была въ самый цвѣтущій періодъ Вавилоніи, и даже, по его мнѣнію, между временемъ Белезиса, освободителя Вавилоніи отъ ига Ассирійцевъ, и эпохою покоренія Вавилона Киромъ, промежутокъ, въ которомъ время великаго Навуходоносора кажется ему самымъ удобнымъ для появленія такого великаго творенія.

Вообще невозможно не замѣтить, что большая часть Катрмеровыхъ доказательствъ не выдерживаютъ критики, и вышеприведенный выводъ его не подтверждается при тщательной провѣркѣ (2).

Тигромъ и обоими потоками Цаба, принадлежавшій къ Вавилону и населенный Набатейми (т.-е. Арамеями) и Курдами. Ибнъ-Вахшій не говоритъ, откуда это ему извѣстно, но даже позднѣйшіе арабскіе географы знали два города, носившіе названіе Ниневіи. Что города, основанные Селевкидами, не упоминаются здѣсь, также ровно ничего не доказываетъ, потому что жители Востока очень рѣдко употребляли греческія названія городовъ, и древніе города, большею частью не вновь основанные Греками, а только улучшенные и распространенные ими, носили у туземцевъ свои прежнія туземныя названія. Напротивъ, весьма замѣчательно то обстоятельство, что въ книгѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на владычество Селевкидовъ (не говоря уже объ Арсакидахъ), и мы упомянемъ объ этомъ ниже. А что греческіе и римскіе писатели также не упоминаются, то изъ этого невозможно вывести никакаго заключенія о древности вавилонскаго писателя.

(1) Это доказательство похоже на предыдущее и также несостоятельно: въ послѣдствіи мы постараемся доказать, что эта книга написана въ такое время, когда Вавилоняне подчинены были чужеземному владычеству, и подъ игомъ и преобладающимъ вліяніемъ завоевателей жили спокойно и счастливо.

(2) Въ некрологѣ Катрмера, написанномъ Бартеlemi-де-Сентъ-Илеромъ (*Journal des Sav.* 1857, ст. 708), находится въ концѣ примѣчаніе, что въ посмертныхъ сочиненіяхъ Катрмера есть готовый къ печати мемуаръ о *Набатейскомъ земледѣліи*. Мнѣ очень желательно было узнать содержаніе этого мемуара, и я писалъ объ этомъ извѣстному ориенталисту г. Флейшеру, профессору въ Лейпцигѣ; тотъ обратился къ г. Гальму, бібліотекарю мюнхенской публичной бібліотеки, который, какъ извѣстно, приобрѣлъ бібліотеку Катрмера. Г. Гальмъ былъ такъ обязанъ, что выслалъ г. Флейшеру вышеупомянутый, готовый къ печати

Очень сожалею, что необходимость заставляет меня въ этомъ случаѣ вступить въ споръ съ великимъ ориенталистомъ. Я представлю свои доказательства въ пользу глубокой древности нашей книги совершенно независимо отъ него. Я начну снизу и буду все подниматься вверхъ, дотѣхъ поръ, пока не достигнутого времени, съ которымъ, по мнѣнію моему, несомнѣнно совпадаютъ ея появленіе въ свѣтъ. Безъ сомнѣнія, я бы могъ изъавить и

мемуаръ; при послѣднемъ проѣздѣ моемъ чрезъ Лейпцигъ въ іюнѣ 1858 г., я имѣлъ его нѣсколько часовъ въ своихъ рукахъ, долгое время спустя послѣ того какъ нѣмецкій переводъ упомянутой статьи былъ представленъ нашей императорской академіи наукъ. Я скоро убѣдился, что этотъ мемуаръ не только не былъ изготовленъ къ печати, но едва набросанъ. Весь мемуаръ состоитъ изъ пакета въ 108 листовъ in-4 и содержитъ въ себѣ слѣдующее: На стр. 1—120 находятся не имѣющія между собою связи извлеченія изъ *Набатейскаго земледѣлія*, составленныя по *Leidensis Cod.* № 303, безъ вариантовъ или иныхъ замѣтокъ, и даже безъ систематическаго изложенія, а просто взяты въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся въ означенномъ кодексѣ. На стр. 121—126 довольно вѣрный переводъ предисловія Ибнъ-Вахшійи. На стр. 126—127 высказано и вкратцѣ доказано предположеніе, что подлинникъ изданъ былъ на халдейскомъ языкѣ; впрочемъ я не нашелъ ничего новаго. Окончаніе стр. 127 занято началомъ изслѣдованія объ издателяхъ нашей книги, основаннымъ на данныхъ, которыя сообщаетъ Ибнъ-Вахшійя. На стр. 129—132 выражено предположеніе, впрочемъ безъ доказательствъ, что не Кутами авторъ этой книги, хотя во многихъ мѣстахъ онъ и называется авторомъ ея; затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько буквальныхъ выписокъ изъ *Набатейскаго земледѣлія* о Дагритѣ. На стр. 133—214 находится списокъ главы *Набатейскаго земледѣлія*, трактующей о пальмѣ; заключенія этой главы вѣтъ. Стр. 215 содержитъ переводъ первыхъ строкъ этой главы. Слѣдовательно цѣлое представляетъ только часть матеріала для составленія мемуара, а стр. 126, 127 и 129—130 только приступъ къ нему. Уже въ 1835 г.

Катрмеру извѣстна была парижская рукопись *Набатейскаго земледѣлія*, содержащая почти третью часть всего сочиненія; лейденскія рукописи, которыми я теперь пользуюсь, находились у него (какъ сообщаетъ мнѣ въ письмѣ своемъ отъ 18 мая 1856 изъ Лейдена профессоръ Йейнболь) съ 1849 г. по май мѣсяць 1856 г., слѣдовательно болѣе семи лѣтъ, и несмотря на то, онъ не воспользовался этими важными документами и ничего изъ нихъ не обнаружилъ. Очевидно, что онъ не сознавалъ всей важности и значенія этого великаго творенія, которое, по нашему мнѣнію, можетъ преобразовать древнюю исторію. Можетъ-быть слова наши покажутся многимъ странными, но объясненіе подобнаго факта очень просто: Катрмеръ конечно обладалъ такою огромною ученостію, какую рѣдко можно встрѣтить даже въ Германіи, но въ дѣлѣ критики, и особенно исторической, никогда не занималъ высокаго мѣста.

себя и читателя отъ дальняго пути и тотчасъ же назвать царей, властвовавшихъ надъ Вавилоніею во время Кутами: тотчасъ бы ясно стало, что цари эти не были ни Сассаниды, ни Арсакиды, ни Селевкиды, ни даже Персы и Ассирійцы, но я не хочу основывать свои доказательства на нѣкоторыхъ только мѣстахъ, и постараюсь показать, что *цѣлое* сочиненіе во всѣхъ частяхъ своихъ соотвѣтствуетъ предполагаемому мною времени его изданія.

Изслѣдованію моему я долженъ предпослать общее замѣчаніе. Безъ сомнѣнія Кутами писалъ совершенно самостоятельно; онъ подвергалъ строгому изслѣдованію мнѣнія своихъ предшественниковъ, онъ цитуетъ множество писателей, которые упоминали до него частію прямо, частію косвенно о предметѣ его занятій. Кутами цитуетъ своихъ предшественниковъ съ точностію новѣйшихъ ученыхъ; начало каждой цитаты ясно обозначено, а равно и конецъ ея, если она длинна; рѣдко можно ошибиться даже въ окончаніи краткой цитаты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ забываетъ обозначить ссылку свою на какого-нибудь автора, онъ тщательно исправляетъ свою забывчивость и въ концѣ статьи прибавляетъ, что вышеприведенныя слова принадлежать такому-то. Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: вышеказанное принадлежитъ такимъ-то тремъ авторамъ (слѣдуютъ имена ихъ), но онъ не цитуетъ ихъ отдѣльно, потому что въ этомъ пунктѣ они совершенно согласны между собою. Въ другомъ мѣстѣ онъ цитуетъ сочиненіе одного древняго Халдея о виноградникѣ и пальмѣ, не называя имени автора, и считаетъ нужнымъ присовокупить, что не знаетъ, кому принадлежитъ упомянутая имъ книга, что имя автора въ книгѣ не обозначено. Въ заключительной главѣ своего писанія, Кутами въ двухъ мѣстахъ опредѣлительно говоритъ, что все взятое имъ у своихъ предшественниковъ онъ приводитъ съ указаніемъ на источники, изъ которыхъ онъ черпалъ, и въ этомъ случаѣ Кутами заслуживаетъ полной довѣренности, потому что вся книга его служить речательствомъ въ истинѣ его словъ. Слѣдовательно, каждое мѣсто, которое прямо не названо цитатою, должно непременно принадлежать самому Кутами, и мнѣ кажется рѣшительно невозможнымъ, чтобы человѣкъ, который вездѣ цитуетъ такъ тщательно, сталъ безсмысленно переписывать, не показывая источниковъ, именно тѣ мѣста, гдѣ авторъ говоритъ отъ себя въ первомъ лицѣ.

Предпославъ это замѣчаніе, приступаемъ къ изысканію времени, въ которое писалъ Кутами.

Выше замѣчено, что во всей книгѣ ни слова не упоминается о христіанствѣ. Конечно, это могло произойти случайно, хотя подобная случайность была бы изумительна; но мы можемъ прибавить, что Кутами не имѣлъ ни малѣйшаго, даже отдаленнаго понятія о христіанствѣ; мы увидимъ ниже, что онъ даже не зналъ ничего объ іудейской вѣрѣ, хотя число Евреевъ было очень значительно въ Вавилоніи во время Навуходоносора.

Ни одно слово въ писаніи его не содержитъ въ себѣ даже намекъ на владычество надъ Вавилонією Арсакидовъ или Паревянъ. Правда, въ немъ упоминается народъ, называвшійся Пеглевіянами, но до сихъ поръ неизвѣстно, чтобы какой-нибудь народъ носилъ это имя, и мы не знаемъ достовѣрно, къ какой эпохѣ и странѣ можно отнести его существованіе. Графъ Гобиндъ, въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи о клинообразныхъ надписяхъ, утверждаетъ, что вторая изъ трехъ великихъ надписей Дарія Гистаспа написана на языкѣ *Пеглеви*. Впрочемъ, можетъ-быть, этимъ названіемъ Ибнъ-Вахшійя замѣнилъ какое-нибудь названіе болѣе древнее. Въ другомъ мѣстѣ упоминается языкъ Пеглеви, какъ нарѣчіе персидскаго языка, но впервыхъ мы не можемъ опредѣлить время, *когда* образовалось это нарѣчіе, во вторыхъ я долженъ замѣтить, что мѣсто, гдѣ упоминается языкъ Пеглеви, по всѣмъ вѣроятностямъ, есть позднѣйшая приписка, случайно попавшая въ текстъ.

Объ Арсакидахъ такъ же, какъ и о Селевкидахъ, не упоминается вовсе, и хотя знакомство автора съ народомъ, который въ переводѣ носитъ названіе *Иунанъ*, то-есть Іонійцевъ, не подлежитъ сомнѣнію, но за то нѣтъ ни одного мѣста, которое бы содержало хотя отдаленный намекъ на осѣдлость Грековъ въ Вавилоніи или въ сосѣдственныхъ съ нею земляхъ; многое даже доказываетъ совершенно противное. Впрочемъ, мы будемъ говорить ниже о томъ, какъ упоминается въ этомъ писаніи имя Іонійцевъ, или Грековъ.

Авторъ знакомъ съ Персами и говоритъ о нихъ съ уваженіемъ; онъ знаетъ и нѣкоторые изъ ихъ религіозныхъ обрядовъ, вѣрованій и преданій, и упоминаетъ о растеніи, которое у маговъ называется *Гомъ*. Но Персы были ближайшими сосѣдами Вавилонянъ, а потому нисколько не удивительно близкое знакомство обоихъ народовъ еще прежде Кира, тѣмъ болѣе что въ

глубокой древности Вавилонія производила уже дѣятельную торговлю съ странами отдаленнаго Востока, какъ на примѣръ съ Хорасаномъ, Согдіаною и даже съ Индіею. Несмотря на то, что Персы упоминаются во многихъ мѣстахъ, во всемъ этомъ огромномъ писаніи нѣтъ и отдаленнаго намека, чтобы страна управлялась Персами, или чтобы Персы находились между ея жителями. Упоминается одинъ персидскій царь по имени *Камашъ*, но онъ очевидно принадлежитъ къ эпохѣ, предшествовавшей владычеству Кира.

Обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство, которое также можетъ служить доказательствомъ, что книга наша не могла быть написана во время владычества Персовъ. Кутами, вообще ровный и умѣренный въ своемъ изложеніи, воспламеняется всегда, когда рѣчь идетъ о предметахъ, близкихъ его сердцу; это особенно замѣтно при восхваленіи Вавилоніи и Вавилонянъ. Мы знаемъ изъ Геродота, что Вавилонія и Вавилоняне, со времени покоренія ихъ Даріемъ Гистаспомъ, и особенно со времени Ксеркса, пришли въ совершенный упадокъ, изъ котораго не возставали уже никогда, даже во время мимолетнаго благоволенія къ нимъ Александра Великаго. Кутами же, напротивъ того, изображаетъ страну и жителей въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Я разумью здѣсь не тѣ мѣста его книги, въ которыхъ онъ представляетъ Вавилонію самою благословенною, плодородною и цвѣтущею страню: такую она могла быть даже при Сассанидахъ. Я не говорю также о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ называетъ Вавилонянъ мудрѣйшими изъ людей, богами человѣчества: эти слова можно принять за порывъ національной гордости, возникшей изъ сознанія минувшаго величія. Но Кутами говоритъ также, что народы всѣхъ страхъ обращаются къ Вавилонянамъ для изученія ихъ мудрости и искусствъ; по словамъ его, они служатъ образцомъ для всѣхъ народовъ, относительно одежды, украшеній и умѣнья пользоваться благами жизни, такъ что ихъ по справедливости можно назвать «царями, указующими прямой путь». Подобное описаніе не имѣетъ ничего общаго съ разказами Геродота, который, изображая бѣдственное состояніе и нищету Вавилонянъ, говоритъ, что многіе изъ нихъ принуждены, для поддержанія своей плачевной жизни, обращать дочерей своихъ въ публичныхъ развратницъ (1).

(1) См. Геродота I, 196.

При разныхъ случаяхъ Кутами упоминаетъ о двадцати двухъ древне-вавилонскихъ царяхъ, изъ которыхъ двадцать онъ называетъ ихъ собственными именами и только двухъ прозвищами. Между этими царями нѣтъ ни одного изъ извѣстныхъ намъ вавилонскихъ царей, царствовавшихъ послѣ Набонассара, то-есть послѣ 747 г. до Рождества Христова. При исчисленіи различныхъ растеній онъ также замѣчаетъ иногда, что такія-то растенія введены въ Вавилонію такимъ-то царемъ, или въ царствованіе такого-то царя. Но онъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ о великомъ Навуходоносорѣ, который такъ много сдѣлалъ для канализаціи страны. Это было бы въ высшей степени странно, еслибъ онъ жилъ послѣ этого царя. Даже въ тѣхъ главахъ, которыя трактуютъ объ орошеніи почвы и о способахъ проведенія каналовъ, нигдѣ не упоминается объ огромныхъ водяныхъ сооруженіяхъ Навуходоносора (1), что было бы рѣшительно невозможно, еслибы Кутами имѣлъ о нихъ свѣдѣніе.

При этомъ я обращаю вниманіе читателя на одно обстоятельство, которое, по крайней мѣрѣ на мой взглядъ, сильно говоритъ въ пользу того мнѣнія, что Кутами жилъ прежде Навуходоносора. Извѣстно, что этотъ царь привелъ въ Вавилонію лучшую часть іудейскаго народа, въ которомъ конечно сохранились начала чистой Моисеевой вѣры, и что Іудеи даже въ это время были многочисленны, жили во многихъ странахъ и пользовались большимъ вліяніемъ, что видно изъ книгъ Даніила, Нееміи и Эсѣири. Конечно, не было бы ничего удивительнаго, что вавилонскій писатель не упоминаетъ о земледѣліи Іудеевъ и объ іудаизмѣ вообще, но это было бы необъяснимо въ Кутами, который самъ обнаруживаетъ склонность къ монотеизму, крѣпко сомнѣвается въ божественности планетъ и нисколько не сочувствуетъ туземной религіи. Выступить открыто противъ этой религіи въ Вавилонѣ было, по всему вѣроятію, еще опаснѣе, чѣмъ у насъ въ средніе вѣка напасть на католицизмъ и папу. Вслѣдствіе этого Кутами очень осторожно выражаетъ свой скептицизмъ и оппозицію противъ туземныхъ вѣрованій, говоритъ чрезвычайно умѣренно о религіозныхъ предметахъ и вездѣ усиливается прикрыть себя извѣстными авторитетами.

(1) О водяныхъ сооруженіяхъ этого царя см. Нибура сына *Gesch. Assur's und Babel's*, Berlin 1857. стр. 218.

Такъ старается онъ доказать, что уже Адами не терпѣлъ идоло-служенія, что Ануха былъ рѣшительнымъ противникомъ идоловъ, что далѣе самъ боготворимый почти Ямбушадъ, о жизни и смерти котораго въ храмахъ послѣ богослуженія читались легенды посреди слезъ и стенаній (1), отвергалъ вліяніе и божественность планетъ, и втайнѣ поучалъ своихъ любимыхъ учениковъ, что «даже солнце состоитъ подъ владычествомъ и управленіемъ высшаго божества»; Кутами прибавляетъ, [что и Ханаанецъ Ибрагимъ (имя котораго не должно смѣшивать съ соименнымъ ему патріархомъ) слѣдовалъ этому учению и даже отрицалъ божественность солнца. Обо всѣхъ этихъ противникахъ господствующей туземной религіи онъ повѣствуетъ чрезвычайно пространно и съ глубокимъ внутреннимъ сочувствіемъ. При этомъ онъ никогда, правда, не забываетъ, гдѣ возможно, вставить фразу, которая должна служить доказательствомъ, что самъ онъ не придерживается подобныхъ мнѣній; но эти извинительныя фразы до такой степени слабы, и сочувствіе его къ противникамъ идолопоклонства такъ ярко бросается въ глаза, что это уже замѣтилъ съ большимъ удовольствіемъ простодушный магомеданскій читатель въ примѣчаніяхъ своихъ на поляхъ лейденской рукописи, а также и Ибнъ-Вахшійя обратилъ на это свое вниманіе. Невольно приходитъ въ голову вопросъ, отчего Кутами при такомъ удобномъ случаѣ ни слова не говоритъ о монотеистахъ Іудеяхъ? Вѣдь они были очень распространены въ Вавилоніи и хорошо всѣмъ извѣстны, они жили тамъ до самаго времени Сассанидовъ, пользуясь счастіемъ, общимъ вниманіемъ и уваженіемъ, оставались вѣрны и горячо преданы единому Богу, Отцу своему, и никогда не скрывали своего монотеизма; и совсѣмъ тѣмъ Кутами нигдѣ не случилось ни однимъ словомъ замѣтить, что цѣлый многочисленный народъ исповѣдуетъ ученіе, которому онъ сочувствовалъ въ душѣ своей! Это было бы невѣроятно, еслибъ онъ имѣлъ случай наблюдать Іудеевъ вблизи. Очевидно, что Кутами жилъ задолго до перваго разрушенія Іерусалима, а такъ какъ во первыхъ монотеизмъ укоренился между всѣми Іудеями въ довольно позднее время, а вовторыхъ израильскій народъ въ политическомъ отношеніи не имѣлъ большаго значенія, то Кутами дѣйствительно могъ не имѣть свѣдѣній

(1) См. *Ssabier* II, стр. 915.

о монотеизмѣ, тогда еще недостаточно извѣстномъ. Въ новѣйшее время Катрмеръ мимоходомъ высказалъ мнѣніе, что лица, которыхъ упоминаются въ *Набатейскомъ земледѣліи*, и имена которыхъ сходны съ именами библейскихъ патриарховъ, какъ напримѣръ Адами, Ишита, Ануха и Ибрагимъ эль-Канаани, очевидно замствованы изъ Библии при посредничествѣ Іудеевъ (1); но, признаюсь, для меня совершенно непонятно, какимъ образомъ могла придти въ голову мысль, что упомянутыя вавилонскія и ханаанскія лица извлечены изъ Библии, тогда какъ они только частію, и то въ нѣкоторыхъ слабыхъ чертахъ, напоминаютъ соименныхъ имъ библейскихъ патриарховъ, а въ цѣломъ не имѣютъ съ ними ни малѣйшаго сходства (2).

Но можетъ-быть Кутами писалъ о Вавилонѣ во время ассирійскаго владычества? Это также невозможно, потому что Кутами пользуется каждымъ случаемъ, чтобъ обнаружить свою ненависть и презрѣніе къ Ассирійцамъ, которыхъ онъ называетъ *жерамика* (3), и хотя ассирійское народонаселеніе принадлежало къ одному племени съ Вавилонянами, но Кутами и знать о томъ не хочетъ. Разсудительный и чрезвычайно осторожный Кутами конечно не позволилъ бы себѣ обнаружить подобную ненависть и отвращеніе къ Ассирійцамъ, еслибъ они были въ его время властителями его отечества.

Или писалъ Кутами во время самостоятельнаго существованія въ Вавилоніи? И этого нѣтъ. Во время Кутами, какъ мы увидимъ, въ Вавилонѣ царствовала не туземная, но *ханаанская* династія. Ханаанское государство въ Вавилонѣ въ древнѣйшія времена исторіи человѣчества, вотъ фактъ, открывающійся намъ изъ критическаго изученія рукописей Лейденской бібліотеки.

Д. Хвольсонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

(1) См. *Journal des Sav.* 1857, мартъ, стр. 147, статья Катрмера, служащая доказательствомъ слабости его въ дѣлѣ исторической критики.

(2) См. *Ssabier* II, стр. 910.

(3) Объ употребленіи этого имени въ отношеніи древнихъ Ассирійцевъ см. *Ssabier* II, стр. 697. прим. 188.

ОБЪ ИЗМѢНЕНІИ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ

СНАБЖЕНІЯ ВОЙСКЪ ВЕЩАМИ¹

III.

Одно изъ важнѣйшихъ затрудненій въ снабженіи арміи представляетъ ея подвижность. Нѣкоторыя части войскъ переходятъ съ одной квартиры на другую. Передвиженіе служитъ главнѣйшею причиною, заставляющею имѣть въ разныхъ пунктахъ государства комиссаріатскія депо или магазины, откуда войска получаютъ нужныя для своего обмундированія вещи. Войска перемѣняютъ мѣсто своего расположенія по соображеніямъ правительства, вслѣдствіе разныхъ причинъ. Въ видахъ экономическихъ, одна и та же мѣстность не должна быть обременяема постояннымъ или слишкомъ продолжительнымъ пребываніемъ войскъ; въ видахъ политическихъ, войска иногда стягиваются болѣе къ той или другой границѣ государства; нѣкоторыя части войскъ перемѣняютъ мѣсто для содержанія карауловъ, для смотровъ, маневровъ и т. п.; наконецъ принимаются въ разчетъ и причины нравственныя, требующія, чтобы войска

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 7.

не приобретали привычекъ осѣдлости, и проч. Изъ всѣхъ этихъ причинъ передвиженія только политическіе виды условливаются непредвидимыми обстоятельствами, и потому имѣютъ характеръ большей или меньшей (но никогда совершенной) неожиданности. Всѣ прочія причины бываютъ извѣстны заблаговременно, и потому заставляютъ войска перемѣнять квартиры или по прошествіи нѣкотораго опредѣленнаго періода, или на болѣе или менѣе короткое время. Періодическія передвиженія совершались у насъ преимущественно чрезъ три года; кратковременныя болѣею частію не превышаютъ двухъ, трехъ, четырехъ мѣсяцевъ. Последнія происходятъ обыкновенно не на очень далекія разстоянія, и съ тѣмъ, чтобы двинутыя войска возвратились въ прежнее мѣсто своего расположенія. Такимъ образомъ можно сказать, что за исключеніемъ обстоятельствъ политическихъ, или, яснѣе, войны, войска могутъ стоять на одномъ мѣстѣ по три года. Конечно намъ могутъ возразить, что положеніе это не совсѣмъ точно; но мы не видимъ препятствій къ тому, чтобъ оно не могло сдѣлаться совершенно точнымъ. Если передвиженіе войскъ служить поводомъ къ содержанію особыхъ обширныхъ комиссаріатскихъ учрежденій для доставленія обмундированія арміи, то уничтоженіе такихъ учрежденій, ведущее за собою весьма значительное сокращеніе издержекъ, не можетъ ли въ свою очередь послужить важнымъ побужденіемъ къ установленію правильнаго, періодическаго перемѣщенія войскъ? Полагаемъ, что отвѣчать нѣтъ—значить отвергать пользу сбереженія государственной казны, что, вмѣстѣ съ производительнымъ употребленіемъ ея, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ администраціи. Съ своей стороны, считая совершенно возможнымъ, чтобы войска, подлежащая передвиженію, оставались на квартирахъ постоянно по крайней мѣрѣ три года, мы полагаемъ такое установленіе въ основаніе дальнѣйшихъ соображеній нашихъ объ усовершенствованіи порядка довольствія войскъ.

Такъ какъ войска не могутъ заготовлять потребныя для своего обмундированія вещи съ такимъ успѣхомъ, какъ высшее центральное учрежденіе, исключительно для того назначенное; то всѣ соображенія о заготовленіи должны быть возложены на комиссаріатскій департаментъ. Предоставленіе заготовленій самимъ войскамъ вредно и въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи. Войска могутъ заготовлять дешево только то, что производится въ мѣстахъ ихъ расположенія; но при

этомъ не устраняется возможность злоупотребленій, весьма пагубно дѣйствующихъ какъ на офицеровъ, такъ и на нижнихъ чиновъ. Всякое справедливое и несправедливое неудовольствіе послѣднихъ отражается на дисциплинѣ, между тѣмъ какъ сохраненіе ея такъ необходимо въ армии. Занятіе торговлею для снабженія войскъ нужными для нихъ вещами отвлекаетъ офицеровъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей и, по выраженію г. Аничкова, можетъ обратить полковую канцелярію въ купеческую контору. Поэтому существованіе особаго центрального управленія, комиссаріатскаго департамента, необходимо. На него должна быть возложена обязанность устраивать заготовленіе потребностей обмундированія.

Способы заготовленія могутъ быть оставлены нынѣ существующіе, за исключеніемъ выдачи войскамъ денегъ вмѣсто вещей, а именно: подрядъ съ торговъ, коммерческой и комиссіонерской способъ. Изъ нихъ, само собою разумѣется, первый предпочитается двумъ остальнымъ.

Торги слѣдуетъ производить въ Москвѣ, какъ центръ русской торговли и промышленности. Хотя заготовители комиссаріатскихъ вещей живутъ въ разныхъ городахъ Россіи; но это обстоятельство не должно быть препятствіемъ къ назначенію торговъ въ одной Москвѣ, а не въ разныхъ мѣстахъ, какъ это дѣлается въ настоящее время. Бѣльшая часть подрядчиковъ ѣздитъ ежегодно въ Москву и С.-Петербургъ, не только по комиссаріатскимъ подрядамъ, но и вообще по торговымъ дѣламъ, такъ какъ ихъ капиталы помѣщаются въ предпріятіяхъ разнаго рода. Всѣ эти подрядчики болѣе или менѣе зависятъ отъ нижегородской ярмарки, и обязаны посѣщать ее сами или посылать туда своихъ повѣренныхъ. Взаимныя сдѣлки между ними по покупкѣ того или другаго предмета ихъ подрядовъ совершаются въ Москвѣ. Самыя цѣны на заготовленія устанавливаются въ Москвѣ и Нижнемъ. Многіе заводы, каковы кожевенные, столь важные въ комиссаріатскомъ довольствіи, находятся въ близкихъ къ нашей старой столицѣ губерніяхъ. Торговля холстомъ и полотнами, другимъ наиболѣе потребляемымъ войсками предметомъ, сосредоточивается въ Нижнемъ-Новгородѣ. Словомъ, къ Москвѣ, какъ къ центру, постоянно стремится промышленный людъ нашъ. Наконецъ, еслибы, по какому-нибудь причинамъ, подрядчикъ не могъ самъ пріѣхать къ торгамъ, заблаговременно объявленнымъ, или прислать повѣреннаго, то запечатанный конвертъ съ объясненіемъ цѣны и

количества вещей; назначаемыхъ подрядчикомъ для своей операціи, можетъ легко замѣнить его и въ отсутствіи. Но производство торговъ въ Москвѣ много выиграло бы отъ присутствія на нихъ лица, управляющаго комиссаріатомъ. Онъ принесъ бы туда всё долженствующія отличать его качества: довѣріе правительства и торговцовъ, силу убѣжденія, основанную на безкорыстномъ стремленіи къ пользамъ казны, и подробное знаніе состоянія промышленности и торговли. Поручать производство торговъ лицу постороннему, не принимающему живаго участія въ успѣхѣ заготовленія, значить удаляться отъ цѣли этого важнаго дѣла. Договоры съ казною, по закону, должны быть хранимы столь твердо, какъ бы они были за собственноручнымъ подписаніемъ императорскаго величества; поэтому и производство торговъ, предшествующее заключенію договоровъ, должно соответствовать святости ихъ. Сверхъ того производство торговъ въ одинъ разъ на всю массу заготовленія сократило бы переписку объ этомъ предметѣ. Подрядчики же могли бы дѣйствовать съ бѣльшимъ удобствомъ: не успѣвъ оставить за собою какую-либо часть заготовленія, они могли бы торговаться на другую, третью и т. д. Такимъ образомъ соревнованію ихъ было бы поприще очень обширное. Намъ могутъ сказать, что стеченіе множества подрядчиковъ въ одномъ мѣстѣ можетъ произвести между ними стачку. Издавна стачки служатъ какимъ-то пугаломъ вообще при производствѣ торговъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ бывають рѣдко и составляютъ исключеніе, а не правило. Подрядчики преимущественно дѣйствуютъ одинъ противъ другаго, а не другъ за друга; чѣмъ ихъ болѣе, тѣмъ меньше между ними согласія, и тѣмъ болѣе соревнованія и зависти. Изъ желанія перебить подрядъ у соперниковъ, торгующіеся чаще зарываются и выпрашиваютъ слишкомъ низкія цѣны, нежели, вслѣдствіе стачки, возвышаютъ ихъ. Примѣромъ могутъ служить торги на откупа, гдѣ обиліе торгующихся мѣшаетъ устройству стачекъ и пораждаеть огромныя наддаци. Но еслибъ и въ самомъ дѣлѣ случилась стачка, неужели въ ней примутъ участіе всё съѣхавшіеся въ Москву подрядчики? Такое согласіе было бы по истинѣ фактомъ безпримѣрнымъ. Неужели въ виду стачки между нѣкоторыми, производящій торги начальникъ комиссаріата не найдетъ средствъ устроить заготовленіе съ выгодною для казны, когда въ Москвѣ соберутся всё или многіе подрядчики, желающіе довольствоваться войска? Было бы странно, еслибы средствъ этихъ не нашлось у него;

такое явленіе показало бы только неслыханную неспособность этого лица и совершенное отсутствіе довѣрія къ нему со стороны подрядчиковъ, то-есть обнаружило бы такія обстоятельства, которыя могли бы быть извѣстны правительству гораздо ранѣе торговъ, а слѣдовательно повлекли бы за собою замѣну этого начальника другимъ болѣе достойнымъ своего назначенія.

Нѣкоторые говорятъ также, что на производство торговъ, по значительному числу войскъ, понадобится много времени, и потому трудно будетъ опредѣлить срокъ продолженія торговъ. Къ чему же искать въ этомъ опредѣлительности? Необходимость послужить мѣрою, точно такъ же, какъ и при производствѣ откупныхъ торговъ.

Для производства торговъ слѣдуетъ назначать всякій разъ временную комиссію изъ управляющаго комиссаріатскимъ департаментомъ, одного члена общаго присутствія этого департамента, двухъ депутатовъ отъ войскъ, расположенныхъ въ Москвѣ, двухъ депутатовъ отъ тамошняго купечества и губернскаго прокурора. Для дѣлопроизводства можно командировать дѣлопроизводителя общаго присутствія департамента. Взаимная независимость этихъ лицъ, присутствіе прокурора, какъ блюстителя законовъ, и военныхъ и купеческихъ представителей, могутъ служить обезпеченіемъ, какъ передъ правительствомъ, такъ и передъ сословіями, до которыхъ дѣло заготовленія касается, что торги будутъ производиться съ надлежащею правильностію.

Желающіе принять участіе въ торгахъ должны имѣть отъ общества, къ которому принадлежатъ, свидѣтельство, удостоверяющее положительнымъ образомъ ихъ благонадежность.

Такъ какъ въ основаніе предлагаемаго нами порядка довольствія войскъ мы положили правило, что они должны оставаться на своихъ квартирахъ въ продолженіе трехлѣтняго срока, то и заготовленіе нужныхъ для нихъ вещей должно быть предоставляемо подрядчикамъ также на три года, а слѣдовательно торги могли бы производиться только одинъ разъ въ теченіи этого срока. Лица, знакомыя съ настоящимъ ходомъ дѣлъ комиссаріата, знаютъ, что цѣны на вещевыя потребности войскъ не подвергаются значительнымъ и частымъ измѣненіямъ. Ихъ не измѣнили даже важныя военныя обстоятельства послѣдняго времени. Поэтому нельзя сказать, что предоставленіе подрядовъ на три года, вмѣсто одного, какъ теперь, можетъ заставить

казну платить за вещи дороже, чѣмъ слѣдуетъ. Напротивъ, по нашему мнѣнію, скорѣе можетъ произойти пониженіе, чѣмъ повышеніе цѣнъ. Чѣмъ обширнѣе будутъ подряды, тѣмъ удобнѣе будетъ заготовителямъ находить вещи по цѣнамъ дешевымъ. Чѣмъ продолжительнѣе срокъ подрядовъ, тѣмъ больше будутъ собственные запасы подрядчиковъ, и слѣдовательно тѣмъ легче имъ принимать на себя поставки. Не забудемъ, что заготовленія производились бы съ торговъ; стало-быть при общемъ соревнованіи подрядчиковъ всегда можно достигнуть цѣны, ближайшей къ дѣйствительности. Въ административномъ же отношеніи обезпеченіе довольствія войскъ на продолжительное время представляетъ значительныя удобства. Личный составъ департамента уменьшится; переписка о заготовленіи убавится: такъ какъ то, что дѣлается теперь въ департаментѣ и двѣнадцати (1) комиссіяхъ каждый годъ, дѣлалось бы одною временною комиссіею и департаментомъ одинъ разъ въ три года. Теперь распоряженія о заготовленіи производятся вдали отъ центральной власти, и потому если и не совершается никакихъ по этому случаю злоупотребленій, то она, оставаясь въ совершенномъ невѣдѣніи о степени участія въ этомъ важномъ дѣлѣ подчиненныхъ мѣстъ и заботливости ихъ о пользѣ казны, постоянно сохраняетъ на этотъ счетъ сомнѣніе. Отсюда происходитъ переписка, рѣдко приносящая полезные плоды, помощію которой главное начальство комиссаріата желаетъ направить, по крайней мѣрѣ на будущее время, дѣйствія управляющихъ комиссіями къ непремѣнному устройству выгодныхъ для казны подрядовъ, тогда какъ такое побужденіе, можетъ-быть, вовсе не нужно. Отсюда множество циркуляровъ, предписаній, подтвержденій, которые влекутъ за собою неудовольствіе начальства на подчиненныхъ, иногда совершенно незаслуженное, и стало-быть поставляютъ ихъ въ непріятное и непріязненное положеніе другъ къ другу, часто отражающееся на всѣхъ дальнѣйшихъ взаимныхъ отношеніяхъ ихъ по службѣ. Безуспѣшность торговъ, по неизвѣстности причинъ ея, почти всегда возбуждаетъ сомнѣніе въ правильности и добросовѣстности дѣйствій комиссіи. То виноватъ управляющій, то смотритель магазиновъ, то сортовые смотрители; такъ какъ начальство по-

(1) Двѣ комиссіи: тамбовская и симбирская не довольствуютъ войскъ, а учреждены для приѣма суконъ отъ фабрикантовъ и отправки ихъ въ другія комиссіи.

стоянно остается въ томъ убѣжденіи, что хорошая коммиссія всегда должна имѣть подрядчиковъ, охотно вступающихъ съ нею въ дѣла. Какъ бы то ни было, но слѣдствіемъ безуспѣшности мѣстныхъ торговъ бываетъ многократное повтореніе ихъ какъ въ мѣстахъ подвѣдомственныхъ, такъ и въ департаментѣ; отсюда проволочка времени, опять переписка, иногда возвышеніе цѣнъ отъ потери времени. Случается, что центральное начальство, не полагаясь на подчиненныхъ и увлекаясь желаніемъ непременно устроить подрядъ, само принимается отыскивать подрядчиковъ, убѣждать ихъ; они соглашаются, берутъ поставку, и надѣясь на покровительство старшихъ, становятся въ непріязненное отношеніе къ приемщикамъ. Отсюда или официальные споры и тайныя кляузы, или закулисныя сдѣлки для прекращенія тѣхъ и другихъ. Иногда такимъ образомъ вовлекаются подрядчики неопытные, небогатые, оказывающіеся въ послѣдствіи неблагонадежными, и въ этомъ случаѣ винить тѣхъ, кто заманилъ ихъ въ подрядъ, невозможно: все это произошло отъ усерднаго желанія парализовать казавшіяся неблагопріятными дѣйствія подчиненныхъ. По нашему мнѣнію, установленіе торговъ одинъ разъ въ три года, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ центральной власти комиссаріата и представителей интересовъ, замѣшанныхъ въ дѣло, уничтожить и напрасную продолжительность процесса торговъ, и обширную переписку, и шаткость въ дѣйствіяхъ управленія.

Основаніемъ плана заготовленія, который до торговъ представляется на утвержденіе военнаго совѣта, должны служить свѣдѣнія комиссаріата о цѣнахъ на предметы заготовленія, мѣста расположенія и численность войскъ.

Въ настоящее время комиссаріатскій департаментъ, по закону, обязанъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о состояніи торговли и промышленности въ отношеніи къ предметамъ обмундированія. Свѣдѣнія эти получаютъ: отъ управляющихъ коммиссіями, а имъ доставляются большею частію самими же подрядчиками, занимающимися поставкою вещей въ комиссаріатъ; отъ городскихъ и исправниковъ, которыхъ авторитетъ въ статистикѣ достаточно оцѣненъ и въ литературѣ и въ обществѣ; отъ лицъ, пользующихся личнымъ довѣріемъ начальства: а степень этого довѣрія измѣняется всѣми возможными случайностями. Собранныя такими путями свѣдѣнія очевидно не могутъ имѣть большой практической важности. Однако никто не сомнѣвается, что вѣрныя статистическія данныя необходимы во всякомъ

правильномъ хозяйствѣ. Доставленіе ихъ военному министерству могло бы быть возложено съ существенною пользою на особыхъ чиновниковъ, своимъ образованіемъ и дѣятельностью достаточно приготовленныхъ къ пониманію и исполненію такой обязанности. Необходимо, чтобъ они не были похожи на ничего-не-дѣлающихъ чиновниковъ особыхъ порученій, городничихъ, исправниковъ и разныхъ «довѣренныхъ». Можно бы избрать нѣсколько пунктовъ, числомъ отъ десяти до пятнадцати, гдѣ должны были бы находиться упомянутые особые чиновники; каждый изъ нихъ былъ бы обязанъ собирать статистическія свѣдѣнія о предметахъ подрядовъ министерства. Они должны жить въ этихъ округахъ постоянно, потому что изучить край можно только въ теченіи продолжительнаго времени посредствомъ близкаго знакомства съ его средствами и людьми, его населяющими. Частые разѣзды, обзорѣніе заводовъ, фабрикъ, селеній, безпрестанное обращеніе съ промышленными и торговыми людьми, помѣщиками и крестьянами, какъ производителей предметовъ, потребляемыхъ арміею, повели бы этихъ чиновниковъ къ весьма подробнымъ изслѣдованіямъ. Польза подобнаго изученія еще недавно была доказана блестящимъ опытомъ, сдѣланнымъ, по желанію купечества, нашимъ географическимъ обществомъ, поручившимъ г. Аксакову составленіе описанія украинскихъ ярмарокъ. Если собраніе статистическихъ свѣдѣній возложить на свѣдущихъ, любящихъ это дѣло людей, не на такихъ, конечно, которые готовы занять всякое мѣсто лишь бы какъ-нибудь пристроиться на службѣ, то въ теченіи весьма недолгаго времени мы увидѣли бы неимовѣрные успѣхи нашей официальной статистики. Труды офицеровъ генеральнаго штаба отчасти подтверждаютъ наше положеніе. Министерство внутреннихъ дѣлъ уже обогатилось многими свѣдѣніями, вслѣдствіе временныхъ посылокъ своихъ чиновниковъ для изученія различныхъ мѣстностей. Какихъ же результатовъ можно ожидать отъ постояннаго пребыванія десяти или пятнадцати дѣльныхъ людей въ торговыхъ и промышленныхъ округахъ нашего отечества! Конечно выиграло бы не одно военное министерство, а вся Россія; эти люди наполнили бы своими трудами не одни официальные архивы, а послужили бы наукѣ о торговлѣ, промыслахъ и бытѣ русскаго народа. Администрація же комиссаріата въ доставленныхъ такими чиновниками свѣдѣніяхъ нашла бы твердое основаніе для назначенія секретныхъ цѣнъ, выше которыхъ не должны утверждаться заготов-

ленія для войскъ. Занятія этихъ десяти-пятнадцати собирателей были бы несравненно продуктивнѣе занятій тридцати четырехъ чиновниковъ, состоящихъ теперь въ комиссаріатскомъ департаментѣ для исполненія порученій, — чиновниковъ, посылаемыхъ для развозки денегъ по комиссіямъ, для наблюденія за дѣйствіями другихъ чиновниковъ, для открытія и изслѣдованія злоупотребленій, всегда и всюду однихъ злоупотребленій. Расходъ на жалованье и разъѣзды этихъ десяти-пятнадцати чиновниковъ по всей вѣроятности не превысилъ бы употребляемаго теперь на содержаніе и посылку состоящихъ въ комиссаріатскомъ департаментѣ чиновниковъ для порученій, и безъ сомнѣнія былъ бы менѣе издержки, нужной на всѣхъ числящихся и не числящихся въ штатѣ его чиновниковъ для порученій. Считаемо нужнымъ прибавить, что жалованье и разъѣздныя деньги собирателямъ статистическихъ свѣдѣній слѣдуетъ производить щедрою рукою, а не по чинамъ, какъ это дѣлается въ настоящее время.

Этимъ же предполагаемымъ нами чиновникамъ можно бы поручать инспектированіе комиссаріатской части въ войскахъ, расположенныхъ въ районѣ статистическихъ изслѣдованій; что было бы очень удобно при частыхъ разъѣздахъ чиновниковъ и полезно для наблюденія за правильнымъ веденіемъ войсковаго хозяйства. Последнее было бы всегда готово ко внезапному осмотру.

Мѣста расположенія войскъ заранѣе опредѣляются по соображеніямъ генеральнаго штаба, и росписаніе квартиръ постоянно сообщается комиссаріату. Все это могло бы происходить тѣмъ же порядкомъ и на будущее время, съ тѣмъ только различіемъ, что росписаніе составлялось бы одинъ разъ въ три года; нѣкоторыя же измѣненія его могли бы быть вынуждаемы временно только *дѣйствительно вынужденными обстоятельствами.*

Количество вещей, потребныхъ къ заготовленію, должно, какъ и теперь, опредѣляться по числу войскъ. Но теперь принимается за основаніе наличное число войскъ; мы же думаемъ, что его могло бы замѣнить штатное число ихъ. Теперь всякая часть войскъ представляетъ въ комиссаріатѣ требованіе вещей и денегъ слѣдующихъ на обмундированіе подъ отвѣтственностью требователя. Присылаемые по этому случаю огромныя вѣдомости повѣряются или должны повѣряться комиссаріатомъ. Въ какой степени опредѣлительна и отчетлива

эта повѣрка, извѣстно всѣмъ, кто знаетъ число войскъ нашихъ и самыя средства повѣрки. Не вдаваясь въ скучныя и совершенно не нужныя для чьего-либо убѣжденія подробности, скажемъ только, что тѣ, которые подписываютъ ассигновки вещей и денегъ, рѣдко могутъ прочесть и подробно разобрать вѣдомости, а потому полагаются на столоначальниковъ, бухгалтеровъ и писарей, долженствующихъ производить повѣрку. Не думаемъ, чтобы какому-нибудь специалисту пришло въ голову опровергать наше утверженіе. Мы спѣшимъ однако оправдать повѣряющихъ тѣмъ, что тяжелое бремя утомительныхъ занятій каждаго изъ дѣлопроизводителей ведетъ къ тому, что ни одному изъ занятій не можетъ быть посвящено столько времени, сколько нужно. Одинъ трудъ погоняетъ другой; чиновники просиживаютъ дни, часто вечера, а иногда и ночи за составленіемъ разныхъ исчисленій; коммиссіи получаютъ выговоры за несвоевременное доставленіе ожидаемыхъ отъ нихъ донесеній, и когда всѣ они бываютъ присланы въ департаментъ, то онъ спѣшитъ дѣлать свое дѣло, уже не имѣя времени, необходимаго для подробнаго разсмотрѣнія громадныхъ вѣдомостей. Результатомъ такихъ работъ бываетъ напрасный расходъ бумаги, не говоря о тратѣ времени и о прочемъ. А зачеты перепущеннаго, допуски недоданнаго, отпуска примѣрные, споры полковъ съ коммиссіями, объясненія начальниковъ дивизій и штабовъ съ департаментомъ, сношенія корпусныхъ командировъ и даже главнокомандующихъ съ министромъ о разныхъ *доляхъ* общей потребности войсковаго довольствія, что это? ужели доказательство удобства системы снабженія по наличному числу войскъ? Нѣтъ, мы совершенно убѣждены, добросовѣстные специалисты согласятся съ нами, что отпускъ вещей и денегъ на штатное число войскъ, по положеніямъ, приведеннымъ въ однообразіе и ясность, послужилъ бы въ великую пользу администратціи, не обидѣлъ бы войскъ и не обременилъ бы казны напрасными расходами. Вѣрная справка въ инспекторскомъ департаментѣ военнаго министерства объ отношеніи лишнихъ и не достающихъ до комплекта людей въ войскахъ въ теченіи какого-либо періода времени могла бы указать, кто будетъ въ выигрышѣ: казна или войска? Если казна, то для вознагражденія войскъ можно было бы увеличить отпускъ противъ нынѣшнихъ штатовъ и положеній; если же войска то имъ можно было бы прекратить выдачу какихъ-либо денегъ, назначенныхъ по существующимъ теперь постановленіямъ. Во всякомъ слу-

чаѣ измѣненіе, произведенное на основаніи принимаемаго нами принципа, не увеличивая расходовъ казны, было бы улучшеніемъ въ томъ отношеніи, что сократилась бы администрація, отчетность, переписка, и огромное число чиновниковъ, офицеровъ и писарей перестали бы тратить время; теперь непроизводительно употребляемое ими на исчисленія, вѣдомости, табели и проч. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія, приведемъ слова г. Аничкова: «Кто изъ насъ не приходилъ въ отчаяніе отъ нашихъ табелей, книгъ о мундирной и аммуниціонной суммѣ, а еще наша отчетность блѣднѣетъ передъ громадною *paperasserie* французскихъ полковыхъ отчетовъ, въ которыхъ ведется формуляръ каждому киверу, каждой сумѣ. И можно ли судить по всѣмъ этимъ табелямъ о дѣйствительномъ состояніи вещей въ полку? Значится, на примѣръ, въ табели, что въ полку состоитъ 263 каски, срокомъ съ 1851 года, 72 каски съ 1852, 27 съ 1853 года, 127 съ 1854 и т. д., между тѣмъ все это только на бумагѣ, касокъ съ 1851 года давнымъ-давно уже нѣтъ, полковой командиръ купилъ уже вмѣсто нихъ новыя, насчетъ остатковъ отъ другихъ статей полковаго хозяйства. Вотъ къ какому результату пришла отчетность по довольствію войскъ на основаніи правилъ о наличномъ числѣ войскъ, о зачетахъ, о срокахъ, до того точная и требовательная, что даже писарскія ошибки не принимаются въ оправданіе!

Торги должны производиться на каждый разрядъ вещей порознь для каждой отдѣльной части.

Заготовленіе вещей слѣдуетъ предоставлять подрядчикамъ съ доставкою въ мѣста расположенія войскъ, назначенныя по росписанію и объявляемыя при торгахъ, и со сдачею отъ себя воинскимъ пріемщикамъ.

Такъ просто обезпечивалось бы довольствіе арміи подрядчиками, исправно выполняющими принятыя ими на себя обязательства. Съ неисправными комиссаріатъ поступалъ бы, какъ указано въ нашихъ законахъ. При этомъ, по полученіи свѣдѣній отъ полковъ о недоставленіи вещей въ срокъ, онъ могъ бы предварительно удостовѣряться посредствомъ начальства того мѣста, гдѣ живетъ подрядчикъ, заготовлены ли имъ подряженныя у него вещи и когда будутъ доставлены на мѣсто; такъ какъ неисправность подрядчика можетъ иногда быть только замедленіемъ, происходящимъ отъ причинъ, независящихъ отъ поставщика и предусмотрѣнныхъ закономъ. Если удостовѣреніе подтвердить заботливость подрядчика, то онъ

подвергнется только определенной по договору неустойкѣ; если же нѣтъ, то комиссаріатъ немедленно предложитъ извѣстнымъ ему подрядчикамъ принять на себя поставку, вмѣсто неисправнаго, на условіяхъ послѣдняго. При согласіи ихъ комиссаріатъ заключитъ съ ними договоръ на общихъ правилахъ, а при несогласіи можетъ, если время терпитъ, назначить торги въ кратчайшій срокъ, или, если заготовленіе неотлагаемо, поручитъ производство заготовленія чиновнику департамента коммерческимъ или комиссіонерскимъ способомъ, насчетъ залоговъ неисправнаго подрядчика или суммъ, слѣдующихъ ему въ уплату.

Безъ сомнѣнія, защитники довольствія войскъ посредствомъ комиссаріатскихъ комиссій не преминутъ указать на то, что назовутъ они важнымъ недостаткомъ предлагаемаго нами способа непосредственнаго довольствія арміи подрядчиками. Войска останутся безъ вещей, скажутъ они. Возраженіе это, однако, болѣе кажется страшнымъ, чѣмъ оно страшно на самомъ дѣлѣ. Впервыхъ войска никогда не донашиваютъ своего обмундированія донельзя; слѣдовательно нѣкоторое замедленіе въ отпускъ вещей не произведетъ разстройства въ полковомъ хозяйствѣ. Ввторыхъ значительныя неисправности подрядчиковъ, сколько извѣстно, случаются рѣдко въ комиссаріатѣ. Большею частію подрядчики выполняютъ свои обязательства съ точностью весьма строгою. Стало-быть, нельзя ожидать, чтобы дѣйствія ихъ измѣнились къ худшему, тогда какъ они будутъ избавлены отъ напраснаго расхода, вынуждаемаго у нихъ теперь накладкою. Втретьихъ если будутъ установлены трехлѣтніе подряды, то у cadaго подрядчика, располагающаго вѣсти продолжительныя дѣла съ комиссаріатомъ, будутъ постоянныя запасы, и потому нетрудно найти желающаго вмѣсто неисправнаго. Вчетвертыхъ, въ самыхъ полкахъ, какъ мы будемъ говорить ниже, могутъ содержаться вещевыя запасы, что конечно пособитъ въ случаѣ неисправности текущаго довольствія. Наконецъ неужели при настоящей системѣ не случается никогда замедленія въ снабженіи войскъ? Если она такъ хорошо обезпечиваетъ довольствіе ихъ, то отчего же происходитъ нерѣдко перевозка вещей изъ одной комиссій въ другую, что ведетъ къ лишнимъ расходамъ, конечно не включаемымъ въ счетъ заготовленія вещей, но очень тяжелымъ для казны? Отчего же ведется переписка о недопускахъ, о которыхъ даже посылаются телеграфическія депеши? Отчего иногда

вещи пересылаются даже по почтѣ? Кажется, обстоятельства эти не доказываютъ непогрѣшительности существующей теперь системы, не облегчаютъ обезпеченія войскъ ихъ потребностями и не удешевляютъ самаго заготовленія. Между тѣмъ администрація всегда будетъ имѣть въ своихъ рукахъ весьма сильное оружіе противъ подрядчиковъ: строго налагаемое денежное взысканіе за неисправность и законно определяемое имъ запрещеніе вступать въ подряды по военному министерству. Для убѣжденія, какъ мало случается существенныхъ неисправностей со стороны подрядчиковъ комиссаріата, просимъ справиться, многіе ли изъ нихъ были подвергнуты этому послѣднему наказанію: такихъ почти нѣтъ, и конечно это обстоятельство не можетъ усилить опасенія, что войска останутся безъ вещей.

Пріемъ вещей въ полкахъ долженъ быть возложенъ на полковой совѣтъ, учрежденіе котораго мы считаемъ необходимымъ. Онъ долженъ состоять изъ полковаго командира и небольшого числа офицеровъ.

Лица, составляющія полковой совѣтъ, казначей и квартирмейстеръ, должны быть избираемы всѣми наличными штабъ-и оберъ-офицерами полка посредствомъ секретной баллотировки. Мѣру эту мы считаемъ весьма важнымъ и полезнымъ измѣненіемъ нынѣ существующаго порядка избранія казначеевъ и квартирмейстеровъ. По закону въ эти должности производится избраніе наличными офицерами, но не тайною подачею голосовъ. Потому этотъ порядокъ составляетъ болѣе обрядъ, чѣмъ дѣйствительно полезное дѣло. Нерѣдко избирается не тотъ, кого хочетъ полкъ, а кого желаетъ командиръ. Да и можетъ ли быть иначе? Съ одной стороны полковой командиръ есть хозяинъ полка, строго отвѣчающій за его состояніе своею честью, службою и состояніемъ, а съ другой онъ — начальникъ офицеровъ, которые могутъ избавиться отъ отвѣтственности, если онъ того захочетъ. При такихъ отношеніяхъ, могутъ ли офицеры, его подчиненные, вопли отъ него зависящіе въ своей служебной карьерѣ, знающіе отвѣтственность его и убѣжденные, что онъ не допуститъ ихъ до взысканія за хозяйственные беспорядки ввѣренной ему части, не только выбрать кого-нибудь въ упомянутыя должности вопреки его желанію, но высказать малѣйшее противорѣчіе? И по совѣсти, и по своему служебному положенію, они не могутъ выразить мнѣнія, не пріятнаго командиру. Много нужно смѣлости, чтобы подчи-

ненный офицеръ, только изъ уваженія къ буквѣ закона, не ведущаго его ни къ какой положительной отвѣтственности, отважился подвергнуть себя гнѣву или гоненію начальника. Само собою разумѣется, лучше обречь постановленіе безвредной дремотѣ, чѣмъ вызвать его къ тягостной дѣятельности. Не то должно быть, если каждый офицеръ, въ отсутствіи полковаго командира, будетъ опускать въ ящикъ свой шаръ въ пользу того изъ товарищей, кого желаетъ видѣть въ той или другой должности. Что можетъ тогда побудить къ лицепріятію? За выборъ членовъ полковаго совѣта, казначея и квартирмейстера, офицеры будутъ отвѣчать передъ закономъ и своею совѣстью, вещественно и нравственно; въ мнѣніи или вниманіи своего командира они ничего не выиграютъ неправильностію выбора изъ желанія угодить ему; правильностію же выбора поддерживать честь полка, чтó составляетъ *point d'honneur* всякаго офицера, и оградятъ себя отъ отвѣтственности. Мы думаемъ, что секретная баллотировка поведетъ къ тому, что нравственность каждаго избраннаго будетъ соответствовать нравственности общества офицеровъ, тогда какъ теперь она соответствуетъ нравственности одного полковаго командира.

Всѣ хозяйственныя распоряженія въ полку должны исходить изъ полковаго совѣта, председателемъ котораго былъ бы полковой командиръ. Распоряженія эти должны только въ необходимыхъ случаяхъ объявляться письменно; вообще же всѣ приказанія должны отдаваться на словахъ. Еслибы полковой командиръ не былъ согласенъ съ распоряженіемъ совѣта, то можетъ дать ему письменное предложеніе; если за тѣмъ совѣтъ останется при своемъ мнѣніи, а полковой командиръ сочтетъ нужнымъ привести свою волю въ исполненіе, то имѣетъ на то право; но совѣтъ, несогласный съ его мнѣніемъ, можетъ составить журналъ съ подробнымъ объясненіемъ обстоятельствъ дѣла. Отвѣтственность за распоряженіе полковаго командира, приведенное такимъ образомъ въ дѣйствіе, должна падать на него самого; за всѣ же распоряженія, оставшіяся безъ письменныхъ предложеній полковаго командира и журналовъ совѣта, и тотъ и другой отвѣчаютъ одинаково, съ тою разницею, что первый отвѣчаетъ только самъ за себя, а за совѣтъ, при денежной несостоятельности, членовъ его, должны отвѣчать и всѣ избравшіе его офицеры. На журналы совѣта и письменныя предложенія полковаго командира должно быть обращено вниманіе при инспекторскихъ смотрахъ, на которыхъ ни тѣ, ни другіе, по взаимному разно-

гласію и по сопряженной съ ними отвѣтственности, не могутъ остаться скрытыми.

Мы полагаемъ, что совѣтъ полка, учрежденный на такихъ главныхъ основаніяхъ, будетъ вполнѣ соответствовать своей цѣли: обезпеченію и правильному употребленію казенной собственности.

Вещи, по доставленіи въ полкъ подрядчикомъ или его повѣреннымъ, принимаются полковымъ совѣтомъ, въ присутствіи полковаго командира и казначея, по большинству голосовъ, согласно съ утвержденными образцами, періодически рассылаемыми въ войска изъ комиссаріатскаго департамента; записываются въ приходъ и расходуются по назначеніямъ полковаго совѣта, съ ограниченіями, какія указаны отчасти выше, и какія могутъ быть признаны необходимыми при дальнѣйшемъ развитіи и практическомъ примѣненіи предложенныхъ нами началъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что отчетность въ полкахъ должна быть упрощена до крайней степени, къ чему уже значительно послужить отпускъ вещей и аммуничныхъ и ремонтныхъ денегъ не по наличному, а по штатному числу людей. Мы не можемъ распространяться объ этомъ предметѣ, какъ по тому, что по своей обширности онъ требуетъ особаго изслѣдованія, такъ и по тому, что онъ зависитъ отъ той или другой системы обмундированія, тогда какъ мы говоримъ только о способахъ заготовленія вещей и снабженія ими войскъ. Точно также необходимо, чтобы расходы полка были точно опредѣлены штатами; полки избѣгли бы необходимости удовлетворять нѣкоторыя надобности свои ограниченіями другихъ, не менѣе необходимыхъ, расходовъ.

Еслибы, по доставленіи вещей въ полкъ подрядчикомъ, часть ихъ была забракована большинствомъ голосовъ, то совѣтъ объявляетъ о томъ подрядчику. Въ случаѣ согласія его, забракованныя вещи переменяются имъ тотчасъ. При несогласіи образцы вещей представляются начальнику дивизіи, который предписываетъ полку или принять вещи, если онѣ признаны имъ годными, или въ противномъ случаѣ потребовать отъ подрядчика перемѣны ихъ. Если подрядчикъ и послѣ того не согласится доставить новыя вещи вмѣсто забракованныхъ, то образцы послѣднихъ посылаются полковымъ командиромъ въ комиссаріатскій департаментъ, который разсматриваетъ ихъ и постановляетъ окончательное рѣшеніе своею властію. Если департаментъ признаетъ вещи годными, то предписываетъ

полку принять ихъ; если же забракуеть ихъ, то объявляетъ о томъ подрядчику, который этимъ самымъ обязывается доставить полку новыя вещи безпрекословно. Но такъ какъ подрядчикъ можетъ найти такое рѣшеніе департамента также несправедливымъ, то можетъ обратиться съ жалобой въ судебное мѣсто, и дѣло разсматривается судебнымъ порядкомъ. Прибавимъ кстати, что тѣмъ же порядкомъ полезно было бы разсматривать и всѣ исковыя претензіи подрядчиковъ на казну и обратно.

Намъ могутъ сказать, что по несовершенству образованія нашихъ судовъ, дѣла по браковкѣ и взысканію подвергнутъ значительной проволочкѣ. Мы согласны, что это неудобство будетъ ощутительно, и потому допустили разсмотрѣніе спора между полкомъ и подрядчикомъ сперва административнымъ порядкомъ, который можетъ положить конецъ разногласію. Но въ свою очередь мы спросимъ: сколько времени тянутся иныя дѣла по такимъ же претензіямъ при настоящей системѣ военнo-хозяйственнаго управления? Не многіе ли годы продолжаются дѣла эти, переходя изъ комиссаріатскаго департамента въ подвѣдомственныя мѣста, начиная отъ уѣздныхъ судовъ и магистратовъ и кончая сенатомъ и военнымъ совѣтомъ? Если справедливо то, что рѣшеніе суда лучше разсмотрѣнія административнаго; если принципъ этотъ вѣренъ, то можно ли останавливаться передъ какими-нибудь неудобствами, которыя обнаружатся при его примѣненіи къ дѣлу, тогда какъ неудобства истекають не отъ непримѣнимости принципа, а отъ того только, что государство еще не выработаловсѣхъ средствъ къ правильному и безпрепятственному удовлетворенію важнѣйшихъ интересовъ? Временныя неудобства эти связаны не съ сущностью принципа, а составляютъ постороннія для него обстоятельства, которыя могутъ быть и не быть, между тѣмъ какъ самый принципъ будетъ существовать всегда. Достигнетъ судопроизводство наше большей степени совершенства признаніемъ для себя другихъ соотвѣтствующихъ цѣли своей началъ, и ходъ всѣхъ тяжebныхъ дѣлъ, частныхъ и казенныхъ, отъ того выиграетъ. Тогда и разсмотрѣніе исковъ, которыхъ проволочки можно теперъ опасаться, будетъ совершаться скоро и правильно, безъ лишннихъ формальностей. Неудобства, о которыхъ мы говоримъ, должны не останавливать введеніе мѣръ, основанныхъ на вѣрныхъ началахъ, а побуждать къ усовершенствованію частей, причиняющихъ неудобства. Если преобразуя ка-

кую-нибудь отрасль управленія, мы увидимъ, что другая связанная съ нею часть мѣшаетъ нашему нововведенію, не будемъ страшиться такой неудачи; дойдетъ очередь до усовершенствованія этой части, и она перестанетъ мѣшать нашему преобразованію. Сдѣлать все вдругъ, однимъ разомъ, невозможно; но идя по пути улучшеній шагъ за шагомъ, безостановочно, будемъ заботиться прежде всего о правильности принимаемыхъ нами началъ и подмѣчать то, что препятствуетъ ихъ естественному развитію.

Впрочемъ, имѣя въ виду указанное неудобство при введеніи разбора претензій и исковъ въ судебныхъ мѣстахъ, можно на первый разъ допустить, чтобы дѣла эти, прежде приведенія рѣшенія судовъ въ окончательное исполненіе, предварительно разсматривались комиссаріатскимъ департаментомъ, съ тѣмъ чтобы при несогласіи его съ постановленнымъ рѣшеніемъ, они поступали въ высшую судебную инстанцію. Хотя это было бы отчасти усложненіемъ предлагаемой нами системы, но за то департаментъ, не обремененный дѣлопроизводствомъ, какъ наши суды, могъ бы слѣдить за положеніемъ дѣлъ и побуждать своимъ настояніемъ къ болѣе скорому рѣшенію дѣлъ въ судебныхъ инстанціяхъ. Впрочемъ всѣ эти хитросплетенія окажутся совершенно лишними, если мы пойдемъ неуклонно къ дѣйствительному усовершенствованію нашего судоустройства. Чѣмъ болѣе будемъ мы вникать во внутреннюю жизнь нашего отечества, тѣмъ болѣе станемъ убѣждаться въ необходимости этого усовершенствованія.

Само собою разумѣется, что въ случаѣ оправданія подрядчика, взысканіе убытковъ его и расходовъ на дѣлопроизводство должно относиться насчетъ лицъ виновныхъ въ неправильной забраковкѣ вещей и распредѣляться на всѣхъ, кто разсматривалъ вещи. При виновности же подрядчика, онъ подвергается взысканію судебныхъ издержекъ, неустойки, если въ довольствіи войскъ произошло замедленіе, и убытковъ казны, если она потерпѣла ихъ при новомъ заготовленіи по неисправности подрядчика. Мы полагаемъ, что такая мѣра можетъ предупредить неправильныя претензіи съ обѣихъ сторонъ.

На такихъ началахъ, простыхъ, избавляющихъ администрацію отъ огромной переписки и казну отъ большихъ расходовъ на содержаніе чиновниковъ и зданій, полагаемъ мы, можетъ быть устроено вещевое довольствіе войскъ.

А накладка? спросятъ насъ. Уничтожится ли она при новомъ способѣ? Она потеряетъ единственное оправданіе свое, почерпаемое ею въ значеніи страховой преміи. Коммиссаріатская администрація не будетъ хранить вещей, не будетъ отвѣчать за цѣлость и доброкачественность ихъ и совершенно устранился отъ приѣма вещей; слѣдовательно накладка утратитъ всякую возможность существованія въ коммиссаріатѣ. Нельзя не согласиться, что это важный шагъ впередъ. Между тѣмъ число чиновниковъ департамента можетъ сократиться по крайней мѣрѣ на одну треть; подвѣдомственные департаменту коммиссіи упраздняются совершенно, а съ тѣмъ вмѣстѣ не будетъ надобности содержать, по меньшей мѣрѣ, отъ 700 до 800 чиновниковъ; предметы занятій департамента уменьшатся во столько разъ, во сколько теперь они увеличиваются сложностью и отвѣтственностью управленія; слѣдовательно управляющій департаментомъ и его начальники отдѣленій получатъ возможность дѣйствительно *разсматривать дѣла*, не ограниваясь однимъ чтеніемъ и подписываніемъ бумагъ. Не говоря о томъ, что при меньшемъ числѣ чиновниковъ представится возможность назначить имъ *вполнѣ достаточное* содержаніе, а стало-быть находить людей, совершенно соотвѣтствующихъ требованіямъ службы; самыя занятія перестанутъ быть обременительными, вѣчно спѣшными, мало обдуманными. Съ уменьшеніемъ занятій и при возможности коротко познакомиться съ личностью каждаго чиновника, можно будетъ начальнику слѣдить за ихъ работами, а съ тѣмъ вмѣстѣ устранилось исключительное вѣрованіе въ нѣкоторыхъ избранныхъ, исчезнетъ взаимное приглядыванье другъ за другомъ. При упрощеніи дѣлопроизводства и системы управленія, исчезъ бы всякій поводъ къ злоупотребленію, а еслибъ и возникъ какой-нибудь, то умному и добросовѣстному начальнику было бы легко его замѣтить. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно устранилось всякое вліяніе на дѣлопроизводство со стороны писарей, теперь такъ много принимающихъ въ немъ участія въ ущербъ пользамъ службы.

Накладкѣ могло бы еще, и при предлагаемыхъ нами измѣненіяхъ въ системѣ вещеваго довольствія, остаться мѣсто въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ, гдѣ она существуетъ и теперь. Повидимому, и г. Аничковъ, ясно, хотя и въ немногихъ словахъ высказывающій предпочтеніе непосредственной сдачи вещей прямо въ войска самими подрядчиками, не надѣется на

совершенное искорененіе накладки. При всемъ нежеланіи нашемъ выказать ни на чемъ неоснованный оптимизмъ, не обнаружимъ и чрезмѣрнаго пессимизма. Мы ожидаемъ, что офицеры, принимающіе всегда къ сердцу честь полковъ своихъ, будутъ въ состояніи, при помощи секретной баллотировки; избирать членовъ полковаго совѣта и казначеевъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ своему назначенію и достойныхъ избранія. Офицеры не будутъ бояться выбирать въ должности по своему усмотрѣнію, а не въ угоду начальнику. Неправильный выборъ не принесетъ имъ никакой выгоды, будетъ угрожать отвѣтственностью въ случаѣ открытія злоупотребленій, и уронитъ честь полка. Инспекторы войскъ не будутъ побуждаемы къ снисходительности личными отношеніями къ полковымъ командирамъ и не будутъ имѣть повода прощать неисправности, такъ какъ онѣ происходили бы не отъ дѣйствій начальника полка, а отъ дурнаго выбора офицеровъ въ должности членовъ полковаго совѣта и казначеевъ. Сами офицеры не будутъ побуждаемы уклоняться отъ избранія опасеніемъ сдѣлаться орудіемъ начальниковъ или нежеланіемъ входить въ сдѣлки съ комиссіями при приѣмѣ вещей. Напротивъ, они будутъ гордиться нелицепріятнымъ избраніемъ, такъ какъ ихъ товарищи будутъ ввѣрять имъ храненіе чести полка. Злоупотребленія, прикрываемыя теперь передъ администраціею и общественнымъ мнѣніемъ дурною молвою о комиссаріатѣ, падутъ всею своею тяжестью на войска, если сами офицеры не постараются истребить злоупотребленія посредствомъ добросовѣстныхъ выборовъ. Когда не будетъ комиссаріата, ссылаться на него для оправданія полка станетъ невозможнымъ; приѣмъ всякой дурной вещи, найденной въ полку, будетъ отнесенъ къ винѣ его должностныхъ лицъ, безъ возможности оправдаться вынужденіемъ комиссаріата къ неправомерности и снисходительности. Самъ полкъ, въ лицѣ своихъ должностныхъ офицеровъ, за которыми будетъ стоять цѣлое общество избравшихъ ихъ сослуживцевъ, точно такъ же какъ въ лицѣ полковаго командира, могущаго письменно протестовать въ случаѣ неправомерности распоряженій совѣта и вопреки членамъ послѣдняго привести въ исполненіе свою волю подъ личную отвѣтственность, при возможности протеста и со стороны этихъ же чиновъ совѣта, будетъ единственнымъ виновникомъ и передъ закономъ и передъ общественнымъ мнѣніемъ. Во всякомъ случаѣ въ выборѣ должностныхъ лицъ будетъ выражаться нравственная сторона полка, и о ней можно

будеть судить по состоянію матеріальной части его. Каково будетъ общество офицеровъ, таковы будутъ и его хозяйственные представители, а каковы представители, такова и молва народная, отъ которой убѣжать невозможно.

Итакъ окончательнаго изгнанія накладки мы ожидаемъ отъ качества полковыхъ обществъ. Можно полагать, что, съ развитіемъ образованія, а особенно гласности, зло, существующее только какъ зло, безъ всякаго достаточнаго основанія въ сущности самаго дѣла, истребится до тла. Гласность заставитъ всякаго беречь свою добрую славу: и офицера, и полковаго командира, и инспектора, повѣряющаго на смотру правильность веденія войсковаго хозяйства.

Впрочемъ, независимо отъ періодическихъ инспекторскихъ смотровъ и временныхъ частныхъ инспекцій, посредствомъ командируемыхъ правительствомъ лицъ, мы считаемъ необходимымъ предоставить начальнику комиссаріата право обозрѣвать вещевую часть полковъ. Какъ лицо, отвѣтствѣнное въ заготовленіи вещей только по отношенію къ ихъ дешевизнѣ и своевременности доставки, онъ не будетъ принужденъ потворствовать полкамъ въ отношеніи къ качеству вещей. Незаконныя дѣйствія полковъ могутъ только мѣшать ему, лишить его славы хорошаго администратора, и потому ему выгоднѣе раскрыть ихъ, нежели оставить въ безгласности. Все, что ни обнаружилъ бы онъ, было бы сдѣлано не его подчиненными, не его вѣдомствомъ, дѣйствія котораго, такъ-сказать, его собственныя дѣйствія. Онъ не начальникъ войскъ, за дурное веденіе хозяйства ихъ, могущее быть помѣхою его дѣятельности, онъ не отвѣчаетъ; какая же ему надобность свидѣтельствовать, что комиссаріатская часть въ полкахъ находится въ отличномъ состояніи, если она неудовлетворительна, и если ея неудовлетворительность можетъ быть обнаружена помимо его и другими путями? Онъ подрядилъ все нужное количество вещей по выгодной для казны цѣнѣ, согласно съ утвержденными образцами, и затѣмъ остается въ сторонѣ. Дѣло подрядчиковъ исполнить принятое на себя обязательство, и дѣло войскъ требовать этого исполненія, настаивая на приѣмъ вещей хорошаго качества. Такимъ образомъ отвѣтственность по вещевому довольствію распредѣлилась бы съ возможною правильностію: дурное заготовленіе—вина подрядчика; несходство вещей съ образцомъ—вина полковыхъ приѣмщиковъ, совѣта, полковаго командира и общества избирателей; небрежность въ сохраненіи вещей—вина

полковыхъ, батальонныхъ и ротныхъ командировъ. Всякому свое. Случай ответственности комиссаріата за полки перестанутъ повторяться. Если въ полку найдутъ одежду дурнаго качества и вида, ея не покажутъ комиссаріату, какъ бы говоря: «смотри, что у тебя дѣлается», и не заставятъ его разыскивать виновныхъ въ его вѣдомствѣ, тогда какъ матеріаль, изъ котораго была сшита дурная одежда, можетъ-быть, никогда и не былъ въ комиссаріатскихъ магазинахъ; потому что пріемщикъ вмѣсто сукна взялъ деньги. Такіе случаи сдѣлаются достояніемъ древней исторіи. Итакъ повторимъ: нравственность полковыхъ должностныхъ лицъ будетъ соотвѣтствовать нравственности общества офицеровъ. Будетъ общество хорошо, будетъ хорошъ и выборъ; будетъ дурно общество, будетъ дурень и выборъ, со всѣми его послѣдствіями; но за то и отвѣчать за нихъ будутъ сами полки, не ссылаясь ни на комиссаріатъ, ни на подрядчиковъ, которыхъ выданная пріемщиками квитанція будетъ ограждать совершенно.

На случай войны и вообще для экстренныхъ снабженій, въ комиссаріатѣ положено содержать запасъ вещей, называемый неприкосновеннымъ и постоянно освѣжаемый выпускомъ его въ войска и замѣною израсходованнаго новыми запасными вещами. Количество запаса обыкновенно бываетъ непостоянно, но содержится большею частію на одну треть всѣхъ войскъ.

Сколько намъ извѣстно, содержаніе запаса всегда представляло значительное препятствіе введенію системы довольствія войскъ подрядчиками безъ участія комиссаріата. Нѣкоторые предлагаютъ имѣть запасъ въ извѣстныхъ пунктахъ, сообразно съ размѣщеніемъ войскъ; храненіе же его въ особыхъ магазинахъ поручить комиссаріату, съ тѣмъ чтобы вещи перемѣнялись ежегоднымъ выпускомъ въ войска. Способъ этотъ имѣетъ то неудобство, что требуетъ содержанія особыхъ чиновниковъ, какъ посредниковъ между войсками и подрядчиками, а слѣдовательно даетъ поводъ ко взиманію накладки.

Такъ какъ запасъ готовится для войскъ, то, кажется, рациональнѣе возложить и самое храненіе его именно на тѣ войска, которымъ онъ нуженъ. Необходимо только избѣгнуть напрасной перевозки запасныхъ вещей вслѣдъ за войсками и сдѣлать ихъ какъ можно менѣе тяжелымъ бременемъ при передвиженіяхъ. Задача эта разрѣшается безъ затрудненія, если допустить постоянное трехлѣтнее квартированіе войскъ на однихъ мѣстахъ. Замѣтимъ прежде всего, что около двухъ третей за-

паса назначается для войскъ, почти не подверженныхъ передвиженію. Слѣдовательно онѣ не могутъ подлежать напрасной перевозкѣ, а должны быть доставляемы постоянно въ одно и то же мѣсто, точно такъ же какъ и вещи текущаго довольствія. Запасъ для каждаго пѣхотнаго полка не превосходитъ потребности тысячи человекъ, а въ кавалеріи и артиллеріи онъ еще меньше. Очевидно, стало-быть, что количество запаса значительно только въ полной массѣ; для каждой же отдѣльной части онъ не великъ; поэтому и храненіе его не можетъ затруднить войскъ, тѣмъ болѣе, что они же сами будутъ и употреблять вещи, заготавливаемыя для ихъ запаса. Теперь комиссаріатъ долженъ не только сохранить запасъ въ цѣлости, но и позаботиться о выпускѣ его въ свое время въ войска, не допуская до порчи. Если же запасъ будетъ находиться при войскахъ, то при малѣйшемъ сомнѣніи въ возможности сберечь какія-нибудь вещи, ихъ можно израсходовать на текущее довольствіе. Храненіе запаса при войскахъ служило бы пособіемъ въ случаѣ неисправности подрядчиковъ. Это обезпечивало бы третью или четверть годовой потребности войскъ и въ то же время избавило бы казну отъ обременительнаго содержанія комиссаріатскихъ депо или магазиновъ. На случай же приготовленія къ войнѣ, каждая изъ частей войскъ имѣла бы запасъ подъ рукою и не была бы поставлена въ необходимость отправлять своего пріемщика въ депо и ожидать доставки оттуда транспортовъ, слѣдованіе которыхъ по нашимъ дорогамъ рѣдко бываетъ легко и удобно.

Признавая такимъ образомъ храненіе неприкосновеннаго запаса самими войсками весьма полезнымъ, мы напомнимъ основное положеніе наше, что войска должны въ мирное время стоять неподвижно на одномъ мѣстѣ по крайней мѣрѣ три года. Эта продолжительная стоянка сократитъ перевозку запаса въ значительной степени. Но такъ какъ запасъ долженъ быть въ каждой части войскъ готовъ на одинъ годъ впередъ; то въ послѣдній годъ квартированія ихъ онъ долженъ весь поступить на текущее довольствіе; запасъ же слѣдующаго года долженъ быть доставленъ на тѣ квартиры, куда эти части перейдутъ въ будущій трехлѣтній періодъ довольствія. Въ послѣдній годъ квартированія войскъ нужно будетъ для храненія запаса командировать одного офицера и нѣсколько низшихъ чиновъ на будущія квартиры. Стало-быть, потребуетъ расходъ не на перевозку запаса вслѣдъ за войсками, а только на посылку офице-

ровъ и низшихъ чиновъ, назначенныхъ для завѣдыванія запасомъ. Расходъ этотъ, производимый одинъ разъ въ три года, будетъ несравненно менѣ издержекъ, дѣлаемыхъ теперь ежегодно на отправленіе казначеевъ съ нижними чинами для приѣма вещей изъ комиссій. Если при этомъ мы сообразимъ, что доставка вещей для неприкосновеннаго запаса въ комиссіи, въ которыхъ онъ теперь хранится, содержаніе сортовыхъ смотрителей, магазиновъ и накладка поглощаютъ значительныя суммы казенныхъ денегъ; то издержки на перевозку запаса прямо въ войска уже отнюдь не могутъ показаться обременительными для казны.

Что касается злоупотребленій въ пріисканіи помѣщеній, нужныхъ для запаса, то находились же они для цейхгаузовъ, когда войска были въ увеличенномъ составѣ; почему же не найдется также довольно мѣста для запаса, количество котораго разчитывается на одинъ (четвертый) батальонъ въ пѣхотѣ? Впрочемъ, по всей вѣроятности, военному министерству не трудно было бы принять мѣры, чтобы мѣстное гражданское начальство всегда въ свое время заботилось объ отводѣ достаточныхъ помѣщеній.

Въ заключеніе прибавимъ, что вещи, слѣдующія въ запасъ, разумѣется, должны быть предлагаемы на торгахъ въ поставку особо отъ вещей текущаго довольствія; такъ какъ цѣна перевозки, которую подрядчики должны включать въ цѣну заготовленія, будетъ для запаса не та, какую выпросятъ они на перевозку вещей текущаго довольствія, а будетъ выше или ниже, смотря по разстоянію квартиръ отъ мѣстъ заготовленія.

Все вышеизложенное относится къ довольствію войскъ во время мира. Война въ предѣлахъ Россіи не измѣнила бы сущности системы заготовленія и довольствія, а при войнѣ заграничной обязанности комиссаріата переходятъ къ интендантству дѣйствующей арміи; затѣмъ комиссаріатъ ограниченъ бы удовлетвореніемъ войскъ, оставшихся въ отечествѣ.

Намъ остается еще указать на два предмета занятій комиссаріата: денежное довольствіе войскъ и госпитальное управленіе.

Къ первому относятся: удовлетвореніе войскъ жалованьемъ, уплата денегъ подрядчикамъ, отпускъ войскамъ аммуниционныхъ и ремонтныхъ денегъ, разныя случайныя или единовременныя денежныя выдачи.

Для веденія счетовъ и переписки объ этихъ деньгахъ со-держится теперь огромная бухгалтерія въ департаментѣ и ком-

миссіяхъ, постоянно обремененная работою. Къ числу занятій счетной части комиссаріата присоединяется составленіе сметы предстоящихъ расходовъ и балансоваго отчета о расходахъ, уже имъ сдѣланныхъ.

Съ измѣненіемъ порядка вещеваго снабженія войскъ и упраздненіемъ комиссаріатскихъ комиссій, необходимо преобразовать и счетную часть комиссаріатскаго департамента. Такъ какъ денежные выдачи войскамъ весьма разнообразны и производятся въ большихъ количествахъ; то распоряженія ими должны быть сосредоточены въ какомъ-нибудь центральномъ учрежденіи. Мы полагаемъ, что для этого можно было бы оставить въ комиссаріатскомъ департаментѣ особое счетное отдѣленіе, значительно сокративъ его составъ въ сравненіи съ нынѣ существующимъ штатомъ, тѣмъ болѣе что веденіе счетовъ вещевымъ капиталамъ должно совершенно прекратиться.

Удовлетвореніе войскъ жалованьемъ должно быть возложено на главное начальство войскъ по сношенію его съ военнымъ министромъ по комиссаріатскому департаменту, а послѣдняго съ министромъ финансовъ. Для этого потребовалось бы прибавить въ корпусныхъ и нѣкоторыхъ другихъ главныхъ штабахъ небольшое число старшихъ адъютантовъ. Численность войскъ извѣстна штабамъ, и потому они могутъ повѣрять требованіе отдѣльныхъ частей войскъ съ такою же, если не съ большею, точностью, какъ и нынѣшнія комиссаріатскія комиссія, тѣмъ болѣе, что жалованье войскамъ выдается по весьма опредѣлительнымъ правиламъ. Общая повѣрка денежной отчетности могла бы быть возложена на контрольное отдѣленіе комиссаріатскаго департамента, какъ это ему предоставлено и теперь существующими постановленіями. Вслѣдствіе сношеній военнаго министра, министерство финансовъ могло бы назначать къ отпуску жалованье изъ мѣстныхъ казначействъ, находящихся вблизи штабовъ, преимущественно квартирующихъ въ губернскихъ городахъ. Штабы же могли бы разсылать слѣдующее въ каждую часть жалованье по почтѣ. Это замѣнило бы нынѣшнюю присылку денегъ съ особыми чиновниками, что стоить не малыхъ расходовъ и въ то же время ничѣмъ не обезпечиваетъ казны, кромѣ личной отвѣтственности этихъ чиновниковъ. Требования штабовъ могли бы быть удовлетворяемы министерствомъ финансовъ весьма скоро, тѣмъ болѣе, что расходъ на жалованье, какъ постоянный, можетъ быть всегда предусмотрѣнъ заранее, и средства для покрытія его своевременно при-

готовлены. Выдача аммуниционныхъ и ремонтныхъ денегъ можетъ быть производима тѣми же штабами еще удобнѣе, чѣмъ жалованье, потому что отпускъ ихъ мы предполагаемъ по штатному, а не по наличному числу войскъ; слѣдовательно никакихъ затруднительныхъ расчетовъ по этому случаю не понадобится.

Всѣ расходы этихъ денегъ были бы постоянны и опредѣлительны въ теченіи всего мирнаго времени и измѣнились бы только во время войны, когда увеличеніе войскъ вызвало бы и увеличеніе расходовъ.

Министерство финансовъ вносило бы ихъ въ свои смѣты точно такъ же, какъ и жалованье, и отпускало бы штабамъ одинъ разъ въ третъ или въ полгода, смотря потому, что было бы признано однажды навсегда болѣе удобнымъ.

Удовлетвореніе случайныхъ расходовъ, нами выше названныхъ, можетъ производиться изъ мѣстныхъ казначействъ по сношеніямъ главныхъ начальниковъ войскъ съ военнымъ министромъ (также по комиссаріатскому департаменту). Получивъ требованіе, министръ относился бы къ министру финансовъ, который производилъ бы ассигновки, изъ ближайшихъ къ штабамъ казначействъ.

Уплата подрядчикамъ за поставленныя вещи можетъ быть производима по квитанціямъ отдѣльныхъ частей войскъ изъ мѣстныхъ казначействъ, съ тѣмъ чтобы подрядчики по крайней мѣрѣ за два или за три мѣсяца объявляли, гдѣ хотятъ получить деньги. Квитанція должна быть составлена на основаніи копіи контракта, предъявляемой подрядчикомъ командиру той части войскъ, для которой поставка произведена. Такъ какъ такихъ копій можетъ потребоваться одному подрядчику нѣсколько, то переписка ихъ должна быть отнесена къ обязанностямъ его самого, а не департамента. Мѣра эта не обременитъ поставщиковъ и облегчитъ департаментъ; извѣстно, что первые и теперь платятъ переписчикамъ за написаніе контрактовъ. Само собою разумѣется, что уплата можетъ быть производима подрядчикамъ такимъ порядкомъ только за поставки безспорныя и совершенно исправныя: въ противномъ случаѣ деньги должны быть выдаваемы имъ по распоряженію департамента.

Такимъ образомъ если счетная часть будетъ сосредоточена, на изложенныхъ нами основаніяхъ, въ комиссаріатскомъ департаментѣ, то обязанности его будутъ тѣ же, что и въ на-

стоящее время, и только уменьшатся въ соответствующей степени.

Что касается до госпитального управленія, то по сложности своей оно заслуживало бы подробнаго разсмотрѣнія, но предѣлы статьи нашей не позволяютъ намъ представить полное изслѣдованіе. Поэтому мы выскажемъ нашу основную мысль какъ можно короче.

Число военныхъ госпиталей довольно велико. Они находятся по хозяйственной части въ вѣдѣніи комиссаріатскаго департамента, а по врачебной—въ вѣдѣніи медицинскаго департамента. Отчетность хозяйственная чрезвычайно сложна и мелочна. Поэтому ни надзоръ начальства, ни повѣрка дѣйствій чиновниковъ не достигаютъ своей цѣли,—предупрежденія и истребленія злоупотребленій. Мы полагаемъ, что соединеніе всего управленія госпиталями въ одномъ медицинскомъ департаментѣ военнаго министерства было бы полезнымъ усовершенствованіемъ, если только представляются какія-нибудь, неизвѣстныя намъ, препятствія къ образованію одного управленія всею медицинскою частию въ нашемъ отечествѣ, теперь раздѣленною между нѣсколькими департаментами разныхъ министерствъ. Смѣемъ думать, что такое учрежденіе облегчило бы дѣйствіе этихъ министерствъ и не осталось бы безъ пользы вообще для народнаго здоровья.

Мы изложили мнѣніе наше о замѣнѣ дѣятельности комиссаріата непосредственнымъ участіемъ подрядчиковъ въ довольствіи войскъ вещами, соответственнно тѣмъ предѣламъ, какіе допускаются для журнальныхъ статей, не вдаваясь въ излишнія, мелкія подробности. Указанныя нами главныя основанія могутъ быть легко развиты, потому что какъ сводъ военныхъ постановленій, такъ и комиссаріатъ обогащены весьма многими практическими свѣдѣніями. Примѣнить ихъ къ дѣлу было бы не трудно, еслибы представилась надобность начертать, согласно съ этими началами, цѣлое положеніе о довольствіи войскъ. Мы думаемъ даже, что значительная часть указаній опыта, внесенныхъ въ постановления и руководствующихъ теперь дѣйствіями комиссаріата, оказались бы совершенно лишними, такъ какъ самое дѣло довольствія упростилось бы на столько, на сколько оно усложнилось вслѣдствіе существующаго нынѣ посредничества комиссій между войсками и подрядчиками. Однако при всемъ убѣжденіи въ выгоды замѣны настоящей административной дѣятельности частною дѣятельностью, мы

не скрываемъ отъ себя возможности сомнѣнія со стороны лицъ, которымъ довѣрено важное, хлопотливое и отвѣтственное дѣло снабженія войскъ всѣми необходимыми для нихъ потребностями. Сомнѣніе это можетъ возбудить весьма естественный вопросъ: «а если войска останутся ничѣмъ не удовлетворенными или будутъ удовлетворяться дурно?» Какъ бы ни были сильны и подробно изложены нами доказательства, они не могутъ разсѣять это сомнѣніе; надобно было бы предположить большую смѣлость какъ въ томъ, кто предложилъ бы проектъ, подобный нашему, такъ и въ томъ, кто привелъ бы его въ исполненіе.

Остается одно—прибѣгнуть къ испытанію проекта на дѣлѣ. Къ счастью, такое испытаніе представляется весьма удобнымъ, такъ какъ отъ существующаго порядка необходимо переходъ къ предполагаемому. Дѣйствія четырнадцати комиссаріатскихъ комиссій не могли бы прекратиться вдругъ по введеніи новаго способа довольствія войскъ; имъ нужно было бы израсходовать всѣ вещи, лежащія теперь въ ихъ магазинахъ, и кончить производство начатыхъ дѣлъ и расчетовъ съ войсками и подрядчиками. Все это едва ли могло бы быть совершено въ теченіи трехъ лѣтъ. Почему же не посвятить это время испытанію новаго способа, обещающаго весьма полезныя послѣдствія и очевидное сбереженіе казенныхъ денегъ? Всякому понятно, что при уменьшеніи личнаго состава департамента и упраздненіи комиссій, непременно послѣдуетъ большое сокращеніе расходовъ казны; что съ уничтоженіемъ посредничества комиссій между войсками и подрядчиками, если не уничтожится вдругъ, то безъ сомнѣнія значительно уменьшится въ теченіи времени непроизводительный расходъ, поглащаемый накладкою; что илищны, выпрашиваемыя подрядчиками за вещи, понизятся, и тогда бюджетъ комиссаріата уменьшится, или онъ останутся тѣ же, и тогда солдату будутъ доставаться вещи лучшаго качества; что съ уменьшеніемъ количества чиновниковъ, дѣлопроизводство облегчится и выиграетъ въ качествѣ; что злоупотребленія будутъ несравненно болѣе рѣдки, а слѣдовательно будетъ удобнѣе раскрывать ихъ и наказывать. Все это и многое другое, чего нельзя ни исчислить, ни предвидѣть, непременно должно быть допущено всякимъ, кто признаетъ превосходство способа непосредственнаго снабженія войскъ черезъ подрядчиковъ, передъ существующею теперь системою. Почему же, даже сомнѣвался въ возможности

успѣшнаго примѣненія этого способа у насъ, не допустить испытанія его, когда оно удобно во время переходнаго состоянія? Признаемся, сколько мы ни думали, сколько ни допрашивали наше собственное сомнѣніе, сколько ни допытывались отъ людей свѣдущихъ, практическихъ, мы не могли получить противорѣчащаго отвѣта. Правительство, во имя народнаго блага, общество, во имя своихъ нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ, домогаются въ настоящее время усовершенствованія административныхъ учреждений: какъ же не попытаться прибѣгнуть къ живительному пособію частной дѣятельности въ дѣлѣ, давно страдающемъ недостатками, признанными, доказанными до очевидности? Отказаться отъ такого пособія, отъ примѣненія высказанныхъ нами началъ, значило бы отвергать справедливость словъ знаменитаго историка и министра, выставленныхъ въ началѣ статьи нашей: «Улучшеніе общества необходимо приводитъ къ улучшенію нравственности; чѣмъ лучше устроена внѣшняя жизнь, тѣмъ правильнѣе и чище жизнь внутренняя.»

Д. КАМЕНСКІЙ.

ПИСЬМА

О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ

ВО ФРАНЦІИ¹

II.

Въ первомъ письмѣ своемъ я обѣщаль вамъ описать со всевозможною краткостію существующія теперь условія фермерства во Франціи и различные способы извлеченія дохода поземельною собственностію въ этой странѣ. Приступаю теперь къ исполненію своего обѣщанія. Фермерство, какъ вамъ извѣстно, учрежденіе не новое; медленно и постепенно вытѣсняло оно рабство, замѣняло къ несравненно большей выгодѣ какъ землевладѣльцевъ, такъ и людей, воздѣлывавшихъ землю, господскія поземельныя повинности и феодалныя тягости; словомъ, освобождало поселянъ и въ то же время обогащало владѣльцевъ. Указываю на этотъ историческій фактъ мимоходомъ, но не останавлиюсь на немъ; насъ должно занимать только настоящее, и у

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 2. Обстоятельства замедлили присылку помѣщаемой нынѣ статьи нашего даровитаго французскаго корреспондента, но отнынѣ приняты мѣры, чтобы рядъ статей о французскомъ крестьянствѣ, предпринятыхъ г. Бонмеромъ по нашему требованію, не прерывался такими долгими промежутками времени. За настоящимъ письмомъ послѣдуетъ письмо о Вандеѣ, находящееся уже въ портфель редакціи, и мы надѣемся въ продолженіи текущаго года представить нашимъ читателямъ полную характеристику земледѣльческаго быта въ разныхъ частяхъ Франціи, написанную блестящимъ перомъ автора *Исторіи французскихъ крестьянъ* (*Histoire des paysans en France*). Ред.

меня вовсе нѣтъ охоты переписывать изданную мною *Исторію крестьянъ*; но, сказать между нами, мнѣ пріятно было бы, еслибы книга эта находилась въ библіотекѣ всѣхъ вашихъ читателей.

Владѣлецъ земли, этого источника всяческаго богатства, имѣеть въ рукахъ своихъ три главные способа извлекать изъ нея доходъ. Прежде всего, онъ самъ можетъ сдѣлаться земледѣльцемъ, самъ можетъ пахать землю, что происходитъ только въ томъ случаѣ, когда собственность его состоитъ изъ весьма малаго участка. Мы видимъ это во многихъ кантонахъ Франціи, гдѣ дробленіе почвы достигло крайнихъ размѣровъ, гдѣ крестьянинъ, скопивши немного денегъ, прибрѣталъ землю, раздѣленную на такіе мелкіе участки, что она становилась доступною для всякаго кошелька. Но въ дѣлахъ человѣческихъ нѣтъ ничего совершеннаго, и во всѣхъ учрежденіяхъ добро смѣшано со зломъ. Мы видимъ это и въ раздробленіи земли между мелкими владѣльцами. Оно было благодѣяніемъ, послѣдствія котораго нельзя достаточно оцѣнить, ибо оно сообщило чудный толчокъ труду, а слѣдовательно и производству. Ему обязаны мы тѣми необычайными успѣхами, которые сдѣлала поземельная собственность и ея благосостояніе съ 1789 года. Повсюду на земномъ шарѣ, гдѣ только поселянинъ касался почвы заступомъ собственника, была ли то неплодная пустыня, топкое болото или голый утесъ, онъ извлекалъ этимъ жезломъ своимъ воду изъ песковъ пустыни и осушалъ болота; на могучемъ хребтѣ своемъ, почти переламывавшемся подъ бременемъ тяжести, онъ возносилъ землю на вершину утеса и ограждалъ тамъ эти насыпи стѣною. Безплодіе замѣнялъ онъ повсюду обиліемъ, водворялъ жизнь тамъ, гдѣ господствовала смерть...

Собственность для крестьянина значить свобода, и не въ правѣ только, но и на дѣлѣ. Порою впрочемъ онъ покупаетъ ее дороже, чѣмъ она стоить, и тогда онъ впадаетъ въ рабство бѣдности. Лихорадочное желаніе собственности, снѣдающее его, повысило чересмѣрно цѣну земли, этой неизмѣнной приманки и убѣжища большей части накопившихся деньжонокъ, повысило до того что цѣна земли не соответствуетъ ея производительности. Всѣ получили выгоду оттого, но болѣе всѣхъ землевладѣлецъ, который могъ по частямъ продать свою землю крестьянамъ вдвое или втрое дороже настоящей ея цѣны, и притомъ, нисколько не разоряя крестьянъ, такъ какъ въ ихъ рукахъ она прибрѣтаетъ двойное значеніе капитала и орудія труда. Горе, однако, крестьянину, если для покупки онъ прибрѣтеть къ займу; онъ

попадается тогда въ желѣзныя лапы къ заимодавцу, который не выпуститъ его до тѣхъ поръ, пока не выжметъ изъ него послѣднюю копейку. Вотъ почему постоянный недостатокъ денегъ бываетъ иногда для нашего крестьянина нормальнымъ положеніемъ. И тѣмъ труднѣе освободиться ему отъ него, что безъ капиталовъ, безъ самодѣтельности, не имѣя никакихъ познаній, кромѣ тѣхъ, которыя завѣщаны ему рутиной и преданіемъ, онъ только и старается слѣпо подражать своимъ предшественникамъ; онъ тратитъ всю свою энергію на то, чтобъ имѣть самое необходимое для своего пропитанія или заготовить нѣсколько сельскихъ продуктовъ, которые продать тѣмъ труднѣе, чѣмъ дороже ихъ производство и чѣмъ неудобнѣе перевозъ ихъ съ одного мѣста на другое.

Владѣлецъ болѣе значительныхъ участковъ тоже можетъ обрабатывать ихъ самъ, съ помощію многочисленныхъ прислужниковъ и поденщиковъ, находящихся подъ его управленіемъ. Но это требуетъ крѣпкаго здоровья, неутомимой дѣятельности и особеннаго къ тому призванія, очень рѣдкаго въ нашей странѣ, гдѣ сельскія занятія никогда не находились въ большомъ почетѣ. Надо слѣдить за всѣмъ каждую минуту, вставать раньше и ложиться позже всѣхъ, ѣздить на рынки и на ярмарки, вести, словомъ, такую же суровую жизнь, какую ведетъ крестьянинъ, съ единственною цѣлью получать побольше доходовъ съ своей земли. Нужно замѣтить къ тому же, что цѣль эта достигается не всегда, и очень часто землевладѣльцы разоряются, вводя у себя преждевременныя улучшенія; хватаясь за невѣрныя предпріятія или за опыты, которые не удаются, благодаря противодѣйствію невѣжественныхъ классовъ, окружающихъ ихъ. Но съ другой стороны несомнѣнно, что только богатые владѣльцы своими свѣдѣніями, своими капиталами, могутъ способствовать улучшенію земледѣлія; случается даже, что сосѣднее народонаселеніе пользуется разореніемъ несчастнаго нововводителя и слѣдуетъ, наконецъ, примѣру, надъ которымъ оно сначала издѣвалось, продолжаетъ само то дѣло, которому противилось. Что за причина, что въ нашихъ несовершенныхъ обществахъ чуть не всегда несравненно труднѣе и чуть не всегда менѣе выгодно дѣлать добро, чѣмъ зло? Прогрессъ можно сравнить почти во всемъ съ огромнымъ и тяжелымъ плодомъ косового дерева. Тѣ, которые начинаютъ трясти дерево, подвергаются неминуемой опасности, что плодъ упадетъ и ра-

зобьеть имъ голову. Другіе, благоразумно державшіеся въ сторонѣ, подбѣгаютъ и подбираютъ плодъ.

Третій возможный способъ есть фермерское хозяйство, способъ наиболѣе употребительный у насъ. Владѣлецъ, отдающій свою землю въ аренду, уже не привязанъ къ ней, передъ нимъ открытъ весь Божій міръ, онъ можетъ путешествовать, жить въ городѣ, заниматься удовольствіями или наукою, можетъ увеличивать свой капиталъ посредствомъ промышленныхъ предприятий или исполнять служебныя обязанности; словомъ, онъ наслаждается вполнѣ тою свободою, которая обезпечивается чело-вѣку постояннымъ, вѣрнымъ доходомъ,—доходомъ, не подвергающимся большей части случайностей, которыя угрожаютъ движимой собственности. Очевидно, что фермерство не вполнѣ доходно для землевладѣльца, ибо фермеръ долженъ прежде всего прокармливать свою семью произведеніями земли и сверхъ того необходимо, чтобъ онъ могъ откладывать что-нибудь изъ дохода, чѣмъ бы обезпечить свою судьбу въ будущемъ, устроить себѣ пристанище для старости. За тѣмъ слѣдуютъ требованія казны, поземельный налогъ, который у насъ крайне разорителенъ для сельской поземельной собственности, такъ что землевладѣлецъ долженъ почитать себя счастливымъ, если съ фермы, стѣящей 100.000 фр., получить чистаго годоваго дохода 2.000 или 2.500 франковъ. Ничтожная прибыль эта объясняетъ, почему нашъ зажиточный средній классъ повсемѣстно старается отдѣлаться отъ своихъ помѣстій и стремится толпами въ городъ, гдѣ находитъ неравненно выгоднѣйшія условія для помѣщенія своихъ капиталовъ. Вѣдь земледѣлецъ, пользующійся безъ дѣлежа всѣми продуктами земли, можетъ купить ее немного дороже, чѣмъ тотъ, который сталъ бы отдавать ее въ аренду. Между зажиточнымъ мѣщаниномъ крестьяниномъ идетъ въ этомъ отношеніи борьба, въ которой первый останется неминуемо побѣжденнымъ. Крестьянинъ вторгается въ собственность со всѣхъ сторонъ, мало-по-малу онъ вытѣсняетъ землевладѣльца; но онъ вытѣсняетъ эту жертву, украсивши ея голову богатымъ вѣнкомъ, то-есть надѣливши деньгами. Такимъ образомъ; въ будущемъ на долю буржуазіи,—и то будетъ еще лучшая доля,—придется почетныя и доходныя должности, городская собственность, торговля, промышленность, банкъ, богатые вклады въ компаніяхъ желѣзныхъ дорогъ, государственныя ренты, записи въ большую

книгу государственнаго долга, этого хранилища всякихъ богатствъ, которое въ матеріальномъ отношеніи служить залогомъ общественнаго согласія. Съ извѣстной точки зрѣнія вполне справедливо, чтобы тотъ, кто обрабатываетъ землю, и владѣль этимъ орудіемъ своего труда. Когда крестьянинъ — собственникъ, то-есть когда онъ пользуется всѣми плодами своей неутомимой дѣятельности, онъ работаетъ гораздо лучше, между тѣмъ какъ горожанинъ съ своей стороны, получая также значительные доходы, будетъ тратить больше и получить возможность платить дороже за многочисленные предметы потребленія, доставляемые ему сельскимъ хозяйствомъ.

Впрочемъ, все это осуществится развѣ только вѣками и не должно занимать насъ въ настоящую минуту.

При уничтоженіи невольничества или крѣпости, господинъ остается владѣльцемъ земли, но у него нѣтъ ни времени, ни охоты, ни надлежащаго умѣнья сдѣлать ее плодородною. Земледѣлецъ, напротивъ, обладаетъ всѣми этими условіями. Первый изъ нихъ умеръ бы съ голоду на своей безлюдной почвѣ, точно такъ же какъ умеръ бы и другой, еслибы сидѣлъ сложа руки и не принимался за работу, на томъ основаніи, что земля принадлежит не ему. Но вскорѣ между ними заключается сдѣлка: вотчинникъ даетъ земледѣльцу капиталъ, земледѣлецъ предлагаетъ въ обмѣнъ свой трудъ, земля оплодотворяется, и общество утверждаетъ на основахъ закона. Но такъ какъ земледѣлецъ не могъ еще составить себѣ капиталъ изъ произведеній предшествовавшаго своего труда, то необходимо, чтобы владѣлецъ земли снабдилъ его всѣмъ инвентаремъ фермы, за что, конечно, онъ долженъ получить вознагражденіе. Единственною гарантіею для владѣльца земли можетъ служить хорошее управленіе фермою, обиліе урожая, сбытъ произведеній и скота, но такъ какъ все это зависитъ отъ случайностей, то на первый разъ оказывается невозможнымъ опредѣлить арендную плату деньгами, и вслѣдствіе этого образуется самый элементарный видъ фермернаго хозяйства, половничество (*métayage*), хотя изъ этого названія не слѣдуетъ, чтобы рента въ половничествѣ всегда опредѣлялась половиною сбора или скота. Напротивъ, часто она бываетъ больше или меньше половины, смотря по плодородію земли. Если земля требуетъ большаго труда, то необходимо, чтобы фермеръ сохранилъ для самого себя наибольшую часть дохода. Если почва плодородная, то условливаются

такимъ образомъ, что фермеръ будетъ доставлять сѣмена; если не плодородна, то доставлять ихъ будетъ владѣлецъ; если посредственнаго качества, то обязанность эта распределяется между ними поровну. То же самое и при отдачѣ скота въ фермерское содержаніе. Словомъ, можетъ существовать тысяча самыхъ разнообразныхъ условій, и они допускаютъ всевозможныя необходимыя измѣненія, до тѣхъ поръ пока не будетъ заключенъ договоръ, въ которомъ справедливо уравниваются выгоды обѣихъ сторонъ.

Какъ вы видите изъ этого, наше половничество есть контрактъ, въ силу котораго фермеръ, когда онъ не имѣетъ достаточнаго капитала или кредита, чтобъ обезпечить уплату ренты и затратъ владѣльца, можетъ вознаграждать владѣльца натурою, на помѣщичьемъ дворѣ, выплачивая ему ежегодно условленную долю урожая и приплода, такъ что среднее арифметическое число этихъ ежегодныхъ взносовъ будетъ представлять цѣнность ренты. Половничество замѣняетъ собою въ нѣкоторомъ смыслѣ барщину, къ несомнѣнной выгодѣ договаривающихся сторонъ. Будучи въ состояніи распорядиться своимъ временемъ, земледѣлецъ съ несравненно-большою ревностію станетъ заниматься дѣломъ, которое должно доставить ему половину продуктовъ, и сумма продуктовъ необходимо умножится. Системою половничества, крестьянинъ переступаетъ, слѣдовательно, первую ступень на лѣстницѣ земледѣльческаго прогресса. Онъ огражденъ отъ недостатка въ работѣ, онъ выходитъ изъ жалкаго состоянія пролетаріата, не подвергается печальнымъ случайностямъ недостатка работы и вслѣдствіе ихъ жестокихъ бѣдствій нищеты. Эта система фермерства бываетъ даже совершенною необходимостію въ мѣстностяхъ съ непостояннымъ климатомъ, мало населенныхъ, безъ большихъ торговыхъ центровъ, безъ городовъ, безъ близкихъ рынковъ: арендаторъ, самъ потребляя значительную часть своей доли продуктовъ и имѣя въ остаткѣ только ничтожное количество ихъ для продажи, не очень страдаетъ отъ трудностей торговли. Съ другой стороны, непредвидѣнныя бѣдствія, чрезвычайная засуха, морозы, наводненія, падаютъ своею тяжестію не на одного фермера, но и на землевладѣльца.

Нельзя не сознаться, что половничество ставитъ нѣкоторымъ образомъ владѣльца въ зависимость отъ фермера, но за то фермеръ поднимается въ своихъ глазахъ и получаетъ возможность работать въ себѣ чувство собственнаго достоинства. Онъ

долженъ заслужить довѣріе владѣльца, и потерять это довѣріе было бы невознаградимымъ для него бѣдствіемъ, ибо заразъ лишился бы онъ и фермы, и возможности когда-либо добыть себѣ другую. Сверхъ того, половничество; продолжительностію своихъ обязательствъ, снисходительностію своихъ условій, ежедневными отношеніями, необходимо возникающими между двумя сторонами и ставящими ихъ на ногу совершенной независимости и равенства, поддерживаетъ между ними доброе согласіе. Всегда выгодно возвысить тѣхъ, которые стоятъ ниже насъ: разстояніе остается то же, несмотря на болѣе вѣжливыя формы, но мы возвышаемся сами, по мѣрѣ того какъ возвышаются они. Драгоценному равенству, господствующему между всѣми классами французскаго общества, обязаны мы тою общительностію, тою услужливостію, которыя, говоря въ сѣ, составляютъ отличительную черту Французовъ.

Половничество, по моему мнѣнію, представляетъ самый удобный и самый естественный исходъ изъ крѣпостнаго отношенія. Оно требуетъ отъ земледѣльца только труда, оно не ставитъ его ни въ какія личныя обязательства къ хозяину фермы, онъ можетъ жить спокойно на полѣ, имъ обрабатываемомъ, не платя ничего деньгами ни государству въ видѣ налоговъ, ни владѣльцу. Въ особенности же, онъ не опасается, что повинности его возвысятся при возобновленіи договора. Но въ то же самое время, эта элементарная система представляетъ и важныя неудобства, особенно съ точки зрѣнія интересовъ владѣльца. Она не обезпечиваетъ ему ни той безопасности, ни той свободы дѣйствій, которыми онъ пользуется при фермерствѣ за денежную плату. Положеніе его не прочно, доходъ его зависитъ отъ количества произведеній и ихъ сбыта; онъ можетъ быть постоянно обманутъ фермеромъ и обязанъ тщательно наблюдать какъ за обработкою полей, такъ и за жатвою, ибо, если у фермера есть своя земля, онъ будетъ обрабатывать ее несравненно лучше, чѣмъ землю фермы, будетъ лучше уваживать ее, прорѣжетъ ее болѣе глубокими и частыми бороздами, словомъ, все въ нее положить, ибо все, что она дастъ ему, онъ получитъ для одного себя. Онъ можетъ пойти работать къ другому, со скотомъ, выкормленнымъ на фермѣ, можетъ продавать утайкой навозъ и подножный кормъ, и такимъ образомъ портить ту землю, которую порядился обрабатывать.

Кромѣ того, владѣльцу нужно имѣть овины, житницы, погреба

для сбереженія продуктовъ. Всѣ затрудненія, всѣ случайности ихъ сбыта, точно такъ же, какъ тяжести налоговъ, падаютъ на его долю. Если онъ самъ не живетъ на мѣстѣ, то долженъ держать управителя, которому надобно давать жалованье. Говорятъ, будто у васъ, въ Россіи, управители — бичи крестьянъ. То же самое было и во Франціи до революціи, но, слава Богу! этого уже болѣе нѣтъ. Когда господинъ становится человѣколюбивѣе, то поневолѣ и управитель долженъ подражать ему. Если фермеръ — человѣкъ свободный, если ему открытъ доступъ въ мировой судъ, если ему дозволяется перенести въ другое мѣсто свой трудъ, свой капиталъ и промыселъ, то управитель не будетъ долго въ состояніи его обворовывать, безъ того чтобы плутовство его, наконецъ, не обнаружилось и не обратилось противъ него самого. Прибавимъ къ этому, что онъ не будетъ въ состояніи слишкомъ обворовывать и владѣльца, ибо потребовалось бы для того много сообщниковъ. Владѣльцу нужно только самому выбирать фермеровъ и хорошенько знать ихъ.

Большое неудобство половничества состоитъ въ его неподвижности, въ неизмѣняемости, въ невозможности для него преуспѣянія. Ни одна изъ обѣихъ сторонъ не хочетъ, первая, дѣлать улучшеній, выгодами которыхъ придется дѣлиться пополамъ. Половничество, слѣдовательно, необходимо поддерживаетъ въ земледѣльцѣ невѣжество, недостатокъ дѣятельности, прилежанія. Незная латинскаго языка, земледѣлецъ бываетъ убѣжденъ въ истинѣ словъ Плинія: *Bene colere necessarium est, optime damposum*, (хорошо работать — нужно, а отлично работать — невыгодно), словъ, которыя мы Французы перевели слѣдующею пословицей: *le mieux est l'ennemi du bien*. Поэтому, онъ ограничивается необходимымъ, отлагая все, безъ чего можно обойтись. Владѣлецъ тоже не рѣшается ни на какія улучшенія, ни на какія исправленія, не увеличиваетъ скота, допускаетъ до разрушенія постройки: слишкомъ скупой къ землѣ, которую онъ находитъ слишкомъ скупой въ отношеніи къ себѣ, онъ не прочь, что бы человѣкъ его тратилъ на нее всѣ свои силы, но не хочетъ тратить на нее своихъ денегъ. Половникъ, съ своей стороны, не слишкомъ требователенъ насчетъ домашнихъ удобствъ, внутренней чистоты, того сельскаго благоустройства, которое встрѣчается въ другихъ мѣстахъ. Лишь бы имѣть ему пристанище, какую бы то ни было пищу да праздничное платье, и онъ доживаетъ до конца своихъ дней, довольный и спокойный.

Фермерство за денежную плату свободно отъ тѣхъ недостатковъ, на которые я указалъ. Оно свидѣтельствуеетъ о дальнойшей эманципации работника, служитъ доказательствомъ значительнаго улучшенія въ образованіи и распредѣленіи богатствъ. Оно имѣетъ нѣкоторое сходство съ мануфактурною промышленностью. Фермеръ, подобно мануфактуристу, составляетъ посредствующее звено между орудіемъ труда и наемщикомъ, приводящимъ его въ дѣйствіе. Онъ настоящій спекуляторъ, который рискуетъ въ предпріятіи частью своего достоянія. Онъ поставляетъ движимый капиталъ, пахатныя орудія, ломовыхъ и пахатныхъ лошадей, быковъ, коровъ, барановъ. Онъ будетъ работать, поэтому, со всевозможною энергіею; въ работѣ этой замѣшаны для него самые важные интересы; уплативши опредѣленную ежегодную сумму за наемъ земли, онъ пользуется одинъ всѣмъ излишкомъ, одинъ пріобрѣтаетъ выгоду отъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ улучшеній. Кромѣ того, онъ сообщаетъ жизнь многимъ второстепеннымъ промышленностямъ, держитъ работниковъ и слугъ, возбуждаетъ вокругъ себя трудъ, одѣляетъ деньгами окружающихъ его, и окруженъ, въ свою очередь, людьми, которые не иначе выражаются о немъ, какъ: *нашъ господинъ* (*notre maître*).

Вслѣдствіе всего этого, половники, если только они умѣютъ вести свои дѣла и обладаютъ нѣкоторымъ капиталомъ, постоянно стремятся превратиться въ фермеровъ, а наоборотъ не бываетъ никогда, развѣ только если кто желаетъ избавиться отъ разорительнаго найма. Владѣлецъ, съ своей стороны, охотно соглашается на подобную перемѣну, ибо онъ выигрываетъ въ свободѣ дѣйствій, точно такъ же, какъ въ опредѣленности своихъ доходовъ. Въ интересѣ его—не казаться требовательнымъ съ самаго начала и не жертвовать настоящему будущимъ. Признанное правило въ хорошемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, что нужно сначала обогатить фермеровъ, если желаешь, чтобъ они точно исполняли свои обязанности.

Фермеръ всегда въ состояніи несравненно лучше самого владѣльца воздѣлывать землю: обоюдный интересъ ихъ требуетъ, слѣдовательно, чтобы фермеру принадлежало право устанавливать способъ обработки полей и раздѣленіе ихъ на пашни. Для фермера гораздо выгоднѣе длинные наемные сроки. Наиболѣе принятые теперь сроки на девять лѣтъ кажутся слишкомъ кратковременны, если принять въ соображеніе продолжительность

земледѣльческихъ операцій, то время, въ которое потраченные капиталы могутъ быть возвращены, и необходимость, между тѣмъ, ежегодно тратить значительныя суммы, особенно когда дѣло идетъ о томъ, чтобы привести въ хорошее состояніе землю, истощенную прежнимъ фермеромъ, и поддерживать надлежащимъ образомъ ея обработку.

Крайне ошибочно навязывать фермеру какой-либо опредѣленный способъ воздѣлыванія земли и распредѣленія пашней, наполнять контрактъ стѣснительными условіями, которыя затрудняютъ его дѣятельность, отбиваютъ у него охоту къ улучшеніямъ и покровительствуютъ рутинѣ. Владѣлецъ можетъ только опасаться, чтобы фермеръ, не увѣренный въ возобновленіи своего контракта, не истощилъ земли въ послѣдніе годы пользованія ею и не преслѣдовалъ, въ ущербъ ему, исключительно своихъ собственныхъ интересовъ: но есть вѣрное средство предостеречься противъ опасности такого рода, выговоривши въ контрактѣ, какого именно способа обработки фермеръ долженъ придерживаться въ послѣдніе три или четыре года. Благодаря этому, интересы владѣльца получаютъ достаточное обезпеченіе, а фермеръ будетъ пользоваться тою полною свободою дѣйствій, которая необходима ему для успѣшнаго и разумнаго развитія земледѣлія.

Продолжительные сроки аренды встрѣчаютъ, впрочемъ, очень серіозныя возраженія. Владѣльцу, во первыхъ, очень хорошо извѣстно, что наемная цѣна за землю, не говоря уже о случайныхъ ея колебаніяхъ, которыя можно опредѣлить среднимъ числомъ, взявши періодъ въ двадцать или двадцать пять лѣтъ, постоянно стремится къ возвышенію, даже при отсутствіи всякихъ улучшеній почвы, просто въ силу успѣховъ общественнаго развитія; онъ остережется, слѣдовательно, отдать землю въ наемъ на слишкомъ продолжительное время. Вовторыхъ, такъ какъ по законодательству нашему, наследство дѣлится на равныя части между всѣми дѣтьми, то глава семейства имѣетъ много, по меньшей мѣрѣ, удовлетворительныхъ причинъ избѣгать наймовъ на длинныя сроки, ибо, благодаря имъ, раздѣлъ могъ бы сдѣлаться затруднительнымъ. Прибавимъ къ этому, что законъ, согласный въ этомъ съ нравами и обычаями французскаго общества, запрещаетъ опекунамъ, общинамъ и благотворительнымъ заведеніямъ заключать контракты болѣе чѣмъ на девять лѣтъ.

Если вы спросите меня теперь, составляет ли фермерство последнее слово земледѣльческаго прогресса, удовлетворяет ли оно одинаково и вполне интересамъ фермера и землевладѣльца, то я буду отвѣчать отрицательно, даже подъ страхомъ противорѣчить въ этомъ отношеніи большей части знаменитѣйшихъ нашихъ экономистовъ. Положеніе фермера слишкомъ не прочно, и контрактъ между нимъ и землевладѣльцемъ всегда клонится, на сколько это возможно, въ пользу послѣдняго изъ нихъ: этого нѣтъ еще, конечно, у васъ, гдѣ народонаселеніе не многочисленно, а поля безграничны. Но предѣлы Франціи не обширны, а земледѣльческое народонаселеніе въ ней очень густо. Число наемныхъ фермъ у насъ ограничено, охотниковъ же въ фермеры представляется очень много, такъ что владѣльцы злоупотребляютъ иногда безъ зазрѣнія совѣсти этою конкуренціею. Фермеръ видитъ, что ему не слѣдуетъ слишкомъ привязываться къ порученной ему землѣ, что не надо тратить на нее капиталовъ, которые было бы трудно возвратить. Онъ пользуется настоящимъ, не заботясь много о будущемъ. Онъ не разводитъ ни деревьевъ, ни фруктовыхъ садовъ, ни виноградниковъ, ни маслинъ; онъ не проводитъ каналовъ, не осушаетъ полей, не орошаетъ ихъ, не дѣлаетъ, словомъ, ничего, что послужило бы къ общему благу, и чѣмъ могли бы воспользоваться его потомки. Онъ знаетъ, что ему могутъ отказать, пожалуй, именно за его хорошее хозяйничанье. И дѣйствительно, если неуспынными трудами и заботами онъ улучшить землю, то владѣлецъ повыситъ на нее цѣну при возобновленіи контракта, и воспользуется такимъ образомъ, совершенно даромъ, трудомъ и пожертвованіями фермера. Случается даже не рѣдко, что при подписаніи контракта требуютъ вкупнаго (commis-sion, denier d'entrée) вдвое, даже вдесятеро противъ ежегодной платы, и обычай этотъ до того вошелъ въ силу, что одинъ извѣстный мнѣ фермеръ, платившій ежегодно 450 фр., принужденъ былъ дать при подписаніи контракта, единовременной приплаты 3000 франковъ!

Напрасно будутъ увѣрять, что этимъ средствомъ пріобрѣтается обезпеченіе состоятельности фермеровъ, и что, удаляя отъ дѣла недостаточныхъ людей, этотъ обычай ограничиваетъ возникающую между ними конкуренцію. Цѣли этой можно достигнуть путями, болѣе справедливыми и рациональными, не отнимая у поселенца выгодъ, которыя онъ долженъ былъ почитать своею собственностью, законно пріобрѣтенною въ продолженіи истекшаго

аренднаго времени, не разрушая его состоятельности въ самомъ ея источникѣ, и не лишая его возможности затрачивать въ землю деньги, за которыя она вознаградила бы его плодородіемъ. У насъ не положено никакой законной преграды корыстнымъ требованіямъ собственниковъ. Конечно, поселенецъ можетъ отказаться отъ найма фермы; но собственникъ всегда найдетъ работниковъ, тогда какъ земледѣлецъ, не имѣющій собственности, можетъ существовать только обработываніемъ чужой земли; понятно, что если у него на рукахъ женщины и дѣти, умирающія съ голоду, то онъ добивается работы во что бы то ни стало, и принимаетъ ее на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Отъ того не рѣдко наши крестьяне-фермеры отказываются отъ улучшения почвы изъ опасенія, чтобы хозяинъ не провѣдалъ, какой *maximum* продуктовъ можетъ дать земля, и чтобы вслѣдствіе этого не вздумалъ возвысить арендную плату.

Итакъ необходимо закономъ обезпечить фермеру право продолжать срокъ его найма, съ условіемъ уплаты собственнику известной добавочной суммы съ земли, которая трудами его приобрѣла высшую цѣнность. Разумное безкорыстіе нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ и въ этомъ случаѣ опередило законъ; въ томъ краѣ, о которомъ я сейчасъ буду говорить, мнѣ лично известны два собственника, обыкновенно заключающіе съ фермерами договоръ такого рода: по истеченіи шести лѣтъ условленнаго найма, ферма должна подвергнуться переоцѣнкѣ, и если фермеръ трудами своими увеличилъ цѣнность земли на 10 процентовъ дохода, то ферма отдается ему снова съ надбавкою только двадцатой части противъ преждеусловленной платы. Впрочемъ, какъ ни выгодно для фермеровъ подобное условіе, никто, кажется, изъ нихъ не воспользовался еще имъ воспользоваться. Такъ какъ условіе это предлагается человѣкомъ, который считается ихъ господиномъ, то они не могутъ или не хотятъ повѣрить, чтобъ оно было добросовѣстно установлено къ ихъ выгодѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что крестьяне не подлежатъ ответственности за то дикое состояніе, въ которомъ они прозябаютъ, и что главные виновники всѣхъ бѣдствій ихъ — мы, старшіе члены великой человѣческой семьи, не сумѣвшіе братски протянуть имъ руку, дабы сдѣлать ихъ участниками тѣхъ благъ цивилизаціи, которыми мы обязаны настоящимъ нашимъ положеніемъ. Если мы не озаботились прививкою облагородить дикую грушу, то мы потеряли всякое право жаловаться, что она даетъ намъ

горькіе плоды, вмѣсто сладкихъ. Но при настоящемъ порядкѣ, и съ точки зрѣнія тѣхъ, которые видятъ только матеріальный фактъ, не обращая вниманія на обстоятельства, сдѣлавшія его роковымъ и неизбѣжнымъ, надо сознаться, что крестьяне наши составляютъ странное племя, и что необходимо сохранить въ душѣ огромный запасъ филантропіи тому, кто захотѣлъ бы посвятить труды свои благосостоянію этихъ созданій, ложно направленныхъ и вѣчно недовѣрчивыхъ по привычкѣ къ гнету, страданію и нищетѣ, лишенныхъ способности отличить друга отъ врага, слѣпо ненавидящихъ все, что стоитъ выше ихъ, и представляющихъ собою самое страшное препятствіе прогрессу, отъ котораго зависятъ всѣ ихъ выгоды (1). Что касается до меня лично, то я давно уже доказалъ мою глубокую къ нимъ симпатію; я принадлежу къ числу людей, наиболѣе заботившихся во Франціи о ихъ интересахъ: цѣлыя двадцать лѣтъ всѣ труды мои, всѣ мои занятія я исключительно посвящалъ имъ. И несмотря на то, въ 1848 году, въ моемъ собственномъ имѣніи, они едва не присоединили меня къ лику мучениковъ, хотя я никогда не домогался такой чести. И, замѣьте это, въ то же самое время, и по той же самой причинѣ, то-есть за мои стремленія къ умственному, нравственному и матеріальному улучшенію сельскаго населенія, буржуазія обнаружила противъ меня такія же враждебныя чувства! *E sempre bene*, какъ говорятъ Италіянцы.

Но на этотъ разъ мы оставимъ общія разсужденія, и, если вамъ угодно, снова пустимся въ наше земледѣльческое путешествіе по Франціи. Теперь мы посѣтимъ съ вами древнюю Бретань, въ составъ которой входятъ пять департаментовъ: Нижней Луары, Илли и Вилены, Морбигана, Финистерра и Сѣверныхъ Береговъ.

Позвольте мнѣ однакоже остановиться еще на минуту, потому что въ странѣ, извѣстной подъ названіемъ Нижней Бретани, то-есть въ части департамента Сѣверныхъ Береговъ, Морбигана и Финистерра, мы найдемъ совершенно оригинальный родъ фермер-

(1) Для читателей, незнакомыхъ съ французскими крестьянами по личному опыту, считаетъ нужнымъ замѣтить, что едвали есть въ Европѣ крестьяне, которые отличались бы такою грубостью нравовъ, такою тупостію и такою недовѣрчивостію къ своимъ ближнимъ, какъ крестьяне французскіе. Русскій крестьянинъ несравненно человѣчнѣе, воспріимчивѣе и смысленѣе французскаго: русскіе помѣщики никогда не были такъ властолюбивы и такъ корыстолюбивы, какъ въ продолженіи многихъ вѣковъ были сеньйоры французскіе. *Ред.*

ства, который во Франціи не встрѣчается болѣе нигдѣ, и который, по моему мнѣнію, можетъ очень хорошо соотвѣтствовать тому переходному состоянію, въ какомъ вы находитесь въ настоящее время. Я говорю о *domaine congéable*, или *bail à convenant*, условіи, занимающемъ среднее мѣсто между аренднымъ контрактомъ и купчею крѣпостью. Никакъ нельзя сказать, чтобъ этотъ видъ условій сложился менѣе удачно, нежели какой бы то ни было другой видъ существующихъ во Франціи отношеній между поземельнымъ собственникомъ и земледѣльцемъ, или чтобъ онъ съ меньшимъ успѣхомъ велъ къ соглашенію ихъ обоюдныхъ выгодъ. И несмотря на то, этотъ особенный родъ найма земли остается исключительно принадлежностью Нижней Бретани, и за предѣлами ея никто во Франціи даже и не подозреваетъ о его существованіи.

«Свобода принадлежитъ древнему времени, а рабство новому», говоритъ г-жа Сталь. Слова ея, конечно, нельзя назвать совершенно истинными, но ихъ нельзя назвать и совершенно ложными: если, при историческомъ изслѣдованіи, у колыбели каждаго народа можно встрѣтить богиню свободы, то вскорѣ можно видѣть также, какъ быстро улетаетъ она, оставляя безоружное большинство въ добычу воинственному меньшинству. Когда въ IV вѣкѣ нашей эры, толпы жителей Англій оставили страну свою, избѣгая тяжелаго рабства, принесеннаго къ нимъ саксонскими завоевателями, многіе изъ нихъ нашли новое отечество въ нашей древней Арморикѣ, гдѣ эти переселенцы встрѣтили народъ соплеменный, сходный съ ними по языку и обычаямъ. Они нашли землю необработанную, малонаселенную, еще носившую слѣды дикихъ опустошеній, совершенныхъ римскимъ завоеваніемъ. Собственники, владѣвшіе обширными и бесплодными пустынями, съ радостью приняли этихъ бѣглецовъ и всѣми средствами старались удержать ихъ на своей землѣ. Но изгнанники не за тѣмъ бѣжали отъ рабства изъ своей родины, чтобы смиренно подчиниться ему на чужой сторонѣ: они явились людьми свободными, и для того, чтобы привязать ихъ своей землѣ, собственники вынуждены были предложить имъ уже не условія рабства, а условія справедливыя и выгодныя для обѣихъ договаривавшихся сторонъ.

Вслѣдствіе этого установлено было, чтобы землевладѣлецъ получалъ ежегодную плату, пропорціональную дѣйствительной цѣнности земли въ томъ необработанномъ состояніи, въ которомъ она находилась. Но такъ какъ изъ земли въ этомъ видѣ

нельзя было извлекать дохода безъ выдачи нѣкоторой суммы, необходимой для ихъ обработки, то собственникъ, не желая рисковать такою суммой, предоставилъ колонистамъ право устраивать хозяйственныя заведенія, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы всѣ заведенія, устроенныя послѣдними на свой счетъ, зданія, плантаціи фруктовыхъ деревьевъ, оградныя рвы, водопроводные каналы и проч., однимъ словомъ все, что разумѣютъ подъ общимъ названіемъ *édifices et superficies*, оставалось собственностью колониста или его наследниковъ. Землевладѣлецъ, или *fonsier*, какъ его обыкновенно называютъ, долженъ былъ принять на себя обязательство вознаградить колониста по истеченіи аренднаго срока, смотря по цѣнности его *édifices et superficies*, а безъ этого вознагражденія договоръ о наймѣ долженъ былъ оставаться въ своей силѣ на дальнѣйшій срокъ и на тѣхъ же самыхъ условіяхъ; въ случаѣ же, если поземельный собственникъ вздумалъ бы вступить въ полное владѣніе своими землями, то онъ долженъ былъ объявить колонисту, или *domanier*, о своемъ намѣреніи за шесть мѣсяцевъ до истеченія договорнаго срока.

Съ своей стороны колонистъ пріобрѣталъ право распоряжаться по своему произволу своею временною собственностью, не имѣя надобности въ согласіи землевладѣльца, съ тѣмъ только, чтобы всѣ *édifices et superficies* его, составляющія гарантію послѣдняго, оставались въ такомъ состояніи, которое бы соответствовало назначенію ихъ способствовать веденію хозяйства. Вслѣдствіе такого постановленія, землевладѣлецъ не имѣлъ уже надобности въ личной гарантіи; онъ потерялъ право повѣрять акты, по которымъ фермы его переходили изъ рукъ въ руки, и даже тѣ, по которымъ онѣ дѣлились между нѣсколькими наследниками или пріобрѣтателями.

Фермеръ обязанъ производить тѣ только постройки или работы, которыя постоянно необходимы для хозяйства, или которыя условлены съ собственникомъ и обозначены въ засвидѣствованномъ контрактѣ. Несмотря однако на такое разумное ограниченіе, установленное закономъ, фермеръ употребляетъ всевозможныя старанія увеличивать свои *édifices et superficies*. Конечно это ведетъ его къ издержкамъ, но онъ ихъ дѣлаетъ исподволь, когда и какъ ему вздумается, и по прошествіи нѣкотораго времени онъ доводитъ до такой огромной суммы цѣнность заведеній, что выкупъ ихъ становится тягостнымъ бременемъ для землевладѣльца. Всѣ фермеры съ большею или

меньшею ловкостію и настойчивостію стремятся къ подобному результату, чтобъ упрочить за собою обладаніе воздѣланною ими фермой.

До революціи 1789 года, помѣстье Роганъ подчинено было оригинальному узаконенію. По смерти отца, ферму наследовалъ одинъ изъ сыновей, но не старшій, а напротивъ младшій, за неимѣніемъ же наследниковъ мужескаго пола, наследницею становилась младшая изъ дочерей. Неправда ли, много трогательнаго въ этомъ законѣ, основанномъ на желаніи обезпечить положеніе слабыхъ и малолѣтнихъ? Это тѣмъ замѣчательнѣе, что по большей части законы дѣйствуютъ совершенно наоборотъ, подъ очевиднымъ вліяніемъ сильныхъ, которые стараются обезпечить себя насчетъ слабыхъ. Впрочемъ тотъ же самый законъ давалъ большія права собственнику, который получалъ въ наследство всѣ *édifices et superficies*, если фермеръ умиралъ, не имѣя ни прямыхъ наследниковъ, ни малолѣтнихъ сестеръ и братьевъ, которые бы жили вмѣстѣ съ нимъ.

Если поземельный собственникъ имѣетъ право отпустить поселенца, выкупая у него устроенныя имъ заведенія, то поселенецъ въ свою очередь имѣетъ право требовать отъ собственника, чтобы тотъ взялъ у него ферму и выкупилъ эти заведенія; въ послѣднемъ случаѣ собственникъ приходитъ въ совершенную зависимость отъ поселенца, если только дозволилъ ему въ своемъ имѣніи устройство заведеній и работъ бесполезныхъ или слишкомъ цѣнныхъ. Нерѣдко помѣщики заявляютъ намѣреніе отпустить поселенца, съ тою цѣлію чтобъ убѣдиться, дорожитъ ли поселенецъ своею фермой; если окажется, что поселенецъ желаетъ остаться въ имѣніи, то съ нимъ возобновляется договоръ, но уже со включеніемъ условій, ограничивающихъ права его. Другіе, еще болѣе недovѣрчивые, землевладельцы стараются при первой возможности отпускать своихъ поселенцевъ, и можно предсказать навѣрное, что не пройдетъ ста лѣтъ, какъ воздѣлываніе земли на условіяхъ такого рода совершенно исчезнетъ въ Бретани. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что оно никуда не годится? Нисколько, и даже напротивъ; но въ немъ есть своего рода недостатки, а у насъ во Франціи завелся такой обычай, что если мы открываемъ несовершенство въ какомъ-нибудь учрежденіи, то вмѣсто устраненія вошіющихъ злоупотребленій, мы находимъ, что гораздо удобнѣе однимъ ударомъ ниспровергнуть самое учрежденіе: это подвергаетъ насъ тяжелымъ урокамъ; мы идемъ подобно волнамъ океана посреди

бурь, между непрерывнымъ приливомъ и отливомъ; сегодня подвигаемся впередъ, завтра отступаемъ назадъ, и чѣмъ оскорбительнѣе кажется намъ отступленіе, тѣмъ неукротимѣе становятся наши порывы.

Находясь на крайнемъ предѣлѣ древняго міра и какъ бы отдѣляясь отъ европейскаго материка, чтобы съ угрозою ринуться на Англію, Бретань не менѣе отдѣлена отъ самой Франціи рѣками и горами, а еще болѣе тѣмъ древнимъ кельтическимъ нарѣчіемъ, которымъ и теперь говорятъ ея жители, и звуки котораго путешественники съ изумленіемъ встрѣчаютъ въ священномъ языкѣ Индусовъ. Эта страна кварца и гранита, въ которой друиды нѣкогда изсѣкали свои чудные памятники, презирающіе время и являющіеся по прошествіи трехъ тысячъ лѣтъ нѣмыми свидѣтелями исчезнувшей цивилизаци, страна грубая и дикая, гордо прикрывающая нищету свою плащомъ изъ терновника, вереска и бесполезныхъ папоротниковъ, сохранила болѣе всѣхъ другихъ частей Франціи, послѣ Вандеи, о которой я буду говорить вамъ въ слѣдующемъ письмѣ, во всей чистотѣ свой оригинальный характеръ и свою неизгладимую индивидуальность.

Вѣчная мрачность, суровость и пустынность наружнаго вида Бретани зависятъ отъ множества бесплодныхъ ландъ, которыя занимаютъ около трети пространства пяти департаментовъ, входящихъ въ составъ этого полуострова. Но чловѣкъ въ этой бѣдной странѣ еще бѣднѣе земли, и земля ждетъ еще трудовъ чловѣка, чтобы вознаградить ихъ своимъ плодородіемъ. Недавно одинъ изъ лучшихъ агрономовъ Бретани и всей Франціи былъ пораженъ печальнымъ состояніемъ земледѣлія, посѣтивъ ферму въ шестьдесятъ гектаровъ, которая, судя по средней цѣнности земли, должна бы доставлять отъ трехъ до четырехъ тысячъ франковъ ежегоднаго дохода, и за которую фермеръ платилъ около 200 франковъ собственнику, проживающему въ Парижѣ. Фермеръ ежегодно воздѣлывалъ десять гектаровъ, все одни и тѣ же, засѣвая ихъ на половину гречью, на половину рожью. У него оставалось чистой прибыли третья часть собраннаго хлѣба, и этого ему достаточно было для прокормленія семейства, остальная же земля его лежала невоздѣланная и служила пастбищемъ для домашнихъ животныхъ. Совершенно довольный своею участью, даже гордясь ею, онъ жилъ въ полной независимости, въ кругу своей семьи, подъ кровомъ полуразрушенной хижины, затерянной въ пустынѣ, и немногимъ отличался отъ

своихъ животныхъ, которыя, словно дикіе звѣри, блуждали по обширнымъ пространствамъ ландъ. Если таково состояніе фермеровъ, то что же можно сказать о простыхъ рабочихъ? Какого прогресса ожидать отъ страны, гдѣ поземельные собственники нисколько не заботятся ни о землѣ своей, ни объ умственномъ и нравственномъ состояніи тѣхъ, трудами которыхъ они существуютъ,—гдѣ они никогда не посѣщаютъ своихъ помѣстій и предоставляютъ все судьбѣ да рутинѣ крестьянина?

Извѣстно, что Франція въ хорошіе годы производитъ едва достаточное количество хлѣба для своего собственного потребленія, а въ худые должна обращаться съ требованіемъ къ иностраннымъ государствамъ для пополненія своихъ недостатъ: какъ бы, кажется, не заняться устройствомъ этихъ невоздѣланныхъ земель, которыя можно было бы частію обратить въ плодородныя нивы, частію въ луга и пастбища, частію засѣять лѣсомъ! Увы! о такомъ улучшеніи хозяйства и думать нечего, потому что у насъ на земледѣліе стараются употреблять какъ можно меньше капитала, и нѣтъ почти мѣста, гдѣ бы земли, уже воздѣланныя, достигали наивысшей степени плодородія; землевладелецъ не можетъ употреблять свои доходы на разработку нови, когда и такъ половина полей остается въ пару, за недостаткомъ удобренія.

Я съ своей стороны думаю, что такъ какъ богатые поземельные собственники постоянно живутъ въ городахъ и не хотятъ пожертвовать даже ничтожною частицею своего состоянія для улучшенія земледѣльской промышленности, которую мы всѣ существуемъ, и недостаточность которой заставляетъ націю испытывать страшныя мученія голода, то слѣдовало бы закономъ принудить ихъ обращать въ *domaines congéables* земли, не приносящія въ рукахъ ихъ никакой пользы. Такое распоряженіе нисколько бы не уменьшило ихъ доходовъ, напротивъ увеличило бы ихъ, а крестьяне, поощряемые полусобственностью, которую упрочиваетъ имъ подобный родъ фермерства, стали бы уплачивать, сначала ничтожную сумму за право пользованія землями, въ настоящее время не имѣющими никакой цѣны, а потомъ собственная выгода стала бы побуждать ихъ къ разработкѣ этихъ пустынь, покрытыхъ верескомъ, терновникомъ и папоротниками.

Операція такого рода потребовала бы весьма малаго жертвованія со стороны землевладельца; стоить только разчислить луга и раздѣлить ланды на участки по семи-восьми гектаровъ,

выстроить домикъ, скотный дворъ и снабдить крестьянина на первое обзаведеніе домашними животными и удобреніемъ. Арендные договоры можно бы установить на двадцать лѣтъ; земли подвергать оцѣнкѣ въ началѣ и въ концѣ условеннаго времени и предоставить въ пользу колонистовъ третью часть увеличившейся цѣнности имѣнія; если же они сами захотятъ завести скотъ и добыть удобреніе, то обезпечить ихъ половиною этой цѣнности. Тѣ же, которые не захотѣли бы согласиться на этотъ способъ улучшенія своихъ помѣстій должны были бы лишиться своей собственности и получить за нее вознагражденіе по оцѣнкѣ экспертовъ, а земли ихъ должны были бы перейти въ другія руки. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ, которые оказали бы добросовѣстное содѣйствіе этой операціи, обезпечили бы благосостояніе своихъ наслѣдниковъ, вслѣдствіе быстраго возвышенія внутренней цѣнности земель и развитія фермерства, а въ то же время доставили бы работу тысячамъ крестьянъ, которые въ ней нуждаются.

Обширныя ланды Бретани, ея многочисленныя луга, наклонность жителей ея къ пастушеской жизни, трудность добыванія удобреній, отсутствіе городовъ, благосостояніе и богатство которыхъ требуютъ болѣе цѣнныхъ продуктовъ, какковы напримѣръ продукты садоводства, все это, повидимому, должно было бы сдѣлать страну эту страню скотоводства и слѣдовательно страню, въ которой преобладало бы крупное хозяйство. Но, наперекоръ ожиданіямъ, она представляетъ собою страну мелкаго и средняго хозяйства, и тѣмъ не менѣе однакожь на пространствѣ ея не рѣдко встрѣчаются обширныя и богатыя помѣстья. На Бретани мы ясно видимъ, что крупная поземельная собственность не имѣетъ своимъ непремѣннымъ послѣдствіемъ существованія хозяйствъ обширнаго размѣра.

Представьте себѣ, что какой-нибудь владѣлецъ помѣстья въ триста гектаровъ возымѣетъ филантропическое желаніе возбудить трудъ вокругъ себя и привязать къ почвѣ поселянъ, которые ее покидаютъ; онъ раздѣлитъ свою обширную земледѣльческую мануфактуру на тридцать малыхъ фермъ, совершенно одна отъ другой независимыхъ, съ тѣмъ чтобы въ каждой изъ нихъ были собственно ей принадлежащія строенія, земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, поля и дороги, чтобы каждая ферма состояла подъ особымъ надзоромъ и управленіемъ. Такимъ образомъ онъ устроитъ малыя хозяйства на большомъ поземельномъ владѣ-

ніи, онъ дастъ работу 150—200 человѣкамъ, которые будутъ жить произведеніями этой земли. Но издержки на производство будутъ гораздо значительнѣе, и огромный капиталъ будетъ затраченъ землевладѣльцемъ; производство сдѣлается несравненно обширнѣе, но за то и потребление въ то же время возрастетъ до обширныхъ размѣровъ; воловаго дохода окажется много, а чистаго барыша очень мало, потому что все потреблено будетъ двумястами человѣкъ, составляющими семейство тридцати фермеровъ, тридцатью или сорока рабочими лошадьми и пр. Въ результатъ окажется, что на рынокъ придется послать очень мало или даже вовсе ничего. Отсюда неизбѣжно возникаетъ дороговизна сѣстныхъ припасовъ.

Если же напротивъ того землевладѣлецъ самъ задумаетъ воздѣлывать свои земли въ обширныхъ размѣрахъ, если онъ призоветъ на помощь раздѣленіе труда, употребленіе машинъ, однимъ словомъ всѣ средства крупной и разумной земледѣльческой промышленности, то ему достаточно будетъ для его дѣла тридцати или сорока человѣкъ, нѣсколькихъ паръ воловъ и рабочихъ лошадей. Конечно, въ такомъ случаѣ полтора-два человѣка покинутъ поля, за недостаткомъ работы; но работу доставить имъ городъ, и мануфактурная промышленность достигнетъ въ свою очередь высокой степени развитія; городъ снабдитъ ихъ также хлѣбомъ, потому что 30—35 человѣкъ, работающихъ на большомъ поземельномъ владѣніи, не въ состояніи будутъ потребить всѣ его продукты, а такъ какъ капиталъ, затраченный владѣльцемъ, будетъ несравненно меньше, то владѣлецъ въ состояніи будетъ, отправляя на рынокъ большее количество зерноваго хлѣба, продавать его по болѣе дешевой цѣнѣ, и однакожь, несмотря на это пониженіе цѣнности продуктовъ, барыши сдѣлаются гораздо значительнѣе, потому что число работниковъ, между которыми они должны быть распределены, будетъ гораздо меньшее. По мѣрѣ распространенія довольства между крестьянами, возвысятся и потребности ихъ, въ настоящее время слишкомъ ограниченныя. Удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей откроетъ путь къ высшимъ стремленіямъ: Богъ вложилъ въ насъ желаніе благосостоянія и прогресса конечно не съ тою цѣлю, чтобы мы представляли собою элементы волненій и безпорядковъ. А тогда, инициатива въ дѣлѣ прогресса будетъ принадлежать всѣмъ и каждому. Богатство городского населенія будетъ возрастать, по мѣрѣ того какъ деревни будутъ

усиливать свои требованія на произведенія мануфактурныя, и городъ въ свою очередь въ состояннн будетъ потреблять болѣе. Во Франціи, напротивъ того, крестьянинъ нерѣдко не можетъ добыть денегъ за свои хлѣбные запасы, которые не продаются, а городскіе жители терпятъ въ то же время голодъ, пьютъ одну воду, не имѣютъ одежды, чтобы согрѣться, не имѣютъ дровъ, чтобы сварить себѣ пищу.

Сравнительныя преимущества большаго или мелкаго земледѣльческаго хозяйства составляютъ капиталный вопросъ, въ рѣшеніи котораго далеко еще не согласились между собою передовые люди науки. Впрочемъ, рѣшеніе этого вопроса на практикѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ зависѣть отъ произвола людей; тысячи обстоятельствъ ставятъ землевладѣльца въ зависимость отъ обычаевъ страны, — обычаевъ, которые сами собою вытекаютъ изъ состояннн земледѣльческаго населенія, находящагося въ его распоряженіи. Но я не буду развивать этотъ пунктъ; подробности завели бы насъ слишкомъ далеко, и можетъ-быть безъ интереса для вашихъ читателей.

Департаментъ Нижней Луары не отличается плодородіемъ почвы, и воздѣльваніе земли, вообще раздѣленной на малые участки, производится мѣстами заступомъ, мѣстами двухъ- или трехъ-парнымъ плугомъ. Обширныя болота, безчисленные пруды, изъ которыхъ одинъ носитъ нѣсколько честолюбивое названіе озера, бесплодныя ланды занимаютъ значительную часть пространства. Остальная часть содержитъ превосходныя пастбища, расположенныя по живописнымъ островамъ Луары и по берегамъ потоковъ, изобильно орошающихъ страну. Сверхъ того есть полосы удобной земли, которыя довольно хорошо обработаны, но которыя производятъ количество хлѣба, едва достаточное для мѣстнаго потребленія. Здѣсь мы находимся на крайнемъ предѣлѣ возрастанія виноградной лозы и встрѣчаемъ совершенно особенный родъ фермерства, называемый *complant* и имѣющій нѣкоторое сходство съ *domaine con-géable*. Владѣльцу принадлежитъ земля, фермеру виноградныя лозы; послѣдній сажаетъ ихъ, вырываетъ и замѣняетъ засохшія лозы и даетъ землевладѣльцу часть винограднаго сбора, половину или треть, смотря по степени плодородія или по заключенному условію. Не думаю, чтобы такое соотношеніе двухъ родовъ собственности, внутренней (поземельной) и внѣшней (заключающей въ виноградныхъ лозахъ), существовало въ какой-нибудь другой части Франціи. Вино добывается здѣсь самаго посред-

ственного качества, и все количество его, не потребляемое на мѣстѣ, отправляется вверхъ по Луарѣ до Орлеана, гдѣ оно перемѣняетъ свое свойство и названіе и поступаетъ на торговые рынки подѣ именемъ орлеанскаго уксуса. Впрочемъ частый неурожай зерноваго хлѣба и плохое качество вина, такъ же какъ и болѣзнь винограда, портившая этотъ драгоцѣнный продуктъ въ продолженіи четырехъ или пяти лѣтъ, заставили многихъ владѣльцевъ внутренней и внѣшней собственности уничтожать виноградники и обращать ихъ въ поля съ колосовымъ хлѣбомъ. Такая перемѣна рѣдко бываетъ однакожь удачна, потому что виноградники любятъ почву средней руки, неудобную для иного рода земледѣлія, и лучшіе плоды свои приносятъ на утесахъ, почти совершенно обнаженныхъ. По счастью, мануфактурная промышленность, довольно развитая въ департаментѣ, пополняетъ недостатокъ земледѣлія. Обширный и богатый городъ Нантъ, заключающій въ себѣ болѣе ста тысячъ жителей, составляетъ центръ этой промышленности, и особенно благопріятствуетъ тѣмъ изъ ея отраслей, которыя прямо или косвенно относятся къ морскимъ сооруженіямъ. Рыбная ловля, частію въ океанѣ, частію въ Луарѣ и ея притокахъ, частію въ прудахъ, число которыхъ простирается до 700 или 800, оказываетъ дѣятельное пособіе земледѣльческой промышленности, ровно какъ и разработка каменноугольныхъ бассейновъ. Въ иныхъ мѣстахъ крестьяне занимаютъ въ свободное время горшечнымъ ремесломъ и такимъ образомъ извлекаютъ пользу изъ почвы, неудобной для земледѣлія. Мущина добываетъ глину, толчетъ ее, мѣситъ и дѣлаетъ горшки; женщина срѣзываетъ верески для обжиганія и, когда горшки готовы, относитъ ихъ на рынокъ. Съ двѣнадцатилѣтняго возраста дѣти начинаютъ работать; мальчики выдѣлываютъ маленькія чашки, грубые кофейники; дѣвочки помогаютъ матери въ хозяйствѣ и другихъ занятіяхъ. Во всякомъ случаѣ положеніе этихъ сельскихъ горшечниковъ не имѣетъ и отдаленнаго сходства съ положеніемъ тѣхъ античныхъ горшечниковъ, которые умѣли возвести ремесло свое на степень изящнаго искусства. Маленькая хижина, въ которую свѣтъ проходитъ сквозь узкую дверь, плохая кровать у печки, худая ларь, изрѣдка шкафъ, столъ, покрытый гораздо чаще глиною, чѣмъ хорошимъ хлѣбомъ, тощая корова, маленькая лошадь для перевозки горшковъ,—вотъ все имущество горшечника. Если не по убѣжденію, то по необходимости, онъ жизнью своею пред-

ставляетъ умѣренность мудреца; небольшое количество вина и табаку удовлетворяютъ всѣмъ его желаніямъ. Умѣренность невольная, не составляющая заслуги! И въ самомъ дѣлѣ, горе семейству, если самъ мужъ вздумаетъ отправиться на рынокъ для продажи произведеній своей скромной фабрики: рѣдко возвратится онъ, не разсѣявъ дорогою по шингамъ всѣхъ вырученныхъ денегъ, и нисколько не подумаетъ о томъ, что дома найдеть жену и дѣтей, голодныхъ и покрытыхъ лохмотьями...

Повидимому, здѣсь сельскіе нравы сохранили еще нѣкоторыя черты патріархальнаго быта. Жена, дѣти, слуги, служанки слѣпо повинуются повелѣніямъ главы семейства. Впрочемъ скудость фермъ не требуетъ большаго числа рукъ, и глава семейства самъ занимается работою, столько же и даже болѣе чѣмъ надзоромъ и раздачею приказаній. Хозяйка дома и ея дочери раздѣляютъ занятія служанокъ, такъ же какъ хозяинъ раздѣляетъ занятія своихъ слугъ. Такимъ образомъ одинаковость работъ, постоянное пребываніе вмѣстѣ, все содѣйствуетъ къ поддержанію равенства между домохозяиномъ и его прислугою, и сынъ фермера поступаетъ безъ малѣйшаго неудовольствія на службу къ другому фермеру.

Непререкаемо признаваемое здѣсь всѣми преобладаніе одного пола надъ другимъ еще болѣе содѣйствуетъ поддержанію добраго согласія въ хозяйствѣ. Даже въ церквахъ только одни мужчины приближаются къ алтарю, женщины же стоятъ позади. Въ домѣ мужчины исключительно распоряжаются работами, торговыми сдѣлками, спекуляціями. Женщины не работаютъ ни заступомъ, ни плугомъ; онѣ полють, сѣять, помогаютъ въ жнитвѣ; но мужчины во всѣхъ случаяхъ избавляютъ ихъ отъ трудовъ, которые не по силамъ ихъ полу. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ другихъ мѣстахъ мы увидимъ совершенно противное.

Обычай, почти общій во всѣхъ семействахъ, довольствоваться одною комнатою для всѣхъ, не требуетъ много мебели. Нѣсколько постелей, сундукъ, шкафъ, скамьи, чашка для дѣтской каши, чугунный котель, большой чугунъ для щелока, деревянные ложки, нѣсколько глиняныхъ муравленныхъ чашекъ — вотъ вся мебель и хозяйственная утварь крестьянина. Буфетъ съ фаянсовою посудою и оловянными ложками свидѣтельствуютъ уже о довольствѣ и роскоши. На одной изъ полокъ этого сельскаго поставца красуется такъ-называемый *richet*, то-есть фаянсовая или жестяная кружка, всегда наполнен-

ная какимъ-нибудь напиткомъ, виномъ, сидромъ или молокомъ. Когда появляется гость, то хозяинъ встаетъ и подноситъ ему *richet*, предварительно омочивъ въ немъ губы и не дѣлая ему никакого вопроса. Гость выпиваетъ нѣсколько глотковъ, — отказъ считается жестокимъ оскорбленіемъ, — и тогда только хозяинъ можетъ спросить его о здоровьѣ и о причинахъ посѣщенія.

Пять-шесть постелей, покрытыхъ занавѣсками изъ какой-нибудь дешевой ткани и отдѣленныхъ одна отъ другой узкими проходами, служатъ притомомъ на ночь для дюжины обитателей скромнаго жилища. Дѣвушки спятъ совершенно безопасно, отдѣленные легкою тканью отъ молодыхъ людей; когда наступаетъ часъ сна, каждый идетъ на свою постель и, задерживая занавѣски, укрывается въ ней, какъ въ отдѣльной комнатѣ; никакая шутка не нарушаетъ общаго спокойствія.

Несмотря на все сказанное нами, нельзя не признать однакоже рѣзкаго различія въ Бретани между классомъ крестьянъ-собственникововъ и фермеровъ и классомъ крестьянъ-служителей, живущихъ ненадежною поденною работою. Нравы первыхъ очень суровы и строги, чего никакъ нельзя сказать о послѣднихъ. Если въ привилегированномъ классѣ тѣхъ, которые живутъ собственнымъ имуществомъ или доходами съ обрабатываемой ими фермы, молодая дѣвушка сдѣлается жертвою обольщенія, то воспоминаніе о проступкѣ ея переходитъ изъ рода въ родъ. Съ изумленіемъ слышишь такое сужденіе о молодой дѣвушкѣ: «Она ведетъ себя прекрасно; но какъ жаль, что бабка ея погрѣшила! на этомъ семействѣ лежитъ пятно.» Часто случается, что никто изъ жителей не знавалъ этой обезчещенной бабки, но они слышали о ней отъ отцовъ, и повторяютъ разказъ для назиданія юношеству, до тѣхъ поръ, пока, по прошествіи долгаго времени, новая ошибка не заставитъ ихъ забыть старый грѣхъ и не доставитъ новаго примѣра для назиданія.

Зимую крестьяне цѣлыми семействами посѣщаютъ другъ друга и работаютъ вмѣстѣ; мужчины, разсаживаясь на каменныхъ скамьяхъ, по обѣимъ сторонамъ обширной печи занимаются выдѣлываніемъ деревянной посуды, починкою земледѣльческихъ орудій, плетеніемъ большихъ корзинъ для сбора нѣкоторыхъ цѣнныхъ произведеній (напримѣръ плодовъ, высушенныхъ на солнцѣ или на печи и т. п.), украшеніемъ прялокъ

для молодыхъ дѣвицъ, которымъ хотять понравиться. Женщины прядутъ, дѣти слушаютъ; но не думайте, чтобы рѣчь шла объ улучшеніи земледѣлія, объ усовершенствованіи полезныхъ растений, объ акклиматизаціи деревьевъ или животныхъ, о введеніи новыхъ отраслей промышленности. Вся беседа ограничивается повтореніемъ суевѣрныхъ туземныхъ преданій: отцы считаютъ какъ бы обязанностью своею передавать ихъ дѣтямъ; и такъ переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣнія преданія эти, украшенные и значительно умноженные наивною и впечатлительною фантазіею поселянъ.

Департаментъ Илли и Вилены отличается отъ предыдущаго только болѣе рѣзкимъ характеромъ нищеты: здѣсь уже чувствуешь близость Нижней Бретани. И чего ожидать отъ гранитной плоскости, покрытой слоемъ растительной земли не болѣе, какъ на нѣсколько сантиметровъ, отъ почвы болѣе чѣмъ посредственной, гдѣ только влажность атмосферы поддерживаетъ растительность? Лишь половина поверхности этого департамента воздѣлывается и доставляетъ жатву далеко неудовлетворяющую нуждамъ населенія; все остальное покрыто лѣсами и ландами, а эти послѣднія производятъ только верескъ и плохой терновникъ, едва годные для топлива. Это страна мелкаго сельскаго хозяйства, въ которомъ дурное свойство почвы требуетъ столько трудовъ и усилій, что для обрабатыванія ея необходимо большое число рукъ. Несмотря на это, въ окрестностяхъ Ренна, С.-Мало и вообще всѣхъ центровъ населенія, земледѣліе находится въ довольно хорошемъ состояніи, и въ послѣдніе годы сдѣлало, — разумѣется, относительно, — большіе успѣхи. За то въ этихъ мѣстахъ мало крестьянъ-собственниковъ, а если и встрѣчаются они, то ихъ участки такъ ничтожны, что они не могутъ сами заниматься ихъ воздѣлываніемъ. Они отдаютъ свою землю въ наймы другимъ крестьянамъ, менѣе ихъ достаточнымъ, и берутъ ферму, обыкновенно весьма небольшую, плата за которую, обыкновенно назначаемая на деньги, никогда не достигаетъ 3.000 франковъ. По мѣрѣ удаленія отъ Верхней Бретани, ланды увеличиваются и остаются безъ разработки, особенно гдѣ онѣ составляютъ собственность общинъ. Чего ожидать отъ муниципальных совѣтовъ, гдѣ засѣдаютъ поселяне упрямые, тупоумные, слѣпо преданные рутинѣ, для которыхъ также не понятенъ голосъ разума, какъ и французскій языкъ! Они и теперь тѣ же, какими были въ то время, когда остроумная

маркиза Севинье писала (1675), что единственное французское слово, которое они понимаютъ, есть *теа supra*. Если хотя у одного муниципальнаго совѣтника по сосѣдству съ его деревнею найдется земля, принадлежащая общинѣ, и обреченная на пустыя пастбища, то онъ всегда упорно противится продажѣ или воздѣлыванію ея. Муниципальныхъ же совѣтниковъ множество, а ланды въ Бретани на каждомъ шагу. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что Бретонцевъ надобно взять въ опеку и отнять у нихъ право самимъ заниматься собственными дѣлами до тѣхъ поръ, пока они не представятъ доказательствъ ума и способностей? Это значило бы замѣнить одно зло другимъ, бѣльшимъ, и отсрочить на неопредѣленное время ихъ эманципацію. Только спотыкаясь, задѣвая за все и даже иногда нанося себѣ раны, ребенокъ приучается къ ловкости, и справедливаго осмѣянія заслужить тотъ отецъ, который, запрещая сыну купаться въ рѣкѣ, потребуетъ отъ него, чтобъ онъ приобрѣлъ качества отличнаго пловца.

Кажется, что между человѣкомъ и землею, по которой онъ ступаетъ, существуетъ какая-то таинственная и роковая связь: передается ли онъ лѣности, потому что она не повинуется его усиліямъ, остается ли она безплодною, потому что онъ мало лѣзетъ ее,—они оба бѣдствуютъ одинаково. Вездѣ, гдѣ много ландовъ, господствуетъ не только нищета, но и апатія, и земледѣліе страдаетъ отъ того. Крестьянинъ довольствуется урожаемъ, дающимъ ему пищу въ обрѣзъ, работаетъ дурно, безо всякаго смысла, и нисколько не стремится къ улучшенію своего быта. Каждый изъ нихъ пускаетъ на общинныя ланды свою лошадь или корову и такимъ образомъ не пользуется ни работою ихъ, ни удобреніемъ, которое могъ бы отъ нихъ получать; такъ велось изстари, и онъ никогда не пойметъ, что гораздо было бы выгоднѣе отдать въ обработку эти невоздѣланныя земли, а домашнихъ животныхъ заперать въ хлѣвъ. Дѣло идетъ совершенно иначе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно было раздѣлить общинныя участки, и я могу вамъ указать подлѣ маленькаго городка Редона общину, гдѣ раздѣлъ пустопорожнихъ земель доставилъ прежнимъ вассаламъ капиталъ въ 1.100.000 франковъ. Всякая собственность даетъ человѣку силу и мужество, которыхъ рабство лишаетъ его; всякое личное приобрѣтеніе земли крестьяниномъ есть величайшее общественное благо!

Но крайности опасны, даже въ самыхъ лучшихъ дѣлахъ. Осте-

регитесь безконечнаго дробленія собственности, равнаго надѣла землею дѣтей, и постарайтесь о мѣрахъ, которыя задержали бы раздѣленіе полей на слишкомъ мелкіе участки. Мы не умѣли этого сдѣлать, и у насъ земледѣліе обратилось отъ плуга къ заступу, и человѣкъ осужденъ на трудъ, который слѣдовало бы предоставить рабочимъ животнымъ,—волу или лошади.

По смерти отца, всѣ поля его, и безъ того раздробленныя, дѣлятся у насъ на участки, и если остается пять наследниковъ, то всякій изъ нихъ потребуетъ своей части въ каждой вещи, своей пятой доли въ каждой крохѣ наследства. Но не всѣ участки имѣютъ одинаковое качество, не всѣ одинаково воздѣланы: одинъ засѣянъ, другой подъ паромъ,—что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Остается раздробить каждое поле на пять частичекъ, произвести что-называется у насъ крестьянскій раздѣлъ (*partage de rauban*), изуродовать землю, обратить ее въ пыль, сдѣлать невозможною всякую обработку. Иногда они и на этомъ не останавливаются: случится имъ дѣлить лугъ не вездѣ одинаковаго качества и цѣнности,—они дѣлятъ его на участки, по числу сонаслѣдниковъ, и каждый изъ нихъ по очереди собираетъ сѣно съ каждаго участка, такъ что если ихъ пятеро, то на шестой годъ та же очередь повторяется снова и тѣмъ же порядкомъ. Страсть къ дѣлежу простирается до такой степени, что даже изба подвергается раздѣлу (я нисколько не преувеличиваю); такой-то получаетъ въ собственность часть избы до такого-то бруска или перекладыны, и такъ далѣе: печь и дверь остаются общею собственностью.

Раздѣлъ между сонаслѣдниками — дѣло затруднительное до крайности. Когда наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, согласятся на размежеваніе участковъ, то на рубежѣ вырываютъ глубокую яму, потомъ берутъ камень самый твердый, какой только можно отыскать подъ рукою, погружаютъ его въ яму такимъ образомъ, чтобъ онъ приходился въ уровень съ почвою, и съ нимъ вмѣстѣ зарываютъ два или три кремня, предварительно расколовъ ихъ, для того чтобъ осколки, въ случаѣ необходимости, могли засвидѣтельствовать свою форму, что они положены были туда рукою человѣка и съ особенною цѣлію. Камень носитъ названіе *межи* (*borne*), а осколки-кремней называются *свидѣтелями* (*témoins*).

Смотрите съ уваженіемъ на этотъ камень! Видите ли, вы около него человѣка одинокаго, разбитаго, согбеннаго надъ зем-

лею, который, когда проходите мимо, оставляет на мгновение свою тяжкую работу, и, опираясь на заступъ, заступъ Каина, бросаетъ на васъ взглядъ ненависти и подозрѣнія? Если этотъ камень, священный, какъ кивотъ завѣта, не прочно утверждёнъ на своихъ свидѣтеляхъ, если вы по неосторожности ступите на него ногою и сдвинете его направо или налево, вы навлекете на себя процессъ съ атрибутами освидѣтельствований, повальныхъ обысковъ и Богъ знаетъ чего, что вамъ будетъ стоить въ десять, въ двадцать, во сто разъ дороже потревоженной вами собственности.

Увы! межа глубоко врыта не въ полъ, а въ сердцѣ крестьянина; это подводная скала, о которую разбиваются союзъ, согласіе, святая любовь семейства; это предметъ отчаянія для мирового судьи, предметъ обогащенія для адвоката, стряпчачаго и повѣреннаго. Этотъ камень Фемида, коварная богиня, положила въ основаніе своему храму.

Qui terre a, guerre a (у кого земля, у того и война), говоритъ пословица. У васъ сотни сосѣдей, которые всё обкрадываютъ васъ или жалуются, что вы ихъ обкрадываете; послушайте только ихъ, и не найдете ни одного, чье поле не уменьшалось бы съ каждымъ годомъ; подумаешь, что земля сжимается и скоро совсѣмъ исчезнетъ.

Крестьяне употребляютъ дурную пищу, состоящую изъ ржанаго хлѣба, большаго количества молока, каштановъ, просяной каши, небольшого количества свиного сала въ праздничные дни, и болѣе всего изъ черныхъ ржанныхъ лепешекъ, національнаго кушанья въ Бретани, которымъ лакомятся даже въ городахъ достаточные люди; но несмотря на то что они пекутъ ихъ изъ муки, тщательно приготовленной, и не жалѣютъ масла для приправы, мнѣ кажется, что привычка съ юности и самая горячая любовь къ родинѣ необходимы, чтобы такое неудобосваримое кушанье могло нравиться.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ Ренна выдѣлывается сливочное масло *Prévalaye*, лучшее во всей Франціи. Мнѣ вздумалось самому купить этого масла, и я отправился на одну изъ главныхъ фермъ, гдѣ оно изготовляется. Толстая крестьянка, краснолицая и кривая, пекла на чугунной сковородѣ огромное количество черныхъ лепешекъ, которыя возвышались передъ ней цѣлою пирамидою; при этомъ она черпала большою деревянною ложкой жидкое прозрачное тѣсто изъ низенькой и широкой кадки. По

окончаніи своей стряпни, она вылила въ кадку цѣлый горшокъ воды и взболтала ее; я съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на такое соблюденіе чистоты, но она тотчасъ же вынесла кадку, не опаражнивая ея, на дворъ, гдѣ молодой боровъ, со всѣмъ увлеченіемъ юности, гонялся за курами, рывшимися въ навозъ; при появленіи молодой Бретонки съ циклопическимъ лицомъ, онъ немедленно оставилъ куръ и прибѣжалъ, радостно хрюкая, помадиться разведенными остатками благословенной жидкости. Я полагаю, что послѣ этого кадку вымываютъ и потомъ уже снова разводятъ въ ней тѣсто, а можетъ-быть это мое предположеніе не что иное, какъ предразсудокъ городского жителя; но признаюсь вамъ, эта общность пищи и посуды съ животнымъ, мылымъ Св. Антонію, страшно возмутила меня; вѣроятно съ тѣхъ поръ я и почувствовалъ отвращеніе къ чернымъ лепешкамъ.

Крестьянинъ Нижней Бретани пользуется вполнѣ заслуженною репутаціею самаго грязнаго существа; онъ обнаруживаетъ совершенное равнодушіе, глубочайшее презрѣніе къ удобствамъ жизни, которыя такъ высоко цѣнить англійскій фермеръ. Пусть дымится печь, пусть дверь скрипитъ на петляхъ, пусть кормилица броситъ грязное бѣлье своего ребенка возлѣ самаго завтрака, пусть испуганная курица взлетитъ на столъ и перемарааетъ кушанье, Бретонецъ остается совершенно равнодушень ко всѣмъ этимъ напастямъ, которыя, по его мнѣнію, не разлучны съ существованіемъ человѣка, и по справедливости можно сказать, что въ мірѣ нѣтъ существа, одареннаго такими крѣпкими нервами, какими природа наградила Бретанца. Тотчасъ по вскармленіи грудью, его предоставляютъ самому себѣ; дѣтство его, какъ кажется, имѣетъ только одну цѣль—убить въ немъ всякую нѣжность ощущеній и замѣнить ее дикою грубостью. Онъ испытываетъ первыя силы свои на влажномъ и каменистомъ полу плохо защищенной хижины, онъ дѣлаетъ первые шаги свои посреди густаго дыма, который, за недостаткомъ надлежащаго выхода, наполняетъ весь домъ, и посреди заразительныхъ испареній, которыя поднимаются съ кучи навоза, перегнивающаго у самыхъ дверей. Прибавьте къ этимъ обстоятельствамъ, и безъ того очень тяжкимъ, грубую пищу, надъ которою должны работать пищеварительные органы ребенка: густая, гречневая каша, тяжелая похлебка, прокислое молоко, недозрѣлые плоды и проч. Горе ребенку, который, при отнятіи

отъ груди, сохранивъ слабое сложеніе, или физическое развитіе котораго должно наступить поздно! Беззаботная безпечность родителей почти неизбѣжно подвергнетъ его той же участи, какой подвергала слабыхъ младенцевъ варварская предусмотрительность древней Спарты. Онъ умретъ, не оставляя послѣ себя большаго горя: вѣдь однимъ ангеломъ на небѣ становится болѣе, однимъ несчастнымъ на землѣ менѣе.

Привычка къ этой грубой и почти убійственной пищѣ до такой степени притупила вкусъ бретонскаго крестьянина, что онъ не въ состояніи различать свойства яствъ, выходящихъ изъ тѣснаго круга тѣхъ веществъ, которыя возбуждали въ немъ первыя ощущенія, и съ которыми онъ сжился, такъ что только одни сильно возбуждающія средства пробуждаютъ его загрузбѣлый аппетитъ. Этимъ объясняется и склонность его къ крѣпкимъ напиткамъ, къ сильно опьяняющимъ винамъ, такъ же какъ и неумѣренное употребленіе курительнаго табаку; самый крѣпкій табакъ едва щекочетъ его ротъ; по инстинкту, который пробуждается въ немъ всякій разъ, когда вызываетъ его необходимость, онъ отыскалъ средство пополнить недостатокъ сильнаго ощущенія, и для трубки своей придумалъ самый коротенькій чубукъ; горячій дымъ усиливаетъ возбуждающее дѣйствіе табаку. Не той ли же самой причинѣ, необходимости возбуждать притупленный вкусъ, долн о приписать обыкновеніе употреблять пищу до такой степени горячую, какой не могла бы вынести оболочка болѣе нѣжная?

Вотъ что писалъ о Бретани въ 1789 году Артуръ Йонгъ въ своемъ *Путешествіи по Франціи*:

«До Комбурга страна имѣетъ дикій видъ: земледѣліе находится тамъ въ такомъ же состояніи, какъ у Гуроновъ, что кажется невѣроятнымъ, когда рѣчь идетъ о государствѣ образованномъ; народъ тамъ почти такъ же дикъ, какъ самая страна, и городъ Комбургъ — одно изъ самыхъ грязныхъ, самыхъ суровыхъ мѣстечекъ, какія только можно себѣ вообразить. Глиняныя мазанки безъ оконъ и мостовая почти не проходима; удобствъ нѣтъ никакихъ. Совсѣмъ тѣмъ тамъ есть замокъ, и замокъ обитаемый. Кто этотъ г. де-Шатобрианъ владѣлецъ помѣстья, одаренный такими крѣпкими нервами, что онъ въ состояніи жить посреди подобной грязи и нищеты?»

Этотъ г. де-Шатобрианъ былъ отецъ одного изъ величайшихъ писателей нашего вѣка, того, который, почти одинъ во всей Франціи осмѣлился обнаружить сопротивленіе импера-

торскому деспотизму. И когда въ послѣдствіи мысль великаго писателя съ любовію обращалась къ этому комбургскому замку, гдѣ протекли его первые годы, онъ, конечно, смотрѣлъ на эту дикую страну лишь сквозь призму своей поэтической фантазіи.

Въ пяти департаментахъ Бретани классъ крестьянъ-собственниковъ можно подраздѣлить на два разряда. Къ первому принадлежатъ большіе собственники, которые владѣютъ количествомъ земли, достаточнымъ для организаціи значительной земледѣльческой обработки; они составляютъ около шестой части землевладѣльцевъ. Ко второму относятся мелкіе собственники, которые несравненно многочисленнѣе, такъ что въ настоящую минуту двѣ трети всей поземельной собственности принадлежатъ крестьянамъ. Отсюда проистекаетъ безконечное дробленіе земли, опасность котораго очевидна для всѣхъ, и никто не смѣетъ подумать объ отвращеніи ея. Если законодательство не постарается принять мѣры къ ограниченію этого дробленія, то въ будущемъ намъ предстоятъ ужасныя бѣдствія, такъ долго тяготѣвшія надъ Ирландіею. Почва Ирландіи, гдѣ даже и арендныя земли подвергались раздѣленію между членами семейства, раздробилась до такой степени, что участки не заключали въ себѣ болѣе одного или двухъ гектаровъ. Плугъ и рабочій скотъ исчезли съ такого обрѣзаннаго владѣнія, и оно съ трудомъ могло прикормить арендаторовъ. Ирландскіе земледѣльцы сажали только картофель, для котораго удобнѣе всего воздѣлывать землю заступомъ, а когда въ 1846 году это средство пропитанія измѣнило имъ вслѣдствіе распространившейся болѣзни картофеля, то несчастное народонаселеніе тысячами гибло отъ голода.

У насъ арендныя земли вообще не подвергаются раздѣлу, за исключеніемъ упомянутыхъ выше *domaines congéables*, но все-таки очень часто ферма по своему малому объему не допускаетъ значительныхъ земледѣльческихъ улучшеній. Въ департаментѣ Финистеррѣ есть землевладѣлецъ, который, съ цѣлію устранить безграничное дробленіе почвы, поставилъ въ контрактахъ своихъ съ фермерами условіе, что если нѣсколько собственниковъ захотятъ соединить свои фермы, чтобы воздѣлывать ихъ общими силами, прилагая къ нимъ приемы крупнаго сельскаго хозяйства, то онъ присоединитъ свою ферму къ ассоціаціи съ тѣмъ, чтобъ и его фермеры также имѣли право въ ней участвовать. Сказать правду, въ глубинѣ своего сердца онъ убѣжденъ, что онъ и его дѣти умрутъ посреди раз-

дѣленія земель и хозяйствъ. Однакоже два другіе собственника успѣли убѣдить съ десятокъ фермеровъ общими силами купить дургамскаго быка, который доставляетъ имъ значительныя выгоды, потому что они продаютъ его услуги поселянамъ, не принадлежащимъ къ ихъ ассоціаціи.

Надобно замѣтить, что сами фермеры побуждаютъ землевладѣльцевъ къ раздробленію ихъ помѣстій на малыя фермы. Они хотятъ сами производить всѣ работы, не приглашая на помощь батраковъ; ложный и скупой расчетъ не допускаетъ ихъ тратиться на жалованье, хотя бы вслѣдствіе этой скупости хозяйство ихъ оставалось скудно и ничтожно. Вообще наемныхъ работниковъ берутъ только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ во время жатвы. Оттого деревенскіе работники стремятся къ городамъ, и по естественному закону собираются туда, куда призываютъ ихъ капиталы и трудъ. Часто фермы такъ бѣдны, что фермеръ беретъ займы у сосѣда то лошадь, то земледѣльческія орудія. При такихъ условіяхъ крестьянинъ воздѣлываетъ какъ можно менѣе земли, и то дурно; онъ готовится подѣ пашню какой-нибудь клочокъ, засѣваетъ его пшеницею, на второй годъ рожью, на третій овсомъ, потомъ оставляетъ его въ залежи. Дурныя травы вырастаютъ на почвѣ, по которой не проходитъ плугъ, и это величаютъ названіемъ пастыбища, и выгоняютъ туда домашнихъ животныхъ. По прошествіи трехъ-четырехъ лѣтъ, почва, говорятъ, достаточно отдохнула, и ее запахиваютъ снова: таково это экономическое земледѣліе, которое стоить дешево, но за то и не доставляетъ ничего.

Если департаменты Сѣверныхъ Береговъ, Морбиганъ и Финистерръ составляютъ Нижнюю Бретань, то-есть самую своеобразную часть этой провинціи, то можно сказать, что Финистерръ по своимъ плодороднымъ равнинамъ и обнаженнымъ утесамъ, по красотѣ и вмѣстѣ суровости ландшафтовъ, по разнообразію памятниковъ, типовъ, обычаевъ и одежду, представляетъ собою полную картину Бретани въ сжатомъ видѣ. На сѣверѣ пыльные и пустынные дороги, бурья стада, разсыянные по ландамъ, цѣпи черныхъ безлѣсныхъ холмовъ съ волнующимся на нихъ верескомъ; небо сѣрое; то холодная сырость, то удушливый зной; пустыни, покрытыя терномъ и дрокомъ, и посреди всего этого населеніе грубое, мрачное, молчаливое. Напротивъ того, на югѣ, по направленію къ городкамъ Кимперу и Кимперле, вы вступаете въ лабиринтъ

огородовъ и цвѣтущихъ полей, ручьевъ, столь же гармоническихкихъ, какъ ихъ названія, красивыхъ долинъ и холмовъ, домовъ и деревень, утонувшихъ въ густой зелени листвы, веселыхъ городковъ, построенныхъ на берегу рѣкъ,—однимъ словомъ, передъ вами разстилаются тысячи чудныхъ ландшафтовъ, не уступающихъ красотою тѣмъ, которыми любоваться мы отправляемся въ отдаленную Швейцарію. Но недостатокъ Бретани въ томъ, что она близка къ намъ.

Впрочемъ почти вездѣ Бретань можно назвать землею контрастовъ, страну пустынь и оазисовъ. Всѣ обработанныя поля окружены валами (не менѣе пяти-шести футовъ въ вышину, при восьми-деяти футахъ ширины въ основаніи и трехъ-четырехъ на вершинѣ), подпертыми стѣнкой со стороны дороги и состоящими изъ одной земляной насыпи со стороны поля. Эта роскошная ограда устроивается и охраняется необыкновенно тщательно, особенно въ *domaines congéables*; причину понять не трудно. На оградахъ вездѣ растутъ колючій терновникъ и подстриженные дубки, вѣтви которыхъ обрѣзываются каждыя 8—9 лѣтъ; если они и занимаютъ слишкомъ много мѣста, за то предохраняютъ хлѣба отъ порывовъ вѣтра и очень облегчаютъ превращеніе нивы въ пастбище. Вы видите поле съ пшеницею и рядомъ съ нимъ поле съ утесникомъ или новину. Изъ мѣстъ, непроницаемыхъ для глаза по причинѣ множества оградъ и кустарниковъ, покрывающихъ ограды, вы переходите въ обширные ланды, которымъ и конца не видно. Изъ страны, самой плодоносной, почти безъ перехода, вы вступаете на обнаженную почву, гдѣ на каждомъ шагѣ выглядываютъ гранитные утесы. Съ вершины горы каменистой, совершенно безплодной, мѣстами усѣянной верескомъ, вы видите зеленѣющую долину, окруженную мощными деревьями, перерѣзанную во всѣхъ направленіяхъ маленькими рѣчками, красивые огороды, поля, окруженные изгородью изъ дикихъ розъ и бѣлаго терновника съ поденѣжниками, фіалками и гіацинтами на верху вала. И посреди этихъ красотъ природы кишитъ народонаселеніе отвратительное по своей неопрятности, грубое, невѣжественное, не понимающее даже языка страны, къ которой оно принадлежитъ...

Евгеній Бонмеръ.

(Окончаніе этого письма до слѣдующей книжки.)

ГОРА КОСМАЙ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ И. И. РАЗИЧУ.)

Между зарею и восходомъ солнца, когда Богъ раздаётъ счастье и несчастье, ѣхалъ путникъ широкою дорогою, пролегающею у подошвы высокой горы Космая съ сѣверо-восточной его стороны (1). На вершинѣ Космая покоилось облако, въ долинахъ лежалъ густой туманъ. Одинъ видъ этой высокой горы невольно напомнилъ ему многое, слышанное имъ еще въ дѣтствѣ: припомнилъ онъ огненнаго «змая», живущаго въ Космаѣ, припомнилъ страшную «алу», которая душитъ ночью проѣзжающихъ, привелъ себѣ на память наконецъ, и «корыто виль» (2), находящееся на самой вершинѣ Космая, гдѣ вилы купаютъ своихъ дѣтей до восхода солнца, и страшно стало

(1) Гора Космай находится въ теперешней Сербіи, въ Бѣлградскомъ округѣ, и замѣчательна древними памятниками и народными сказаніями. Мы пользовались ими при составленіи этой статьи.

(2) См. *Русскій Вѣстникъ* 1858 года № 8 «Исторія одной сербской деревни». На самой вершинѣ горы Космая есть источникъ въ родѣ корыта, высѣченнаго изъ бѣлаго камня; онъ всегда наполненъ водой. Его называютъ «вилыно корыто», ибо, говорятъ, тамъ вилы купаютъ своихъ дѣтей рано утромъ; и кто подстережетъ ихъ нагими, тотъ скоро умретъ.

путнику, когда вспомнилъ онъ, какъ дорого расплачиваются тѣ, которые тамъ ихъ подстерегали... «Не было слышно, говорить народное преданіе, пѣсней птицъ; только раздавалось журчанье ручьевъ, бьющихся о ребра Космая, да вверху деревьевъ шелестѣли листья. Тишина была глубокая! Удивился прохожій такому молчанію и продолжалъ свой путь.»

Достигнувъ двухъ могилъ, въздохъ услышалъ голосъ съ Космая, вздрогнулъ, и сердце его забилось отъ страха. Посмотрѣлъ онъ на вершину горы и подумалъ: «теперь будетъ мнѣ счастье или несчастье!»

Голосъ опять послышался съ верху: «Остановись, путникъ, сойди съ лошади, сядь подъ дубомъ, и послушай про бывшее время, послушай, отчего такая тишина на Космаѣ.»

Путникъ слѣзъ съ лошади и сѣлъ подъ дубомъ.

Голосъ вилы опять раздался съ Космая:

«Ты удивляешься, отчего такая глубокая тишина на Космаѣ, отчего на немъ не раздаются пѣсни. Посмотри къ сѣверу на отпрыскъ Космая, Малованъ: онъ весь лысый съ верху до подошвы; у подошвы видны старыя лозы виноградниковъ, остатки древней Космайцы (1); его омываетъ прозрачная рѣка, и на верху стоитъ одинокое дерево; подъ деревомъ три могилы—памятники минувшихъ временъ.»

Путникъ слушалъ и едва дышалъ.

«Ну, послушай, раздался опять голосъ вилы, что видно съ Космая: всѣ предѣлы бывшей сербской славы, сербскаго царства.»

Путникъ слушалъ, не отводя ушей.

«Я долго жила на Космаѣ, опять продолжала вила, и жила я мирно и счастливо, слушая свирѣли пастырей и любясь вышиваніемъ пастушекъ, когда онѣ выгоняли свои стада на вершины космайскія. Каждое утро, прежде бѣлаго дня, я рано вставала, умывалась въ космайской водѣ и купала дитя свое на самой вершинѣ въ бѣломъ корытѣ. Потомъ ждала священниковъ, когда они начинали служить службу Божію въ космайскихъ бѣлыхъ монастыряхъ, и тамъ Богу молилась. Затѣмъ я на легкихъ крыльяхъ летала до высокой горы Авалы, отъ Авалы до горы Златибора, а отъ Златибора до Медвѣдника, Чернаго Верха, Мирочи и Ратня; а оттуда летала въ старую Сербію;

(1) Деревня.

крылья мои отдыхали на горѣ Шарѣ, и я смотрѣла на Призрень-городъ, чтобы видѣть, кто тамъ владѣть; и потомъ перелетала всю Герцеговину и прекрасную каменистую Боснію, и возвращалась на высочайшій Космай, гдѣ слушала свирѣли пастырей, разговоры рѣкъ и ручьевъ, вытекающихъ изъ груди Космая; птицы пѣли, и солнце свѣтило, пробиваясь своими лучами сквозь тѣнь вѣтвей высокыхъ деревьевъ. Всѣхъ пастушекъ красивѣе была прекрасная Ружица-дѣвица; два пастыря смертно влюбились въ нее; она къ обоимъ была одинаково привязана и не имѣла духу предпочтеніемъ одного обидѣть другаго. Наконецъ она имъ сказала: «я сяду на вершинѣ Малована, а вы бѣгите ко мнѣ снизу, и кто изъ васъ первый добѣжитъ до меня, тому я буду супругой». Они согласились; сошли внизъ; стали рядомъ и пустились бѣжать. Одинъ упалъ на срединѣ горы и умеръ на мѣстѣ, а другой продолжалъ бѣжать не оглядываясь, прибѣжалъ къ прекрасной Ружицѣ и тутъ же скончался. Ружица взяла его поясной ножъ, проколола себѣ сердце и выронила свою душу. Первому было имя Лека, а другому Николай. Всѣхъ ихъ троихъ похоронили подъ деревомъ на самой вершинѣ и поставили на ихъ могилахъ три камня.» Вида кончила (1).

Свѣтоносный шаръ солнца сталъ показываться на небосклонѣ и своими лучами освѣтилъ Космай. Грустный и съ жалобнымъ лицомъ путникъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ дорогой, съ обѣихъ сторонъ закрытый вѣковыми дубами и буками. Лиственные своды этихъ вѣтвистыхъ деревьевъ висѣли надъ дорогой и покрывали ее прохладною тѣнью; туманъ поднимался съ долинъ и, собираясь въ облака, уносился въ небесные своды... Близъ двухъ могилъ путникъ увидѣлъ, возлѣ самой дороги, дубъ баснословной величины, съ глубоко врѣзаннымъ на немъ крестомъ, каждый годъ подновляемымъ, такъ что простымъ глазомъ можно было насчитать болѣе сотни подновленій. Вышло, стало-быть, что дубъ этотъ былъ свидѣтелемъ трехъ поколѣній!.. Такихъ деревьевъ въ Сербіи можно насчитать по нѣскольку около каждой деревни; ихъ никто не трогаетъ; они сохнутъ сами; ломаются, опадаютъ, гниютъ и гибнутъ (2).

(1) Объ этомъ происшествіи сохранилась народная пѣсня и письменный памятникъ. Пѣснь я слышалъ, но памятника не случилось прочесть. Говорятъ, что до сихъ поръ сохранилась надпись на камняхъ.

(2) Эти дубы почитаются священными; во время владычества Турокъ надъ Сербіей, за неимѣніемъ церкви, около подобныхъ дубовъ часто

Каждый годъ весною цѣлая деревня съ священникомъ ходитъ вокругъ своихъ межъ около этихъ деревьевъ: молодые неженатые поселяне безъ шапокъ, съ иконами въ рукахъ, по два въ рядъ, съ предшествующими имъ крестомъ и евангеліемъ, поочередно поютъ: «Господи, помилуй насъ!» а старики съ священникомъ слѣдуютъ за ними. Приблизившись къ «запису», «крестоноши» (1) обходятъ кругомъ него два раза и потомъ становятся въ рядъ, лицомъ къ вырѣзанному на деревѣ кресту. Священникъ облачается въ ризы, кадитъ и читаетъ евангеліе, а князь (теперь кметъ) деревни поновляетъ крестъ, то-есть снимаетъ молодую кору съ записи и обливаетъ виномъ.

Между тѣмъ всѣ женщины и дѣти изъ того конца деревни, гдѣ находится записъ, собираются къ нему, прикладываются къ иконамъ и молятся. Священникъ проситъ Бога о плодородіи земли и о защитѣ селенія отъ язвы, бѣдствій и всякихъ напастей; затѣмъ крестоноши въ третій разъ обходятъ вокругъ записи и въ прежнемъ порядкѣ отправляются далѣе при звонѣ колокольчика.

Отъ этой самой дороги къ одному изъ уступовъ Космая ведетъ узенькая, едва примѣтная, тропинка къ монастырю Тресіи. Преданіе народное разказываетъ не только о томъ, кто его основалъ, но и случай, по которому онъ былъ основанъ и названъ Тресіей. Вотъ это преданіе.

Вслѣдъ за паденіемъ сербскаго царства послѣ сраженія на полѣ Косовѣ, въ концѣ XIV вѣка, жена убитаго Лазаря, Милица, находилась въ самомъ затруднительномъ положеніи, тѣмъ болѣе что сынъ ея Стефанъ учился въ Венгріи. Она писала ему нѣсколько писемъ изъ Крушевца, но письма не доходили; боялись разказать Стефану о гибели его отца и о паденіи сербскаго

служили обѣдню и вѣнчались. Въ селѣ Стойникѣ, около Космая, показываютъ огромный огороженный пень, на которомъ до недавняго времени служили обѣдню и приобщались. Теперь же стоитъ онъ одинокій среди вырубленнаго лѣса въ мѣстѣ, называемомъ Грабовацъ.

(1) Записами называются означенныя деревья. Они названы такъ, кажется, оттого, что при первомъ ихъ освященіи, дѣлая на деревѣ четырехугольный равносторонный крестъ, центръ его высверливаютъ и кладутъ туда записку, на которой (теперь по крайней мѣрѣ) пишутъ годъ, имя священника, кмета деревни и молитву; молитва мнѣ неизвѣстна. «Крестоношами» называются молодые люди, несущіе иконы, евангеліе, крестъ и колокольчикъ.

царства. Наконецъ Стефанъ получилъ отъ матери палку съ надписью «зри здѣ». Онъ осмотрѣлъ надпись, осмотрѣлъ палку, обезпокоенный этою загадкой и, не имѣя отъ матери писемъ, сердито изломалъ ее и нашелъ въ ней письмо, изъ котораго узналъ все и тотчасъ отправился въ Крушевацъ къ матери. Между тѣмъ Милица, убитая горемъ и заботами, потеряла всякое терпѣніе и отправилась къ своему сыну; ибо нужно было вести переговоры съ Турками. У подошвы горы Космая она встрѣтила Стефана и, по словамъ преданія, затряслась всѣмъ тѣломъ, пораженная нечаянною встрѣчей. Въ память этого происшествія сынъ ея Стефанъ построилъ церковь и назвалъ ее «Тресія». Народное преданіе прибавляетъ, что сначала онъ хотѣлъ построить ее на самомъ мѣстѣ встрѣчи; но узнавъ изъ книгъ «староставныхъ» (1), что Турки завладѣютъ Сербіей, рѣшилъ создать монастырь въ глухой мѣстности, на уступѣ Космая, чтобы до него не легко было добраться, что и сдѣлалъ.

Съ западной стороны Космая есть подземный ходъ, выходящій нижнимъ отверстіемъ у деревни Неменикутъя, лежащей на сѣверной сторонѣ Космая. Вѣтеръ съ шумомъ врывается въ подземелье и быстро выноситъ наружу брошенную туда вещь. Въ этомъ-то подземельи жило, по преданію, чудовище, нѣкогда страшное для пробѣжающихъ. По сию сторону Космая находится селеніе Рогача съ монастыремъ того же имени. Южный склонъ горы, весь покрытый лѣсомъ, опускается въ равнину, растялающуюся передъ нимъ и покрытую вѣковыми дубами, между которыми виднѣются кой-гдѣ деревни: а на сѣверѣ (гдѣ лежитъ теперь село Неменикутъя), за Малованомъ, находилась деревня Космайца.

Трудно сказать, откуда Космай получилъ свое названіе. Разказываютъ о какомъ-то «змаѣ», покрытомъ волосами, жившемъ, по словамъ легенды, на вершинѣ горы (гдѣ пребываетъ по мнѣнію суевѣровъ и донынѣ). Отъ этого самаго *змая* и получила, говорятъ, гора названіе Космай (2). У подошвы ея съ восточной

(1) По сербскому народному преданію въ древности были какія-то книги староставныя, въ которыхъ предсказана вся историческая судьба сербскаго народа. Староставникъ не то же ли самое, что цароставникъ?

(2) Кос-май *кoc(a)*—волосы; *май*—суффиксъ. Другіе видятъ въ этомъ окончаніи слово *змай*, которое, перемѣнивъ з въ с, будетъ *смай*; отсюда Космай, что значитъ косматый змай, то-есть волосатый змій.

стороны, подлѣ дороги, и до сихъ поръ существуетъ холодный источникъ, называемый «Змаевацъ». Часто, говорятъ, древній *змай* тамъ отдыхалъ и пилъ воду, да и теперь можно его иногда видѣть, по мнѣнію простодушныхъ поселянъ. Одинъ изъ нихъ мнѣ разказывалъ, какъ онъ видѣлъ летящаго *змая*, сверкающаго огненными искрами. Гора называется Космаемъ съ незапамятныхъ временъ. Утопая въ синевѣ небесной, высокій Космай служитъ для окрестныхъ селеній и деревень предсказателемъ погоды. Мать или сестра, отправляя сына или брата за стадомъ, непременно посмотритъ на вершину Космая. Если облако покоится на его вершинѣ, то она совѣтуетъ взять «гуню», говоря: «Космай нахмурился и на его вершинѣ лежитъ облако: быть дождю! возьми гуню!» (1)

II.

Утромъ, рано, въ святое воскресенье, когда звѣзды мерцали яркимъ свѣтомъ, на самой зарѣ, звонъ колокола пронесся надъ Космайцей и разбудилъ далекія горы, отвѣчавшія ему громкимъ эхомъ, чудно переливавшимся въ воздухъ. Звуки колокола пронзительно разливались, пробуждая Космайчанъ. Двери скрипѣли, и во многихъ домахъ видны были огоньки. Въ одномъ изъ домовъ Космайцы, старый Мирко будилъ своего сына къ заутрени, приговаривая: «устай, сине, да идемо церкви, да се благомъ Богу помолимо» (2).

Это было въ XV вѣкѣ въ несчастное время Бранковичей. Бранковичи, по сербскимъ пѣснямъ, погубили сербскую землю. Первый Бранковичъ измѣнилъ своей родинѣ и своему тестю, наушничалъ Лазарю на Милоша, поссорилъ предводителей въ самую важную минуту, и, «когда ему слѣдовало, говорить народныя пѣсни, напасть съ оклопниками (3) на Турокъ,

(1) «Космай се наоблачно и на в'ру нѣга спава облакъ; битъе кише: узми гуню.» Гуня—верхняя одежда отъ непогоды.

(2) Вставай, сынъ, пойдѣмъ въ церковь, помолимся доброму Богу.

(3) Оклопниками назывались воины, носившіе желѣзныя латы. Оклопяти се—заковать себя въ желѣзные доспѣхи.

онъ удалился, убей его Богъ, съ поля сраженія». Къ нему до сихъ поръ живеть въ груди каждаго Сербя ненависть, и имя Бранковича не произносится безъ проклятiя. Выраженiе: «это Вукъ Бранковичъ» считается доселѣ въ Сербiи позорнымъ. Сынъ Вука Юрiй (Дюрдьє) жилъ долгое время въ Цареградѣ, гдѣ женился на Гречанкѣ, изъ царской фамилiи, Иринѣ. Потомъ онъ былъ турецкимъ придворнымъ, коваль козни на Стефана Лазаревича, отчего послѣднiй долженъ былъ дѣйствовать чрезвычайно осторожно. По смерти Стефана Лазаревича, ему удалось надѣть на себя митру и провозгласить себя деспотомъ Сербiи. Народныя пѣсни ставятъ Ирину на первый планъ, а мужа ея на второй.

Между тѣмъ Турки начали дѣлать постоянныя набѣги на Сербiю, и Муратъ, сынъ Баязда, женатаго на дочери Лазаря, Милевѣ, объявилъ свои права на Сербiю и принудилъ Бранковича выдать его дочь Мару за себя. Эта вторая женитьба турецкихъ султановъ дала имъ еще больше права на сербскiй престолъ.

Ирина съ мужемъ входила иногда въ сношенiе съ Венграми противъ Турцiи, а иногда съ Турками противъ Венгровъ. Дѣйствiя ея не отличались благоразумiемъ, но одною хитростiю.

А Стефанъ Лазаревичъ, напротивъ, понималъ бѣдственное положенiе страны, и хотѣлъ благодѣянiями мира излѣчить раны, нанесенныя Сербамъ на полѣ Косовѣ; строилъ церкви для поддержанiя духа въ народѣ, и при первомъ ослабленiи Турцiи, Сербiя могла воскреснуть. Этимъ объясняется безпредѣльная любовь Сербовъ къ Стефану. Онъ велъ себя какъ мужъ благородный, хотя и побѣжденный. Пѣсни народныя обезсмертили Стефана, и когда онъ умеръ, гласить преданiе, «день превратился въ ночь, и только при заходѣ показалося солнце».

Предчувствуя конецъ своего правленiя, Ирина всѣми силами старалась какъ можно болѣе собрать денегъ съ народа, отчего и заслужила названiе «проклятой».

Уже одно то обстоятельство, что Сербiей управлялъ сынъ проклятаго измѣнника на Косовомъ полѣ, было нестерпимо. И дѣйствительно, трудно было отдать предпочтенiе владычеству сыну проклятаго Вука и ненавистной Ирины передъ турецкимъ.

Такова была историческая пора, въ которую старiй Мирко бу-

дидъ своего сына къ заутренѣ: «Вставай, сыне, пойдемъ въ церковь помолиться благому Богу.» Это было въ воскресенье. Космайскіе поселяне молчаливо спѣшили въ храмъ. На ихъ лицахъ были написаны страхъ и недоумѣніе. Старый Мирко пришелъ съ сыномъ въ церковь; она была полна народу. Всѣ усердно молились, а у нѣкоторыхъ видны были слезы на глазахъ. Многіе изъ нихъ думали: мы молимся, быть-можетъ, въ послѣдній разъ въ космайской церкви!..

Заутреня кончилась, и началась обѣдня. Лучи солнца тонкими струями проникали въ церковь, сквозь узкія продолговатыя окна; они падали на стѣны церкви и на толпу народа.

Наконецъ обѣдня кончилась.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ царскія двери открылись, и въ нихъ показался, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, сѣдовласый священникъ, отецъ Василій.

«Братія! сказалъ старикъ, Богъ наказуетъ насъ за грѣхи нашихъ отцовъ! Не даромъ Вукашинъ убилъ Уроша, послѣднюю отрасль благословеннаго дома Неманичей. Намѣстники воевали между собою и вырывали другъ у друга глаза. Проклятый Вукъ Бранковичъ измѣнилъ на полѣ Косовѣ; а сынъ изверга косовскаго воцарился надъ нами и взялъ за себя проклятую Ирину на бѣду нашу. Не даромъ сподобился смерти Стефанъ Лазаревичъ.»

Въ народѣ раздалось рыданіе.

«Братія! продолжалъ отецъ Василій, мы тяжело согрѣшили передъ Богомъ!»

Въ толпѣ слышались тяжелые стоны.

«Гдѣ же теперь искать спасенія?» При этихъ словахъ старикъ обратился къ горѣ Космаю, указавъ на нее рукою (1) и сказалъ: «Вотъ гдѣ наше спасеніе!»

Старикъ остановился: слезы лились изъ его мутныхъ глазъ и катились по сѣдой бородѣ. Народъ плакалъ... Священникъ отеръ слезы и долго увѣщевалъ народъ встрѣтить мужественно бѣдствія. Наконецъ, отецъ Василій обратился къ дѣтямъ:

«Дѣти! вы видите наши слезы и страданія; помните ихъ виновниковъ. Будьте честны, благочестивы, и не забывайте, кто привелъ вашу родину въ горькое состояніе.»

Затѣмъ священникъ опять обратился ко всѣмъ:

(1) Въ Космаѣ были дѣвственные лѣса и два монастыря Тресія и Рогача.

«Придетъ, братья, наше спасеніе; ибо такъ написано въ книгахъ староставныхъ.»

Кончилъ старецъ и осѣнилъ народъ крестомъ.

Передъ церковью происходилъ «скупъ» (1), вслѣдствіе указа Ирины о новыхъ поборахъ (2).

У Мирка на «славѣ» (3) было много гостей изъ Космайцы и другихъ деревень; но то не была «слава» прежнихъ временъ, когда распѣвались пѣсни, бывали всѣ веселы и «славили славу»: все собраніе толковало о разныхъ предзнаменованіяхъ, привидѣніяхъ и дивахъ, пугающихъ людей.

Старый Милованъ, изъ Космайцы, разказывалъ о страшномъ голосѣ, слышанномъ имъ съ вершины Космая. Кто-то жалобно тосковалъ о Сербіи. Помолчавъ немного, онъ прибавилъ: «Быть несчастію!»

Присутствующіе слушали со страхомъ и испугомъ.

Пріяель Мирка, Миланъ изъ Омеритѣя (4), увѣрялъ, что мимо ихъ деревни каждую ночь проходитъ «дрекаваць» (5) и кричитъ такъ ужасно, что мочи нѣтъ слушать. Многіе говорили, что не знаютъ куда дѣваться отъ ночнаго воя собакъ и кудахтанья куръ.

— Да, да! сыпалось со всѣхъ сторонъ въ подтвержденіе,— собаки точно воютъ, инья совсѣмъ охрипли.

— Да, смутныя времена наступаютъ для насъ, со вздохомъ произнесъ восьмидесятилѣтній старикъ Миливой Загоричанинъ; и всѣ замолкли, ибо каждый почувствовалъ, что у него смутно на сердцѣ.

Первый заговорилъ Мирко.

(1) Скуп, брдо, састанак—мірская сходка.

(2) «Тад намету намет на виласт

«Све на кутъу по триста дуката.»

Безъ сомнѣнія, это преувеличено; однако извѣстно, что она вывезла изъ Сербіи въ Дубровникъ несмѣтныя богатства.

(3) По принятіи христіанства, вошло въ обычай между Сербами избирать себѣ патрономъ извѣстнаго святаго; у всякаго есть икона его святаго. Сербы ходятъ съ своими иконами около деревни, чтѣ бываетъ весною. Праздникъ же своего патрона ежегодно справляютъ въ теченіи трехъ дней: это время называется «славой».

(4) Деревня, вблизи Космая.

(5) «Дрекаваць» какой-то звѣрь, кричащій иногда по ночамъ. Тамъ, гдѣ дрекаваць кричитъ, по увѣренію народа, ужъ навѣрно кто-нибудь умретъ, либо случится несчастіе.

— А мнѣ страшный сонъ снился, сказала онъ; — налетѣли на нашу Космайцу какія-то большія невиданныя птицы, посидѣли на крышахъ нашихъ домовъ, и когда слетѣли, то всѣ крыши и трубы обрушились.

Въ это время дверь отворилась, и вошелъ священникъ космайской церкви, сѣдовласый отецъ Василій, чтобы перерѣзать «колачь» (1). Всѣ встали. Священникъ прочелъ молитву, перерѣзалъ колачь съ Миркомъ, снялъ съ себя ризы, и съѣлъ на первомъ мѣстѣ. Разговоръ принялъ опять прежнее направленіе. Много было разказано всякой всячины, и между прочимъ священникъ разказалъ, что онъ тоже видѣлъ сонъ, будто сводъ церковный упалъ и раздавилъ иконы и всю церковную утварь. Отецъ Василій просидѣлъ до вечера, а гости разѣхались только на другой день.

Подобные разказы ходили вездѣ. Народъ былъ въ страшномъ уныніи. Разказывали о Туркахъ, о какихъ-то неслыханныхъ Манджурахъ и Мановахъ. О послѣднихъ говорили, что они ѣдятъ человѣческое мясо, имѣютъ длинные хвосты, и кого словятъ, уводятъ съ собою въ Шамъ и т. п. Эти разказы наводили такой ужасъ, что даже до сихъ поръ можно слышать молитву простаго поселенина-старика объ избавленіи его «отъ Турка Манова». Говорили еще, что всѣхъ Сербовъ будутъ обращать въ исламъ, что дѣтей ихъ продадутъ въ Азію, а стариковъ будутъ гонять на султанскіе сѣнокосы.

Въ это же время разнесся слухъ, что проклятая Ирина, подковавъ навыворотъ (2) своихъ лошадей, убѣжала съ награбленными деньгами въ Дубровникъ.

Теперь уже никто не былъ и не могъ быть спокойнымъ; у cadaго сердце трепетало; страхъ переселился изъ горъ и лѣсовъ въ деревни... Уже Космайчане начали все прятать и зарывать въ землю...

Прошло нѣсколько времени. Зловѣщія предсказанія начинали оправдываться. Черные вѣроны начали перелетать чрезъ Космайцу и Рогачу; и грубое ихъ карканье наводило страхъ и

(1) Въ Сербіи каждый славящій печеть хлѣбъ съ крестомъ на верхней коркѣ. Священникъ читаетъ молитву, потомъ рѣжетъ хлѣбъ, соблюдая извѣстныя формальности.

(2) То-есть такъ подковала, что слѣдъ лошадиныхъ копытъ лежалъ не отъ Смедерева къ Добровнику, а наоборотъ.

ужась на Космайчанъ и Рогачанъ. «Они издали чують кровь, говорили въ народѣ, и летать туда, гдѣ будутъ трупы.»

III.

Быль лѣтній жаркій день подъ праздникъ Св. Иліи. Солнечные лучи, отражаясь отъ голога Малована, падали на Космайцу. Рѣдко слышался голосъ птицы и человѣка въ самой отдаленной глуши. Космайчане разошлись по дѣламъ. Дома оставались старики, дѣти и старухи. Вдругъ съ восточной стороны Космая густымъ столбомъ поднялась пыль, быстро приближаясь къ деревнѣ.

Вскорѣ показались вдали турецкія знамена. Народъ ударился въ бѣгство. Немногіе успѣли спастись, потому что турецкая конница во всю прыть примчалась къ деревнѣ. Въ огромныхъ чалмахъ, красныхъ сапогахъ, съ саблями при бедрѣ, съ пистолетами и ятаганами за поясомъ, съ длинными ружьями за плечами и двумя пистолетами, привѣшенными спереди, бородатые поклонники луны бѣшено скакали по деревнѣ на отличныхъ арабскихъ коняхъ. Изъ конскихъ ноздрей, по выраженію народной пѣсни, выходило огненное пламя, изъ копытъ сыпались искры.

Турки обступили Космайцу и близъ-лежащую деревню Рогачу, потребовали выкупъ съ поселянъ, а дѣтей и дѣвицъ увели съ собою въ плѣнъ. Они сожгли нѣсколько домовъ, въ томъ числѣ и школу, забрали всѣхъ овецъ и рогатый скотъ; поплатился и отецъ Василій деньгами и чулками (1). Ворвались въ церковь, забрали все, что было тамъ драгоценнаго, разрушили колокольню и увезли съ собою колоколъ, чтобы перелить его въ пушку; сняли съ церкви золотой крестъ, расхитили всю утварь; ризами накрывали лошадей своихъ. Наконецъ, зажгли церковь, отъ которой чрезъ нѣсколько часовъ ничего не осталось, кромѣ почернѣвшихъ стѣнъ (2).

(1) Сербскіе священники имѣютъ обыкновеніе брать чулки за крещеніе младенцевъ; Туркамъ былъ извѣстенъ этотъ обычай; при встрѣчѣ съ священникомъ, они тотчасъ требовали у него чулокъ.

(2) Турки находили особенное удовольствіе выкалывать копьями глаза святымъ, изображеннымъ на стѣнахъ. Такого рода поврежденные стѣнные изображенія сохранились и доселѣ. Намъ случилось видѣть подобную поврежденную живопись въ Драчѣ.

Оставляя деревню, Турки наложили на жителей множество тяжкихъ податей, изъ которыхъ одна была хуже всѣхъ: намѣревавшіеся вступить въ бракъ платили: мужчина тридцать четыре червонца, женщина — тридцать (1). Такою податью достигалась двойная цѣль: вопервыхъ многіе не были въ состояніи заплатить шестидесяти четырехъ червонцевъ, а потому не могли сочетаться бракомъ; слѣдовательно народонаселеніе должно было уменьшаться въ Сербіи; взамѣнъ того Турки получали полную возможность ругаться надъ дѣвицами завоеваннаго народонаселенія. Но тяжелѣе всего было то, что Сербы должны были называться «райями».

Послѣ этого нашествія, Космайца страшно запустѣла. Турки многихъ отвезли въ плѣнъ, иныхъ перебили; значительная часть жителей покинула свои дома. Пѣтухи (2), крикливые предвѣстники погоды и непогоды, зари и яснаго дня, уже не пѣли по утрамъ. Рѣдко скрипѣли двери, и ласточкамъ не часто приводилось слышать ссорящихся снохъ и непривѣтливыхъ дочерей. Дома, извнѣ и внутри, обросли травой; змѣи выводили своихъ дѣтенышей на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ недавно материубаю кивалимилыхъ сердцу подъ ласковыя пѣсни... Къ инымъ домамъ боязливо и тихо подкрадывались уцѣлѣвшіе жители, осторожно и наглухо ихъ запирали; словно воры пробирались они къ родному пепелищу. Колокольный звонъ не раздавался болѣе надъ деревней, не будилъ далекихъ горъ. Золотой крестъ не сіялъ, какъ прежде, надъ Божиимъ храмомъ. Черный и травой обросшій храмъ наводилъ какое-то страшное впечатлѣніе своимъ видомъ. «Самъ злой духъ не посмѣлъ бы туда залетѣть,» гласитъ преданіе. Только весеннею порою одинокая кукушка оглашала печальныя развалины жалобною пѣсней... Слѣды человѣческіе почти исчезли въ Космайцѣ. За то много было распродано мусульманами дѣтей и дѣвицъ космайскихъ; за то много бродило несчастныхъ поселянъ въ окрестныхъ лѣсахъ, уступивъ дикимъ звѣрямъ свои жилища.

(1) «Кос' удаје тридесете дуката,

К'о се жени тридесе и четыри.»

Впрочемъ, эта подать была не всеобщою, а частною.

(2) По народному вѣрованію, пѣтухи поютъ на хорошую и дурную погоду. Передъ зарею они поютъ оттого, что слышатъ ангельское пѣніе на небесахъ.

Не одна Космайца пришла въ запустѣніе. Турецкій разгромъ постигъ всю сербскую землю. Злополучная пора, о которой идетъ рѣчь, отразилась въ пѣсняхъ. Вотъ одна изъ нихъ:

«Рано утромъ предъ самымъ разсвѣтомъ
 Маргарита дѣвица гуляла
 По бѣлому Сланъ-камену граду,
 Гуляла, распѣвала пѣсню,
 Проклиная воеводу Райко:
 Богъ убей тебя, Райко-воевода!
 Лишь сталъ ты надъ нами воеводой;
 Какъ Турки обрушились на всѣхъ насъ,
 Отбили намъ ноги кони Турокъ:
 Провожаемъ ихъ вечеромъ и утромъ,
 Растоптали копытами коней
 Мураву, джигитуя, Турки.»

Райко, слышавъ эти слова, говоритъ далѣе пѣсня, такъ отвѣчалъ дѣвицѣ:

— Не кляни меня, дорогая сестра! развѣ я виною этихъ бѣдствій? Предки наши такъ жили; они жили и какъ тѣни прошли, за собой и слѣда не оставили. Пстой, пстой, сестра, я тебѣ пересчитаю ихъ по порядку. Затѣмъ Райко исчисляетъ всѣхъ королей, царей, героевъ сербскихъ, рассказываетъ ихъ дѣла и мѣста жительства и такъ оканчиваетъ:—Вотъ сколько ихъ было! и всѣ прошли какъ тѣни, даже слѣда не оставили. Одни въ кровавыхъ бояхъ погибли, а другіе умерли; нѣтъ теперь ни одного. Я одинъ остался, какъ сухое дерево среди лѣса... Чтѣ же сдѣлаю для себя? Чтѣ же я сдѣлаю въ Сремѣ? Какъ мнѣ быть съ Турками?

Райко ударилъ себя ножомъ въ сердце; замертво упалъ на черную землю. Маргарита дѣвица горько заплакала отъ жалости и такъ молвила:

— Братья мои, сербскіе воеводы, какъ это вы жили и скончались? Какими насъ несчастными рабами оставили! Мы — турецкое подножіе, а монастыри наши — для Турокъ потѣха (1).

Взяла Маргарита дѣвица ножъ Райка, ударила себя въ сердце и мертвою пала возлѣ Райка.

Вотъ картина совершеннаго порабощенія Сербовъ Турками!

(1) Пѣсня эта въ подлинникѣ такъ хороша, что мы считаемъ не лишнимъ привести изъ нея нѣкоторыя мѣста:

Још зорица не забијелла,
 Ни даница ли ѣ помолила,

Прошло много лѣтъ со времени перваго нападенія на Космайцевъ. Несчастливымъ предстояло испытать еще большія бѣдствія. Тяжело было жить подѣ вѣчнымъ страхомъ внезапнаго нападенія, платить тяжкія подати; но еще тяжелѣе было находиться въ безвыходной зависимости отъ заклятыхъ враговъ, быть подѣ ихъ надзоромъ, словомъ, обратиться въ ихъ безответныхъ рабовъ. Каково имъ было судиться передъ Турками послѣ за-

А од дана ни помена нема,
 Пошетала Маргита дѣвојка
 У Сријему по Сланом камену;
 Раѣно шета боса по камену,
 Раѣно шета, танко попијева,
 А у пјесми кунѣјаше Рајка:
 «Бог т' убио! Рајко војевода!
 Чим ти наста на Сријем војевода,
 Тако нама Турци додијаше;
 А док бјеше војевода Мирко,
 Ми Турчина нигди не чујасмо,
 А камо ли очима видъасмо;
 А данас нам додијаше Турци,
 Турски коњи поге скидаше
 Шетајући јутром и вечером,
 На плочама поље разнијеше
 Метъући се джиде и лобуда.»
 Такоє пјева Сријемка дѣвојка,
 Она мисли, нико је не слуша,
 Ал' то Рајко и слуша и гледа,
 Па дозива Маргиту дѣвојку:
 «Селе меја, Маргита дѣвојко!
 Немој клети војеводу Рајка;
 Шта тѣ коме, учинити Рајко?
 Шта тѣ себе, шта ли тѣ Сријему?
 А шта ли тѣ у Ср'јему Турцима?
 Докле бјеше војевода Мирко,
 Бјеше тада много војевода
 По нашијем редом градовима;
 Па ме чекај, Маргита дѣвојко,
 Стани мало на камену Слану,
 Стаци мало, да ти кажем право
 Све војводе и градове редом:
 На бијелом граду Дмитровици....»

Вотъ ея окончаніе:

«Па чу л', селе, Маргита дѣвојко!
 Све то бјеху наше војевode,

конника Душана и суда присяжныхъ? (1) Такое горькое и унижительное положеніе досталось на долю жителей Космайцы, отданной вмѣстѣ съ другими деревнями какому-то Турку въ неограниченное распоряженіе (2).

Тиранское управленіе и угнетеніе Турокъ заставляло поселянъ десятками и сотнями спасаться изъ деревни въ лѣса, вооружась чѣмъ попало, и съ неумолимою жестокостью убивать «душмановъ» (3), при первой встрѣчѣ. Такія частныя возстанія въ народѣ были необходимымъ явленіемъ при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Сербіи. Обезсиленный народъ не былъ въ состояніи собраться воедино, чтобы всею массою возстать на своихъ притѣснителей; но отдѣльные его члены, болѣе энергическіе, стояли за свою свободу до послѣдняго издыханія. Жизнь побѣжденныхъ, ихъ имущество, семейныя привязанности, религія, — все было поругано, унижено, оскорблено и служило предметомъ поруганія.

Све су били, па су преминули,
 Који, сесе, они починуше,
 А који ли они изгинуше;
 Данас тога нема ни једнога,
 Сам остаде у Сријему Рајко,
 Као суво дрво у планини;
 Шта тье себе, шта ли тье Сријему?
 А шта ли тье у Ср'јему Турцима?»
 Па извади ноже од појаса,
 Удари се посред срца жива,
 Мртав паде на земљицу црну.
 Рајко паде, Маргита допаде,
 Пишти љуто, како змија љута:
 «Братю! моја, Српске војеведе!
 Како бисте, како преминусте,
 А како ли робље остависте!
 Робље ваше све Турско подпоже,
 Намастири Турске потпрдице;»
 Па давати Рајкове ножеве,
 Удари се посред срца жива,
 Мертва нужна покрај Рајка паде.

(1) См. *Исторію сербскаго языка въ связи съ исторією народа*, Майкова и *Сравненіе законовъ царя Стефана Душана сербскаго съ древнѣйшими земскими постановленіями Чеховъ Франца Палацкаго въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. за 1846 г. № 2.*

(2) Къ этой эпохѣ относится бѣгство Сербовъ въ Черную Гору и начало Черногорскаго княжества.

(3) Душманъ—губитель душъ, заклятый врагъ.

Сербское золото «цѣлыми казнами» вывозили Турки. Враги грабили повсюду, трудно было оставаться спокойнымъ зрителемъ такого насилія.

«Турки отнимають у насъ плоды нашего пота и крови, говорили между собою Сербы, «чтобы мокупать дамасскія сабли и даницкія ружья намъ же на бѣду.»

«Они насъ обирають до рубашки, чтобы потомъ удобнѣе содрать самую кожу», говорили другіе.

«Предки наши жили по закону», пѣли народные пѣвцы, играя на гусяхъ, «а теперь?» спрашивали они другъ у друга. Въмѣсто отвѣта на роковой вопросъ они качали головами, храня скорбное молчаніе.

Въ пору турецкаго владычества господствовалъ въ Сербіи деспотическій произволъ: Турокъ могъ вездѣ и во всякое время распорядиться Сербомъ, какъ собственностію, по произволу лишить его жизни или продать на базарѣ.

Но могли ли все это выносить тѣ, которые съ такимъ увлеченіемъ и поэтическимъ восторгомъ воспѣвали дѣянія своихъ предковъ, жившихъ по закону?

«А мы, наши дѣти, внуки, правнуки, потомки?» говорили они.

Декорация должна была перемѣниться. Въ народной пѣснѣ вотъ что говорится:

«Да ти је се, побро, нагледати,
Како вију по косема вуци
А пѣвају по селима Турци» (1).

Положеніе, какъ видно, было отчаянное. Оставалось во что бы то ни стало выйдти изъ него. «Турки бѣдятъ по нашимъ дорогамъ, сказано въ одной пѣснѣ, будемъ ихъ подстерегать за скалами и въ *бусиакъ* (2), выпьемъ, братья, краснаго вина, зарядимъ ружья, сядемъ за камни и станемъ поджидать проклятыхъ душмановъ.» «Кто имѣлъ сердце и умъ, кто чувствовалъ

(1) Смыслъ этихъ трехъ строкъ почти не переводимъ. Вотъ его слабое толкованіе:

«О еслибъ ты могъ побратимъ, слышать,
Какъ воють волки по косогорамъ,
И поють по деревьямъ Турки!»

(2) Бусија — засада.

свою свободу и сознавалъ, что онъ потерялъ ее на Косовомъ полѣ, сказалъ мнѣ однажды одинъ старикъ Сербъ, когда я прочелъ ему Райка и Маргариту, тотъ долженъ въ тѣ поры непременно поступить какъ Райко и Маргарита, или сдѣлаться хайдукомъ.» Таково начало хайдучества!

IV.

Космайскія вилы давно успѣли выкупать дѣтей своихъ въ «бѣломъ корытѣ». Солнце свѣтлыми лучами пронизывало лѣсную чащу, разсыпая ихъ свѣтъ на землѣ, покрытой бурьяномъ и хворостомъ. На вершинѣ Космая недвижимо лежало облачко; вдругъ тронулось оно и потонуло въ синевѣ небесной. Только изрѣдка голосъ птицъ нарушалъ тишину дремучаго лѣса; листья древесныхъ вершинъ перешептывались; ручьи съ журчаніемъ катились съ камня на камень, уносясь въ даль.

Не вдалекѣ отъ бѣлградской дороги, около источника Змаевца, сидѣли какіе-то люди, скрываясь за деревьями и оврагомъ. Они завтракали, осторожно разговаривая между собою. Нарядъ ихъ обратилъ бы на себя невольное вниманіе прохожаго; хотя въ шокроѣ его не было ничего особеннаго, но онъ казался слишкомъ щеголеватымъ по времени. За поясомъ у незнакомцевъ были пистолеты и ятаганы; возлѣ cadaго лежало на травѣ длинное ружье. То были хайдуки.

— Такъ мы должны сторожить дорогу днемъ и ночью, чтобы не пропустить ни одного душмана?

— Да, да! заговорили всѣ,—ни одинаго!

Завтракъ кончился.

— Ну, теперъ по мѣстамъ! сказалъ харамбаша (1) Мирко (2).

Хайдуки подняли свои ружья и разошлись. Засѣли за камни, деревья, пригорки, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ нужды была возможность отрѣзать отступленіе своимъ врагамъ.

Хайдуки поджидали Турокъ, везшихъ изъ Шумадіи въ Бѣлградъ большую казну и гнавшихъ цѣлое стадо овецъ, рога-таго скота и цѣлую партію рабовъ и рабынь.

(1) Глава хайдуковъ.

(2) Мы съ нимъ уже знакомы изъ прежняго разказа.

Турки, вооруженные ружьями и ятаганами, конвоировали стадо, при которомъ пастухами было нѣсколько плѣнныхъ райевъ. Всѣхъ Турокъ было болѣе сотни, а хайдуковъ двадцать два человѣка.

Гаврило Друговацъ спрятался въ дуплѣ придорожнаго дерева. У него было четыре пистолета и длинное ружье, заряженное двумя свинцовыми пулями. Ему слѣдовало первому начать дѣло.

Какъ скоро передовые Турки проѣхали, и плѣнные райи поровнялись съ Друговцомъ, онъ перекрестился. «Господи! помоги мнѣ», сказалъ онъ, прицѣлился и далъ ружью огонь (1): раздался выстрѣлъ.

«Погибаемъ!» закричали двое Турокъ, и бездыханные повалились подъ ноги лошадамъ.

Въ ту же минуту послышалось еще нѣсколько выстрѣловъ. Иной убилъ двоихъ Турокъ, иной одного: ни одинъ не далъ промаха, ни одинъ выстрѣлъ не пропалъ даромъ.

Турки смѣшались. Сначала они бросились къ мѣсту убѣжища Гаврилы Друговца. При этомъ многіе изъ мусульманъ полетѣли на землю, благодаря бодливости испуганныхъ воловъ. Новые выстрѣлы хайдуковъ навели ужасъ на Турокъ. Правовѣрные не знали куда дѣваться.

Хайдуки дали еще по два выстрѣла: не всякая пуля сразила врага; несмотря на то не осталось въ живыхъ и половины.

— Выходите, мои милые братья! закричалъ Мирко харамбаша: — ятаганы въ руки. За мною, на Турокъ!

Туркамъ почудилось, что загремѣлъ голосъ съ вершины Космая. «Ужъ не вилы ли пришли на помощь къ Сербамъ?» подумали они. Но то не былъ голосъ вилъ, а кличъ Мирко, сидѣвшаго на деревѣ и распорядившагося ходомъ битвы.

Хайдуки выстрѣлили еще разъ, и самъ Мирко положилъ на мѣстѣ бѣга Муризича, турецкаго предводителя. Сербы бросились на Турокъ съ обнаженными ятаганами. «Невозможно быть тѣлу безъ головы», гласитъ народная пѣсня. Турки дали тылъ; хайдуки одолѣли. Слышались выстрѣлы; клубился ружейный дымъ.

Но вотъ съ равнины подулъ вѣтеръ и разнесъ дымное облако. Изъ хайдуковъ остались на полѣ сраженія двое: Павелъ

(1) То-есть прижегъ фитилемъ затравку. По изобрѣтеніи же курка, стало говоритья—спустилъ курокъ.

Малый изъ Космайцы, да Черноусъ изъ села Стойника. Почти всѣ были ранены, кромѣ Мирка, Гаврилы и Райка. Двадцать Турокъ успѣло скрыться; семьдесятъ легло на мѣстѣ; двѣнадцать тяжело раненыхъ не долго мучились; смерть пресѣкла ихъ муки. Несчастные райи были рады своему освобожденію, и вмѣстѣ со скотомъ возвратились восвояси. Малаго Павла и Черноуса похоронили возлѣ дороги: ихъ могилы видны и доселѣ. Турецкая казна попала въ руки хайдукамъ; витязи забралась на вершину Космаѣ, сѣли тамъ подъ листовѣннымъ дубомъ, и поровну раздѣлили между собою деньги. Разумѣется, раненые также не были забыты. Всѣ были утомлены. *Итакъ* (1), Степанъ Малый изъ Рогачи, не замедлилъ явиться съ обѣдомъ.

Послѣ обѣда, по обычаю, хайдуки принялись за вино. Степанъ обратился съ рѣчью къ русому юношѣ, грустно сидѣвшему и мало принимавшему участія въ общемъ разговорѣ.

— Я знаю, братъ, почти всѣхъ твоихъ товарищей, кромѣ тебя. Скажи мнѣ, откуда ты родомъ и зачѣмъ пошелъ въ хайдуки?

Молодой хайдукъ грустно взглянулъ на Степана Малаго и принялся за слѣдующій разказъ:

«Я изъ славной деревни Рачи. Много было въ ней умныхъ стариковъ, добрѣйшихъ матерей и красныхъ дѣвицъ. Завидно жилось намъ: у меня было три брата и дорогая сестра. Турки полонили моихъ братьевъ, а сестру... нѣтъ, не могу вымолвить. Мерзнеть въ глазахъ при одномъ воспоминаніи... Меня, видишь, не было дома. Прихожу къ себѣ, смотрю: все поставлено вверхъ дномъ, разграблено, переломано, перебито. Я зову братьевъ: нѣтъ отзыва. Кличу сестру и не докличусь. Я все понимаю... Рвалъ я на себѣ волосы, билъ себя въ грудь, занустилъ бороду, чуть было не сошелъ съ ума. Пять дней ничего не ѣлъ, ничего не пилъ, бродилъ по лѣсамъ и пригоркамъ. Плодовитыя деревья питали меня, горные ручьи утоляли мою жажду. Насилу опомнился. Придя въ себя, я не имѣлъ духа возвратиться домой. Случайно набрелъ я на космайскихъ хайдуковъ и присталъ къ нимъ. Удальцы меня радушно приняли. Теперь живу на высокомъ Космаѣ, и единственною мнѣ отрадой—местъ, непримиримая мѣсть Туркамъ. Чѣмъ болѣе гублю душмановъ, тѣмъ легче на сердцѣ. Въ деревнѣ нѣтъ мнѣ житья:

(1) Итакъ именуется въ пѣсняхъ приставодержатель хайдуковъ.

такъ вотъ и тянетъ убить каждаго встрѣчнаго османа. Все грезятся, видишь, убитые братья да погибшая сестра. Посуди самъ: чего мнѣ искать въ селѣ? У меня никого нѣтъ кромѣ Бога!»

Такъ кончилъ Илья Горичъ. Степанъ Малый, выслушавъ его, глубоко вздохнулъ.

Вдали сидѣлъ молчаливый хайдукъ и, казалось, не слушалъ разказа. Длинныя его руки судорожно хватались за ятаганъ; глаза его страшно сверкали изъ-подъ навислыхъ черныхъ бровей, и чело омрачала дума.

— Ты, вѣрно, меня не знаешь, молвилъ онъ *ятаку*;— послушай-ка, что я разкажу тебѣ:

«Родомъ я изъ прекрасной Шумадіи, изъ села Ресника. У меня было все, что Богъ даетъ человѣку: славная жена, прекрасныя дѣти, что твои космайска вила, многоголовое стадо и вѣрныя слуги. На груди я носилъ золотыя токи (1), а жена моя золотое ожерелье. Проклятая Ирина сняла съ меня золотыя токи, чтобы вызолотить свое Смедерѣво; пришли Турки и отняли остальное. Однажды, возвращаясь домой съ поля, я засталъ у себя въ домѣ сидѣвшихъ Турокъ. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ наругаться надъ моею женой: бѣдняжка билась, какъ птица въ клеткѣ, стараясь вырваться изъ когтей изверга. Попалась мнѣ подъ руку сѣкира, и я принялся рубить направо и налево. Душманы нанесли мнѣ три раны. Жена скончалась: дѣтей подняли на сабли. Затѣмъ я оставилъ домъ и ушелъ къ космаискимъ хайдукамъ. Въ горахъ я живу на волѣ, а въ деревню идти не для чего. Не боюсь никого кромѣ Бога! Имя мнѣ Лека Шумадинецъ.»

— А не знаешь ли, помолчавъ немного, спросилъ Шумадинца Степанъ Малый,—зачѣмъ пошелъ въ хайдуки Иванъ Бунѣвацъ, что изъ села Рогачи? Я такъ указалъ на человѣка лѣтъ тридцати, сухощаваго, черноволосаго, съ блестящими глазами, выдающимися скулами и стройнаго какъ ель.

— Не знаю; еще недавно примкнулъ я къ хайдукамъ и не успѣлъ всѣхъ разспросить. А видно и ему было изъ-за чего пойдти въ хайдуки; недаромъ бросается на Турокъ, какъ голодный тигръ.

(1) Одежда, украшенная спереди золотомъ или серебромъ въ родѣ латы.

Иванъ Бунѣваць, услышавъ это, выпилъ стаканъ за здоровье Шумадинца и, наливъ ему другой, молвилъ:

— Твоя правда, Леки Шумадинецъ, было и мнѣ изъ-за чего пойдти въ хайдуки. У Милана въ деревнѣ Сопотъ была семнадцатилѣтняя дочь; мы часто вмѣстѣ работали, вмѣстѣ ходили въ хороводъ; полюбилась она мнѣ. Видно, горныя вилы меня околдовали: я почувствовалъ, что жизнь мнѣ безъ нея въ тягость. Посватался я за нее: помѣнялись мы кольцами, уговорились о свадьбѣ. Я пошелъ къ Турку, уплатить *свадьбарину*.

«Турокъ, посмотрѣлъ на меня, да и спросилъ:

«— А что, гяуръ, когда свадьба?

«— Черезъ недѣлю, милостивый ага, отвѣчалъ я.

«— А что, гяурка хороша?

«Я ничего не отвѣчалъ.

«— Приди-ка вмѣстѣ съ нею уплатить *свадьбарину*.

«— Далекю, ага.

«— Вонъ, *домузъ* (1), безъ разговоровъ.

«— Милостивый ага! сказалъ я, падая на колѣни передъ нимъ и цѣлуя землю,—моя невѣста нездорова.

«— *Дишери* (2), *домузъ!* нечего тебѣ платить за другаго. Она должна сама за себя заплатить.

«Что мнѣ было дѣлать? Вокругъ аги стояли его гавазы (3) посмотрѣлъ я, посмотрѣлъ, да и ушелъ. На другой день пришлось вмѣстѣ съ невѣстою отправиться къ агѣ для уплаты *свадьбарины*. Турокъ сначала позвалъ меня. Я вошелъ и отдалъ деньги. Затѣмъ позвали и мою невѣсту. Когда же я намеревался броситься за ней, меня схватили и начали бить палками. Не помню, сколько мнѣ дали ударовъ. Полумертвымъ выбросили меня за ограду, откуда добрые люди отвезли меня домой. Около полугода проболѣлъ я. Оправясь, вырылъ я оружіе изъ земли (въ землѣ оно было у меня спрятано), и много наслышась о космайскихъ хайдукахъ, я присоединился къ нимъ. Долго я искалъ моего злодѣя и ищу доселѣ. Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я въ Космаѣ, не признавая надъ собою ничьей власти.»

(1) Свинья.

(2) Вонъ.

(3) Гавазы—окружающая его свита.

Такъ говорилъ хайдукъ.

Вдругъ раздася не вдалекѣ ружейный выстрѣлъ, и послышался стонъ. Хайдуки вскочили съ своихъ мѣстъ. Старый Мирко схватилъ свое ружье и бросился стремглавъ на ружейный выстрѣлъ. Остальные побѣжали вслѣдъ за харамбашей.

«Я слышалъ, такъ разказывалъ потомъ Степанъ, въ своемъ селѣ еще одинъ выстрѣлъ.

«Случилось вотъ какое происшествіе. Пока хайдуки отдыхали, Райко засѣлъ за скалу, выжидаая Турокъ. Въ самомъ дѣлѣ подвернулся какой-то душманъ прямо подъ ружейное дуло. Деньги османа достались хайдуку, а лошадь монастырю Тресіи.

«Подъ вечеръ пришлось мнѣ, продолжалъ Степанъ, расстаться съ хайдуками. Когда я сходилъ съ вершины Космая, спѣша въ Рогачу, заключилъ разказчикъ, послышался вдали голось :

«Не печалься, космаяская вила,
Не горюй, уברי свою косу!
Мы въ крови сегодня купались,
Въ крови Турокъ, нашихъ злодѣвъ.»

V.

Во время великихъ переворотовъ и бѣдъ въ жизни какого-нибудь народа являются могучіе люди, не выносящіе горя. Одни изъ нихъ совершенно удаляются изъ общества, другіе же, напротивъ, метая виновникамъ всеобщихъ бѣдствій.

Въ Сербіи, рядомъ съ хайдуками, возникаетъ множество мужскихъ монастырей, также церквей, воздвигаемыхъ въ неприступныхъ дремучихъ лѣсахъ: въ Рудникѣ и до сихъ поръ сохранился монастырь Благовѣщенія, никогда не оскверненный присутствіемъ Турокъ. Монахи и хайдуки сербскіе въ періодъ хайдучества являлись выраженіемъ всенароднаго протеста противъ турецкой стихіи, мутившей сербскую жизнь.

Въ церквахъ и монастыряхъ народъ молилъ Бога объ избавленіи отъ Агарянь; въ церквахъ и монастыряхъ укрывался слабый свѣтъ знанія: во всѣхъ другихъ мѣстахъ школы были уничтожены силою, или же сами собою постепенно пришли въ упадокъ. Около монастырей и церквей совѣщались объ

общественныхъ дѣлахъ; около церквей и монастырей сходились *сабори*, заводились игры и пляски, на которыхъ молодые поселане и поселанки знакомились, сходились, видѣлись другъ съ другомъ.

До сихъ поръ еще можно видѣть болѣе десяти развалинъ космайскихъ церквей и монастырей. Самыми замѣчательными космайскими монастырями была уже извѣстная намъ Тресія, съ восточной стороны Космая, и Рочага, съ западной. Кто и по какому случаю построилъ первую, мы уже видѣли. Вторую же соорудили сами Рогачане и назвали ее по имени своей деревни. Кто строилъ другія церкви, объ этомъ не сохранилось достовѣрнаго свѣдѣнія. Извѣстно только, что онѣ всѣ воздвигались на склонѣ горы Космая. Это дѣлалось съ двойною цѣлью: во первыхъ, для того чтобы Турки не могли до нихъ добраться; во вторыхъ, для того чтобы приблизить ихъ, а съ ними и молитвы вѣрующихъ, къ небесамъ, къ престолу Всевышняго. До какой степени эти церкви были богаты, опредѣлить трудно, за неимѣніемъ данныхъ; только утвердительно можно сказать, что онѣ не были очень богаты, судя по бѣдственному положенію страны. Звонъ колоколовъ не раздавался въ нихъ, а вмѣсто колокола для созванія вѣрующихъ, обыкновенно стучали въ било, либо деревянное, либо желѣзное.

Въ этихъ монастыряхъ жило множество монаховъ. Каждый изъ нихъ почиталъ своею непремѣнною обязанностію имѣть при себѣ ученика. Этотъ способъ обученія былъ единственнымъ средствомъ поддержанія грамотности. Большая часть этихъ учениковъ поступали въ монахи, другіе посвящались въ священники; рѣдко кто изъ нихъ возвращался къ своимъ деревенскимъ работамъ. «Ежедневно, говоритъ народная пословица, въ этихъ бѣлыхъ церквахъ и монастыряхъ служили службы Божіи, сюда стекалось множество народа, и здѣсь каждый день молилась космайская вила.»

Для изображенія дальнѣйшей судьбы Космая и лицъ, намъ уже знакомыхъ, мы расскажемъ о происшествіи, случившемся уже въ глубокой старости Степана Малаго. Вотъ какъ было дѣло:

Разъ, это случилось лѣтомъ, въ Тресіи стоялъ у праваго клироса Степанъ Малый и усердно молился; онъ часто дѣлалъ знаменіе креста своими дрожащими руками и кланялся въ поясъ, опираясь на палку. Ему уже было за девяносто лѣтъ. Станъ его былъ худощавъ и сгорбленъ. Лицо его, изуродо-

важное морщинами, свидѣтельствовало о страданіяхъ, имъ перенесенныхъ. Глаза у него были мутны, и взглядъ грустный. Одинокій, онъ доживалъ бурныя и тяжелыя свои лѣта.

Тихо шла служба Божія, ее совершалъ отецъ Мелетій; *дьяци* (1) пѣли на *пѣвницѣ* (2). Вдругъ во время чтенія *Вл-рую*, дали дорогу чужимъ людямъ; всѣ они были богато одѣты: на нихъ были *токи*, за поясомъ пистолеты и ятаганы, а на ногахъ золотыя *чакширы* (3). Пришельцы крестились, опираясь на свои длинныя ружья. Впереди стоялъ высокій статный старикъ, повидимому начальникъ. Ему было лѣтъ за шестьдесятъ: на головѣ волосы были сѣды, брови нависли на глаза, а усы падали до груди. Черные, впавшіе глаза необыкновенно блестя и всегда словно горѣли гнѣвомъ.

Степанъ Малый долго смотрѣлъ на пришедшихъ гостей, но по слабости зрѣнія онъ не могъ разгадать незнакомцевъ.

Послѣ обѣдни всѣ вышли изъ церкви на площадку, окруженную глухимъ лѣсомъ; и старикъ Степанъ узналъ въ этомъ начальникъ Ивана Бунѣвца.

Они обнялись и поцѣловались, спрашивая другъ друга о здоровьѣ.

— А что, живъ ли кто-нибудь изъ моихъ? спросилъ Иванъ Степана.

— Нѣтъ, сынъ мой, никого. Братъ твой умеръ бездѣтнымъ; мать твою Турки истоптали лошадыми за то, что ты сдѣлался хайдукомъ; братову въ рабство увезли, разграбивъ домъ и убѣжая зажгли его.

Иванъ заплакалъ и долго не могъ ничего промолвить.

— Мы, продолжалъ Степанъ, — много пострадали отъ разныхъ бѣдъ: насъ обложили тяжкими налогами, да всякій заѣзжій Турокъ (а они часто заѣзжаютъ) заберется въ домъ и требуетъ, чтобъ ему подали жаренаго ягненка, курицу, сыра, масла... и знать не хочетъ чего нѣтъ. Мы уже ссужаемъ другъ друга, чтобы только отдѣлаться отъ нихъ. Женскій полъ всегда скрывается...

— А кто еще живъ изъ старыхъ знакомыхъ? прервалъ Иванъ Степана.

(1) Ученики.

(2) Клиросъ.

(3) Въ родѣ шароваръ.

— Да почти никого нѣтъ. Иного Турки убили, иной умеръ отъ горя, иной убѣжалъ Богъ вѣсть куда, а иной ушелъ въ горы... Жену отца Василя Турки такъ испугали, что она заболѣла и умерла, а самъ отецъ Василій отъ горести постригся въ монахи и тоже въ скоромъ времени преставился. Вотъ тамъ, за церковью, его похоронили. Старикъ указалъ на бѣлую плиту.

— «Бог да му душу прости» (1), оба вдругъ сказали:

— Только однѣ мои кости не приняла еще мать наша черна земля; сказалъ Степанъ, — да какъ вспомню прошедшіе года, кости гниютъ не въ могилѣ, а въ тѣлѣ; кровь мерзнетъ въ жилахъ! Одно только и осталось утѣшеніе въ жизни: Божіи храмы да слухи о хайдукахъ!.. Но гдѣ вы живете?

— Теперь здѣсь, какъ видишь; а нѣкоторыя вещи мы оставили у «бѣлаго корыта виль» въ тѣни дуба.

Народъ со всѣхъ сторонъ сбѣжался посмотреть на хайдуковъ. Одни дивились, другіе боялись, какъ бы не провѣдали Турки. «Но всѣ радовались, говорить преданіе, и благодарили Бога за то, что у нихъ еще есть такіе герои.»

— Давно уже я васъ не угощалъ! сказалъ Степанъ:—а хотѣлось бы мнѣ васъ угостить попрежнему на вершинѣ Космая, какъ бывало еще при Миркѣ. А гдѣ онъ теперь? Да и вся твоя дружина мнѣ незнакома.

— Мы были съ Мирко въ каменистой Босніи, тамъ есть много хайдуковъ, и разказываютъ о знаменитомъ Новакѣ Старинѣ. Онъ еле ходитъ отъ старости, но и теперь еще, когда онъ крикнетъ, Турки умираютъ отъ страха, а голосъ его отдается страшнымъ отзвукомъ въ лѣсахъ. Были мы потомъ на Шарѣ, на Черномъ Верхѣ и въ Мирочѣ горѣ. Здѣсь погибъ нашъ старый Мирко; я отличился и выбранъ въ харамбаши; потомъ разкажу тебѣ все дѣло. Затѣмъ мы были на Балканѣ, и тамъ есть много нашихъ съ Болгарами. Наконецъ, черезъ Шумадію мы побывали въ Рудникѣ и вернулись сюда. Старая дружина вся погибла; но за то мы отместили за каждого сотней. Я много тебѣ разкажу про наши подвиги: ты можешь спокойно умереть. Мы истребимъ душмановъ!

Вдругъ Иванъ Бунѣвацъ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ, поглядывая изъ подлобья блестящими глазами, осталь-

(1) Упокой, Господи, его душу.

ные хайдуки тоже встали, и послышался звукъ ихъ ружей. Народъ со страхомъ слѣдилъ за ними. Вдругъ вся дружина исчезла.

— Куда? какъ? гдѣ они дѣвались? куда скрылись? Никто не видѣлъ, одинъ Богъ знаетъ! (1)

Степанъ отправилъ своего сына отнести жареные ягненокъ, сыра и вина на Космай. Самъ онъ взялъ палку и ушелъ куда-то, то-есть онъ ушелъ къ хайдукамъ.

Передъ самымъ вечеромъ народъ началъ расходиться по домамъ. Хворостъ затрещалъ въ лѣсу подъ ногами, кой-гдѣ слышны были пѣсни, замирая въ горахъ. Площадка осталась пустою, солнечные лучи уже не освѣщали ея, и мракъ начиналъ одѣвать густой лѣсъ.

VI.

Жизнь человѣческая изобилуетъ разными происшествіями и явленіями. Какъ невозможно положить ей предѣлъ, такъ невозможно представить всѣ эти явленія и происшествія. Они бываютъ либо слѣдствіемъ мирныхъ отношеній человѣка къ людямъ и природѣ, либо противорѣчій съ ними. Эти противорѣчія составляютъ тѣ несчастные углы, о которые, ударяясь, человѣкъ гибнетъ, или дѣлаетъ вредъ себѣ и другимъ.

Прошли года и поколѣнія. Одни люди умирали подъ тяжестью ига, другіе бѣжали въ горы, третьи пропадали неизвѣстно гдѣ. Какъ они жили, сколько перенесли страданій? Испытывали ли они какія радости и наслажденія? Все покрыто мракомъ неизвѣстности. Крупныя только происшествія остались въ народной памяти.

«Три поколѣнія минуло, и четвертое наступило,» сказывалъ мнѣ старикъ, когда случилось слѣдующее происшествіе въ Рогачѣ.

Космайца и Рогача были отданы какому-то Турку, какъ мы уже прежде сказали, на правахъ неограниченнаго деспота.

(1) Хайдуки славились тѣмъ, что умѣли чрезвычайно быстро прятаться, вдругъ исчезать и обмануть всякую погоню.

Понятіе Турка о владѣніи было такое, что онъ верховный распорядитель всего; его воля—законъ, а дѣйствія его подданныхъ должны сообразоваться съ его волею. Право Турка въ этомъ отношеніи не имѣло никакихъ границъ, а какова бываетъ власть въ рукахъ дикаго человѣка?

У одного поселеннаго Рогачи, говорить народное преданіе, была прекрасная дочь. Когда она родилась, мать ея видѣла странный сонъ: она видѣла монастырь Рогачу, обвѣтый пламенемъ отъ основанія до верху, а служителей этой церкви ходящими безъ головъ. Потомъ явились два невиданныя чудовища и стали возлѣ малютки: одно въ турбанѣ, другое въ калугерской (1) камилавкѣ. Долго они спорили между собою. Одно чудовище хотѣло крестить ее, другое не давало; послѣднее хотѣло дать малюткѣ какой-то талисманъ, первое не позволяло. Отъ спора дошло дѣло до ссоры, а отъ ссоры до драки. Когда они начали драться, мать вся встрепенулась, проснувшись, увидѣла малютку, лежащую возлѣ себя, перекрестилась, и нечистой силы не стало. Малютка росла, цвѣла, и со дня на день становилась все краше и краше. Когда ей было пятнадцать лѣтъ, всѣ находили ее прекрасною. Дарили ей деньги и разные деревенскіе подарки. Мать часто ходила съ нею въ церковь на «соборъ», и всѣ удивлялись ея красотѣ. Мать не могла нарадоваться своему счастью и нахвалялась ея добротой. Турокъ бывалъ въ ихъ домѣ, и хотя красавица скрывалась, онъ зналъ про нее, давалъ ей разные подарки, не высказывая однакожь никакого намека.

Ей исполнилось семнадцать лѣтъ. «Она красивѣе космайскихъ видъ!» говорили всѣ въ деревнѣ.

Здѣсь надобно сказать, что въ Сербіи въ періодъ хайдучества господствовалъ обычай увозки дѣвицъ. Если кому-нибудь нравилась дѣвушка, а родители не хотѣли выдавать ее, или она сама не хотѣла выходить замужъ, женихъ насильно ее увозилъ, вѣнчалъ, и она становилась его женой (2).

Этотъ обычай произошелъ, кажется отъ того, что Турки крали Сербянокъ, Сербы Турчанокъ, а потомъ стали увозить безразлично и Сербы Сербянокъ, и Турки Турчанокъ. Теперь

(1) Калугеры—монахи.

(2) Я видѣлъ дряхлую старуху, которая мнѣ разказала много подобныхъ случаевъ и прибавила, что ее тоже насильно взяли и обвѣнчали. Сначала она не любила своего мужа и боялась его, потомъ привыкла къ нему; онъ примирился съ ея родственниками, и стали жить въ пріязни.

этотъ обычай не существуетъ; онъ видоизмѣнился въ слѣдующій: дѣвица, если только согласна, а родители не выдаютъ ея, убѣгаетъ къ жениху; потомъ тянутся переговоры, платятъ за нее вѣно, мирятся и вѣнчаются. Но въ то время существовалъ еще первый обычай увозки дѣвиць.

Между лицами, слѣдившими за рогачинскою красавицей, былъ и калугеръ, по имени Ферапонтъ. Кто онъ былъ, — неизвѣстно. Одни говорятъ, что онъ былъ Сербъ, другіе, что Грекъ. Последнее намъ кажется вѣроятнѣе, ибо Греки въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка были во многихъ мѣстахъ начальниками монастырей. «Но кто бы онъ ни былъ, всѣ говорили, видно въ немъ злой духъ поселился.» Онъ много разъ преслѣдовалъ красавицу, но она спасалась бѣгствомъ.

Нужно сказать еще объ одномъ обычаѣ, существующемъ и до сихъ поръ у Сербовъ. У нихъ овцы зимою находятся тамъ, гдѣ и сѣнокосы. Одинъ изъ членовъ семьи проводитъ тамъ цѣлую зиму въ маленькомъ, нарочно сдѣланномъ домикѣ, или ходятъ туда каждый день три раза: утромъ, въ поддень и вечеромъ дать овцамъ ѣсть.

Дѣвушка была изъ зажиточнаго семейства, но не имѣла никого, кромѣ матери и брата. Она чередовалась обыкновенно съ братомъ: иногда ходилъ туда братъ, иногда сестра. Былъ мрачный день, вѣтеръ, вьюга, словомъ, страшная непогода, когда сестра отправилась къ овцамъ. Это случилось подъ вечеръ.

Отецъ Ферапонтъ зналъ про это и отправился преслѣдовать дѣвушку. Увидавъ его, несчастная бросилась бѣжать, но калугеръ догналъ ее.

Дѣвушка принялась кричать, но вѣтеръ заглушалъ ея голосъ. Ферапонтъ, завлекши ее въ овчарню, предлагалъ ей богатства, наслажденія и все, чего пожелаетъ, лишь бы согласилась на его требованіе.

— Нѣтъ, нѣтъ! восклицала она,—это страшный грѣхъ.

Но его ярости не было предѣла.

И онъ, страшно сказавъ, зарѣзалъ ее.

Народная поговорка гласитъ: «если кого Богъ хочетъ наказать, то отниметъ у него разумъ». Это случилось и съ отцомъ Ферапонтомъ. Одно преступленіе повлекло за собою другое, какъ это всегда бываетъ.

Калугеръ испугался, не зналъ, что дѣлать, бросался то въ ту, то въ другую сторону, наконецъ пришло ему въ голову отнести мертвую къ рѣкѣ; завернувъ въ сѣно, и тамъ зарыть

въ наносномъ пескѣ. Случилось въ это самое время ѣхать Турку. Замѣтивъ калугера съ подозрительною ношей на спинѣ, онъ ускорилъ ѣзду, подстрекаемый любопытствомъ.

— Что несешь на спинѣ, *палазь?* (1) спросилъ Терапонта Турокъ, догнавъ его.

— Сѣно, милостивый ага; намъ бѣднымъ калугерамъ холодно въ монастырѣ, спать не на чемъ.

— А чья это нога видна изъ сѣна? спросилъ Турокъ.

Калугеръ въ страхѣ не примѣтилъ, какъ одна изъ ногъ убитой высунулась; это поразило его какъ громомъ; онъ бросилъ ношу и пустился бѣжать изъ всѣхъ силъ. Лѣсъ находился не вдалекѣ; день уже вечерѣлъ. Турокъ по немъ выстрѣлилъ; но калугеръ успѣлъ скрыться въ лѣсу.

Турокъ слѣзъ съ лошади, развязалъ сѣно, и что же увидѣлъ? Мертвый, блѣдный и окровавленный трупъ той, которой красоты самъ онъ только и ждалъ...

Вотъ, странное явленіе! Пока Турокъ мучилъ райевъ, терзалъ, дѣлалъ всевозможныя насилія имъ, онъ никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго сожалѣнія: это было силою пріобрѣтенное право грубаго, невѣжественнаго и необузданнаго злодѣя. Мусульманинъ понималъ свое право, что онъ одинъ имѣетъ власть всѣмъ распоряжаться, казнить, насиловать, тиранствовать... Къ его изумленію, этотъ самый предметъ, дорогой для его гнусной страсти, былъ убитъ. И кѣмъ? Духовнымъ отцомъ и калугеромъ! Турку и въ голову не приходило, что райя имѣетъ страсти, можетъ любить и можетъ безумствовать. Кто-то, умирая, сказалъ: «Мнѣ такъ хорошо жилось, солнце мнѣ такъ отрадно свѣтило! Умирая, я бы хотѣлъ, чтобъ оно померкло!» Вотъ мысль калугера въ минуту преступленія.

Турокъ долго смотрѣлъ на трупъ, держась за бороду. Въ головѣ его пронеслось прошедшее и будущее бездыханнаго трупа: въ прошедшемъ османъ видѣлъ чудную красавицу, обладаніе которой было его страстнымъ желаніемъ; въ будущемъ—погибшія надежды.

Турокъ долго съ отчаяніемъ смотрѣлъ.

«Аллахъ! произнесъ османъ, да сойдетъ проклятіе на голову калугера! Сто разъ отомщу!»

Мусульманинъ взялъ трупъ, отвезъ къ матери, далъ денегъ на похороны и уѣхалъ.

(1) Этимъ именемъ Турки называютъ священнослужителей.

Страхъ объялъ всѣхъ Рогачанъ. Они знали хорошо натуру невѣрныхъ; знали, что за убійство Турки горько отомстятъ. Они боялись за свои церкви и монастыри, единственныя убѣжища во дни бѣдствій и страданій. Всѣ собрались, призвали священника, отпѣли несчастную, отвезли на кладбище, и погребли.

Тогда мать вспомнила о страшномъ снѣ!..

Рогачане не имѣли никакой силы наказать убійцу.

«Да и что, говорили они другъ другу, предпринимать противъ человѣка, совершившаго такое злодѣяніе. Для такого злодѣя нельзя и придумать наказанія.»

Безсильнымъ, угнетеннымъ, лишеннымъ всѣхъ правъ, Рогачанамъ некому было жаловаться изъ своихъ, а искать управы у Турка значило дѣлать несчастными самихъ же себя. Со словами: «да будетъ проклятъ калугеръ», рѣшили оставить дѣло безъ послѣдствій. Одна несчастная мать ежедневно утромъ и вечеромъ ходила на могилу погибшей дочери, носила туда цвѣты и кадильницу съ благовоніями. Говорятъ, что сначала жалобнымъ, громкимъ голосомъ потрясала она воздухъ въ окрестностяхъ космайскихъ горъ. Не было человѣка въ цѣлой деревнѣ, у котораго бы не брызнули изъ глазъ слезы при этихъ жалостныхъ вопляхъ. Злополучная мать съ каждымъ днемъ становилась все безгласнѣе и безгласнѣе, исхудала какъ остовъ, превратилась въ привидѣніе, и наконецъ безвозвратно увяла на могилѣ своей дочери.

Мечь Турка не замедлила совершиться. Магометанинъ съ своимъ отрядомъ окружилъ Рогачу, перебилъ калугеровъ и обратилъ монастырь въ развалины, отъ которыхъ уцѣлѣли только своды церкви. Этого не было довольно; Турки срыли до основанія и другіе монастыри, привели въ запустѣніе Тресію, которой покинутое запущенное зданіе до сихъ поръ свидѣтельствуетъ о разграбленіи. Терапонтъ пропалъ безъ вѣсти. Ниспровергнутыхъ монастырей никто не возобновлялъ. Въ Космайцѣ не осталось ни единого жителя, всѣ переселились въ новую дѣсную деревню Неменикутье. Рогача осталась цѣла. Обѣ деревни существуютъ и доселѣ.

П. СРЕТЬКОВИЧЪ.

Село Гопчица.

МИРАЖЪ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ Е. М. НОВОСИЛЬЦЕВОЙ.)

I.

Лидія Васильевна Барковская проснулась раньше обыкновеннаго. Она только-что наканунѣ пріѣхала изъ Москвы въ деревню къ матери своей, Натальѣ Петровнѣ Украинцевой, и, видно, пріѣхала не на радость: едва проснувшись, едва раскрывши хорошенькіе глазки, она принялась плакать и рыдать, какъ умѣютъ плакать и рыдать женщины и дѣти.

Дѣло въ томъ, что не прошло и года съ того дня, какъ она стояла подъ вѣнцомъ въ той самой церкви, которая виднѣлась изъ открытаго окна ея комнаты; а вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ Лидія Васильевна въ разлукѣ съ любимымъ мужемъ. Семень Николаевичъ Барковскій уѣхалъ въ Петербургъ на свиданіе съ какимъ-то пріателемъ, только-что вернувшимся изъ-за границы; хотѣлъ быть черезъ три дня, и зажился въ столицѣ, гдѣ, вмѣсто одного, нашлось у него пять, десять пріятелей, все народъ веселый, беззаботный, артисты, литераторы, туристы.... Онъ съ ними тряхнулъ стариною; а жена ждала его со

дня на день, съ часу на часъ, и въ отвѣтъ на свои длинныя и нѣжныя письма получала коротенькія посланія, которыми со дня на день отлагался пріѣздъ Семена Николаевича въ Москву. Бѣдной Лидіи Васильевнѣ стало невыносимо скучно, и въ одно прекрасное утро она рѣшилась на отчаянное средство: собралась въ нѣсколько часовъ къ отъѣзду, и отправилась въ деревню къ своимъ, которые ее ждали давно, но не одну, а вмѣстѣ съ мужемъ.

Долго бы проплакала Лидія Васильевна, еслибы въ спальню не вошла горничная доложить, что уже десятый часъ, и что «братецъ спрашиваютъ, можно ли имъ войти».

Лидія Васильевна встала, окончила свой первый туалетъ, и убѣдившись, что не осталось слѣда слезъ на ея лицѣ, велѣла подавать чай и просить Михаила Васильевича.

Михаилу Васильевичу Украинцеву было лѣтъ двадцать пять; онъ, пожалуй, былъ похожъ на сестру, но смотрѣлъ флегматикомъ, между тѣмъ какъ она была исполнена жизни и женской граціи.

— Здравствуй, Лидія, сказалъ онъ; — мы съ тобой, вчера, едва успѣли поздороваться.

— Вольно же тебѣ такъ поздно засиживаться въ гостяхъ, сказала Лидія, цѣлуя его.

— Я былъ бы дома, еслибы мы давно не перестали ожидать тебя. Ты вѣдь опоздала цѣлымъ мѣсяцемъ, и разъ десять назначала новый срокъ своему пріѣзду, такъ что мы подконецъ уже не вѣрили твоимъ письмамъ.... Даша, принеси-ка мнѣ чаю.

— Дѣла задержали мужа въ Петербургѣ, сказала Лидія нетвердымъ голосомъ, — вотъ мы все и откладывали нашу поѣздку.... Ахъ! отстань, прибавила она, отталкивая крошечнаго кингъ-чарльза, который собирался, по привычкѣ, вспрыгнуть къ ней на колѣни.

Братъ и сестра, послѣ годовой разлуки, сошлись теперь безъ постороннихъ свидѣтелей, за чашкой чая, въ уютной комнатѣ, подъ роднымъ кровомъ... Какая, кажется, счастливая минута въ ихъ жизни! Такъ бы и было для многихъ братьевъ и сестеръ, связанныхъ воспоминаніями дѣтства, воспитанныхъ одною матерью. Но отношенія Лидіи Васильевны къ Украинцеву были, можно сказать, *очень хороши*, и только.

— Какія это дѣла у Семена? спросилъ Украинцевъ.

— Почему же я знаю, Миша, какія у него дѣла? Что я по-

нимаю въ дѣлахъ? Скажи-ка мнѣ лучше, что у васъ дѣлается? Кто бываетъ? Я вчера не успѣла ни о чемъ распросить.

— Да кто бываетъ? Дядюшка Федоръ Петровичъ бываетъ, княгиня Блонкова съ мужемъ, Сергѣевъ бываетъ...

— Ахъ! кстати! Должно-быть у васъ здѣсь разыгрывается романъ: вчера, я спросила о Сергѣевѣ, Маменька отвѣчала неохотно, а Маша покраснѣла до ушей. Она... въ него влюблена?

— Должно-быть влюблена.

Маша была внучка и воспитанница Натальи Петровны.

— А что же маменька?... Какъ она объ этомъ узнала?

— Объ этомъ важномъ обстоятельстве узнали, изволишь видѣть, на прошлой недѣлѣ. За обѣдомъ, маменька говорила, что она женщина безъ предразсудковъ, и въ доказательство приводила свое приличное обращеніе съ Сергѣевымъ. Маша вспыхнула, и спросила, чѣмъ Сергѣевъ неровня маменькѣ? Тутъ ужъ маменька вспыхнула и отвѣчала: *Si vous êtes encore assez petite fille pour l'ignorer, je vous l'expliquerai plus tard...* Ну, и послѣдовало объясненіе, отъ котораго у Маши дня на два распухли глаза.

— Бѣдная дѣвочка! сказала Лидія. — А что же Сергѣевъ?

— Онъ не былъ съ тѣхъ поръ.

— Скажи, Мишель, нѣтъ ли у маменьки какихъ-нибудь плановъ насчетъ Маши? спросила Лидія, подумавъ.

— Есть! отвѣчалъ Украинцевъ. — Геніальные планы! то-есть; тебѣ скажу, изумительные! Вѣдь ты знаешь княгиню Блонкову?

— Знаю... А!... у нея братъ.

— Вотъ оно! отозвался Украинцевъ.

— Да, кажется, Мстиславскій незавидный женихъ, замѣтила Лидія. — Княгиня Блонкова конечно будетъ не прочь; Маша богата; но, со стороны маменьки, я не понимаю этого желанія; у нея, должно-быть, какая-нибудь задняя мысль.

— Разумѣется, и задняя-то мысль—я! не кто другой какъ я!

— Какъ, ты?

— Помилуй, самый простой расчетъ. Вотъ я цѣлыхъ пять лѣтъ на службѣ въ Петербургѣ, и все-таки титулярный совѣтникъ, и никѣмъ не замѣченъ, и даже не камеръ-юнкеръ. Я, признаюсь, объ этомъ мало забочусь; но маменька не мирится съ моею скромною долею, и рѣшила, что мнѣ нужна протекція. А князь Блонковъ служить отлично, любимъ при дворѣ, ну и, прочее. Умна маменька, нечего сказать!

— Мы это знаемъ... Но ты что же объ этомъ говоришь?

— Я что говорю? Да меня и не спрашиваютъ; мое дѣло сторуна. Я знаю себѣ, что на будущій годъ подамъ въ отставку и поселюсь здѣсь; отдѣлаю домъ, займусь хозяйствомъ, и буду стрѣлять дупелей съ Блонковымъ; а, покамѣсть, я остаюсь наблюдателемъ и смѣюсь отъ души: право, все это забавно.

— Мишель, сказала Лидія, — надо однако подумать о Машѣ, ей-то будетъ ли забавно?

— А! что дѣлать. Мнѣ очень жаль бѣдную дѣвочку. Шума я не терплю, да и шумомъ не поможешь. Маменька, ты знаешь, настойчива. Я вотъ и о себѣ нѣсколько разъ пробовалъ въвернуть въ разговоръ, что вотъ, молъ, на будущій годъ, когда я выйду въ отставку... Но, маменька, этого не слышитъ, ни-ни! а въ свою очередь, при случаѣ, скажетъ: Вотъ лѣтъ черезъ пятнадцать, когда ты, можетъ-быть, выйдешь въ отставку, мы, напримѣръ разведемъ ананасы, или женимъ Михея конторщика; или вообще что-нибудь такое неожиданное и не особенно важное. О концѣ рѣчи, понимаешь, хлопотать не стѣбитъ.

Украинцевъ говорилъ немного прицепетывая, впрочемъ ровнымъ голосомъ, не мѣняясь въ лицѣ и даже не улыбаясь.

— Скажи мнѣ откровенно, Мишель, ты никогда не ухаживалъ за Машей? спросила Лидія, послѣ минутнаго молчанія.

— Это что тебѣ вздумалось? Да и съ какой стати? Дѣвочка худа, какъ сѣрная спичка, и экзальтирована, какъ старая Нѣмка.

— Видишь ли, я тебя спросила объ этомъ, потому что отъ тебя зависитъ мнѣ помочь... почему бы Сергѣеву не жениться на Машѣ? Что ей маменька? *Grande tante!* Маша въ правѣ располагать собою. Я съ своей стороны переговорю съ нею; пожалуй, и съ Сергѣевымъ...

— Э! охота тебѣ, Лидинька, вмѣшиваться въ такія дѣла, отвѣчалъ Украинцевъ. — Какъ хочешь, а нѣтъ тебѣ моего совѣта идти противъ воли маменьки и накликать на себя неприятности. Да, пожалуй, и Маша современемъ тебѣ не скажетъ спасибо. Я никогда въ чужія дѣла не путался, за то никогда ни съ кѣмъ не ссорился. Отъ иной услуги, вмѣсто любви и благодарности, наживешь себѣ враговъ.

Лидія задумалась.

— Ты, можетъ-быть, правъ, сказала она. — Если Машѣ не суждено выйдти замужъ по любви, это, пожалуй, къ лучшему.

Горько были произнесены эти слова; но Украинцевъ не

обратилъ на нихъ вниманія, выпилъ послѣдній глотокъ чаю, потянулся, и сказалъ:

— Такъ-то... а теперь, прощай; меня ждетъ управляющій; а потомъ пойду къ маменькѣ. У насъ все по старому, и я одинъ имѣю право входить по утрамъ въ ея комнату.

« Я тебѣ не завидую », подумала Лидія.

II.

Украинцевъ долго пробылъ у матери. Изъ ея спальни онъ вышелъ въ гостиную.

Тамъ, въ бѣломъ платьѣ и зеленомъ фартучкѣ, сидѣла, съ книгой въ рукахъ, не то дѣвушка, не то ребенокъ, съ блѣднымъ личикомъ, оживленнымъ черными глазами, полными ума и пытливости.

— Чтò вы, *petite cousine*, такъ прилежно читаете? спросилъ Украинцевъ, подсѣвъ къ ней.

— *Leçons de la Sagesse*, par Fénelon, отвѣчала она очень серьезно.

— Вотъ какъ! и это васъ занимаетъ?

— Нѣтъ. Бабушка приказала прочесть.

— Такъ вы бы уже, знаете, дѣлали, какъ я; бывало перевертываешь листы и считаешь сколько буквъ на страницѣ.

— Нельзя: бабушка приказала написать анализъ, и ей прочесть.

— И къ спѣху?

— Она сказала: *Vous le ferez quand vous vous serez pénétrée des beautés de l'ouvrage...* отвѣчала Маша не безъ легкаго отгѣнка ироніи.

— Ну, стало-быть, не къ спѣху. Дайте мнѣ эту книгу, Маша; я скажу, что она мнѣ понадобилась, и затеряю ее.

Онъ взялъ книгу, и положилъ въ карманъ. Маша кивнула головой, и какъ будто съ утомленіемъ опустила вдоль колѣнъ свои худыя руки.

— Благодарю васъ, Мишель, я пойду въ садъ.

— Подите, подите, сказалъ Украинцевъ, подходя къ окну.

— Да вотъ кстати пріѣхалъ Сергѣевъ, возьмите его съ собой,

кузина, и скажите, что я явлюсь черезъ полчаса. Маменька мнѣ дала порученіе.

Съ этими словами, онъ вышелъ, не взглянувъ на Машу.

«Онъ добръ», подумала Маша, и мигомъ спустилась въ садъ, на встрѣчу Сергѣеву.

Сергѣевъ былъ еще молодъ и хорошъ собою; черты его лица, кое-гдѣ пересѣченнаго линіями мелкихъ морщинъ, были правильны и тонки, и носили печать постоянной и даже напряженной работы ума. Въ его глазахъ, задумчивыхъ, но мало оживленныхъ, былъ обманчивый блескъ, который женщины часто принимаютъ за выраженіе страстной природы. Наконецъ, рѣдкіе, но длинные русые волосы придавали наружности Сергѣева романтической характеръ, которымъ онъ впрочемъ не щеголялъ. Напротивъ, съ перваго взгляда легко было убѣдиться, что онъ вообще не занимался собой.

Маша протянула ему руку, и передавъ порученіе Украинцова, повернула съ нимъ въ аллею.

— Вы давно не были, сказала она.

— Я былъ занятъ; вчера къ вамъ собирался, но меня разстроило письмо изъ деревни, отвѣчалъ Сергѣевъ.

— Письмо? изъ деревни? повторила Маша. — Я угадываю: письмо было адресовано къ вашей сестрѣ.

Сергѣевъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Со стороны моей сестры это непростительно, сказалъ онъ строго. — Чужими тайнами не располагають, а о такихъ тайнахъ не говорятъ вовсе.

— Но вѣдь я умѣю молчать. Вы знаете, что мнѣ близко все, что касается до васъ. Скажите мнѣ, эта... дѣвушка, которая васъ любитъ, хороша? умна? образована?

— Въ ней нѣтъ ничего особеннаго, и между нами нѣтъ ничего общаго. Это чувство въ ней дѣло воображенія, но тѣмъ не менѣе, оно меня очень беспокоитъ.

— Но, если вы не подали никакого повода...

— Такъ; но вѣдь лежитъ же камень на душѣ и неумышленнаго убійцы. А въ настоящемъ случаѣ, мнѣ уже потому нельзя оставаться равнодушнымъ къ положенію этой дѣвушки, что оно мнѣ кажется не безпомощнымъ: она живетъ въ одиночествѣ, и я убѣжденъ, что первое развлеченіе выльчитъ ее.

— Стало-быть, она не любитъ, рѣзко отозвалась Маша. — Можно разлюбить въ одномъ только случаѣ, если окажется, что мы ошиблись въ выборѣ.

— Не судите по себѣ, Марья Николаевна. Глубокое, неизмѣнное чувство—явленіе рѣдкое, и остается достояніемъ немногихъ избранныхъ натуръ. Для такихъ натуръ почти невозможна ошибка, о которой вы говорите. Такія натуры разборчивы, и сразу понимаютъ нравственную красоту.

Настало молчаніе.

— Прочли вы мою книгу? спросилъ Сергѣевъ.

— Прочла, и написала свои замѣчанія. — Но, послушайте, Мишель скоро придетъ, а я хочу сообщить вамъ одно обстоятельство...

Ея глаза наполнились слезами.

— Боже мой! что такое? что съ вами? спросилъ Сергѣевъ.

— Вотъ что... Наталья Петровна почему-то не влюбилась въ васъ.

— Меня? за что?

— Это ея тайна. Она мнѣ сказала, что хочетъ съ вами переговорить.

— Гнѣвъ или расположеніе Натальи Петровны для меня важны только по отношеніямъ моимъ къ вамъ. Я бываю здѣсь единственно для васъ: вы это знаете. Лишь бы только мое объясненіе съ Натальею Петровной не коснулось васъ, я совершенно покоенъ.

— А если коснется?.. Василій Ивановичъ, прибавила она, вдругъ останавливаясь и прислоняясь къ дереву, — вы понимаете, какъ грустно мнѣ будетъ разстаться съ вами. Кто знаетъ? можетъ, этого добиваются. Поэтому, мнѣ теперь и хочется сказать вамъ, сколько... сколько я вамъ благодарна! Знаете, что вы для меня сдѣлали? Безъ васъ я бы не умѣла выйти изъ той сферы, гдѣ я родилась; я заразилась бы ея мелочностью... Вотъ уже цѣлый годъ, какъ я живу вашими уроками; вы первый обратили мои мысли на все прекрасное, вы мнѣ многое объяснили, и я начинаю понимать. До семнадцати лѣтъ, я росла дикаркой; любила или не любила однимъ инстинктомъ: вы меня научили любить разборчиво. Я вамъ стоила много трудовъ, другъ мой, прибавила она съ легкою улыбкой;—мы начали съ азбуки.

Сергѣевъ былъ взволнованъ.

— *Мнѣ* слѣдуетъ благодарить васъ, Марья Николаевна, сказалъ онъ. — Да! на мою долю выпадаетъ теперь величайшее нравственное наслажденіе. Какая завидная доля вызвать къ нравственной жизни такую природу, какъ ваша!.. Я давно по-

нялъ, продолжалъ онъ глубокомысленнымъ тономъ, — что человекъ рожденъ для посильнаго труда, для того чтобы внести свою лепту въ дѣло общаго блага; иногда мнѣ казалось, что я достигалъ этой цѣли, и я былъ счастливъ. Но никогда я не былъ такъ счастливъ, какъ въ эту минуту. Пусть Наталья Петровна попытается ее испортить! И Наталью Петровну, и всѣхъ на свѣтѣ вызываю на такую попытку! прибавилъ онъ съ жестомъ, краснорѣчиво выразившимъ его не совсѣмъ естественное настроеніе.

Несмотря однако на увѣренность Сергѣева, эта минута, о которой онъ говорилъ съ такимъ жаромъ, была испорчена появленіемъ постороннихъ лицъ. Въ концѣ аллеи показались Украинцевъ и Лидія.

О Лидіи, прежде нежели вновь съ ней встрѣтитоя читатель, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Въ ея характерѣ и жизни играли большую роль способность принимать отчаянныя рѣшенія и совершенная неспособность выдерживать ихъ до конца. Лидія уѣхала изъ Москвы въ порывѣ досады на мужа, и теперь уже раскаивалась въ томъ; боялась, вопервыхъ, что такая своенравная выходка не понравится Семену Николаевичу; во вторыхъ, что сама она не сумѣетъ скрыть свое горе, которое служило обвиненіемъ мужу; а какъ бы онъ ни былъ виноватъ, она ни за что его не выдастъ, въ особенности не выдастъ Натальѣ Петровнѣ. Наканунѣ, когда Наталья Петровна замѣтила, что Лидіи не по себѣ, можно было сложить вину на дорогу и усталость; но теперь слѣдовало не давать повода къ такимъ вопросамъ, и Лидія рѣшилась, во что бы то ни стало, казаться беззаботною и веселою. Завидя Машу и Сергѣева, она побѣжала къ нимъ на встрѣчу.

— Здравствуйте, здравствуйте, какъ поживаете, Василій Ивановичъ? спросила она, протягивая руку Сергѣеву.

— А вы, Лидія Васильевна? спросилъ въ свою очередь Сергѣевъ, затрудненный неестественнымъ переходомъ отъ восторженной рѣчи къ обыденной прозѣ.

— Процвѣтаю, какъ видите.

— Чтò Семенъ Николаевичъ? спросилъ Сергѣевъ, стараясь оправиться.

— Занять дѣлами, а безъ него я капризничаю отъ скуки.

— Я за вами не замѣчалъ этой способности.

— Она во мнѣ недавно развилась, и при случаѣ помогаетъ.

Что ты такъ значительно улыбулась, Маша? Я и тебѣ рекомендую это средство.

— Благодарю тебя; но, кажется, я не воспользуюсь твоимъ совѣтомъ, отвѣчала Маша.

— Напрасно. А какъ ты похорошѣла, Маша! Я это замѣтила только теперъ. Не правда ли, Василій Ивановичъ?

— Если Марья Николаевна позволить мнѣ сказать свое мнѣніе...

— Какъ не позволить? Нѣтъ женщины, которая бы этого не позволила.

— Въ такомъ случаѣ, я скажу, что вы правы. Выраженіе все болѣе и болѣе развиваетъ красоту Марьи Николаевны.

— Однако пятый часъ, замѣтилъ Украинцевъ. — Маменька скоро выйдетъ; пойдѣмте-ка въ гостиную.

Дорогой, пользуясь тѣмъ, что Украинцевъ заговорилъ съ сестрой, Маша шепнула Сергѣеву, указывая взглядомъ на Лидію:

— И эта женщина воображаетъ, что любить и что даже оскорблена въ своемъ чувствѣ! Кто бы это подумалъ?

— Не первый образецъ мелкихъ привязанностей, отозвался Сергѣевъ, пожимая плечами.

III.

Когда кто-нибудь замѣчалъ, что Наталья Петровна Украинцева никого не любитъ, зять, ея Барковский, говорилъ, что она любитъ этикетъ. Дѣйствительно, стоило посмотрѣть, съ какою серіозною любовью къ церемоніалу, за полчаса до обѣда, она выступала изъ своей спальни въ гостиную, гдѣ ея дожидались домашніе и гости. Домашнимъ это вмѣнялось въ обязанность, а отъ постороннихъ требовалось какъ дань, подобающая аристократическому положенію, котораго вѣкъ свой весьма искусно добивалась Наталья Петровна, и ея генеральскому рангу, которымъ она втайнѣ весьма дорожила. Съ деревенскимъ кругомъ Наталья Петровна не трудно было сладить. Въ свое время, въ свѣтѣ она слыла за *dame à grandes manières* и за *femme bel esprit*, и до преклонныхъ лѣтъ старалась поддержать такую репутацію. Какъ знаменитыя женщины XVIII вѣка во Франціи, она занималась въ извѣстные часы дня перепиской и чтеніемъ, не презирая

даже отечественной литературы, и хвастала знаніемъ русскаго языка. Такое явленіе не могло пройти незамѣченнымъ въ русскомъ обществѣ тридцать лѣтъ тому назадъ, и, дѣйствительно, въ то время о Натальѣ Петровнѣ говорили какъ о замѣчательной женщинѣ; а молодое поколѣніе, которое вообще судить построже, знало ее уже съ прочно установленною репутаціей, покорилося преданію, и не къ самой Натальѣ Петровнѣ, а къ ея вѣку относило явные ея недостатки, нестерпимое фразерство, чванство, грубый эгоизмъ.

Дверь изъ спальни отворилась, и Наталья Петровна вошла въ гостиную.

Ей было лѣтъ шестьдесятъ. Ея худоба, высокій ростъ и щегольской старушичій нарядъ придавали ей желаемую сановитость. Смолоду Наталья Петровна была красавица, но теперь ея лицо не отличалось выраженіемъ доброты, этою единственною красотою старости. Выраженіе, напротивъ, было нѣсколько жесткое, несмотря на любезную улыбку, которая не сходилась съ губъ ея превосходительства.

— Здравствуйте, Сергѣевъ, здравствуйте; вы насъ совсѣмъ забыли, говорила она, между тѣмъ какъ дѣти и внучка подходили поочередно къ ея рукъ. — Bonjour, mes enfans. Et votre oncle? Его нѣтъ еще?

— Нѣтъ, татап, отвѣчалъ Украинцевъ.

Наталья Петровна устроилась въ большомъ креслѣ; общество расположилось около нея.

— Лидинька, сказала она, — сегодня почтовый день, ты вѣрно получила письмо отъ Семена?

Наталья Петровна знала, что Лидія не получала письма, и отчасти угадывала о ея горѣ, но не пропускала случая уколоть дочь свою въ ея чувства къ мужу. Надобно сказать, что Лидія вышла замужъ не совсѣмъ по выбору Натальи Петровны.

— Я письма не ждала, сухо отвѣчала Лидія.

— Странно! сказала Наталья Петровна, будто задумываясь. — Впрочемъ, ты о Семенѣ не безпокойся, мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что онъ здоровъ и очень веселъ. Tu peux être tout a fait tranquille sur son compte, mon enfant.

Наталья Петровна, несмотря на то что любила говорить о чистотѣ русской рѣчи, по привычкѣ пересыпала ее французскими фразами.

— Записка отъ княгини Блонковой, маменька, сказалъ Украинцевъ.

Наталья Петровна распечатала записку.

— Княгиня будетъ завтра къ обѣду, со всѣмъ семействомъ, сказала она, передавая записку дочери.—Лидинька, прошу тебя отвѣчать, что мы очень ради. Княгиня тебя ждала съ такимъ нетерпѣніемъ!

— А вы, Лидія Васильевна, очень дружны съ княгиней? спросилъ Сергѣевъ.

— Мы другъ друга терпѣть не можемъ, отвѣчала Лидія.

Наталья Петровна прикинулась, что не слыхала этого отвѣта, и, взявъ со стола неразрѣзанную книгу, обратилась къ Сергѣеву съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы читали комедію Гоголя, Василій Ивановичъ?

— Давно-съ, отвѣчалъ Сергѣевъ.

— Вы знаете, что люди моихъ лѣтъ не любятъ Гоголя. Его упрекаютъ въ тривіальности, но я не отставала отъ вѣка, и нахожу, что Гоголь — талантъ: я даже оправдываю его тривіальность. Очень ясно: онъ родился въ низшемъ кругу общества, и, какъ умный человѣкъ, другаго не описываетъ. Комедій его я еще не читала; мнѣ ихъ привезли сегодня, а я сегодня, признаюсь, увлеклась чтеніемъ Гёте. Скажите, Василій Ивановичъ, кто для васъ выше: онъ, или Пушкинъ?... Безъ предубѣжденія?

Наталья Петровна называла такія пренія *causeries littéraires*.

— Сравненіе почти невозможно, отвѣчалъ Сергѣевъ.—Но, во всякомъ случаѣ, Пушкинъ поэтъ субъективный: въ концепціи онъ долженъ уступить шагъ великому Гёте.

— Да, конечно, подтвердила Наталья Петровна, стараясь скрыть свое слишкомъ поверхностное знакомство съ этими дикими словами, которыя съ любовью затверживала ей внучка.—Я даже нахожу, что у Пушкина нѣтъ этой... какъ это сказать? *cette élégance*, которая отличаетъ Французовъ. Напримѣръ Делиль называетъ булавку: *un dard léger*?... кажется, это бездѣлица, а въ сущности...

Но тутъ литературное засѣданіе было прервано появленіемъ новаго лица. Въ гостиную вошелъ родной братъ Натальи Петровны, Ѳедоръ Петровичъ Верховцевъ, извѣстный любитель экосеза, сюрпризовъ, *бу-риме* и всякихъ затѣй прошлаго времени. Онъ былъ почти однихъ лѣтъ съ своею сестрой, но казался гораздо моложе ея, благодаря таланту своего портнаго, искусственнымъ зубамъ, накладкѣ изъ черныхъ волосъ, съ примѣсью сѣдыхъ, а болѣе всего какой-то врожденной вертляво-

сти и постоянному желанію казаться молодымъ человѣкомъ. Онъ поцѣловалъ руку Лидіи, и раскланялся съ мушкетерами.

— Pardon, я кажется, помѣшалъ разговоръ, сказалъ онъ. — О чемъ шла рѣчь?

— Мы говорили о Гоголѣ, отвѣчала Наталья Петровна.

— О Гоголѣ? Это кто?

— Какъ вы находите, господа? Vous mériteriez, Théodore, d'être le héros de la *comédie du distrait*. Ты забылъ, что Гоголь современный писатель?

— Извините, забылъ. Но послушайте, господа, оставимъ Гоголя, и поговоримъ о дѣлѣ. Я отъ княгини Блонковой; она будетъ завтра сюда къ обѣду, и мнѣ бы хотѣлось устроить для нея сюрпризъ.

— Théodore былъ всегда *bout-en-train* общества, сказала Наталья Петровна.

— Да, теперь можно въ этомъ сознаться, скромно замѣтилъ Ѳедоръ Петровичъ.— Да, было время, когда безъ Верховцева не устраивался ни одинъ праздникъ. Ну, такъ вотъ что: мы сочинимъ фейерверкъ, великолѣпный фейерверкъ; это уже мое дѣло... а въ заключеніе, я скажу четверостишіе своего сочиненія княгинѣ. Признаюсь... я къ ней не равнодушенъ.

— C'est charmant! сказала Наталья Петровна, посылая воздушный поцѣлуй и Ѳедору Петровичу, и четверостишію.

— Ну, а ты что поднесешь княгинѣ, молодой человѣкъ? спросилъ Ѳедоръ Петровичъ, ударяя племянника по плечу.

— Я вамъ, дядя, предоставляю подносить ей букеты и *буриме*, отвѣчалъ Украинцевъ, — а я похлопочу о завтрашнемъ обѣдѣ. Князь хлѣбосоль и гастрономъ; да и меня самого обѣдъ какъ-то болѣе интересуеть. Гдѣ намъ, людямъ практическимъ, думать о женщинахъ!

— Все шутить, сказала Наталья Петровна.

— Нѣтъ, тамап, онъ говоритъ очень серіозно, замѣтила Лидія; — такъ говорить и думаетъ большая часть молодыхъ людей.

— Ага! вотъ и выходитъ, что я правъ, подхватилъ Ѳедоръ Петровичъ.— Всему виною нынѣшнее умничанье; прежде молодой человѣкъ хорошаго тона жилъ для женскаго общества; и правду сказать, жили мы весело, не умничая и не заносясь. Богъ знаетъ куда; а въ васъ, какъ я посмотрю, все теорія да теорія, а жизни-то именно и нѣтъ!

— Жизнь не въ шарканьи, тихо проговорила Маша.

Сергѣевъ взглянулъ на нее съ одобрительною улыбкой.

— Чтò? чтò? подхватилъ Ѳедоръ Петровичъ:—никакъ и ты принимаешься умничать... Ахъ ты, дѣвчонка! Пстой-ка, пстой...

И подхвативъ Машу, онъ приподнялъ ее какъ перышко, и принялся съ нею кружиться по комнатѣ.

— Оставьте, оставьте, говорила она, покраснѣвъ отъ досады и вырываясь изъ объятій Ѳедора Петровича.

Доложили, что кушанье готово.

— Ваше превосходительство, кушанье готово, повторилъ Ѳедоръ Петровичъ, подавая руку сестрѣ.

IV.

Послѣ обѣда составился вистъ: Наталья Петровна, Ѳедоръ Петровичъ, Украинцевъ и Сергѣевъ. Игра длилась нестерпимо; наконецъ разошлись; Ѳедоръ Петровичъ уѣхалъ, Наталья Петровна удалилась въ свои покои; Сергѣевъ собрался идти въ садъ, гдѣ надѣялся найти Машу; но, на первой ступени террасы, его нагналъ лакей, съ просьбой пожаловать къ ея превосходительству.

Наталья Петровна казалась озабоченною, но встрѣтила Сергѣева съ своею вѣчно любезною улыбкой.

— Садитесь, Сергѣевъ, намъ съ вами надо переговорить о серіозномъ дѣлѣ.

— Чтò вамъ угодно? спросилъ Сергѣевъ.

— Послушайте, начала Наталья Петровна самымъ вкрадчивымъ голосомъ,—вы меня знаете. Вы поняли, что я женщина безъ предрасудковъ, и вижу въ васъ человѣка въ высшей степени образованнаго.

— Очень вамъ благодаренъ, сказалъ Сергѣевъ, сконфуженный и удивленный такимъ предисловіемъ;—но чтò же вамъ угодно?

— А вотъ чтò! Съ умными людьми объясняются прямо; послушайте: вамъ нравится Маша? Не правда ли, я угадала?

— Извините... я никому, кажется, не обязанъ отдавать отчетъ въ моихъ чувствахъ, отвѣчалъ Сергѣевъ запальчиво.

— Поймите меня, Сергѣевъ. Какъ мать, и какъ опытная жен-

щина, я обязана предупредить васъ... Я увѣрена, что вы, какъ благородный человѣкъ, сдѣлаете все, что отъ васъ зависитъ, чтобы Маша не подозрѣвала, что вы ею заняты. Вы знаете, что я люблю общество умныхъ людей, и всегда принимала васъ съ удовольствіемъ; но обстоятельства требуютъ, чтобы мы теперь видались рѣже, и чтобы Маша вовсе не видалась съ вами съ глазу на глазъ.

Сергѣевъ хотѣлъ возразить; Наталья Петровна остановила его.

— Пойдите... Чтобы быть вполне откровенною, я скажу вамъ, что ваши частыя посѣщенія, ваши бесѣды съ моею внучкой уже дали поводъ къ разнымъ сплетнямъ и толкамъ.

— Неужели сплетни могутъ повредить репутаціи Марьи Николаевны? спросилъ Сергѣевъ.

— Конечно. Мнѣ кажется, не нужно оправдывать передъ вами Машу; вы сами знаете, до какой степени чисто и невинно ея молодое сердце; но вы не знаете, что ея судьба уже устроена. Я вамъ открываю эту тайну, какъ человѣку, котораго я привыкла уважать: Маша скоро выйдетъ замужъ по выбору своей второй матери и полюбитъ по чувству долга. Но ея будущей мужъ въ правѣ заботиться о ея репутаціи. Я сама, при всемъ моемъ презрѣніи къ сплетнямъ, нахожу, que la femme de César ne doit pas même être soupçonnée. Вы знаете, что во мнѣ чувство чести развито какъ въ мужчинѣ; можетъ-быть еще болѣе...

Сергѣева какъ громомъ поразила вѣсть, сообщенная ему Натальей Петровной.

— Но Марья Николаевна, вѣроятно, еще не дала своего согласія на это замужство? сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я въ ея согласіи не сомнѣваюсь... Впрочемъ, это дѣло касается собственно меня... и ея.

— А почему бы это и меня не касалось? возразилъ Сергѣевъ. — Почему бы благородному человѣку не заступиться за дѣвушку, которую обрекли на насильственный бракъ, основанный, можетъ-быть, на разчетѣ?

— Василій Ивановичъ; замѣтила съ достоинствомъ Наталья Петровна, — вы, кажется, забываете, съ кѣмъ говорите.

— Извините, отвѣчалъ Сергѣевъ; — я никогда не забываю, говоря съ женщиной, хотя я и не великосвѣтскій франтъ, какъ тотъ, вѣроятно, за кого вы прочтете вашу внучку. Но дѣло въ томъ, что мы говорили о ней, о вашей внучкѣ, и что я

считаю себя въ правѣ заступиться за ту, въ которой я имѣлъ счастье пробудить первыя чувства и мысли. Я горжусь своимъ успѣхомъ, который вы, Наталья Петровна, готовитесь хладнокровно разрушить. Повѣрьте, это преступленіемъ ляжетъ на вашей совѣсти.

— Во всякомъ случаѣ, я вамъ замѣчу, что вы не духовникъ мой, отвѣчала Наталья Петровна, улыбаясь, и сохраняя обыкновенное присутствіе духа.— Впрочемъ, я вамъ объяснила, чего я отъ васъ ожидаю; я нахожу, что бесполезно продолжать нашъ разговоръ.

Она встала; вслѣдъ за нею всталъ и Сергѣевъ.

— Еще одно слово, сказалъ онъ, подходя къ Натальѣ Петровнѣ.— Я отрекусь отъ *нея*; я уѣду. Я знаю законы чести; репутація Марьи Николаевны останется чиста, если она въ моихъ рукахъ, но...

— Я васъ не совсѣмъ понимаю, перебила Наталья Петровна.— Какимъ образомъ репутація *моей* внучки можетъ быть въ *вашихъ* рукахъ? Чтò можетъ быть общаго между *вами* и *моею* внучкой? Чтò значитъ, что вы отъ нея *отрекаетесь*? Вы занимались ея образованіемъ; теперь, я считаю его оконченнымъ, и благодарна вамъ, но не признаю за вами никакого права вмѣшиваться въ наши семейныя дѣла.

Сергѣевъ взглянулъ на нее съ выраженіемъ нѣмага упрека; и, прижавъ руку къ сердцу, какъ будто желая подавить загорившее въ немъ негодованіе.

— Я прошу васъ, сказалъ онъ:— я васъ умоляю сказать мнѣ обстоятельнѣе, какъ вы намѣрены располагать ея судьбою. О себѣ, какъ видите, я не хлопочу, но не выйду изъ этой комнаты, пока не успокоюсь насчетъ ея будущности.

— Я одна въ правѣ располагать судьбой *моей* внучки... Это мое послѣднее слово; намъ пора разстаться. Вотъ...

И Наталья Петровна указала на дверь.

— Не безпокойтесь, я выйду, отвѣчалъ Сергѣевъ, покраснѣвъ.

— И даже уѣдете, прибавила Наталья Петровна.

Сергѣевъ вышелъ, самъ себя не помня, и очутился одинъ въ гостиной. Онъ остановился; сильно билось его сердце. Разговоръ съ Натальей Петровной перевернулъ всѣ имъ обдуманныя и, какъ онъ былъ увѣренъ, тщательно анализированныя понятія о чести, благородствѣ и достоинствѣ человѣка; онъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, и долго стоялъ въ раздумьѣ. Мысли путались въ его головѣ.

— Сергѣевъ, что это вы стоите какъ вкопанный? спросилъ Украинцевъ, показываясь въ дверяхъ гостиной.

— Я шель къ вамъ, отвѣчалъ Сергѣевъ нетвердымъ голосомъ.—Наталья Петровна меня оскорбила, но она женщина и ваша мать: вы не можете отказать мнѣ въ *удовлетвореніи*, Михаилъ Васильевичъ.

— Какъ это? Чтò случилось?

— Объ этомъ разспросите у Натальи Петровны, рѣзко отвѣтилъ Сергѣевъ.—Прошу васъ назначить часъ...

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ Украинцевъ;—мой секундантъ будетъ у васъ завтра утромъ.

Они другъ другу поклонились и разошлись. Сергѣевъ уѣхалъ, не простясь съ Машей.

V.

Наступила іюньская ночь, тихая и свѣтлая. Все понемногу успокоивалось въ полѣ и въ лѣсу, на селѣ и въ домѣ. Въ эти минуты всеобъемлющаго покоя, Лидія наединѣ въ своей комнатѣ отдохнула отъ принужденной веселости, которую она съ трудомъ выдержала въ теченіи дня. Она могла наконецъ дать волю слезамъ; поплакавъ, она старалась обдумать свое положеніе, и убѣдилась, что ей необходимо принять рѣшительныя мѣры.

«Рѣшено, говорила она сама себѣ; онъ меня больше не увидитъ; я напишу ему, что онъ свободенъ, и пойду въ монастырь.»

И опять заливаясь слезами, она принялась писать; писала долго, письмо не клеилось: начало два раза было написано, и два раза сожжено; то казалось оно слишкомъ жесткимъ, то слишкомъ нѣжнымъ и лишеннымъ женскаго достоинства. Наконецъ, письмо было готово; Лидіи какъ будто стало легче. Она даже замѣтила, что въ комнатѣ нестерпимо душно, и открыла окно. Глухая ночь царствовала на дворѣ; вдругъ, вдали, на деревнѣ раздался крикъ пѣтуха; вслѣдъ за тѣмъ гдѣ-то, ближе прокричалъ другой пѣтухъ, потомъ третій, и поднялась эта ночная переключка, всѣмъ знакомая и почему-то приводящая на память давно канувшія въ вѣчность лѣтнія ночи, завѣтные часы, одиноко проведенные за письменнымъ столомъ, или за люби-

мою книгою, и давно покинутую, но всегда милую сердцу, родную деревню.

Сердце Лидіи сжалось отъ воспоминаній, она поспѣшно затворила окно. «Боже мой! подумала она, чѣмъ убить мнѣ эту ночь?... «и вспомнила о Машѣ.» Она вѣрно не спитъ, рѣшила Лидія; она любитъ какъ и я; она пойметъ меня. Мы поплачемъ вмѣстѣ, простимся, а завтра я уѣду... навсегда!»

Дѣйствительно Маша не спала, передъ нею лежала открытая книга, привезенная поутру Сергѣевымъ; Маша мечтала. Утреннее объясненіе оставило на всѣхъ ея чертахъ отраженіе тайнаго восторга; ея глаза блистали, и улыбка гордаго самодовольствія мелькала на ея губахъ. Маша вообще какъ будто измѣнилась, какъ будто выросла на вершокъ, изъ ребенка переродилась въ героиню романа. Неожиданное появленіе Лидіи, грустной и заплаканной, пробудило въ ея сердцѣ теплое чувство участія. Маша хотѣла было броситься на шею Лидіи, но одумалась; и, ступивъ нѣсколько шаговъ ей на встрѣчу, спросила равнодушно, почти холодно:

— Чтѣ ты, Лидія?

— Маша, сказала Лидія, цѣлуя ее,—я угадала, что ты не спишь. Но, ты не спишь, потому что тебѣ, слава Богу, весело... Не правда ли?

— Весело?... повторила Маша.—Странное выраженіе!

— Почему же странное?

— Видишь, Лидія, есть мысли и чувства, которыя такъ высоко настраиваютъ душу, что къ нимъ нейдетъ такое пошлое слово...

— Что ты хочешь сказать, Маша? Какія это высокія мысли? Просто мысли о томъ, кого мы любимъ...

— М.... м.... не знаю! Не всякая женщина способна любить человѣка, высокаго духомъ.

— Какъ ты странно выражаешься, Маша? Я тебя не понимаю.

— Я и сама думаю, что мы другъ друга не понимаемъ; лучше оставить этотъ разговоръ. Къ чему онъ насъ приведетъ?

— Маша, сказала Лидія, отъ которой не могъ ускользнуть оскорбительный смыслъ ея словъ,—чтѣ съ тобою сдѣлалось? Я тебя не узнаю.

Маша не отвѣчала.

— Ты меня любила прежде, продолжала Лидія.

— Годъ тому назадъ я была ребенокъ, сказала Маша.—Мудрено ли, что теперъ мои чувства приняли новый характеръ?

Горько показалось это слово Лидіи, пришедшей за словомъ участія; она съ упрекомъ взглянула на Машу, взяла свѣчу со стола, и сказала: «Я тебѣ помѣшала. Прощай.»

Маша почувствовала что-то похожее на угрызеніе совѣсти.

— Нѣтъ, Лидія, отвѣчала она съ живостію;—останься, пожа-
луйста. Ты грустна, поговоримъ вмѣстѣ. Расскажи мнѣ о тво-
емъ московскомъ житѣ. Гдѣ ты бывала, кого видала? Мы съ
тобою еще порядочно не поговорили.

— Это нисколько тебя не интересуешь, да и меня тоже въ
настоящую минуту, отвѣчала Лидія довольно сухо.—Прощай.
Пора спать.

Она спѣшила выйти, чтобы скрыть слезы, которыя высту-
пали у ней на глазахъ, добралась до своей комнаты, и рѣши-
тельно не знала за что приняться. Вдругъ кто-то постучался въ
дверь, Лидія вздрогнула.

— Кто тамъ? спросила она едва внятно.

— Лидія, ты не спишь? слышалось за дверью.—Отвори.

Но Лидія онѣмѣла отъ испуга, удивленія и счастья. Она не
отвѣчала и не трогалась съ мѣста.

— Отвори, Лидія, или я сорву дверь.

На этотъ разъ, голосъ былъ такъ повелителенъ, что Лидія
очнулась, бросилась къ двери и дрожащею рукою принялась
искать задвижку. Дверь рванулась, и на порогъ показался сред-
няго роста довольно плотный молодой человѣкъ, въ запылен-
номъ пальто.

Лидія бросилась къ нему на шею. Эта минута изглаживала
изъ сердца любящей женщины все, что въ немъ, въ теченіи мѣ-
сяца, накопилось слезъ и тоски. Лидія осыпала мужа ласками и
вопросами:

— Семень, ты усталъ? Хочешь чаю? Хочешь ужинать?

— Дай на себя взглянуть, отвѣчалъ Барковский, опускаясь на
диванъ и усаживая жену рядомъ съ собою.—А къ вамъ не скоро
доберешься; кругомъ все заперто, у крыльца я не достучался,
и принужденъ былъ войти потаенною лѣстницею, какъ воръ
или любовникъ, и у тебя дверь на замкѣ! Да ты ужь не отъ
меня ли заперлась?

— Отъ тебя?... Да я тебя сегодня не ждала.

— А я рассчитывалъ застать тебя сегодня за утреннимъ ча-
емъ, такъ и пріѣхалъ въ Москву, не подозревая, что тебя тамъ
нѣтъ. Какъ я взбѣялся! Да спасибо никто не попался мнѣ
подъ сердитую руку, и лошадей скоро добылъ, и ѣхалъ лихо.

Ну поцѣлуй меня еще разъ и похлопочи о моемъ ужинѣ: со вчерашняго дня я ничего не ѣлъ; а я пойду страхну съ себя пыль.

Барковскій поцѣловалъ жену и прошелъ въ другую комнату. И какъ вдругъ оживились эти комнаты, гдѣ за четверть часа передъ тѣмъ тосковала Лидія! Зажглись лампы, настезь растворились двери, все забѣгало и засуетилось. Лидія принялась помогать горничной, накрывавшей на столъ; другая горничная съ пустыми руками заботливо металась во все четыре угла комнаты, вѣроятно отыскивая пятый. Камердинеръ Барковского, перепоясанный кушакомъ, внесъ запыленный чемоданъ, и подошелъ къ барынной ручкѣ.

— Что это вы загостились въ Петербургѣ, Кондратій? спросила Лидія.

— Точно, точно-съ, отвѣчалъ Кондратій.—Всякій день собирались въ Москву, да все не пуцали Семена Николаевича.

Ужинъ былъ на столѣ, явился Барковскій. Широкое бархатное пальто, надѣтое въ одинъ рукавъ, русые, кудрявые волосы, раздѣленные посреди лба, усики, которые онъ безпрестанно щипалъ, наконецъ открытая, нѣсколько удалая физиономія, — все это вмѣстѣ слагалось въ характерный типъ русскаго молодца.

— Вотъ тебѣ гостинецъ, сказалъ онъ; и разложилъ передъ женою разныя бездѣлицы, привезенныя имъ изъ Петербурга. Самъ примѣрилъ на тонкія пальцы Лидіи тяжелый перстень, выбранный по ея вкусу, и опуталъ ея волосы вокругъ рѣзной гребенки. Когда онъ принялся за ужинъ, то и Лидія вспомнила, что ничего не ѣла цѣлый день. За ужиномъ начались разспросы и разказы: Лидія сообщила мужу о будущемъ замужствѣ Маши и о ея любви къ Сергѣеву.

— Сергѣевъ! сказалъ Барковскій.—Да это не человекъ, а рыба, карась въ сметанѣ!.. Чего же онъ ждетъ, Боже мой, когда онъ и Маша влюблены другъ въ друга и оба свободны? зачѣмъ же у нихъ дѣло стало?

— Я тебѣ говорю, Семень, маменька не хочетъ.

— А? вотъ чтó! вотъ съ чѣмъ не сладимъ! отозвался Барковскій.

VII.

— Здравствуй, Семень, сказалъ Украинцевъ, входя въ комнату и обнимая зятя.—Ты очень кстати пріѣхалъ: мнѣ надо съ

тобою переговорить. Поужинаешь, пойдемъ въ твой кабинетъ.

— Чтò такое, Мишель? чтò случилось? спросила Лидія.

— Ничего, успокойся. Маменька дала мнѣ... *секретное* порученіе, съ которымъ я не слажу; вотъ и кочу посовѣтоваться съ твоимъ мужемъ.

— Ну чтò за секреты? нельзя ли здѣсь?... сказала Лидія.

— Нѣтъ, Лидія, мы вернемся черезъ пять минутъ, отвѣчалъ Украинцевъ.—У меня на рукахъ прескверная исторія, началъ онъ, уводя Барковского въ сосѣднюю комнату.

И Украинцевъ разказалъ ему о вызовѣ Сергѣева.

— Вотъ ужъ, правду сказать, въ чужомъ пиру похмѣлье. Я ли, кажется, путаюсь въ чужія дѣла?

— Этой дуэли не бывать, Мишель, сказалъ Барковский.—Ну за чтò тебя подстрѣлить, посуди ты самъ...

— Именно, не за чтò. Я и надѣюсь, что ты мнѣ поможешь какъ-нибудь выпутаться изъ этой исторіи.

— Да, непременно, сказалъ Барковский, задумавшись и разглаживая свои усики.—Будь покоенъ, все уладимъ какъ нельзя лучше. Сергѣевъ живетъ все тамъ же, у сестры своей?

— Да, въ пяти верстахъ отсюда.

— А чтò за человѣкъ Мстиславскій, братъ княгини Блонковой?

— Онъ пока и не человѣкъ; ему всего двадцать лѣтъ, и сказать о немъ ровно нечего. Ничего не дѣлаетъ, и ничего особенно не любитъ. Когда сестры его нѣтъ дома, играетъ въ горѣлки съ ея горничными, вотъ и все. Молодъ.

— Молодъ?.. Нѣтъ, братъ; вѣкъ свой дрянью будетъ, коли о сию пору любить однѣ горѣлки съ горничными. *Vingt ans, sacristie!* продолжалъ Барковский, встряхнувъ волосами и вспоминая о своемъ двадцатилѣтнемъ возрастѣ.—Хорошъ Машинъ будущій мужъ! Да она-то чтò? О чемъ она съ Сергѣевымъ думаетъ, растолкуйте вы мнѣ?

— Богъ ихъ знаетъ, о чемъ они думаютъ! А все, кажется, думаютъ и говорятъ. И какъ они другъ другу не надоѣли?.. Удивляюсь, право!

— Это, положимъ, ихъ дѣло, сказалъ Барковский,—а уже если другъ другу не надоѣли, чего они трусятъ, и ждуть, благо оба свободны?

— Ну, съ маменькой имъ сладить не легко, отвѣчалъ Украинцевъ.

— Полно, братецъ мой! Это маменька распускаетъ слухи о своей неумолимости и твердости. Все это вздоръ! Я когда вздумалъ жениться, этимъ слухамъ, слава Богу, не повѣрилъ, и говорилъ-то немного, а на своемъ поставилъ. Ты былъ въ то время въ Петербургѣ: знаешь, какъ у насъ съ Натальей Петровной сладилось дѣло?

— То-есть... отвѣчалъ Украинцевъ,—я знаю, что маменька не за тебя прочла Лидію, хотя она мнѣ и писала, что ты *l'enfant de son choix et de son coeur...*

— Вотъ какъ! я за собою и не зналъ такихъ почетныхъ титуловъ; а добился я ихъ, изволишь видѣть, очень просто. Влюбился я въ Лидію въ то самое время, какъ маменька стала ухаживать за княземъ Тростенскимъ; я переговорилъ съ Лидіей, являюсь къ Натальѣ Петровнѣ, и дѣлаю предложеніе. Отказъ, прелюбезный, но отказъ набѣло. Нѣтъ, думаю, это не такъ. «Наталья Петровна, говорю, я женюсь на вашей дочери; я ее увезу.» Маменька отвѣчала съ достоинствомъ:—Вы не умѣете говорить съ женщиной... вы меня вынуждаете отказать вамъ отъ дому. «Это не поможетъ, Наталья Петровна; я ее увезу съ улицы, съ бала, съ театральнаго подѣзда.» Маменька вдругъ взвизгнула, а-а-ахъ! и въ обморокъ, не успѣвъ даже измѣниться въ лицѣ. Я, какъ слѣдуетъ, привелъ ее въ чувство. «Какъ же, говорю, Наталья Петровна, вѣдь скандалъ будетъ. Всему міру извѣстно, что вы примѣрная мать; что дочь вашу вы не будете стѣснять въ выборѣ, а она меня любить, не князя Тростенскаго. Я ее увезу...» Ну и поговорили, я все въ томъ же тонѣ, а маменька все тише, тише; и на другой день, на помолвкѣ, благословила Лидію образомъ, а меня непримиримую ненавистью, отъ которой ни я, ни она, какъ видишь, не худѣемъ. Повѣрь мнѣ, и Сергѣеву стоило бы только, умѣючи, взяться за дѣло... Да, я и не спросилъ тебя, знаетъ ли маменька о твоей дуэли?

— Нѣтъ, разумѣется. Я не хотѣлъ ее разстроить, на ночь въ особенности. Поднялся бы крикъ, шумъ, обмороки, а я ихъ и днемъ терпѣть не могу.

— И прекрасно! теперь твое дѣло сторона; я за все берусь и съ маменькою переговорю.

— Спасибо тебѣ, Семень; пожалуста, только чтобы тревоги не было; скажи осторожнѣе, приготовь.

— Будь покоенъ, все обдѣлаемъ, повторялъ Барковскій;—а теперь, прощай, ступай себѣ спать....

— Чтѣ такое?... Мишель будто озабоченъ? спросила Лидія.

— Пустяки, мой ангелъ... да намъ теперь и не до Мишеля, отвѣчалъ Барковскій, обнявъ рукою талию своей жены.

Тутъ глаза его нечаянно остановились на письмѣ, которое Лидія писала передъ его пріѣздомъ, а теперь, на радости, забыла истребить. Барковскій завладѣлъ имъ, и прочелъ съ начала до конца, несмотря на просьбы Лидіи.

Она еще не сдѣлала ни одного упрека мужу, и, робко стоя за его стуломъ, выжидала его перваго слова, послѣ чтенія письма.

— Чтò же? уѣдешь ты завтра въ монастырь?... спросилъ Барковскій, опрокидываясь на спинку стула, чтобы взглянуть на Лидію.

Такимъ голосомъ былъ сдѣланъ этотъ вопросъ, что, вмѣсто отвѣта, Лидія нагнулась на кудрявую голову мужа, и, цѣлуя ее, шопотомъ спросила:

— А ты? Уѣдешь опять въ Петербургъ?.. Теперь скажи мнѣ, продолжала она, не сомнѣваясь впрочемъ въ отвѣтъ,—въ этомъ проклятомъ Петербургѣ, ты не видалъ ни одной женщины, которая бы тебѣ понравилась? Скажи правду; я тебѣ все прощаю, только не обманывай меня...

— Никакой женщины я не видалъ, отвѣчалъ Барковскій;— а ты нравишься мнѣ болѣе всѣхъ женщинъ на свѣтѣ...

Прости ему Богъ! онъ жестоко солгалъ насчетъ своего петербургскаго житья-бытья... Но Барковскій такъ искренно любилъ Лидію, и съ такою нѣжностію цѣловалъ ея руки, что осуждать его было бы грѣшно...

VII.

Въ десять часовъ утра, Барковскій, одѣвшись, велѣлъ просить у Натальи Петровны позволенія явиться къ ней, и получилъ милостивое приглашеніе.

Наталья Петровна, въ бѣломъ пеньюарѣ, обшитомъ кружевами, сидѣла въ большихъ креслахъ и кушала шоколадъ. Возлѣ нея, на столикѣ, лежалъ раздушенный батистовый платокъ, флаконъ съ одеколономъ и святцы въ бархатномъ переплетѣ съ золотыми застѣжками.

— Bonjour, bonjour, mon cher Simon, сказала она, привѣтливо улыбаясь.—Мы тебя заждались; а Лидія, бѣдняжка, была на

себя не похожа... Но я старалась ее успокоить, увѣряя, что ты не замедлишь прѣхать; теперь, надѣюсь, она убѣдилась, что материнское сердце вѣщунъ.

— Мы это коротко знаемъ, сѣге тапан, отвѣчалъ Барковскій, почтительно цѣлуя у нея руку.

— Да, кажется, ты въ Петербургѣ не похудѣлъ отъ занятій?...

— Чтò же, слава Богу!

— Конечно. А я вѣдь сама не совсѣмъ была покойна на твой счетъ, такъ что поручила даже одной своей петербургской пріятельницѣ о тебѣ узнать; она узнала и меня успокоила.

— Чтò же обо мнѣ узнала ваша петербургская пріятельница?

— Она сама тебя встрѣтила за городомъ, кажется, въ Павловскѣ. Ты былъ въ дамскомъ обществѣ, и очень весель. Но, вообрази, ей сказали... (Наталя Петровна засмѣялась) que c'étaient des dames de l'орéга. Забавно то, что она повѣрила!

— Гм! а больше ничего не писала обо мнѣ ваша пріятельница?

— Эта пріятельница Татьяна Кириловна: ты ее знаешь, хоть и не былъ у ней съ визитомъ. Ну, она къ этому не привыкла; любить, чтобъ ее уважали, какъ слѣдуетъ въ порядочномъ обществѣ, и, разумѣется, была тобою недовольна. Къ тому же ей на тебя насплетничали, и она повѣрила, что ты Богъ знаетъ съ кѣмъ видишься, тратишь деньги, пьешь съ пріятелями, и не скрыла отъ меня своего негодованія. Она женщина высокихъ правилъ, всѣми уважаемая...

— Ну да, и сплетница первоклассная, добавилъ Барковскій; — какъ ее не уважать! Впрочемъ, сѣге тапан, чѣмъ намъ заниматься ею, объясните мнѣ, ради Бога, какъ это вы такъ коротко зная, чтò происходитъ въ Петербургѣ, не знаете, чтò дѣлается въ вашемъ собственномъ домѣ?

— Чтò такое?... спросила Наталя Петровна.

— Да такъ; вышла маленькая неприятность. Завтра вашъ сынъ стрѣляется съ Сергѣевымъ.

Наталя Петровна остолбенѣла, поблѣднѣла, и, не зная на что рѣшиться, опрокинулась въ кресло, закрывъ глаза. Это было что-то въ родѣ обморока. Барковскій неподвижно стоялъ противъ нея.

— Ахъ, ах... ахъ! проговорила она.—Почему мнѣ объ этомъ не объявилъ Мишель?... Онъ пощадилъ бы меня... Онъ знаетъ,

что мои нервы не выносятъ такихъ ударовъ. Гдѣ онъ?... Мишель!...

— Онъ занятъ; снѣге маман, отвѣчалъ Барковский, придвигая къ ней флаконъ съ одеколономъ.— Наканунѣ поединка, необходимо сдѣлать кой-какія распоряженія.

— Ахъ, ахъ, ахъ! Боже мой!

Наталья Петровна понюхала одеколонъ, и, наклонивъ голову, прошептала молитву.

— Теперь я готова все выслушать, сказала она вдругъ.— Говори, что случилось? почему они дерутся?

— Потому что вы наговорили неприятностей Сергѣеву, а онъ потребовалъ удовлетворенія отъ Мишеля.

— Я?.. Я ему наговорила неприятностей?.. Я виною этой дуэли?.. Боже мой! еще этого обвиненія не доставало! Вчера я велѣла просить Сергѣева сюда, и говорю ему: Сергѣевъ, вы ухаживаете за Машей; какъ мать, я обязана вамъ напомнить, что благородный человѣкъ не долженъ смущать неопытную дѣвушку... Вотъ и все. Я была увѣрена, что онъ остался очень доволенъ.

— Изволили ошибиться, снѣге маман; вышло нѣсколько иначе. Сергѣевъ такъ обидчивъ, что прямо изъ вашей комнаты отправился къ Мишелю, и вызвалъ его на дуэль.

— Да... да это быть не можетъ!

— Случилось, однако. Правду сказать, жаль не одного Мишеля, но и Машу: вѣроятно такъ-то достанется ея репутаціи, что ей бѣдняжкѣ въ свѣтѣ не будетъ житья.

— Но что же дѣлать?.. спросила Наталья Петровна, совершенно растерявшись.

— Не знаю, отвѣчалъ Барковский.

Было молчаніе.

— Средство есть, коли хотите.

— Какое?.. спросила Наталья Петровна, оживляясь.— Я знаю, Simon, что съ твоимъ умомъ ты средство найдешь, если только захочешь.

— Помилуйте, снѣге маман, очень охотно сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ; только на уговорѣ: вы мнѣ предоставите распоряжаться какъ мнѣ вздумается.

— Мать не торгуется, когда дѣло идетъ о жизни сына, отвѣчала Наталья Петровна.— Я заранѣе соглашаюсь на всѣ твои требованія; что ты придумалъ, мой другъ?

— Вы напишете Сергѣеву подъ мою диктовку; я отвезу письмо, и мы переговоримъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчала Наталья Петровна.

Она сѣла къ письменному столу, взяла перо, и ждала диктовки. Прошло нѣсколько минутъ. Барковскій обдумывалъ содержаніе письма.

— Извольте писать, снѣге тамап, сказалъ онъ.

«Милостивый Государь,

«Василій Ивановичъ!

«Непростительно, хотъ неумышленно обиженные мной, вы требовали...»

— Позволь, позволь, что ты говоришь?.. Это начало мнѣ не нравится.

— Мнѣ кажется, мы хлопочемъ о томъ, чтобъ оно понравилось Сергѣеву, отвѣчалъ Барковскій, — а вы, позвольте вамъ замѣтить, снѣге тамап, вы въ сторонѣ. По крайней мѣрѣ я полагаю, что вы, какъ нѣжная мать, охотно откажетесь отъ разчетовъ самолюбія, въ такомъ случаѣ, когда одна мать должна быть на сценѣ.

— Но это... это просто унижительно! возразила Наталья Петровна. — И унижаться передъ какимъ-нибудь Сергѣевымъ!..

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Барковскій, закуривая сигару и принимаясь хладнокровно расхаживать по комнатѣ.

— Можно сказать то же, но другими выраженіями, замѣтила Наталья Петровна.

— За выборъ выраженій я не берусь; а между тѣмъ время дорого. Черезъ нѣсколько часовъ князь Блонковъ и Мстиславскій должны вернуться съ охоты, а Сергѣевъ ждетъ только ихъ возвращенія, чтобъ ѣхать къ нимъ, и пригласить ихъ въ секунданты.

— Наталья Петровна не ждала этого послѣдняго удара, и опустила голову.

— Simon... сказала она томно.

— Что вамъ угодно? спросилъ Барковскій.

— Ты правъ, одна мать должна быть на сценѣ... (Наталья Петровна взялась за перо.) Какъ ты сказалъ?..

«Непростительно, хотъ неумышленно обиженные мной, настойчиво повторилъ Барковскій, вы требовали удовлетворенія отъ моего сына...»

— Написали, с^hеге Матап?

« Но я надѣюсь, что ни вы, ни онъ не пострадаете за вину, которую я беру на себя. Прошу васъ простить мнѣ... »

— Да ты не имѣешь понятія о законахъ общежитія! сказала Наталья Петровна, бросая перо.

— Какъ вамъ угодно! отвѣчалъ Барковскій, снова начиная ходить.

— Да это невозможно! ты не понимаешь, что такое женское достоинство, продолжала Наталья Петровна, смотря на него съ высоты своего величія. — Ты вспомни, кто я. Я сама сочиню письмо.

— Въ такомъ случаѣ, потрудитесь сами его передать, сказалъ Барковскій. — А я секундантъ Мишеля, и сейчасъ отправлюсь къ Сергѣеву, чтобы вмѣстѣ съ нимъ ѣхать къ Блонкову.

Онъ ступилъ къ двери.

— погоди... сказала Наталья Петровна, закрывая лицо платкомъ. — Ахъ! какое испытаніе, и на какія жертвы не готова мать!... Диктуй... Это мнѣ урокъ: *une femme bien née ne doit pas se commettre avec la canaille...* Подай мнѣ флаконъ.

« Прошу васъ, во вниманіи къ моимъ лѣтамъ, простить мнѣ минуту вспыльчивости, продиктовалъ Барковскій. Умоляю васъ протянуть руку моему сыну. » — Написали?... « и не заставитъ меня, на старости лѣтъ краснѣть... »

Наталья Петровна судорожно обернулась къ Барковскому.

— Извольте писать, с^hеге матап, время дорого, сказалъ онъ; « краснѣть и страдать, за необдуманное слово. » — Написали?

« Глубоко уважающая васъ... »

Имя, и фамилію.

Онъ протянулъ руку за письмомъ, и видя, что Наталья Петровна не рѣшалась его отдать, учтиво взялъ его изъ ея рукъ, запечаталъ, и попросилъ написать адресъ.

« И еще говорятъ, что ты умна, подумалъ онъ. Дѣ ты просто гоголевская Коробочка! Я тебя девять разъ продамъ и выкуплю, и ты не догадаешься. »

— Написали? спросилъ онъ. — Черезъ два часа я надѣюсь возвратиться съ Сергѣевымъ.

Онъ отошелъ къ дверямъ и вернулся.

— Еще одно слово, с^hеге матап, сказалъ онъ. — Если ваши петербургскіе корреспонденты хоть однимъ намекомъ огорчатъ Лидію, онъ со мной познакомятся. Тогда я буду у нихъ съ визитомъ.

Она вышла, между тѣмъ какъ Наталья Петровна, ошеломленная его послѣднею выходкой, готовила великолѣпный отвѣтъ. Опомнившись, она позвонила, и велѣла позвать Машу.

VIII.

Единственное существо, внушавшее Натальѣ Петровнѣ что-то похожее на чувство, была Маша. Впервые, она была хороша собой и походила на Наталью Петровну; во вторыхъ, взявъ ее съ раннихъ лѣтъ на свое попеченіе, Наталья Петровна на нее перенесла надежды, которыхъ не оправдала Лидія замужествомъ, обличавшимъ, по выраженію ея матери, мѣщанскія наклонности, *des instincts bourgeois*. Маша обѣщала не впасть въ эту мѣщанскую колею, напротивъ; въ ней, къ великой радости ея воспитательницы, были всѣ залого будущаго *bas bleu*. Заботясь объ умственномъ развитіи своей внучки, Наталья Петровна сама поощряла ея короткость съ Сергѣевымъ, котораго считала свѣтиломъ мудрости. Подъ его руководствомъ Маша заговорила такъ мудро, что Наталья Петровна уже ранѣе наслаждалась будущимъ величіемъ своей внучки въ ученыхъ и литературныхъ кружкахъ Москвы и Петербурга. Оставалось пристроить Машу. Мстиславскій былъ, правда, пустой и глупый мальчикъ, которому отецъ оставилъ одни неоплаченные долги. За то Маша была умна и богата; за то у Мстиславскаго были родственныя связи, которыя должны были упрочить за Машей аристократическое положеніе, что и Мишель могло дать ходъ по службѣ. Года черезъ три-четыре, Мишель могъ бы занять видное мѣсто и выгодно жениться. Тогда-то зажила бы Наталья Петровна! Зажила бы двумя домами, то-есть съѣла бы на шею сыну и внучкѣ, и стала бы играть въ петербургскомъ или къ московскомъ обществѣ ту блистательную роль, отъ которой она на время только отказалась, по случаю сильно разстроеннаго состоянія.

Велѣвъ позвать Машу, чтобы на нее излить свой гнѣвъ, Наталья Петровна, до ея прихода, успѣла обдумать, что ее надо поберечь къ пріѣзду Блонковыхъ и Мстиславскаго, которыхъ ждала обѣдать.

— Маша, начала она съ приличною торжественностью, — мнѣ нужно съ тобой переговорить о важномъ дѣлѣ. Садись. Се-

годня должна рѣшиться твоя судьба. Поздравляю тебя : за тебя сватается Мстиславскій.

— Мстиславскій! проговорилъ Маша.

— Да, мой другъ. Княгиня передала мнѣ формальное предложеніе своего брата. Эта партія прекрасная во всѣхъ... во многихъ отношеніяхъ. Теперь, счастье въ твоихъ рукахъ.

— Grand' papa, сказала Маша рѣшительно, — я не пойду за Мстиславскаго. Онъ мнѣ не нравится; я его не люблю, да и онъ меня не любитъ.

— Благовоспитанная дѣвушка не позволяетъ себѣ такихъ размышленій, строго замѣтила Наталья Петровна. — И откуда ты ихъ набралась? Я его не люблю, онъ меня не любитъ... *qu'est ce que c'est que cette conjugaison du verbe aimer, mademoiselle?*

Маша вспыхнула.

— Отъ васъ зависитъ обращать въ шутку мои слова, сказала она, — но смыслъ ихъ такъ серьезень, что я отступиться отъ нихъ не могу, и рѣшительно отказываюсь выйти замужъ за Мстиславскаго.

— Да ты... съ ума сошла! закричала Наталья Петровна, въ порывѣ гнѣва и теряя изъ виду, что неумѣренное повышение голоса компрометируетъ и торжественность ея рѣчи, и величіе ея собственной особы. — Ты забываешь, съ кѣмъ ты говоришь, ты забываешь, чѣмъ ты мнѣ обязана! Но я помню, что на мнѣ лежитъ отвѣтственность за тебя и передъ свѣтомъ, и передъ тѣнью твоихъ родителей.

Наталья Петровна мало-по-малу вступала въ обычную колею, и опять начинала выражаться съ подобающимъ достоинствомъ.

— *Quand il s'agit de votre bien, mademoiselle, je saurai faire respecter ma volonté,* прибавила она.

— Бабушка, отвѣчала Маша, — я всегда и во всемъ повиновалась вамъ; я всегда понимала положеніе круглой сироты, воспитанной въ чужомъ домѣ... Но не требуйте отъ меня, чтобъ я поступила безчестно: выйти замужъ безъ любви, по моему, дѣло безчестное.

— Послушай, сказала Наталья Петровна, взявъ ее за руку и притягивая къ себѣ, — знаешь ли, какихъ бѣдъ ты надѣлала своими бреднями?..

Но замѣтивъ, что Маша измѣнилась въ лицѣ, Наталья Петровна спѣшила ее успокоить.

— Благодари меня за мое самоотверженіе, сказала она. — Я отстранила несчастье отъ тебя и отъ всего семейства.

— Бабушка, что такое?.. спросила Маша.

— А вотъ что. Я предупредила Сергѣева, что сплетничаютъ насчетъ твоей короткости съ нимъ; а онъ, какъ сумасшедшій, бросился на Мишеля, и вызвалъ его на дуэль.

— Боже мой! на дуэль! вскрикнула Маша.

— Да. Вотъ что ты надѣлала... и я должна была написать ему извинительное письмо... *Я!* я просила его пощадить твою репутацию и помириться съ моимъ сыномъ.... Поддай мнѣ одеколонъ.

— Бабушка! вы не знали, что значить задѣть рыцарскія чувства Сергѣева, сказала Маша съ такимъ выраженіемъ гордости и самодовольствія, что Наталья Петровна надо было сдѣлать страшное усиліе надъ собой, чтобы сдержать свой справедливый гнѣвъ.

— Когда ты опомнишься, сказала она, презрительно взглянувъ на Машу, — я объяснюсь...

И открывъ книгу, принялась читать.

— Grand' papa, начала Маша, — что вамъ будетъ угодно мнѣ приказать?

— Отвѣчай мнѣ, сказала Наталья Петровна, положивъ книгу на столъ. — Объяснялся ли съ тобой Сергѣевъ въ любви?

— Никогда.

Наталья Петровна вздохнула свободнѣе. Любви, какъ чувству, она не придавала большаго значенія; но въ любовномъ объясненіи видѣла первый приѣмъ обольстителя, непремѣнный шагъ къ любовной связи, которую она обыкновенно опредѣляла слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: *Il s'est passé une incovenance entre eux.* Вообще, на любовь она смотрѣла съ оригинальной точки зрѣнія.

«Слава Богу!» подумала Наталья Петровна.

— Я думаю! сказала она. — Съ какой стати въ тебя влюбится Сергѣевъ?

— Я знаю, что это не можетъ и не должно быть, гордо отвѣчала Маша. — Чувства такого человѣка не сосредоточиваются въ какой-нибудь исключительной привязанности. Я не стою любви такого человѣка.

Наталью Петровну взорвало. Къ счастью, она не сразу нашла отвѣчать Машѣ, и успѣла одуматься. Она поняла, что излишняя настойчивость можетъ испортить все дѣло, вызвавъ

Машу на такія слова, отъ которыхъ въ послѣдствіи ей трудно будетъ отречься.

«Теперь она говорить сгоряча, рѣшила Наталья Петровна; надо поступать осторожно; время и мои старанія ее образумить. *Ménageons lui un pont d'or pour le retour...*» И Наталья Петровна сказала самымъ умѣреннымъ тономъ:

— Еслибы ты не бредила, и была способна меня хладнокровно слушать, я бы тебѣ сказала, что ты унижаешься. Въ твой годъ я была проникнута благородною гордостью, и старалась нравиться — *rag se que celà pose dans le monde*. Но, конечно, постыдилась бы даже самой себѣ признаться, что мнѣ кто-нибудь нравится. Я понимала необходимость выйти замужъ, чтобъ упрочить свое общественное положеніе. Вотъ о чемъ я думала! Поддай мнѣ флаконъ... у меня голова идетъ кругомъ; я еще не покойна. Поди, одѣнься къ обѣду. Лидіи ни слова не говори о дуэли; это можетъ не понравиться ея мужу, и онъ, пожалуй, надѣлаетъ тебѣ неприятностей. *Vous voyez que c'est un homme qui n'a pas de culture... Allez...* Постою, Маша, прибавила она, стараясь придать своему тону самое мягкое и вѣжливое выраженіе; — пойми ты материнское сердце... оно не можетъ ошибиться, когда дѣло идетъ о счастіи твоей жизни. Повѣрь, что никто лучше меня не устроитъ твоей будущности.

Она поцѣловала внучку въ лобъ, но внучка вздрогнула съ чувствомъ невольнаго отвращенія. Прежде она была привязана къ Натальѣ Петровнѣ, насчетъ которой Сергѣевъ постарался открыть ей глаза, и, Богъ знаетъ, хорошо ли сдѣлалъ. Теперь, каждое слово Натальи Петровны возбуждало негодованіе Маши; и чѣмъ болѣе въ ней росло восторженное поклоненіе Сергѣеву, тѣмъ сильнѣе становилось ея презрѣніе къ несовершенствамъ и слабостямъ Натальи Петровны и всѣхъ окружавшихъ ее. Сергѣевъ самъ дивился размѣрамъ, которое принимало въ сердцѣ Маши то чувство, которое онъ называетъ *святымъ негодованіемъ*.

IX.

Между тѣмъ какъ Маша, отдѣлавшись отъ Натальи Петровны, одна въ своей комнатѣ мечтала о Сергѣевѣ, Барковский вѣзжалъ къ нему на дворъ.

Сергѣевъ, какъ я уже сказала, жилъ въ деревнѣ у сестры своей, занимался своею *soi-disant* философiей. Рѣшившись посвятить всего себя ученымъ занятiямъ, онъ мало заботился о своемъ, впрочемъ обеспеченномъ, состоянiи. Покойный отецъ его, губернской медикъ, нажилъ около 200 душъ; болѣе изъ равнодушiя къ земнымъ благамъ, нежели изъ привязанности къ сестрѣ своей, Сергѣевъ почти всѣ свои доходы отдавалъ въ ея распоряженiе; а она, молодая, бездѣтная вдова, была пустѣйшая въ мiрѣ женщина, тратившая деньги на всякiй вздоръ, и даже не особенно горячо любившая своего брата. Онъ, впрочемъ, въ ней и не обманывался.

Барковского провели прямо въ кабинетъ Сергѣева.

Систематическiй, разъ навсегда заведенный порядокъ этого кабинета поразилъ Семена Николаевича, бывшаго у Сергѣева съ годъ тому назадъ. Казалось, что съ той поры не тронулась съ мѣста ни одна книга, не передвинулось ни одно кресло, даже лягавая собака тогда, какъ и теперь, лежала на коврикѣ подъ столомъ. Правда, что при входѣ Барковского, она приподнялась и зарычала; но Сергѣевъ, почмокивая, похлопалъ по коврику, пока опять не улеглась собака, такъ что все пришло въ мертвый порядокъ, нарушенный было на одну секунду.

— Здравствуйте, Василiй Иванычъ, давно мы съ вами не видались, сказалъ Барковскiй.

— Давно-съ... прошу садиться.

Сергѣеву было замѣтно не по себѣ. Назвавшись на поединокъ, онъ боялся, что съ непривычки не сумѣетъ повести дѣло съ приличнымъ достоинствомъ и важностью, и теперь, лицомъ къ лицу съ секундантомъ Украинцева, конфузился отъ избытка самолюбiя.

— Давно-съ... повторилъ онъ, и взявъ со стола пучекъ павлиньихъ перьевъ, принялся обметать пылъ съ книгъ.

— Да; и вотъ пришлось намъ съ вами свидѣться по дѣлу.

— Я такъ и полагаю, сказалъ Сергѣевъ, неловко улыбаясь. — Мы люди скучные; кому же охота бывать у насъ иначе какъ по дѣлу?

«Правда твоя, что ты скученъ какъ чума! подумалъ Барковскiй, и придирчивъ въдобавокъ, такъ что не знаешь, съ какого листка подойти.»

— Э! полноте, Василiй Иванычъ, сказалъ онъ вслухъ. — Я у васъ не въ первый разъ, да и теперь, являюсь поприятельски, съ самыми дружелюбными намѣренiями.

— Очень радъ-съ, сухо отвѣчалъ Сергѣевъ;— но не совѣмъ понимаю. Я полагаю, что вы прѣехали отъ Михайла Васильевича?

— Нѣтъ; а прямо отъ Натальи Петровны; она просить у васъ извиненія; и я полагаю, позвольте вамъ замѣтить, что не стоить изъ того вздора, который она вамъ наговорила, ни вамъ самимъ жертвовать собой, ни подвергать опасности совершенно невиннаго въ этомъ дѣлѣ человѣка, ни компрометировать репутацію дѣвушки. Достаточно того, что ея имя вмѣшано въ эту исторію, чтобы сплетнямъ и толкамъ не было конца.

— Это такъ, сказалъ Сергѣевъ;— но, я знаю, что Марья Николаевна не обратитъ вниманія на сплетни и толки. Она пойметъ, что я обязанъ былъ просить удовлетворенія отъ Михайла Васильевича.

— Если вы недовольны собственно имъ, это дѣло другое; онъ въ удовлетвореніи вамъ не откажетъ.

— Нѣтъ, не могу сказать: между мной и вашимъ зятемъ нѣтъ ничего общаго; но онъ, какъ человѣкъ великосвѣтскій, представитель того принципа, въ силу котораго Наталья Петровна сочла себя въ правѣ меня оскорбить, и въ моемъ лицѣ, вы понимаете, оскорбила принципъ. Да! это просто два противоположные принципа, которые теперь стоятъ лицомъ одинъ противъ другаго. Въ обращеніи вашей тещи со мной высказалась вся заносчивость одного изъ нихъ. Защиту другаго я обязанъ взять на себя; я обязанъ доказать, что аристократизмъ ума не подавляется аристократизмомъ породы. Да... я обязанъ, и выполняю свою обязанность, безъ лицепрятія; то-есть стану за правое дѣло, не принимая въ разчетъ личности моего противника... Мнѣ все равно, другъ онъ мнѣ, или не-другъ...

« Эка дичь!.. » подумалъ Барковский.

— Василій Ивановичъ, сказалъ онъ,— лежачаго не бьютъ. Вотъ вамъ доказательство, что Наталья Петровна сама сознаетъ несостоятельность того, что вы называете *ея принципомъ*.

Онъ подалъ письмо, которое Сергѣевъ развернулъ и прочелъ. Его лицо просіяло; онъ, очевидно, торжествовалъ, но стыдился обнаружить свою радость, и, молча, прошелся по комнатѣ.

— Если я соглашусь, сказалъ онъ наконецъ, останавливаясь передъ Барковскимъ:— какія же будутъ мои отношенія къ вашему семейству?

— Несравненно лучшія, во всякомъ случаѣ нежели тѣ, которыя можно ждать отъ поединка, если вы отъ него не откажетесь.

— Не объ этомъ рѣчь, отвѣчалъ Сергѣевъ.— Наталья Петровна сказала мнѣ вчера, что она считаетъ оконченнымъ дѣло, начатое мною, а я, признаюсь, не совсѣмъ раздѣляю такое мнѣніе... Вотъ о чемъ я говорю.

Барковскій не понялъ ни слова, и, глядя на Сергѣева во всѣ глаза, ждалъ, чтобъ онъ объяснился.

— Я говорю о Марьѣ Николаевнѣ, продолжалъ Сергѣевъ, замѣтивъ недоумѣніе своего собесѣдника.— Трудъ самъ по себѣ еще не всѣ; надобно трудиться съ пользою. Если мнѣ удалось бросить сѣмена добра въ молодую душу, то мнѣ слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобъ упрочилось доброе сѣмя. Однимъ словомъ, я такъ поставленъ въ отношеніи къ Марьѣ Николаевнѣ, что всѣ мои помыслы обращены къ ней и къ ея будущности.

— М-м-м... да! отозвался Барковскій, рѣшившись говорить наобумъ.— На это я вамъ скажу, что ваши будущія отношенія къ Машѣ въ ея и въ вашихъ рукахъ, гораздо болѣе нежели въ рукахъ Натальи Петровны. Если же какъ-нибудь окажется, что я могу вамъ на что-нибудь пригодиться, сдѣлайте одолженіе, располагайте мною.

— Вы меня опять не понимаете, Семенъ Николаевичъ; ничья помощь мнѣ не нужна!

«Кто тебя пойметъ,» подумалъ Барковскій.

— Ваша ошибка происходитъ отъ того, что вы высокое, гордое чувство нравственной привязанности хотите мѣрять на дюжинный аршинъ. Чувству, которому я служу, чужды эгоистическія цѣли. Его конечная цѣль—отвлеченная мысль добра и зла. Такимъ образомъ, цѣль индивидуальной дѣятельности получаетъ міровое, общественное значеніе; одиночная личность исчезаетъ, между тѣмъ какъ въ дюжинныхъ привязанностяхъ дѣло идетъ наоборотъ: одиночной личности приносятся въ жертву всеобщіе интересы. Понимаете ли вы теперь, какое неизмѣримое разстояніе между вашею, то-есть общепринятою, точкой зрѣнія и тою, съ которой я смотрю на чувство?..

И въ тонѣ его рѣчи слышалось чувство гордости и самодовольства, опредѣляющее степень нравственной высоты, на которую говорящій ставитъ себя въ отношеніи къ своему слушателю. Къ счастью, слушатель былъ не обидчиваго свойства.

— Оставимте это, Василій Ивановичъ, сказалъ онъ.—Всякій понимаетъ чувство по своему; но добровольно никто изъ насъ не удалится отъ женщины, такъ или иначе нами любимой. Теперь рѣшите сами, что васъ разлучить съ Машей, дуэль ли съ Украинцевымъ, или примиреніе съ нимъ?

Сергѣевъ не отвѣчалъ, и опять принялся ходить по комнатѣ.

— Семень Николаевичъ, сказалъ онъ,—дайте мнѣ ваше честное слово, что вы откровенно отвѣтите на мой вопросъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Скажите мнѣ, могу ли я, не уронивъ себя, помириться съ Михаиломъ Васильевичемъ, и исполнѣ ли я удовлетворенъ письмомъ Натальи Петровны?

— Васъ рѣшительно не въ чѣмъ будетъ упрекнуть, и вы исполнѣ удовлетворены, отвѣчалъ Барковскій.

— Честное слово?

→ Честное слово!

— Извольте, я согласенъ, сказалъ Сергѣевъ, послѣ минутнаго колебанія.—Я напишу къ Михайлѣ Васильевичу, и сегодня же пришлю письмо.

— И прекрасно, отозвался Барковскій;—а лучше всего поѣдте со мною: Украинцевъ васъ обниметъ отъ души, и всѣ вамъ обрадуются.

— Нѣтъ.... ужь позвольте, я напишу.

Барковскій не настаивалъ. Онъ отказался и отъ завтрака, который ему предложилъ Сергѣевъ. Душно ему становилось въ его обществѣ; онъ спѣшилъ выбраться на свѣжій воздухъ, и, спускаясь съ лѣстницы, затянулъ какую-то отчаянную пѣсню Беранже.

— Дешевый скептикъ!... проговорилъ ему вслѣдъ Сергѣевъ, и въ раздумьѣ, скрестивъ руки, остановился на крыльцѣ.

«Экая пустомеля!.. думалъ между тѣмъ Барковскій. И на бѣду въдъ какъ добросовѣстенъ! Ужели всю жизнь можно наполнить такими постными, бесплодными мечтаніями! Ужели въ этомъ человѣкѣ хоть разъ не скажется присутствіе настоящей жизни?... Нѣтъ! вчера Лидія была лучше всякой мечты!...»

Вдругъ, на дорогѣ, въ облакѣ пыли, обозначилась женская фигура. Барковскій сталъ вглядываться, и вскорѣ узналъ Лидію. Она почти бѣжала.

— Лидія, что съ тобою?.. спросилъ Барковскій, поровнявшись съ нею и соскочивъ съ дрожекъ.

— Что, они дерутся?... спросила она, задыхаясь.

— Нѣтъ.... нѣтъ, все улажено. Но какъ ты узнала?...

— Слава Богу! воскликнула она, бросаясь на шею къ мужу.— Не спрашивай, какъ я узнала... не скажу. Меня такъ испугало то, что ты замѣшанъ въ это дѣло... вотъ я и прибѣжала...

Лидія успѣла предвидѣть неслыханныя бѣды и уже распорядиться будущностью. На этотъ разъ ей померещился не монастырь, а что-то въ родѣ Кавказа или Сибири. Такъ разказывала она мужу, пока онъ ее осыпалъ поцѣлуями.

— Что, Семень, бѣдный Сергѣевъ очень влюбленъ въ Машу? спросила она.

— По моему, какъ я въ него, отвѣчалъ Барковскій.—Этомоль какое-то особенное, гордое чувство, ни любовь, ни дружба, что-то такое между небомъ и землею, между волкомъ и собакой, то-есть просто галиматья! Мудреннѣй народъ! печего сказать. Да кто же тебя напугалъ? а то, пожалуй, я и самъ узнаю.

— Нѣтъ, общай мнѣ, что разспрашивать не будешь.

Х.

Каждый принялъ по своему вѣсть о примиреніи. Наталья Петровна въ ту же минуту вошла въ обычное свое благородство, даже не нашла нужнымъ поблагодарить зятя за его посредничество. Лидія вбѣжала къ Машѣ и бросилась ее цѣловать; а Маша забыла, на радости, что Лидія пустая женщина.

Къ обѣду пріѣхали жданные гости; Блонковы, Мстиславскій, Фѣдоръ Петровичъ и два-три деревенскіе сосѣда.

Княгиня Блонковой было двадцать восемь лѣтъ. Она напоминала богатырскіе типы красавиць екатерининскаго вѣка. Ея высокій ростъ, сухіе члены, широкая грудь обличали цвѣтущія силы и завидное здоровье. Княгиня была свѣтскою женщиной въ полномъ смыслѣ слова, что не мѣшало ей оставаться примѣрною женою. Князь Блонковъ, если не по лѣтамъ (ему было подъ пятьдесятъ), то по атлетическому сложенію, приходился совершенно подъ-стать своей женѣ, въ которой онъ, какъ говорятъ, души не слышалъ. Онъ уже давно вышелъ въ важные люди; вѣкъ свой служилъ въ военной службѣ, служилъ отлично, и былъ отличнымъ человѣкомъ, вполне обладалъ русскимъ здравымъ смысломъ, но ни природою, ни воспитаніемъ не былъ созданъ для большаго свѣта. О великосвѣтскомъ

положеніи мужа хлопотала княгиня, и, надо ей отдать справедливость, вела себя съ рѣдкимъ умѣніемъ и тактомъ; необходимо мило она трунила надъ княземъ, который порусски говорилъ далеко не отборными словами, а пофранцузски—съ грѣхомъ пополамъ; при случаѣ мастерски хвастала его *самороднымъ русскимъ умомъ, не попорченнымъ дюжинною разработкой*; сама подлаживалась подъ разговорный языкъ мужа, употребляя кой-какія выраженія, которыя бы на всякую другую женщину навлекли упрекъ въ тривіальности, а къ ней какъ-то шли, придавали ей ту оригинальность, которая исчезаетъ за общепринятыми формами.

Въ Петербургѣ Блонковы жили на широкую ногу, что поразило ихъ состояніе; княгиня не любила въ этомъ сознаваться, хотя съ примѣрнымъ благоразуміемъ покорилась необходимости прожить цѣлый годъ въ деревнѣ для поправленія денежныхъ обстоятельствъ. Въ полгода ей уже удалось вникнуть во всѣ отрасли хозяйства и поставить дѣла въ самое выгодное положеніе. Князь былъ въ годовомъ отпуску, и вмѣстѣ съ своею женою пользовался уваженіемъ всего околотка.

— Здравствуйте, моя красавица, сказала княгиня Машѣ.—
Bonjour, madame Lydie. А что подѣлываетъ *il caro sposo*?..

Эти двѣ женщины впрочемъ не любили другъ друга, потому что между ними не было рѣшительно ни одной общей черты.

— Онъ здѣсь на лицо, отвѣчала за Лидію Наталья Петровна.—
Simon, гдѣ же онъ?.. Какъ онъ сюда рвался изъ Петербурга!
Il est si bon mari et si bon fils! сказала она вполголоса княгинѣ.—
Мишель, ты ждалъ княгиню съ такимъ нетерпѣніемъ... Князь, ваша партія составлена...

Князь поклонился.

— Не къ спѣху-съ, жарко! отвѣчалъ онъ, отирая платкомъ свое веселое и добродушное лицо, разгорѣвшееся на солнцѣ.—
А гдѣ въ самомъ дѣлѣ Барковскій? мы съ нимъ давненько не видались.

Къ великой досадѣ Натальи Петровны, Блонковы слишкомъ занялись Барковскимъ; его любилъ князь, и слѣдовательно ждала княгиня. Впрочемъ Наталья Петровна воспользовалась свободною минутой, чтобы неимоვნю тонко обратить вниманіе Мстиславскаго на Машу. Но, правду сказать, съ Мстиславскимъ не стоило повертывать умомъ и прибѣгать къ дипломатическимъ тонкостямъ. Этотъ красивый юноша былъ воплощенное ничтожество.

Онъ подошелъ къ Машѣ, и, нисколько не озадаченный ея серьезнымъ и холоднымъ видомъ, пустился съ нею въ разговоръ, сильно сбивавшійся на монологъ.

— Я васъ давно не видалъ, началъ Мстиславскій;—все былъ на охотѣ съ княземъ, версть за тридцать отсюда. Сегодня только вернулись.

Молчаніе.

— А!.. кстати. Знаете, что вчера сдѣлалъ князь? Угадайте.

— Не знаю, отвѣчала она сухо.

— И никогда не угадаете! Переломилъ кочергу. Представьте! Вы думаете, она была заржавлена? Нѣтъ! я самъ осматривалъ, пробовалъ; самое здоровое и крѣпкое желѣзо!

— Право?... отозвалась Маша.—Это очень полезно для блага человѣчества!

— Да... да, сказалъ Мстиславскій.—Какъ бы хорошо было, еслибы всѣ были такими силачами, какъ Дмитрій! А вѣдь ростомъ не выше меня. Да и Катя (княгиню Блонкову звали Катериной Егоровной) почти что богатырь; поднять двухъ-пудовую гиру ей ни по чемъ.

— Валеріанъ Егорычъ разказываетъ мнѣ, какъ вы подымаете гири, сказала Маша княгинѣ Блонковой, которая шла мимо, чтобы взглянуть на брата.

— Онъ воображаетъ, что это васъ интересуеть, какъ его.... А понравился вамъ его букетъ?

— Какой букетъ?

— Ахъ! я букетъ-то оставилъ въ каретѣ! сказалъ Мстиславскій, и опрометью бросился изъ комнаты.

— Ага! замѣтила княгиня,—да я очень рада, что онъ себя не помнитъ, когда васъ видитъ.

Маша покраснѣла, княгиня улыбнулась.

— Или правда глаза колетъ?... сказала она.—Впрочемъ, мое дѣло сторона. Дѣтямъ бываетъ веселѣе безъ нянекъ; прощайте.

Княгиня отошла, и Мстиславскій поднесъ Машѣ великолѣпный букетъ. Это обстоятельство не ускользнуло, конечно, отъ зоркаго глаза Натальи Петровны, и пріятная улыбка разлилась по ея губамъ.

— Вотъ это я люблю! сказалъ Федоръ Петровичъ, подходя къ Машѣ.—Это по нашему! А вы на это не смотрите, молодой человѣкъ, что она надула губки, и словно изъ милости приняла букетъ. Знаемъ мы эти ужимочки!

Онъ повернулся, сдѣлавъ что-то въ родѣ *entre-chat*, и наткнулся на Барковскаго и Блонкова, которые шли на балконъ.

— Люблю дядюшку Федора Петровича за его легкую ногу! сказалъ Барковскій.—Да больше-то, правда, и не за что.

Князь засмѣялся.

— Да! пустенекъ, Христось съ нимъ! сказалъ онъ.—Ну, за то сестрица умна за двоихъ.

— Вотъ какъ! замѣтилъ Барковскій.—Давно ли вы, князь, обратились въ эту вѣру?

— Ну, братецъ, по крайности-то фразой она беретъ, а разумнаго дѣла, конечно, не устроила на своемъ вѣку. А поди-ка попробуй объ этомъ Катъ заикнуться; и... и... и куда-те! На стѣны лѣзеть!

Въ эту минуту, Наталья Петровна, спускаясь съ княгиней въ садъ, говорила:

— *Régle générale, ma très chère.* Мушнѣ необходимо жениться въ самой первой молодости, пока онъ еще не свыкся съ холостою жизнію, которая портитъ нравственность.

— Вона куда метнула! сказалъ князь, лукаво подмигивая своему собесѣднику.—И на что это она корыстуется? Удивляюсь, ей-Богу! Малый-то дрянъ сущая. По моему, напялить бы на него мундиръ, да на царскую службу, подъ строгій началъ, славно бы вышкочили...

Разговоръ, наведенный на этотъ предметъ, принялъ самый откровенный оборотъ. Княгиня, по словамъ князя, была всегда ослѣплена насчетъ своего брата и непростительно его баловала.

— Кажется, куда не глупа, говорилъ Блонковъ,—а отъ него проку ждешь. Живемъ мы съ нею слава Богу, а вотъ только насчетъ братца спѣться не могли. Слѣное пристрастіе, сударь мой, я и рукой махнулъ! Вотъ и теперь вѣдь не беретъ въ толкъ, что женить Мстиславскаго значить дѣвку даромъ загубить. Ну, пока онъ съ Натальей Петровной только-что ласы точать, Христось съ ними; а какъ на дѣло будетъ похоже, я за Наталью Петровну примусь, и всю правду ей отрѣжу: Вамъ, дескать, извѣстно, что въ Валеріанѣ толку мало, и что состоянія у него нѣтъ; это вы даромъ грѣхъ на душу берете, что выдаете за него внучку: мнѣ, дескать, это не по сердцу; приятели мы съ вами, пока не породнились. Вся штука-то глупа: Блонковы, молъ, при дворѣ; живутъ открыто, свои будутъ.

Нашла о чемъ хлопотать на старости лѣтъ! Лучше бы Богу молилась!

— О чемъ это вы толкуете? спросила княгиня, ступивъ на балконъ.

— Мы.... мы о политикѣ, отвѣчалъ Барковский.

— О, такъ я лишняя, не бабѣ дѣло.

— Какая политика, сказалъ князь.—Мы о Натальѣ Петровнѣ и о вашихъ съ нею затѣяхъ. То-то, послушала бы, какъ о нихъ умные люди судятъ.

Княгиня слегка покраснѣла; откровенность ея мужа была дѣйствительно неумѣстна.

— Извините, сказала она Барковскому;—у насъ посолдатски, сердце на ладони. А Наталью Петровну ты оставь въ покоѣ; ты знай свою жену и ея распорядься, а до Натальи Петровны тебѣ дѣла нѣтъ. Не правда ли, Семень Николаевичъ?

— Семень Николаевичъ, а? какова у меня жена?.. сказалъ князь, обвивая рукой тонкій, но сильный станъ молодой княгини. Молодецъ жена! Une femme qui n'a pas son semblable!

— ... Qui n'a pas sa pareille... поправила княгиня, смѣясь.— Нѣтъ, ужъ лучше говори посолдатски. Женѣ иногда придется жутко, да промолвокъ не будетъ.

XI.

За четверть часа до обѣда, Украинцевъ, залучивъ удобную минуту, подошелъ къ Машѣ.

— У меня къ вамъ порученіе, кузина, сказалъ онъ.— Я получилъ письмо отъ Сергѣева и записочку къ вамъ.

— Дайте... отвѣчала Маша дрожащимъ голосомъ, протягивая руку.

Она бросилась въ спальню Натальи Петровны, и распечатала записку.

«Единственный другъ мой, писалъ Сергѣевъ, я долженъ съ вами проститься. Прощайте. Я ѣду... ѣду надолго. Не далѣе, какъ сегодня утромъ я считалъ свое присутствіе полезнымъ для васъ, и готовъ былъ жертвовать всѣмъ на свѣтъ, чтобы не разставаться съ вами. Но нѣсколько часовъ размышленія заставили меня одуматься. Для васъ наступило время отчаянной борьбы съ окружающею васъ средою. Это переломная эпоха въ

вашей жизни, эпоха, въ которой окончательно окрѣпнеть и опредѣлится вашъ характеръ. Чужая помощь помѣшала бы его свободному развитію, была бы вамъ не только бесполезна, но и вредна. Теперь вамъ нуженъ просторъ и сосредоточенность. Мнѣ ли оставаться, чтобы стѣснять васъ, чтобы налагать на предстоящую вамъ благородную дѣятельность печать моего собственнаго я?.. Нѣтъ! я не испорчу начатаго мною дѣла. Мнѣ ли, съ другой стороны, сомнѣваться въ исходъ борьбы? Я знаю, съ какимъ огромнымъ запасомъ силъ вы въ нее вступаете. Я горжусь тѣмъ, что указалъ вамъ на ваши собственныя душевныя сокровища, заставилъ васъ дорожить ими, выучилъ не падать жизни для ихъ сбереженія. О! я убѣжденъ, что вы меня призовете, когда мнуетъ эта эпоха испытанія, и что я преклоню колѣна передъ вашимъ торжествомъ!.. Итакъ я ѣду... довольный самимъ собою и увѣренный въ васъ. Прощайте, прощайте!

«Сергѣевъ.»

Маша закрыла лицо руками.

«Мы такъ не разстанемся,» подумала она, садясь къ письменному столу, и наскоро написала слѣдующія строки:

«Я хочу съ вами проститься. Сегодня, въ десятомъ часу, ждите меня у березовой рощи, въ оврагѣ, возлѣ колодезя. У насъ гости; моего отсутствія не замѣтять.»

Записка была запечатана, но какъ ее доставить Сергѣеву?... Маша рѣшилась на отчаянное средство; она бодро вошла въ гостиную и позвала Украинцева.

— Мишель, сказала она, — Сергѣевъ ѣдетъ навсегда; я къ нему написала нѣсколько прощальныхъ строкъ; можете ли вы ихъ сейчасъ же доставить ему?

— Съ большимъ удовольствіемъ; сейчасъ же пошлю верховаго... «Чего для человѣка не сдѣлаешь на прощаньи!» подумалъ онъ.

— Благодарю васъ, Мишель, сказала Маша, протянувъ ему руку, до которой онъ слегка коснулся (Украинцевъ не умѣлъ иначе жать руку)...—Но это останется между нами, не правда ли?

— Вы знаете, я говорить лѣнивъ, отвѣчалъ онъ.—Да и зачѣмъ же васъ огорчать?

Въ пять часовъ сѣли за столъ порусски, то-есть женщины

съ одной стороны, а мущины съ другой. Однако были приняты надлежащія мѣры для того, чтобы рядъ женщинъ замыкался Машей, а рядъ мушницъ—Мстиславскимъ, такъ что имъ пришлось сидѣть другъ возлѣ друга.

Наталья Петровна овладѣла общимъ разговоромъ, и блистательно выказала свое умѣнье говорить съ каждымъ,—способность, упрочившую за нею репутацію умницы. Ея высокопокровительный тонъ съ деревенскими сосѣдами переходилъ съ княгиней Блонковой въ покровительную нѣжность, въ которой ощущалось только различіе лѣтъ, а не званія. Князя она старалась ослѣпить мудростью, а къ Мстиславскому относилась уже какъ къ собственному внуку, и звала его просто: *Valère*. *Valère* пытался вступить въ разговоръ съ своею сосѣдкой.

— У васъ прекрасная усадьба, сказалъ онъ.—Вы любите деревню?

— Очѣнь.

— И я люблю. Хорошо бы поселиться въ деревнѣ, завести конный заводъ, собакъ, охоту. Я бы жилъ въ деревнѣ, на широкую ногу, познакомился бы со всѣми сосѣдами, весь бы околотокъ принималъ. Въ городѣ общество смертельно скучно; одно, изъ чего, можетъ-быть, придется жить въ городѣ, это служба. Впрочемъ записаться на службу можно и здѣсь; можно даже жить въ деревнѣ и числиться въ какой-нибудь канцеляріи въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Сестра объ этомъ похлопочетъ. Она одна занимается моими интересами.

— Я думаю ей это трудно, замѣтила Маша, съ убійственною холодностью.—Вы на нее такъ мало похожи, что должны съ нею расходиться во всемъ.

— И-и-нѣтъ! не во всемъ! отвѣчалъ Мстиславскій двусмысленнымъ тономъ, смотря ей прямо въ глаза.

Послѣ обѣда въ гостиной раскинули ломберные столы. Наталья Петровна стала хлопотать объ устройствѣ партій.

— Simon, говорила она,—я тебя прошу играть съ княземъ и съ Дмитріемъ Васильевичемъ (такъ звали сосѣда, приглашеннаго нарочно для княжеской партіи); Théodore, я и Мишель, мы составимъ партію княгини. Она тебя очень жалуетъ, Мишель... *Je suis en adoration devant ses beaux yeux.*

— Qui y voient clair... добавилъ Барковскій.

Эта грубость задѣла за живое деликатные нервы Натальи Петровны, которая, какъ и всегда, въ этихъ случаяхъ, спѣшила скрыть свою досаду выходкой, исполненною аристократиче-

скаго достоинства. Не взглянувъ даже на своего зятя, Наталья Петровна обратилась къ Ѳедору Петровичу, и сказала ему:

— Faites moi la grace, mon ami, de dire à Madame Barkovsky que je désire lui parler.

Явилась Лидія; Наталья Петровна что-то долго ей нашептывала на ухо, и заключила слѣдующею фразой: Vous aurez l'œil sur ces deux enfans.

Но, Мстиславскій избавилъ Лидію отъ этого труда. Сошедъ въ садъ съ нею и съ Маней, онъ, къ неопisanному удовольствію обѣихъ женщинъ, изъявилъ желаніе взглянуть на рысаковъ Украинцева, и отправился въ конюшню, гдѣ его не столько заняли рысаки, сколько бесѣда съ конюхами. На возвратномъ пути въ домъ, онъ соблазнился хоровадомъ, вступилъ въ разговоры съ горничными, обѣщалъ имъ пряниковъ и орѣховъ, и, къ не малой злобѣ дворовыхъ щеголей, совершенно обворожилъ прекрасный полъ любезностію своего обхожденія. Въ этомъ обществѣ засталъ Мстиславскаго посланный отъ Ѳедора Петровича; съ извѣстіемъ, что пора заняться фейерверкомъ. Мстиславскій еще передъ обѣдомъ напросился въ помощники къ будущему своему дядюшкѣ.

XII.

Маша воспользовалась суматохой, чтобы поспѣшить на мѣсто свиданія съ Сергѣевымъ.

Сильно билось ея сердце, когда она ступила на плиты террасы; безъ шляпки, накинувъ темную мантилью на бѣлое платье, чтобъ не быть замѣченною, она почти бѣжала боковою аллеей, вышла въ калитку, обогнула большой прудъ, который завершалъ садъ, и, едва переводя духъ, стала спускаться по узкой тропинкѣ, проложенной въ оврагъ. Ее охватила влажная свѣжесть, которую постоянно поддерживалъ ключъ, бившій внизу. Надъ оврагомъ, по обѣимъ сторонамъ, стояли группами огромныя березы, и надъ ними съ крикомъ вились стаи грачей, облѣпившихъ вѣтви свои гнѣздами; мѣстами, то вправо, то влѣво, въ видѣ боковыхъ аллей, уходили вдаль другіе овраги, поросшіе орѣшникомъ, надъ которымъ, кое-гдѣ, возвышались стройныя сосны, съ темнозелеными, тяжеловѣсными вѣтвями. Маша шла твердымъ и скорымъ шагомъ; ея волосы развились;

лицо слегка разгорѣлось... Маша была хороша, но не думала о своей красотѣ, о которой ей никогда не говорилъ Сергѣевъ.

Остановившись у колодезя, Маша оглянулась во все стороны.

— Сергѣевъ... кликнула она.

Кусты орѣшника зашумѣли, раздѣлились, и въ нихъ появилась сутуловатая фигура Сергѣева. Лицо его сіяло торжественностію: видно было, что онъ явился на свиданіе заранѣе, обдумавъ свою роль.

Онъ подошелъ къ Машѣ и сказалъ смущеннымъ голосомъ :

— Марья Николаевна, могъ ли я ожидать?... и какими словами благодарить васъ?..

— За это не благодарятъ, отвѣчала она.—Не возможно же намъ не проститься.

— Да, вы правы... за это не благодарятъ... Но, Боже мой! вы дрожите. Сядьте, прибавилъ онъ, разстлвая свой плащъ на травѣ.— Успокойтесь! Скажите, увѣрены ли вы по крайней мѣрѣ, что никто не замѣтитъ вашего отсутствія.

— Едва ли замѣтятъ; все заняты фейерверкомъ. Впрочемъ, стѣбитъ ли объ этомъ говорить, когда мы видимся можетъ-быть въ послѣдній разъ.

— Стѣбитъ ли объ этомъ говорить! восторженно повторилъ Сергѣевъ.—О, Марья Николаевна! какъ вы мало знаете цѣну самой себя! Боже мой! да я пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы поклониться величію свѣтской дѣвушки, принесшей въ жертву нравственному чувству вѣковыя преданія того общества, въ которое ее случайно забросила судьба! Еслибы вы были воспитаны въ другой средѣ, вамъ ничего бы не стоило, конечно, придти сюда, на свиданіе, ради душевной потребности, ради глубокаго сознанія чистоты той нравственной связи, которая неразрывно соединяетъ насъ. Но какъ, скажите, мнѣ не удивляться тому, что вы сразу освободились отъ предрасудковъ, которыми васъ старались опутать со дня вашего рожденія, и которые не могли привиться къ вамъ, какъ грязь не можетъ пристать къ алмазу? Да, Марья Николаевна! Я благоговѣю передъ явнымъ торжествомъ истины, передъ несокрушимостію возвышенной души вашей. Вѣрьте мнѣ, вы не знаете цѣны самой себя; но въ моихъ глазахъ вы страшно выросли сегодня!

У Маши радостно забилось сердце: для нея слова Сергѣева, отзывавшіяся жалкимъ преувеличеніемъ, были искреннимъ выраженіемъ восторга, который она возбуждала въ любимомъ ею человѣкѣ.

Сергѣевъ продолжалъ :

— Мы съ вами прочли не много романовъ, Марья Николаевна; но я помню, съ какимъ сердечнымъ участіемъ вы слѣдили за робкою дѣвушкой, которая тайкомъ, осторожно, отправилась на любовное свиданіе. Страшно становилось за нее и ея подвигъ. Какъ же блѣденъ онъ въ сравненіи съ вашимъ! Какъ ни возвышенно чувство любви, оно не безусловно, не отрѣшено отъ мелкихъ интересовъ, и потому стоитъ неизмѣримо ниже того чувства, которое привело васъ сюда. Я знаю вашу привязанность ко мнѣ; я знаю, что вы хотѣли со мною проститься; но этого слишкомъ мало для полной оцѣнки вашего поступка; онъ имѣетъ еще другое высшее значеніе торжественнаго обличенія предразсудковъ, пламеннаго поклоненія истинѣ! Великъ вашъ подвигъ, Марья Николаевна, и завидна ваша доля.

Маша подняла на Сергѣева глаза, исполненные благодарности и самодовольствія; онъ казался ей хорошиъ, вышею, нравственною красотой. Она протянула ему руку, и сказала:

— Я рада, другъ мой, что вы нашли ученицу, достойную васъ.

— О! я останусь достойнымъ васъ, возразилъ Сергѣевъ, крѣпко пожавъ ея руку.—Я не воспользуюсь вашимъ довѣріемъ ко мнѣ, чтобъ обратить въ свою пользу ваши душевныя сокровища. О! нѣтъ! имъ не слѣдуетъ сосредоточиться на обыкновенной женской привязанности, имъ предстоятъ другія высшія цѣли. Трудитесь, Марья Николаевна, совершенствуйтесь; не унывайте въ борьбѣ; а я съ своей стороны исполню свой долгъ,—я уѣду, какъ мнѣ ни тяжело разстаться съ вами!

— Итакъ это рѣшено?.. спросила Маша.

— Рѣшено. Я вѣчный труженикъ. Въ настоящую минуту какъ представитель убѣжденных, враждебныхъ такъ-называемому высшему обществу, я долженъ удалиться, чтобы доказать ему, что моя гордость неуступчивѣе его гордости. Вѣрите, Марья Николаевна, моя доля тяжела; но я увѣренъ, что вы меня поймете и одобрите мое рѣшеніе; вы не позволите человѣку, котораго вы удостоили вашею... дружбою, солгать своимъ убѣжденіемъ и понести отъ кого бы то ни было заслуженный упрекъ въ слабости духа.

— О нѣтъ! воскликнула Маша.

— Я это зналъ напередъ, съ гордостію сказалъ Сергѣевъ.—

Я зналъ и то, что когда дѣло идетъ о служеніи высокой идеѣ долга, вы не остановитесь передъ жертвой и можете мнѣ принести ее... Не правда ли? вы понимаете, что мнѣ необходимо ѣхать?

— Поѣзжайте! отвѣчала Маша, собравшись съ силами:—но не спрашивайте, что мнѣ стоить произнести это слово.

Она готова была заплакать; Сергѣевъ тоже былъ видимо взволнованъ.

— Марья Николаевна, сказалъ онъ,—ужели вы думаете, что *мнѣ* легко? Но что же дѣлать? Намъ теперь надо поддерживать другъ друга, а не смущать безплодными жалобами. Да! рѣшеніе мое не поколебимо, хотя сердце разбито!

Дѣйствительно Сергѣевъ страдалъ въ эту минуту и былъ убѣжденъ, что говорить искренно. Маша сидѣла молча, сложивъ руки на колѣняхъ и не поднимая глазъ: вся ея поза выражала глубокую грусть и покорность судьбѣ, говорившей устами Сергѣева. Настала минута торжественнаго молчанія; Сергѣевъ первый прервалъ ее.

— Жертва принесена! сказалъ онъ.—Грустно, а на душѣ легко: не правда ли?

— Да... отвѣчала Маша.—Я счастлива, Сергѣевъ, прибавила она;—я невыразимо счастлива, хотя и страдаю болѣе, нежели могу сказать. Увѣренность въ вашей дружбѣ даетъ мнѣ силы и на разлуку съ вами, и на борьбу, которая меня ожидаетъ.

— Разлука тяжела, но не опасна, сказалъ Сергѣевъ.—Разлука—камень преткновенія слабыхъ душъ, но мы не забудемъ другъ друга... И борьбы вамъ бояться нечего; только знайте напередъ, что ожидаетъ васъ. Вы откажете жениху, котораго теперь выбрала вамъ Наталья Петровна. Это не все! Вашъ отказъ отзовется на вашемъ положеніи въ семействѣ, и вамъ придется вести упорную, постоянную борьбу. Но не отчаивайтесь въ вашихъ силахъ; ваши убѣжденія восторжествуютъ и окрѣпнутъ. Борьба будетъ для васъ средствомъ достиженія совершенства. Вамъ предстоитъ завидная будущность, Марья Николаевна... а я буду издалека слѣдить за вами и втайнѣ гордиться своимъ созданиемъ.

— Да, Сергѣевъ, сказала Маша;—вы въ правѣ называть меня своимъ созданиемъ. Тѣмъ невыносимѣе мысль о разлукѣ съ вами... Не думайте, что я удерживаю васъ, спѣшила она прибавить, боясь измѣнить самой себѣ.—Я хочу только сказать,

что намъ невозможно другъ друга потерять изъ виду... Мы будемъ переписываться...

Они условились о томъ, какъ и черезъ кого пересылать и получать письма; потомъ говорили о возможности встрѣчи, объ отдаленной будущности.

— Вы, можетъ-быть, выйдете замужъ, сказалъ Сергѣевъ съ усиленіемъ, — и что бы ни случилось, будете ли вы счастливы или нѣтъ, вы отъ меня ничего не скроете. Вы много дадите другому, но мнѣ принадлежать ваши мысли, впечатлѣнія и горсть.

— Всегда, отвѣчала Маша, глотая слезы.

— Намъ пора разстаться, сказалъ Сергѣевъ. — Уходите; я не покоенъ на вашъ счетъ... Дайте мнѣ вашу руку.

Она положила свою руку въ его, и онъ долго цѣловалъ ее.

— Прощайте, сказалъ онъ. — Будемте тверды до конца. Прощайте.

Крѣпко сжала его руку Маша, что-то невнятно проговорила, и быстро удалилась. Пройдя нѣсколько шаговъ, она остановилась и обернулась: Сергѣевъ стоялъ неподвижно на томъ же мѣстѣ, и посылалъ ей рукой послѣднее прощаніе.

— Прощайте! крикнула Маша, и побѣжала. Она явилась къ концу фейерверка, ея уже хватились.

— *Que devenez vous?*.. спросила Наталья Петровна.

Но Маша, сгоряча не обращая вниманія на грозный видъ бабушки и не удостоивая ее отвѣта, подошла къ княгинѣ Блонковой.

— Княгиня, сказала она, — не угодно ли вамъ пройтись со мною по саду? Мнѣ нужно съ вами переговорить.

Княгиню озадачилъ рѣшительный, отважный видъ Маши. Она поспѣшно встала и взяла ее подъ руку.

— Что такое? спросила шутливо княгиня. — Какая это у насъ на сердцѣ тяжкая забота?

— Забота, очень серьезная, княгиня, отвѣчала Маша.

— Право?... Знаете что? Дѣвочки, и даже такія умненькія, какъ вы, очень любятъ драму. Вѣдь я помню то время, когда я игрывала въ куклы. Ну-съ, что такое случилось? Бабушка что ли поворчала?

— Скажите, княгиня, по вашему замужство дѣло серьезное?

— Очень.

— То-есть вы допускаете, что дѣвушка не должна выйти замужъ иначе, какъ въ силу серьезнаго чувства?

— Нисколько, моя красавица, если вы серьёзнымъ чувствомъ называете любовь. Я васъ увѣряю, что нѣтъ женщины счастливѣе меня, а я вышла замужъ безъ любви. Князя я очень уважала, и мать моя рѣшила, что это приличная партія. Замужство, я вамъ скажу, потому именно, что это *серіозное дѣло*, не терпитъ ни мечтаній, ни идеаловъ, и никакого вздора; а супружеское счастье зависитъ отъ ума жены. Вотъ мое мнѣніе. Однако, что же вы хотѣли сказать?

— То, вопервыхъ, отвѣчала Маша, съ нѣскольکو ироническою улыбкой,—что, по моему мнѣнію, супружеское счастье зависитъ и отъ мужа. Есть люди, которыхъ и уважать невозможно.

Княгиня покраснѣла.

— Есть такіе, безъ сомнѣнія, отвѣчала она хладнокровно;—но, что же послѣ?

— Послѣ, сказала Маша рѣшительно,—вотъ что, княгиня, я замужъ не выйду иначе, какъ по любви.

Княгиня взглянула на нее, и покачала головой. «Не мѣшало бы тебя поцѣловать, моя милая...» подумала она.

Маша продолжала.

— Бабушка передала мнѣ предложеніе вашего брата. Благодарю за честь; но я вашего брата не люблю, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, мы никогда не сойдемся. Свѣтское положеніе меня не прельщаетъ; угрозы и гнѣвъ бабушки не поколебляютъ моего рѣшенія. Вотъ что я хотѣла вамъ сказать, княгиня.

— Это совершенно зависитъ отъ васъ, отвѣчала княгиня,—и съ этой минуты, я первая встаю противъ желаній Натальи Петровны; а братъ мой молодъ, и вѣроятно скоро утѣшится. Ну-съ, и дѣло съ концомъ...

Самолюбіе княгини было сильно задѣто. Дѣло въ томъ, что она не знала Машу, и повѣрила на слово Натальѣ Петровнѣ, которая бралась все устроить, какъ нельзя лучше. Княгинѣ это было съ руки. Маша, умная и богатая дѣвочка, могла не только спасти состояніе Мстиславскаго, но и его самого забрать въ руки, что не мѣшало бы. Конечно, князь былъ противъ этой свадьбы; но княгиня надѣялась, что онъ покричитъ, и успокоится. Однимъ словомъ, все могло уладиться, потому что о рѣшительномъ отказѣ со стороны Маши не было и въ поминѣ... Княгиня скрыла свою досаду; какъ умная женщина, не сочла пужнымъ объясниться съ Натальей Петровной, и вскорѣ уѣхала. Садясь въ карету, она сказала Мстиславскому: Vous

ne ferez jamais qu'un imbécile, mon cher... и подумала: «все-таки дѣвочку не мѣшало бы проучить...»

Когда уѣхали Блонковы, Маша просила позволенія переговорить съ бабушкой. Послѣ продолжительнаго разговора, который происходилъ съ глазу на глазъ, Наталья Петровна цѣлыхъ три дня не выходила изъ своей комнаты, а Маша не на шутку занемогла.

О л ь г а Н***

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЭЛЕГІЯ

Исполнился духъ мой тоски и печали!
Отцы мои, нѣтъ ли рѣки?
Въ семнадцати селахъ вдругъ пить перестали,
Хоть вовсе закрой кабаки!
И варвары, гнусно коснѣя въ разбоѣ,
Почти что ужъ мѣсяць не пьютъ.
Помилуйте, какъ же? Что жъ это такое?
Вѣдь это насильемъ зовутъ!..
Бывали въ Россіи невзгоды велики:
Татаринъ и Шведъ нападалъ,
Пугачъ и чума, и съ двадцать языки
Къ ней самъ Бонапартъ приступалъ.
Сердечная, вдоволь всего испытала,
Ужъ какъ ее Богъ сохранилъ!
Но этакой штуки еще не бывало,
Чтобъ Русскій въ кабакъ не ходилъ!
И живы злодѣи, не сгрѣла ихъ совѣсть,
Измѣнники нравамъ отцовъ!

Пускай же міръ знаетъ ужасную повѣсть
 Паденья родныхъ кабаковъ.
 Несчастіе это, какъ камень, упало
 Ужь видно, по тяжкимъ грѣхамъ.
 Ни знаменье въ небѣ, ни сонъ, какъ бывало,
 Его не пророчили намъ.
 При первомъ извѣстїи въ село я явился,
 Все какъ-то не вѣрилось мнѣ;
 Взглянулъ и невольно, ей-ей, прослезился:
 Стоитъ кабачокъ въ сторонѣ,
 Пустынно и грустно стоитъ у плотины,
 Какъ рекутъ стоитъ на часахъ,
 Точь-въ-точь какъ поется: «Среди-моль долины,
 Одинъ-де у всѣхъ на глазахъ.»
 Стоитъ мой голубчикъ: ни драки веселой,
 Ни крику, ни брани крутомъ.
 Вошелъ я, несчастный, съ тоскою тяжелой;
 Вошелъ: ни души за столомъ.
 Вскочилъ цѣловальникъ, къ ногамъ повалился,
 А самъ-то, бѣдняжка, реветъ;
 Я обнялъ страдальца; но духомъ скрѣпился
 И созвалъ на сходку народъ.
 Сошлись, гляжу я: ни рожки разбитой,
 Ни такъ фонаря на глазу...
 «Разбойники, право!» душевно убитый,
 Я думалъ, глотая слезу;
 «Видать, что давно ужъ вы здѣсь не бывали.
 Чай, денегъ-то что сберегли!
 Злодѣи, все это у насъ вы украли,
 Все это пропить вы могли!»
 Охъ, горько мнѣ было; но, горе скрывая,
 Ну, сподличалъ, что говорить,
 Я сталъ толковать имъ, съ божбой увѣряя,
 Что такъ не годится не пить,
 Что это-де, братцы, грѣшно, не здорово,
 Противно присягѣ притомъ...
 Стоять какъ чурбаны, стоять, хоть бы слово,
 А вижу, смѣются тихомъ.
 Съ досады и злобы душа разрывалась;
 Но я ужъ рѣшился молчать,
 Последнее средство еще оставалось;
 Велѣлъ я имъ водки подать:
 Ну, даромъ давалъ,—подавись вы, злодѣи,—
 Чтобъ только заставить ихъ пить;

Не пьютъ душегубы, не пьютъ лиходѣи,
 Не могъ окаянныхъ сманить.
 И чувства-то нѣтъ въ нихъ, о Господи Боже!
 Ну, честью просилъ человѣкъ!
 И горя имъ мало, мужицкія рожи,
 Что ближній-то гибнетъ навѣкъ!
 Такое упорство, такое нахальство
 Душа не могла ужь простить;
 Я бросилъ злодѣевъ, и тотчасъ начальство
 Спѣшилъ о защитѣ просить.
 Вѣдь это ужь просто пошло возмущенье;
 Но власти васъ духомъ уймуть,
 На то и идетъ имъ отъ насъ положенье,
 Опричъ что натурой возьмутъ.
 «Вамъ кажется, нѣтъ ужь отъ васъ обороны,»
 Я думалъ съ отрадой въ груди,
 «Въ Сибирь, вольнодумцы, въ Сибирь васъ, масоны,
 Дадутъ вамъ не пить, погоди.»
 Но что же, о ужасъ! повѣрите ль чуду?..
 О бредъ упованій земныхъ!
 Измѣна, расгѣнье, предательство всюду,
 Прогрессъ обуялъ окружныхъ!
 Исправникъ сначала какъ звѣрь разъярился.
 «Въ острогъ все село!» закричалъ;
 Но вспомнилъ вдругъ гласность, и духомъ смирился,
 И хвостъ, окаянный, поджалъ.
 И началъ умильно со мной разсужденье,
 Что вотъ-де идетъ все впередъ...
 Впередъ!?. А вѣдь самъ-то отъ насъ положенье
 По заднему, варваръ, беретъ...
 Газетъ испугался!.. напало смиренье!..
 А что же тамъ пишутъ?—Читай:
 Одинъ-де исправникъ... въ одномъ-де селеньи...
 Какой же? поди, угадай!
 Россія велика, ищи на просторѣ.
 Поморная гласность, ей-ей!
 Нѣтъ, просто, я вижу, что все въ заговорѣ,
 Все гибели хочеть моей.
 О, кто ожидать могъ подобной измѣны?..
 Темнѣеть, теряется умъ!
 Вѣдь мы откупаемъ-то надбавили цѣны
 Не то чтобъ спроста, наобумъ;
 Нѣтъ, насъ вдохновляла горячая вѣра
 Въ прогрессъ да въ движеніе впередъ.

Мы думали,—сладкая сердцу химера!—
 Теперь-то нашъ Русскій запѣеть,
 Теперь-то, мечтали мы дѣтски-наивно,
 Не чужая грозная бѣда,
 Пойдетъ все въ Россіи у насъ прогрессивно:
 И цѣны и примѣсь воды!
 А Русскій ужь если на что устремится,
 Не сдержитъ его и гора;
 Рутинно бы штофомъ онъ могъ обойдтися,
 Въ прогрессѣ возьметъ полведра.
 И вотъ, когда счастье казалось такъ близко,
 Пришлось ни за грошъ пропадать!...
 Вѣдь это, помилуйте, это вѣдь низко
 Такъ бѣдныхъ людей обижать!
 Ну, пусть бы у Нѣмцевъ, пускай бы у Жмуди,
 А то, милосердый Творецъ!
 Возстали на водку російскіе люди...
 Такъ это ужь міру конецъ!
 И что мнѣ обиднѣй, нашлись басурманы,
 И рады, и тѣшутся тѣмъ!
 Вѣдь «пити—веселіе Руси», болваны!
 Вѣдь сгинетъ народность совсѣмъ!...

М. Розенгеймъ.

СОВРЕМЕННАЯ

ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Москва, 22-го мая 1859 года.

Цензоръ А. Драшусовъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ИЗВѢСТІЯ О СОБРАНІИ ЧЕРЕПОВЪ РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ ВЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ (1)

(Статья академика Бера.)

Установка нашего собранія череповъ различныхъ народовъ въ новомъ помѣщеніи, приготовленномъ наконецъ для анатомическаго кабинета, даетъ мнѣ поводъ сообщить въ общее свѣдѣніе нѣкоторыя извѣстія о немъ, такъ какъ я убѣжденъ, что эта гласность всего болѣе можетъ послужить къ его обогащенію, преимущественно же къ пополненію нѣкоторыхъ, замѣчаемыхъ въ немъ, весьма чувствительныхъ недостатковъ. Обогащеніе этого собранія очень желательно не только для этнографическаго изученія многочисленныхъ народовъ, обитающихъ въ настоящее время въ обширныхъ предѣлахъ Русскаго государства, но главнымъ образомъ для сужденія о народахъ, нѣкогда въ немъ жившихъ или проходившихъ черезъ него, и которыхъ остатки тысячами находятся въ курганахъ и обыкновенныхъ могилахъ. Безъ сомнѣнія, нѣтъ ни одного государства, для котораго богатое собраніе череповъ представляло бы столько интереса, и было бы столь важно для изученія его прошедшаго, какъ Русское. Сѣверо-Американскіе Штаты хотя также заключаютъ въ своихъ обширныхъ предѣлахъ весьма разнообразныя формы головъ прежнихъ своихъ обитателей, но исторія ничего о нихъ не сохранила, кромѣ недостоверныхъ и отрывочныхъ сказаній; она не можетъ представить о нихъ ни одного письменнаго свидѣтельства, и теперь она занята лишь тѣмъ, чтобы кровавымъ рѣзцомъ изображать на своихъ скрижаляхъ повѣсть ихъ исчезновенія. Противоположность составляютъ въ этомъ отношеніи Франція, Бельгія, Великобританія и часть Германіи. Здѣсь остались намъ письменные памятники исторіи о временахъ, отдаленныхъ отъ насъ почти на двѣ тысячи лѣтъ, ибо съ римскимъ оружіемъ проникла сюда и письменность. Остатки человѣческаго существованія, вырываемые изъ этой почвы лишь малымъ придаткомъ, могутъ увеличить сокровищницу исторіи. Если они говорятъ намъ: вотъ каковы были древніе Галлы, Бельги и т. п., то это

(1) Помѣщаемъ это извлеченіе изъ академической статьи нашего знаменитаго ученаго, желая содѣйствовать знакомству публикѣ съ этимъ собраніемъ, пополненіе котораго имѣло бы чрезвычайную важность для успѣховъ нашей отечественной этнографіи и исторіи. *Ред.*

такъ-сказать не болѣе, какъ пояснительные рисунки къ тексту Цезаря и послѣдующихъ писателей. Положеніе Россіи совершенно особенное между этими двумя крайностями. За исключеніемъ самой южной окраины ея, исторія не идетъ здѣсь далеко въ глубь времени; тамъ же, гдѣ она говоритъ объ основаніи и возрастаніи Русскаго государства, какъ скудны сообщаемыя ею свѣдѣнія о народахъ, съ которыми вступало оно въ дружественныя соприкосновенія или враждебныя столкновенія! Большою частію имѣемъ мы лишь имена, и при томъ имена, измѣняющіяся съ теченіемъ времени, такъ что даже нельзя съ точностью опредѣлить, народъ ли исчезъ, или только измѣнилось его названіе, и притомъ не для самого можетъ-быть народа, а только для его сосѣдей. Сколько остроумія, сколько труда было потрачено на разъясненіе этого-кишащаго избытка именъ, на сличеніе отечественныхъ извѣстій съ византійскими, восточными и западно-европейскими писателями! Но позволительно спросить, одни собственныя имена могутъ ли служить вѣрными путеводителями? Если и въ наше время, когда всѣ литературы находятся въ взаимной связи, одинъ и тотъ же народъ называется у разныхъ своихъ сосѣдей разными именами, то тѣмъ болѣе такое разнообразіе названій должно было имѣть мѣсто въ то время, когда литературы, если онѣ существовали, и вообще народы, были несравненно раздѣльнѣе. Есть также примѣры, что однимъ и тѣмъ же именемъ обозначались два разные народа. Такъ *Финны* исландской литературы — не Финны новѣйшаго времени, а *Лопари*. Славянскій конный народъ *козаковъ* получилъ свое названіе отъ *Киргизъ-Кайсаковъ*, называющихъ себя и до сего времени просто *Кайсаками*, или *козаками*. Монгольскіе завоеватели увлекли за собою татарскія племена, и сами слыли поэтому въ средніе вѣки, большою частію, *Татарами*; нѣсколько столѣтій спустя, совершенно подобнымъ же образомъ Русскіе при покореніи Сибири пользовались содѣйствіемъ *Зырянъ*, и вслѣдствіе того нѣкоторые сибирскіе народы называютъ еще до сихъ поръ Русскихъ — *Зырянами*. Эсты называли германскихъ завоевателей, пришедшихъ изъ Саксоніи, *Saxad*. Но такъ какъ завоеватели сдѣлались ихъ господами, и стали къ нимъ въ отношеніе, о которомъ они прежде никакого понятія не имѣли, то слово *Saxad* получило съ этимъ вмѣстѣ и значеніе господина, помѣщика; такъ что теперь и русскіе помѣщики зовутся ими *Wenne Saxad*, слово въ слово: русскими Саксонцами.

При этой шаткости собственныхъ именъ, не будетъ ли весьма важно для историческихъ разысканій выслушать нѣмыхъ свидѣтелей, уже столѣтій, и даже тысячелѣтій, покоящихся въ нѣдрахъ земли? Но вѣдь это уже было сдѣлано, отвѣтять мнѣ, можетъ-быть. Въ нѣко-

торыхъ весьма ограниченныхъ мѣстностяхъ, дѣйствительно, какъ на примѣръ въ Крыму для отысканія слѣдовъ греческаго искусства и греческой жизни, или Босфорскаго царства. Но большая часть странъ ожидаютъ еще научнымъ образомъ веденнаго и послѣдовательнаго изученія почвы съ цѣлью разясненія прошлаго шага. Обширнаго и общаго археологическаго собранія, для храненія не только предметовъ греческаго искусства, но и особенностей исчезнувшихъ народностей, съ цѣлью сдѣлать ихъ доступными изслѣдованіямъ науки, пока не существуетъ еще въ Россіи (1). Но хищническіе такъ-сказать поиски древностей, къ сожалѣнію, долго производились, потому что въ южномъ и восточномъ краѣ попадалось иногда золото, и такъ какъ не существовало центральнаго собранія, то находимые предметы скоро затеривались. Благородные металлы, въ теченіи долгаго времени, шли въ плавильный горшокъ. Монеты, еще болѣе другихъ предметовъ, находили путь въ научныя собранія; глиняные сосуды считались болѣею частью не стоящими того, чтобы собирать ихъ, кости же вовсе отвратительными. Въ послѣднее время понятія очистились и возвысились и раскапываніе могильныхъ кургановъ въ видахъ одного корыстолюбія или любопытства болѣе не дозволяется, хотя и нельзя еще было совершенно прекратить его. Что оно еще продолжается, могу я самъ засвидѣтельствовать, потому что мнѣ не только случалось встрѣчаться съ партіями такихъ разрывателей кургановъ, но и видѣть въ садахъ, дворахъ и домахъ каменные статуи изъ древнихъ кургановъ, о которыхъ по большей части уже не знаютъ, откуда онѣ происходятъ. Потребность имѣть археологическое собраніе для Русскаго государства, — собраніе, которое было бы расположено и управляемо сообразно съ требованіями науки, столь живо чувствуется образованными людьми, что едва ли можно сомнѣваться въ скоромъ осуществленіи этого желанія. Доселѣ же надобно было обращаться въ Берлинъ или Мекленбургъ за сколько-нибудь полнымъ знакомствомъ съ славянскими древностями.

Сколько писано о древнихъ Скиѣахъ Геродота, съ какимъ жаромъ и съ какою ученостью спорили о томъ, куда принадлежитъ этотъ народъ, къ группѣ ли народовъ монгольскихъ, тюркскихъ или финскихъ (не упоминаю о мнимомъ германскомъ происхожденіи ихъ), но не извѣстно ни одного публичнаго собранія, въ которомъ находились бы черепа изъ достовѣрно-скиѣскихъ могилъ; тогда какъ свидѣтельство череповъ должно бы имѣть въ этомъ

(1) Въ императорскомъ Эрмитажѣ существуетъ прекрасное собраніе крымскихъ древностей. Подобныя же собранія находятся въ Одессѣ, Керчи и Феодосіи. Но общаго національнаго музея еще не существуетъ.

дѣль наибольшій вѣсь. По распоряженію покойнаго министра графа Перовскаго, были дѣлаемы раскопки въ научномъ духѣ; но о нихъ вообще еще мало обнаружено, о скиѣскихъ же могилахъ ничего (1).

Когда археологическія изслѣдованія ведутся научнымъ образомъ, то и кости исчезнувшихъ народовъ должны быть допрашиваемы какъ свидѣтели, и притомъ они свидѣтели самыя достовѣрныя. Но они могутъ свидѣтельствовать лишь тогда, когда будутъ сличены съ богатымъ собраніемъ череповъ разныхъ народовъ. Такъ остатки, найденныя въ могилахъ Швеціи, при трудахъ ученыхъ и геніальныхъ мужей Нильсона и Ретціуса, отодвинули первобытную исторію этой страны далеко за предѣлы памятниковъ письменности, но для этого нужна была помощь обширнаго собранія череповъ настоящаго времени.

Вотъ причины, которыя могли дать мнѣ право говорить объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, — предметъ, весьма далекомъ отъ моихъ занятій. Я питаю глубокое убѣжденіе, что, дабы положить твердое основаніе археологическимъ изслѣдованіямъ, мы должны стараться не только пополнить, сколько возможно, наше собраніе череповъ различныхъ народовъ, но, что важнѣе всего, пополнить его по опредѣленному плану. Изъ древнихъ могилъ Тверской губерніи получили мы нѣсколько удлинненныхъ череповъ, весьма отличныхъ отъ формъ славянской, финнской и тюркской, и напоминающихъ, напротивъ того, о германскомъ и кельтскомъ типѣ. Считать ли ихъ за Варяговъ? Но имъ не достаетъ нѣкоторыхъ особенностей шведскихъ череповъ, столь превосходно характеризованныхъ Ретціусомъ; къ тому же кажется, что черепа съ удлинненною головою (*dolichoserphali*) встрѣчаются до Тобольска. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что ихъ находятъ лежащими какъ бы въ каменной рамкѣ, напоминающей о такъ-называемыхъ шведскихъ каменныхъ ящикахъ. Въ шведскихъ каменныхъ ящикахъ также лежатъ удлинненные черепа; но вырытые изъ тверскихъ могилъ, сколько я ихъ видѣлъ, нѣсколько отличаются отъ шведскихъ, и также не совсѣмъ подходятъ къ формѣ черепа изъ кимврской могилы, коего гипсовый снимокъ мы имѣемъ.

(1) Сколько мы можемъ судить, извѣстный александропольскій курганъ, о раскопкѣ котораго мы имѣли уже случай упоминать и въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (см. №№ 1 и 20 1856 года), носить на себѣ несомнѣнные своды скиѣскаго происхожденія. Въ послѣдніе годы онъ раскапывался подъ наблюдениемъ г. директора керченскаго музея Люценко, съ большою внимательностію и осмотрительностію, и не можетъ быть сомнѣнія, что найденныя въ немъ черепа тщательно сохранены. По всему вѣроятію, эти черепа и были доставлены въ академію наукъ графомъ С. Г. Строгановымъ, о чемъ авторъ говоритъ ниже на стр. 13. *Ред.*

Слѣдовательно, прежде чѣмъ можно будетъ сдѣлать заключеніе объ этихъ вѣстникахъ древности, необходимо не только полиѣе изучить распространеніе могиль этого рода и схватить характеръ измѣненій, представляемыхъ этими черепами, изъ разсмотрѣнія значительнаго числа ихъ, но и имѣть для сравненія порядочное число череповъ удлиненной формы изъ Западной Европы. Тогда лишь можно будетъ произнести о нихъ зрѣлое сужденіе. Для такого вывода недостаточно имѣть одинъ черепъ какого-нибудь германскаго или кельтскаго народа, который можно показывать какъ типъ на лекціяхъ сравнительной антропологии. Поэтому никого не удивитъ, что я предложилъ академіи, съ цѣлью обогащенія нашего собранія, предпринять путешествіе по Западной Европѣ и посѣщеніе тамошнихъ собраній этого рода.

1. ИСТОРИЯ НАШЕГО ЭТНОГРАФО-КРАНИОЛОГИЧЕСКАГО СОБРАНІЯ.

Хотя въ Россіи, кромѣ общаго интереса, представляемаго сравнительною антропологіею, возбужденнаго и поддержаннаго преимущественно трудами Блумменбаха о разновидностяхъ (породахъ) человѣческаго рода, существовала еще и особливая потребность въ богатѣе собраній череповъ для точнѣйшаго опредѣленія многихъ народовъ прошедшаго, останки которыхъ покоятся въ ея почвѣ; тѣмъ не менѣе однако потребность эта ощутилась въ ней весьма поздно. Блумменбахъ издалъ уже свою послѣднюю *Pentasternium* (1828); а здѣсь не было положено даже еще начала такому собранію. Первые приношенія были сдѣланы адмираломъ Литке послѣ его кругосвѣтнаго путешествія на *Синявинъ* (1826—1829) и были переданы академіи въ 1830 или 1831 году. Даже кругосвѣтное плаваніе Крузенштерна, знаменитое въ лѣтописяхъ русскаго флота, потому что русскій флагъ не только впервые въ этотъ разъ объѣхалъ кругомъ свѣта, но впервые перешелъ и за экваторъ, и даже за сѣверный тропикъ, не оставило намъ никакого матеріала для сравнительной краниологии, хотя другія собранія и были обогащены вкладами Крузенштерна (1). Нѣкоторые черепа попали въ частное собраніе тогдашняго дерптскаго профессора Изенфламма. Подобнымъ образомъ и черепа Китайца и Нукагивца, изображенные Тилезіусомъ въ атласѣ, приложенномъ къ описанію этого путешествія, не сохранились повидимому ни въ одномъ изъ русскихъ собраній. Вообще изъ этого кругосвѣтнаго путешествія ничего не попало въ собраніе,

(1) См. Blumenbach *Decades craniorum* № 50. (Нукагивецъ) № 55. (Колошъ) и Sandifort *Tabulae craniologicae diversarum nationum* (cranium Americani septentrionalis tab. VII).

о которомъ мы теперь говоримъ, кромѣ черепа Нукагивца, полученна мною уже въ послѣдствіи въ подарокъ отъ генералъ-лейтенанта Фридрици, одного изъ спутниковъ Крузенштерна. Причина, по которой не старались воспользоваться благоприятными обстоятельствами, объясняется можетъ-быть, по крайней мѣрѣ отчасти, излишнимъ значеніемъ, которое придавали анатомическому собранію Рюйша, купленному еще Петромъ Великимъ. Оно расположено такимъ образомъ, что существеннаго увеличенія его нельзя было предпринять безъ совершеннаго измѣненія характера всего собранія. При принятіи его въ свое вѣдѣніе, я нашелъ въ немъ дѣйствительно лишь четыре черепа взрослыхъ, изъ коихъ три были отпрепарированы для обыкновенныхъ анатомическихъ объясненій, и вѣроятно принадлежали еще самому Рюйшу, какъ это, повидимому, подтверждаетъ ихъ рѣзко германскій типъ; а четвертый черепъ, очевидно какого-нибудь монгольскаго народа, былъ присоединенъ, безъ сомнѣнія, уже въ послѣдствіи, но безъ всякихъ указаній о его происхожденіи. Это совершенное невниманіе къ новой отрасли естественно-историческихъ изслѣдованій имѣло слѣдствіемъ, что весьма цѣнные матеріалы для краниологическаго собранія, недостатокъ которыхъ намъ теперь очень чувствителенъ, перешли за границу. Я не сожалею о многочисленныхъ и весьма важныхъ приращеніяхъ Блумменбахова собранія, доставленныхъ изъ Россіи, при посредствѣ щедраго усердія барона Аша. Они не могли получить лучшаго употребленія, послуживъ, въ числѣ прочихъ, основаніемъ новой отрасли естествознанія (1). Но сколько череповъ уходило отъ насъ въ другія мѣста! При посѣщеніи моемъ въ 1828 году собранія естествоиспытателей въ Берлинѣ (тогда я жилъ еще внѣ отечества), передалъ док-

(1) Замѣчательно, сколько любопытныхъ череповъ, которые весьма трудно достать, получилъ Блумменбахъ изъ Россіи черезъ посредство барона Аша. При бѣгломъ просмотрѣ Блумменбаховыхъ *Декадъ*, и третьяго изданія его сочиненія: *De generis humani varietate nativa*, отмѣтилъ я слѣдующіе: знаменитая голова Грузинки, представленная Блумменбахомъ въ его естественно-историческихъ рисункахъ, какъ типъ красоты, 1 донской козакъ, 1 Макрокесалъ (вѣроятно изъ Керчи, хотя Блумменбахъ и полагаетъ нужнымъ отнести его далѣе — въ глубь Азіи), 1 Литвинъ, 1 казанскій Татаринъ, 1 древній чудскій черепъ, 1 Даурецъ, 1 бурятскій ребенокъ, 2 турецкіе черепа изъ Очакова, полученные при взятіи этого города. Изъ негрскихъ череповъ, доставленныхъ барономъ Ашемъ, иные также были можетъ-быть присланы ему изъ Россіи. Каспаръ Фридрихъ Вольфъ послалъ также отсюда черепъ негра, хотя не присоединилъ къ здѣшнему собранію ни одного туземнаго черепа. Другими путями получилъ еще Блумменбахъ черепъ Самоѣда изъ Архангельска и черепъ Камчадала. Я не говорю о многочисленныхъ русскихъ черепахъ, доставителей которыхъ онъ не называетъ.

торъ Реманъ въ моемъ присутствіи коллекцію 35 русскихъ череповъ берлинскому анатомическому музею. Реманъ воспользовался для составленія ея въ интересахъ Галева ученія своимъ официальнымъ положеніемъ (онъ былъ начальникомъ медицинскаго управленія). На мой, сожалѣніе выражавшій, вопросъ, почему не оставилъ онъ ея въ Россіи, гдѣ вѣроятно ощущается потребность въ подобныхъ собраніяхъ, отвѣчалъ онъ мнѣ: тамъ никто объ этомъ даже и не думаетъ. Это было въ 1828 году.

Два года спустя, поступили наконецъ въ академію, какъ было уже сказано, первые матеріалы для краниологическаго собранія, изъ путешествія адмирала Литке. Ревностный, и къ сожалѣнію такъ рано умершій естествоиспытатель Мертенсъ передалъ академіи сверхъ сокровищъ по части зоологіи и ботаники 5 череповъ Алеутовъ съ Уналашки, 2 черепа Колошъ, 2 черепа Эскимосовъ съ сѣверо-западнаго берега Америки и 1 черепъ островитянина съ Сандвичевыхъ острововъ. Послѣдній былъ добытъ г. Кастальскимъ, который былъ естествоиспытателемъ на другомъ кораблѣ экспедиціи. Г. Менетріе, путешествовавшій по порученію академіи по Кавказу, привезъ одинъ черепъ изъ древней могилы у береговъ Кубани, замѣчательный по его удлинненной формѣ, не встрѣчающейся между живущими тамъ народами на далекое разстояніе кругомъ. Но эти предвѣстники будущаго времени не могли найти себѣ мѣста въ старомъ анатомическомъ собраніи, гдѣ всѣ мѣста уже издавна были распределены, и мѣсто каждаго предмета не измѣнялось уже въ теченіи столѣтія. Итакъ скелеты человѣческихъ головъ должны были искать себѣ убѣжища въ зоологическомъ музеѣ, который съ блистательнымъ успѣхомъ былъ вновь учрежденъ академикомъ Брандтомъ и быстро увеличивался. Но мысль о необходимости имѣть въ Петербургѣ собраніе для сравнительной антропологіи начала однако повидимому распространяться между образованными людьми: какъ только было положено первое основаніе, стали поступать въ академію приношенія со многихъ сторонъ. Генералъ Вельяминовъ, начальствовавшій на Кавказѣ, прислалъ 3 черепа Чеченцевъ и 3 Карабулаковъ; одинъ врачъ, коллежскій совѣтникъ Земскій, — 2 черепа Шапсуговъ и 1 Натухайцевъ. Капитанъ Купріяновъ, главно-управляющій Русско-Американскими колоніями, прислалъ 2 черепа изъ Калифорніи. Г. докторъ Даль, сдѣлавшійся подъ псевдонимомъ козака Луганскаго однимъ изъ любимѣйшихъ русскихъ писателей, оказалъ нашему собранію особливую заслугу, воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Оренбургѣ и участіемъ въ хивинскомъ походѣ, для присылки намъ 5 череповъ башкирскихъ и 3 киргизскихъ, 1 мордвинскаго, 1 мещерякскаго, 1 черепа оренбургскаго Татарина и 1 черепа узбека изъ Хивы. Г. Видеманъ при-

слалъ 1 черепъ негра изъ Новаго Орлеана. Сочленъ нашъ, г. Купферъ привезъ изъ путешествія по Сибири 3 бурятскихъ и 3 тунгузскихъ черепа; г. Кеппенъ 2 черепа закавказскихъ Татаръ, доставленные ему г. Котцебу. Г. Кеппенъ производилъ также разрытія кургановъ какъ въ средней, такъ и въ южной Россіи. Головы, вырытыя имъ, вошли въ составъ нашего собранія. Нашъ знаменитый ориенталистъ Френъ особенно интересовался изслѣдованіемъ происхожденія обитателей деревни Кубечи, живущихъ совершенно отдѣльно въ Кавказскихъ горахъ и отличающихся особливимъ искусствомъ въ ремеслахъ, такъ какъ представлялись нѣкоторыя указанія на происхожденіе ихъ изъ западной Европы. Сенаторъ баронъ Ганъ имѣлъ снисходительность принять на себя, по просьбѣ Френа, трудъ достать кубечскій черепъ; но доставленный имъ экземпляръ, по своей коротко-головой (*brachycephalos*) формѣ, не свидѣтельствуетъ въ пользу западно-европейскаго происхожденія, какъ считали себя въ правѣ предполагать. Но такъ какъ, при уваженіи магометанъ къ могиламъ умершихъ, баронъ Ганъ могъ дѣйствовать лишь чрезъ многихъ посредниковъ, то спрашивается еще, были ли мѣры, принятыя къ полученію этого черепа посредствовавшимъ при семъ лицомъ, употреблены съ должною разборчивостію, чтобы вполне быть увѣрену, что вырытый и пересланный черепъ дѣйствительно изъ Кубечи.

Наибольшее обогащеніе, когда-либо полученное собраніемъ, и которое далеко превосходило весь тогдашній составъ его, какъ числомъ, такъ и превосходнымъ приготовленіемъ череповъ, поступило со стороны, откуда всего менѣе можно было его ожидать,—именно изъ Индійскаго архипелага, черезъ посредство знаменитаго путешественника г. Зибольда. Коллекція эта была составлена полковникомъ Пейчемъ, главнымъ начальникомъ медицинской части въ индійскихъ нидерландскихъ колоніяхъ, во время двадцати-лѣтняго пребыванія его тамъ. По возвращеніи своемъ въ Голландію въ 1837 году, отдалъ онъ ее на сохраненіе г. Ф. Зибольду, въ намѣреніи поднести ее императору Николаю I, такъ какъ полковникъ Пейчъ служилъ полковымъ врачомъ въ русской арміи съ 1813 по 1815 годъ. По смерти своего друга, послѣдовавшей въ 1838 году, г. Зибольдъ исполнилъ его желаніе. Въ 1841 году, когда великій князь Константинъ Николаевичъ, во время тогдашняго своего морскаго путешествія, посѣтилъ Голландію, г. Зибольдъ имѣлъ счастье принимать у себя его высочество въ Лейденѣ, показывать ему свои японскія коллекціи и эту коллекцію череповъ, и получилъ позволеніе поручить ее на сохраненіе адмиралу Литке, для поднесенія императору отъ его имени и по волѣ умершаго полковника Пейча, при нижайшей просьбѣ: да повелитъ его величество присоединить ее, какъ его подарокъ,

къ естественно-историческимъ коллекціямъ музея академіи наукъ. Императоръ Николай I соблаговолилъ принять это приношеніе и повелѣлъ передать его академіи наукъ. Собраніе это, состоящее кромѣ 12 череповъ орангъ-утанговъ, изъ 83 череповъ разныхъ народовъ, относительно своего сохраненія и приготовленія, столь превосходно, какъ только можно ожидать отъ многолѣтняго усердія въ соединеніи съ весьма благопріятными обстоятельствами. За исключеніемъ череповъ молодого Папуаса, старика той же націи и молодого Баттайца, всѣ прочіе черепа (большую частію мужскіе, но и нѣкоторые женскіе) принадлежали людямъ зрѣлаго возраста, и почти безъ исключенія сохранились со всѣми зубами. Они хорошо выбѣлены. Безподобная сохранность не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что они большую частію получены изъ госпиталей; нѣкоторые были добыты во время войнъ на островѣ Явѣ, черепъ же стараго Папуаса, у котораго почти всѣ зубы уже выпали, привезенъ однимъ нидерландскимъ путешественникомъ изъ новой Гвинеи. Но кромѣ красоты,—выраженіе это простятъ глазу анатома,—эта коллекція отличается еще своимъ разнообразіемъ. Хотя она составлена единственно въ голландской Индіи, можетъ быть даже въ одной Батавіи, она заключаетъ въ себѣ много другихъ племенъ. Мы получили 3 черепа негровъ, 1 Индуса, 3 черепа Бенгальцевъ, 2 Цейланцевъ, 1 Баттайца изъ Суматры, 7 череповъ чистыхъ Китайцевъ, 6 череповъ Китайцевъ смѣшанныхъ, 2 черепа малайскихъ, 1 черепъ помѣси Европейцевъ съ Малайцами, 6 череповъ Яванцевъ, 6 мадурезскихъ (съ острова около Явы), 6 балинезскихъ (Бали также близъ Явы); съ острова Целебеса 7 череповъ Макасарцевъ, 5 Бугинезовъ, 6 Менадонцевъ, 3 Геронталовъ, и 2 черепа Янгринезовъ; далѣе 5 череповъ Амбоинцевъ, 2 черепа Тидорцевъ, 6 Альфурасовъ (Гарафоровъ) изъ Гилоло, Целебеса и Новой Гвинеи и 3 Папуаса изъ Новой Гвинеи. Въ вѣрности опредѣленій служить, кажется, достаточною порукою офиціальное положеніе собирателя.

Послѣ полученія академіей этого драгоцѣннаго собранія, было предложено мнѣ мѣсто анатома и физиолога, и вмѣстѣ съ тѣмъ переданъ на мои руки имѣвшійся въ академіи анатомическій кабинетъ. По составленіи ему каталога, я счелъ необходимымъ предложить совершенное его преобразование. Зоологическій музей передалъ краниологическое собраніе анатомическому или точнѣе антропологическому кабинету. Съ этого времени, приращенія его становятся уже мнѣ лично извѣстными.

Нѣкоторыя цѣнныя приношенія получали мы случайно отъ времени до времени изъ отдаленныхъ краевъ Россіи, черезъ посредство путешественниковъ. Г. докторъ Рупрехтъ, нынѣ членъ академіи, привезъ самоѣдскій черепъ изъ своего путешествія къ

Канину носу, еще до передачи собранія въ мое вѣдѣніе; генераль Гоѣманъ доставилъ изъ своихъ путешествій по Сибири черепъ Карагасса, вырытый изъ древней могилы, и послѣ того еще черепъ якутскаго ребенка; генераль Венцель—черепъ ребенка, вырытаго въ развалинахъ Сарая (древней столицы Золотой Орды); отъ доктора Кюльвейна были приобрѣтены два калмыцкіе черепа. Отъ пограничнаго управленія сибирскими Киргизами было прислано 9 головъ, подъ именемъ головъ шамановъ. Изъ Табольска получили мы два черепа изъ древнихъ могилъ, черезъ посредство врача Шлянина. Г. Кеппенъ предпринималъ новыя раскопки въ Тверской и въ Екатеринославской губерніяхъ. Для полученія объектовъ, необходимыхъ для сравненій, обратился я къ г. профессору Бонсдорфу въ Гельзинггорсъ, съ просьбою доставить мнѣ черепа чистыхъ Финновъ, и получилъ черезъ него два превосходныхъ экземпляра изъ внутренности великаго Княжества. Докторъ Шульцъ, имѣвшій тогда мѣсто при анатомическомъ кабинетѣ, доставилъ изъ Лифляндіи, при содѣйствіи доктора Биддера, собраніе череповъ Эстовъ и Леттовъ. Черепа Эстовъ, изъ окрестностей Балтійскаго Порта, представляющіе особенный интересъ, какъ будетъ изъяснено въ послѣдствіи, получили мы черезъ тамошняго пастора Вермана, и черезъ студента Миддендорфа, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ. Дружбѣ харьковскаго профессора Штруве, обязанъ я тремя весьма типическими черепами Малороссовъ. Для прочихъ отраслей русскаго народа, получилъ я довольно значительное число череповъ изъ медико-хирургической академіи черезъ посредство гг. прозекторовъ Д. Грубера и доктора Шульца. Но такъ какъ свѣдѣнія, имѣющіяся въ госпиталѣ этого заведенія о мѣсторожденіи принимаемыхъ въ него больныхъ, или вообще не полны, или по крайней мѣрѣ не доходятъ до анатомическаго театра, то потребность, чувствуемая въ опредѣленіи типовъ различныхъ мѣстностей, еще не могла получить своего удовлетворенія. Изъ отдаленныхъ краевъ государства получили мы черезъ г. Александра Шренка 2 чудскихъ черепа, интересныхъ въ историческомъ отношеніи. Отъ филолога и этнографа Кастрена, умершаго къ сожалѣнію до разработки собранныхъ имъ матеріаловъ, получено болѣе 20 череповъ, вырытыхъ преимущественно въ Минусинскомъ округѣ, частію, правда, лишь въ обломкахъ, но частію и весьма полныхъ. Академикъ Шегренъ привезъ изъ своего путешествія для изслѣдованія Ливовъ нѣсколько череповъ двухъ мѣстностей, изъ коихъ 2 по крайней мѣрѣ принадлежатъ, какъ кажется, настоящимъ Ливамъ. Консерваторъ Вознесенскій передалъ академіи, добытые имъ во время путешествія по русско-американскимъ владѣніямъ, 2 черепа Алеутовъ съ острова Атхи, довольно рѣзко отличаю-

щіеся отъ череповъ съ Уналашки, 1 черепъ Колоша, 1 Кенайца, 1 Чеснука, 2 черепа Эскимосовъ, одинъ съ Нортонова залива, а другой съ Зунда Коцебу, 1 черепъ сѣвернаго Калифорнца, изъ окрестностей бывшей колоніи Россъ. Во время путешествій моихъ по Россіи, имѣлъ я случай получить черепа кочующихъ около Сарепты Калмыковъ, частію черезъ посредство тамошнихъ жителей г. Гляча и Бекера, частію я добылъ ихъ самъ; въ Казани получилъ я черепъ Чуваша, въ Эстляндіи черепа Эстовъ древнѣйшихъ временъ, къ которымъ присоединилъ еще нѣсколько экземпляровъ докторъ Мейеръ въ Ревелѣ, изъ снесеннаго Михайловскаго монастыря (Michaelis-Kloster).

Въ послѣднее время получили мы еще нѣсколько весьма цѣнныхъ череповъ изъ отдаленнѣйшихъ частей государства. Г. В. Миддендорфъ, управлявшій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ метеорологическою обсерваторіею въ Ситхѣ, подарилъ намъ семь весьма полныхъ череповъ Колошъ и два черепа Калифорнцевъ. Г. Шренкъ младшій, путешествовавшій насчетъ академіи въ при-амурскихъ странахъ, привезъ по черепу Мунгяговъ, Мангуновъ, Гиляковъ и Орочей, четырехъ народовъ доселѣ едва извѣстныхъ по имени. Отъ г. Маака было приобрѣтено покупкою богатое собраніе, состоящее изъ 20 череповъ, между которыми находились черепа Якутовъ, Бурятовъ, Голди (?), Чуди и древнихъ обитателей при-байкальскихъ странъ, а также нѣкоторые вырытые изъ могилъ неизвѣстнаго происхожденія.

Наконецъ послѣ того какъ отчетъ этотъ 11 іюня прошлаго года былъ уже представленъ академіи и отданъ въ печать, получено отъ генераль-адъютанта графа Строгонова 5 череповъ, съ означеніемъ, что они происходятъ изъ могилы какого-то скифскаго царя (ближайшихъ доказательствъ на то я не имѣю, но они должны быть въ скорости обнародованы). Отъ доктора Грезбера получено недавно 20 русскихъ череповъ.

Изъ иностранныхъ народовъ получила въ недавнее время академія въ подарокъ отъ знаменитаго путешественника Чуди черепъ древняго Перуанца, мумію головы и мумію ребенка. Мумія взрослаго Перуанца изъ племени Хинка (Chinca) и 9 череповъ изъ древней могилы близъ Лимы, изъ коихъ нѣкоторые изуродованы сдавливаніемъ, большая же часть нѣтъ; были куплены докторомъ Шренкомъ. Г. магистръ Ценковскій привезъ изъ своего путешествія во внутренность Африки, куда онъ сопровождалъ г. Ковалевскаго, черепъ негра изъ Фацоглу. Отъ стокгольмскаго профессора Ретціуса, въ послѣднее время болѣе всѣхъ подвинувшаго впередъ знаніе народныхъ различій въ строеніи головы, получила академія, кромѣ череповъ Шведа и Шведки, весьма цѣнное собраніе гипсовыхъ отливовъ, съ любопытнѣйшихъ экземпля-

ровъ краниологическаго собранія стокгольмской академіи наукъ, между которыми есть черепа Кельтовъ, Нормановъ, древнихъ обитателей Даніи (Кимбровъ?), Гренландцевъ, Лопарей, Ботокудовъ и т. д. Отъ знаменитаго вѣнскаго анатома Гиртля, получили мы, по моей просьбѣ, черепъ Мадыра, привезенный докторомъ Груберомъ. Изъ вещей, оставшихся послѣ одного князя Салтыкова, были переданы намъ: неполная египетская мумія, мумія головы и голова Новозеландца, что все было присоединено къ краниологическому собранію. Отъ заслуженнаго профессора Горанинова получили мы черепъ Монгола, и другой подъ именемъ найденнаго въ Монголіи черепа, принадлежавшій безъ сомнѣнія Китайцу, какъ это можно съ полною увѣренностію утверждать по сравненію съ многочисленными, имѣющимися у насъ китайскими черепами. Высушенную голову бразильскаго туземца имѣлъ случай купить г. Вознесенскій на своемъ возвратномъ путешествіи изъ нашихъ американскихъ владѣній. Къ новѣйшимъ приращеніямъ нашего собранія принадлежитъ и вышеупомянутый черепъ Нукагивца, полученный мною отъ генераль-лейтенанта Ф. Фридрици.

II. ТЕПЕРЕШНЕЕ СОСТОЯНІЕ, РАСПОЛОЖЕНІЕ И БЛИЖАЙШІЯ ПОТРЕБНОСТИ СОБРАНІА.

Въ новомъ помѣщеніи анатомическаго музея, двѣ комнаты назначены для краниологическаго собранія въ теперешнемъ его видѣ и для ожидаемыхъ приращеній. Одна изъ этихъ комнатъ находится въ ряду прочихъ, и входъ въ нее дозволенъ публикѣ, желающей посѣщать наше собраніе. Подлѣ нея есть другая комната, почти совершенно темная. Такъ какъ она внѣ анфилады прочихъ комнатъ, то это послужило поводомъ къ помѣщенію въ ней череповъ, вырытыхъ изъ земли, часто весьма неполныхъ и большею частію очень потемнѣвшихъ, ибо они могутъ быть интересны лишь для серьезно занимающихся этимъ предметомъ, на большинство же публики видъ ихъ производитъ только непріятное впечатлѣніе. Свѣтлая комната предназначена такимъ образомъ для помѣщенія тѣхъ череповъ, которые выставляются напоказъ, и гипсовыхъ головъ. Но раздѣленіе это сдѣлано не единственно на основаніи принадлежности черепа народу, уже исчезнувшему, или того, что онъ вырытъ изъ могилы. Большая часть нашихъ сибирскихъ череповъ и многіе изъ сѣверо-западной части Америки добыты изъ могилъ. Совсѣмъ тѣмъ они приняты въ главное собраніе, дабы имѣть представителей болѣе полнаго ряда народовъ. Поэтому и въ части собранія, выставленной на показъ, находится нѣсколько вывѣтрившихся и

поврежденныхъ и не мало потемнѣвшихъ экземпляровъ. По мѣрѣ того какъ собраніе будетъ возрастать, эти некрасивые предметы будутъ мало-по-малу переносимы въ темную комнату.

При расположеніи этого собранія я рѣшительно не хотѣлъ слѣдовать какой бы то ни было этнографической системѣ, въ томъ убѣжденіи, что всякое дѣленіе на главныя группы заключаетъ въ себѣ нѣчто произвольное. Я не сомнѣваюсь, что пять блумменбаховскихъ главныхъ типовъ, или породъ, должны быть разсматриваемы теперь уже какъ «побѣжденная точка зрѣнія» (*überwundener Standpunkt*), если захотимъ употребить этотъ неутѣшительный оборотъ рѣчи (1). Соединеніе Китайцевъ съ широкоголовыми Монголами, или даже длинноголовыхъ Караибовъ съ короткоголовыми Инками Перу, какъ будто бы они составляютъ видоизмѣненіе сихъ послѣднихъ, ведетъ лишь къ ложнымъ представленіямъ. При этомъ принималось бы за вѣрное то, что требуетъ еще разъясненія. Можно бы распредѣлить народы по языкамъ, но это дало бы лишь распредѣленіе, основанное на языкахъ, а вовсе не на физическомъ строеніи. Именно краниологическое собраніе дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что языки переходили къ народамъ различнаго происхожденія, чему конечно могли подать поводъ смѣшенія, о которыхъ въ исторіи не сохранилось уже никакихъ свѣдѣній. Какая разница между узкоскульными казанскими Татарами и широкоскулыми Якутами или Киргизами, тогда какъ эти послѣдніе гораздо менѣе отличаются языкомъ отъ Татаръ, нежели отъ Якутъ!

Поэтому, я предпочелъ расположить наше собраніе въ чисто-географическомъ порядкѣ. Такимъ образомъ шкапы между окнами, доселѣ еще мало занятые, назначены для западныхъ Европейцевъ; шкапы вдоль лѣвой стѣны (если обратиться спиною къ окнамъ) — для народовъ Россійской имперіи: мы начинаемъ при этомъ съ Европейской Россіи, идя съ сѣвера на югъ до подошвы Кавказа. Въ слѣдующемъ шкапу разставлены черепа кав-

(1) Другія дѣленія, принимающія большее число породъ, какъ напримѣръ дѣленіе Бяри де-С. Венсана, устарѣли еще ранѣе этого. Дѣленія Маргона и его непосредственныхъ послѣдователей также сводятъ свои многочисленныя семейства къ немногимъ главнымъ группамъ, и какъ мнѣ кажется, принимаютъ за исходную точку то, что можетъ быть лишь результатомъ продолжительныхъ изслѣдованій. Еслибъ я нашелъ необходимымъ слѣдовать какому-нибудь морфологическому началу распредѣленія, то я принялъ бы Ретцѣусово дѣленіе на длинноголовыхъ (*dolichoscephala*), и короткоголовыхъ (*brachycephala*), прямочелюстныхъ (*orthognata*) и выдающесячелюстныхъ (*prognatha*). Но тогда наиболѣе сходные пришлись бы вмѣстѣ, и различія были бы менѣе замѣтны. Я рѣшился послѣдовать началу, не имѣющему въ морфологическомъ отношеніи никакого значенія, именно географическому такъ что черепа народовъ соединены по частямъ свѣта.

казскихъ и закавказскихъ народовъ. За ними идутъ уже вдоль слѣдующей стѣны, сперва народы Амурской долины и Монголіи, потомъ народы Южной Азіи, Китая и Индіи до Цейлана. Архипелагъ острововъ отъ Суматры до Новой Гвинеи имѣетъ сравнительно очень многихъ представителей въ нашемъ собраніи. Къ нимъ присоединяются жители Полинезіи. Всего естественнѣе былъ бы переходъ отсюда къ Америкѣ; но такъ какъ небольшое число имѣющихся у насъ африканскихъ череповъ и небольшое остававшееся мѣсто другъ другу соответствовали; то между островитянами Полинезіи и народами Америки помѣщены пока Африканцы. Американцы занимаютъ первый шкапъ съ правой стороны, второй же шкапъ занятъ пока гипсовыми головами, которыя будутъ должны однако уступить свое мѣсто при сильномъ возрастаніи одного изъ прочихъ отдѣленій. Названіе народа, къ которому принадлежитъ черепъ, или мѣсто находки черепа, если онъ былъ вырытъ изъ земли, во избѣжаніе всякаго смѣшенія, означено на немъ самомъ, точно такъ же какъ и имя подарившаго или продавшаго его, не только въ знакъ благодарнаго воспоминанія, но и какъ удостовѣрительное свидѣтельство. Въ собраніи, выставленномъ на показъ, заключается теперь 281 черепъ. Въ темной комнатѣ находится еще 69 болѣе или менѣе полныхъ череповъ, не считая мелкихъ обломковъ. Слѣдовательно вообще въ собраніи заключается 350 череповъ (а съ доставленными грапомъ Строгановымъ изъ скиѣской могилы 355); сверхъ этого 5 головъ мумій, именно 2 египетскихъ, 2 новозеландскихъ и 1 перуанская, одна перуанская мумія взрослога чело-вѣка и одна ребенка.

Собраніе наше можно поэтому причислить къ числу богатыхъ, особливо если принять въ разчетъ, что у насъ есть представители нѣкоторыхъ племенъ, едва ли имѣющіеся гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Но всѣ сдѣланныя намъ приношенія по существу ихъ были дѣлаемы случайно, безъ опредѣленнаго плана. Поэтому-то несмотря на общее богатство, замѣчаются въ нашемъ собраніи весьма чувствительныя пробѣлы, которые становятся особенно ощутительными, когда возникаетъ потребность сравнить черепа, найденные въ могилахъ, съ формами головъ нынѣ живущихъ народовъ. Нѣкоторые изъ этихъ пробѣловъ столь поразительны даже, что я совѣстился бы публично говорить о нихъ, еслибы не пыталъ убѣжденія, что именно общеизвѣстность представляетъ вѣрнѣйшій путь къ пополненію этихъ пробѣловъ.

Я прибѣгаю къ участію, принимаемому просвѣщенными врачами Россіи и друзьями естествознанія въ интересахъ науки и отечества, дабы просить ихъ о многочисленныхъ приношеніяхъ нашему собранію, и притомъ, что въ настоящемъ случаѣ всего важнѣе,

съ достовѣрными показаніями происхожденія череповъ, которые они соблагаволятъ присылать намъ. При этомъ я прошу ихъ обратить вниманіе на то, что приношенія эти будутъ дѣлаемы собранію, которое у насъ только-что начинается, но которое, если оно встрѣтитъ живое участіе, сдѣлается поучительнѣе у насъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другихъ странахъ. Кто путешествуетъ по отдаленнымъ и рѣдко посѣщаемымъ странамъ, Россіи и сдѣлаетъ приношенія нашему собранію добытыхъ тамъ череповъ, тотъ окажетъ услугу, которая всегда будетъ признаваема съ благодарностью. Но и изъ ближайшихъ мѣстностей, изъ отранъ, гдѣ существуютъ госпитали, необходимо имѣть намъ пополненія къ нашему собранію. Развѣіе этой мысли и составляетъ настоящую цѣль этого отдѣла нашей статьи.

Прежде всего долженъ я замѣтить, что дабы судить о типѣ мозгового строенія какого-нибудь народа, нужно сравнить по крайней мѣрѣ три черепа, часто же и этого бываетъ еще недостаточно. Всякому извѣстно, что кромѣ болѣзненныхъ образованій, которыя хотя и не часто встрѣчаются въ головныхъ костяхъ, однако же могутъ быть значительнѣе, нежели обыкновенно полагаютъ, индивидуальныя различія очень разнообразны. Слѣдовательно отдѣльный черепъ, сверхъ самыхъ общихъ чертъ, немного намъ покажетъ. Только, когда между тремя черепами найдешь два весьма сходныхъ между собою, можно судить о типѣ народа. Но если всѣ три представляютъ значительныя различія, то для установленія типа потребно гораздо большее число череповъ. Далѣе, должно обращать вниманіе на то, что у людей, ведущиихъ болѣе простой образъ жизни, сообразный съ обычаями народа, типъ постояннѣе сохраняется, чѣмъ у такъ-называемыхъ высшихъ сословій: не только потому, что между ними чаще встрѣчаются смѣшенія разныхъ народностей, но и потому, что высшее духовное развитіе имѣетъ вліяніе на строеніе черепа, особливо если оно продолжается въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній. Наконецъ надо замѣтить, что типъ сильнѣе выраженъ въ черепахъ мужчинъ нежели женщинъ, и что слѣдовательно первые гораздо важнѣе для собранія; однако если уже имѣются мужскіе черепа, то пріятно имѣть для оравненія и женскіе. Но всѣмъ гг. собирателямъ должно особенно замѣтить, что только совершенная достовѣрность происхожденія даетъ цѣну приношеніямъ этого рода.

Сказаннаго достаточно для объясненія причинъ, заставляющихъ насъ постоянно стремиться къ приращенію нашего собранія, и я безъ всякаго опасенія обращаю вниманіе на тѣ ощутительныя недостатки собранія, о которыхъ легко можно бы полагать, что они давно уже пополнены. Такъ, я весьма желаю получить че-

репа Великоруссовъ, Бѣлоруссовъ и Галичанъ или Русиновъ (Красноруссовъ) изъ такихъ мѣстностей, гдѣ племена эти сохранились въ наибольшей чистотѣ. Я полагаю, что первые наименѣ смѣшаны въ губерніяхъ Московской, Владимірской, Калужской и Тульской, по крайней мѣрѣ относительно новѣйшаго времени, ибо первоначальную чистоту племенъ вообще было бы тщетно отыскивать. Типъ Бѣлоруссовъ представляется, какъ кажется, въ наибольшей чистотѣ въ губерніи Минской, а также въ Витебской и Могилевской. Галичане, Русины (Красноруссы) хотя и обитаютъ преимущественно въ королевствѣ Галиціи, совсѣмъ тѣмъ, однакоже весьма хорошо было бы имѣть черепа изъ пограничныхъ съ Галиціею уѣздовъ Волынской губерніи, дабы имѣть возможность судить, замѣчается ли въ нихъ ощутительная разница отъ череповъ Малороссіянъ. Черепа Поляковъ желательно бы имѣть изъ западныхъ губерній Царства Польскаго, Литовцевъ же изъ Виленской губерніи, равно какъ и Евреевъ, которые тамъ мало смѣшаны. Кажется, что образованные врачи, желающіе оказать услугу отечественному собранію, легко могутъ найти удобный къ тому случай. Желательно лишь, чтобъ они старались разузнавать, не переселенецъ ли умершій, не уроженецъ ли онъ совершенно другой мѣстности. За работу, необходимую при приготовленіи черепа, которая можетъ быть поручаема фельдшерамъ, охотно будетъ заплачено. Хотя невскрытые черепа и наиболѣе пригодны для измѣреній, однако не отвергаются и такіе, которые, для какой-либо цѣли были вскрываемы сообразно съ существующими для этого правилами.

Послѣ славянскихъ народностей, чувствуется особливая потребность въ черепахъ татарскихъ, дабы имѣть возможность составлять себѣ сколько-нибудь точное сужденіе о черепахъ, отрываемыхъ въ древнихъ могилахъ. Мы имѣемъ образчики череповъ Татаръ закавказскихъ, одинъ черепъ оренбургскихъ Татаръ, и сверхъ сего черепа разныхъ народовъ, говорящихъ потатарски, относительно нѣкоторыхъ даже въ большомъ числѣ. Но у насъ нѣтъ череповъ казанскихъ Татаръ (вѣроятно всякій думалъ, что о полученіи ихъ давно уже позаботились); мы не имѣемъ также череповъ ни изъ плоской, ни изъ гористой части Крыма; особливо же желательны были бы мнѣ достовѣрные экземпляры череповъ Ногайцевъ, потому что народъ этотъ рѣзко отличается въ чертахъ лица отъ прочихъ народовъ, называющихъ себя Татарами. Мнѣ вообще кажется, что уже между тѣми Татарами, которыхъ мнѣ случилось видѣть, — надо отличать по крайней мѣрѣ три, а можетъ-быть и четыре типа. Также желательно бы было, чтобъ этнографическій музей, на учрежденіе котораго можно съ достовѣрностью надѣяться, приобрѣлъ фотографиче-

скіе портреты этихъ народовъ и племенъ. Наука, которая въ своихъ изысканіяхъ всегда должна быть осмотрительна и спокойна, тогда лишь будетъ въ состояніи высказать основанное на доказательствахъ мнѣніе о вліяніи образа жизни на чертаніе лица, когда одинъ и тотъ же ученый будетъ имѣть возможность сравнить множество вѣрныхъ портретовъ, снятыхъ съ лицъ того же народа, но изъ различныхъ мѣстностей и ведущихъ различный образъ жизни.

Изъ финскихъ народовъ имѣемъ мы представителей также лишь ближайшихъ племенъ, то-есть Эстовъ и собственныхъ Финновъ; Лопарей, Зырянъ, Вогуловъ, Пермьковъ, Вотьяковъ и Остяковъ нѣтъ вовсе; относительно же Мордвы и Чувашей весьма чувствительна потребность въ пополненіяхъ, для опредѣленія типа ихъ, ибо при разсмотрѣніи остатковъ прошедшаго, финскія племена имѣютъ равное значеніе съ татарскими или тюркскими.

Изъ кавказскихъ и закавказскихъ племенъ, все еще легче назвать тѣхъ представителей, которыхъ мы имѣемъ, чѣмъ тѣхъ, которыхъ намъ не достаетъ. У насъ есть Татары, Чеченцы, Карабулаки, Шапсуги, Натухайцы; намъ не достаетъ настоящихъ Черкесовъ, Осетиновъ, Лезгиновъ, Кумыковъ, Аваровъ, Сванетовъ, Мингрельцевъ, Имеретиновъ и даже Грузиновъ и Армянъ, не говоря уже о мелкихъ племенахъ.

Распространять списокъ этотъ и на прочія племена Россіи было бы слишкомъ долго. Легко усмотрѣть, что самоѣдскій черепъ, который мы имѣемъ, еще вовсе не дѣлаетъ излишними другіе; а что напротивъ того весьма желательно было бы имѣть ихъ, особливо изъ болѣе восточныхъ мѣстностей; однимъ словомъ, случаи добыть черепа отдаленныхъ народовъ, вообще рѣдко встрѣчающіеся, никогда не должны быть упускаемы. У насъ еще вовсе нѣтъ череповъ Камчадаловъ, Аиновъ, Коряковъ и Чукчей. Я упомянулъ здѣсь лишь о тѣхъ племенахъ, которыя извѣстны многимъ и легко доступны.

Изъ иностранныхъ народовъ совершенно недостаетъ нашему собранію очень многихъ. Они имѣютъ для насъ конечно весьма различную цѣну. Важнѣе другихъ тѣ, которые могутъ служить для сравненій съ племенами, обитающими въ Россіи, слѣдовательно Славяне изъ другихъ государствъ, Мадыяры (одинъ имѣющійся у насъ черепъ недостаточенъ для опредѣленія типа и сравненія его съ типами финскимъ и татарскимъ), а также Османы и несмѣшанные Лопари. Русскіе Лопари, кажется мнѣ, имѣютъ много корельской крови; лишь западнѣ Колы напелъ я, во время посѣщенія того края, фізіономіи существенно измѣненные.

Не менѣе пріятно было бы намъ получить черепа чистыхъ Кельтовъ, древнихъ и новыхъ Грековъ и древнихъ Римлянъ; а конечно также и черепа Басковъ, по причинѣ общаго интереса, ими представляемаго. Сильно изуродованные американскіе черепа, напримѣръ Караибовъ, жителей страны, орошаемой Колумбіей, и Аймаровъ составляютъ всегда въ высшей степени интересное приобрѣтеніе для всякаго краниологическаго собранія. Кромѣ этого имѣютъ они для насъ еще особый интересъ, именно, для сравненія съ полученными нами изъ окрестностей колоніи Россъ, весьма короткими и отчасти весьма косыми черепами, которые безъ сомнѣнія, новѣйшаго происхожденія, и не показываютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ искусственнаго изуродованія. При богатствѣ нашего собранія въ черепахъ изъ Индѣйскаго архипелага, весьма чувствителенъ недостатокъ изъ различныхъ частей Австраліи, Фанъ-Дименовой земли, большей части острововъ Тихаго океана и изъ Японіи. Съ острововъ Тихаго океана, особливо же съ наиболѣе посѣщаемыхъ группъ, скоро можно будетъ получать лишь весьма смѣшанныя формы, слѣдовательно надо позаботиться, чтобы первоначальныя формы были собраны въ непродолжительномъ времени.

III. Общія замѣчанія

Выборъ череповъ изъ нашего собранія будетъ въ скорости описанъ и изображенъ на рисункахъ. Рисунки эти отчасти уже готовы, а скоро присоединятся къ нимъ и остальные. Но такъ какъ, по моему мнѣнію, для полнаго изображенія формы черепа, совершенно недостаточно представить его въ одномъ какомъ-либо положеніи, то число череповъ, которые могутъ быть изображены, останется всегда незначительнымъ. Поэтому кажется мнѣ нелишнимъ издать сверхъ этого нѣкоторыя прибавленія къ сравнительной краниологіи, какъ они мнѣ представились при критическомъ обзорѣ нашего собранія. Но прежде этого желалъ бы я обратить вниманіе на нѣкоторыя общія замѣчанія и пріостерегающія изъ нихъ желанія.

Замѣчанія эти имѣютъ преимущественно въ виду тотъ сильный толчокъ, который сообщено изученію и болѣе определенному пониманію морфологическихъ различій въ строеніи черепа, Ретціусово раздѣленіе формъ человѣческаго черепа, по отношеніямъ между длиною и шириною его, и по болѣе или меньшей степени, въ которой выдаются челюсти. Мнѣ кажется, что толчокъ этотъ можетъ составить и вѣроятно составитъ эпоху въ изученіи различій племенъ и народовъ, а съ этимъ вмѣстѣ и въ понятіяхъ нашихъ о причинахъ, обусловливающихъ эти различія. Не то,

чтобъ я думалъ, что плоды эти завтра уже спадутъ намъ совершенно зрѣлые съ дерева, ни даже то, что они будутъ собраны въ теченіи жизни одного поколѣнія. Я слишкомъ долго жилъ, чтобы питать столь блестящія надежды; однакоже я имѣлъ случай достаточно убѣдиться опытомъ, что всякое научное изысканіе должно пріобрѣсти твердую почву, прежде чѣмъ оно можетъ начать правильной ростъ свой, точно такъ какъ растеніе должно пустить корни въ землю, дабы давать цвѣты и плоды. Научныя изслѣдованія не приводятъ насъ конечно вполнѣ къ ихъ послѣднимъ цѣлямъ, которыя мало-по-малу мы научаемся узнавать, или къ которымъ по крайней мѣрѣ научаемся стремиться. Однакоже эти послѣднія цѣли, ясно усмотрѣнныя духовными глазами, даютъ намъ возможность къ открытію и пониманію множества условій и отношеній, до знанія которыхъ мы бы никогда не дошли, еслибы не *учились искать* этихъ послѣднихъ цѣлей науки: точно такъ кормчій тогда лишь можетъ направлять ходъ своего судна въ лабиринтъ острововъ, когда онъ умѣетъ правильно *отыскивать* сѣверный полюсъ, котораго однако онъ никогда не *найдетъ*. Когда, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, сравнительная анатомія начала раскрывать свои неисчерпаемыя сокровища, можетъ-быть позволено было надѣяться нѣкогда вполнѣ узнать причины разнообразія органическихъ формъ. Но эта отдаленнѣйшая цѣль уходила все далѣе и далѣе; совсѣмъ тѣмъ однакоже, направляясь къ ней, наука собрала богатые плоды. И то уже немаловажный выигрышъ, что дошли до всеобщаго признанія существованія такихъ дѣйствующихъ, по закону необходимости, условій, что, употребляя выраженія менѣе общія, мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Кювье: изъ образованія зуба можно заключить о строеніи органовъ пищеваженія, органовъ хватанія и движенія и вообще о строеніи цѣлаго животнаго. Если въ настоящее время мы и не приблизились замѣтнымъ образомъ къ сколько-нибудь ясному пониманію тѣхъ условій, которыми опредѣляется разнообразіе органическихъ формъ, и можетъ-быть даже столь же далеки отъ этой цѣли, какъ и въ прошедшемъ столѣтіи: все же узнали мы множество отдѣльныхъ правилъ, которыя составляютъ ничто иное, какъ выраженія необходимостей или законовъ низшаго разряда. Я напому при этомъ снова о Кювье, который, при выдѣленіи найденнаго въ окрестностяхъ Парижа скелета изъ окружавшей его каменной массы, изъ разсмотрѣнія одного только угла нижней челюсти, предсказалъ, что въ тазѣ найдутся особливныя кости, служащія какъ бы основой мѣшка двуутробокъ (*ossa morsupialia*), что и дѣйствительно оказалось при дальнѣйшей очисткѣ скелета.

Да позволено будетъ мнѣ представить какъ примѣръ въ томъ же родѣ, хотя и менѣе блестящій, обстоятельство, случившееся

съ самимъ авторомъ этого отчета, потому что оно касается при-
мѣненія правила, которое обыкновенно даже не выражается опре-
дѣленнымъ образомъ къ нашихъ учебникамъ, — хотя каждый есте-
ствовопытатель не можетъ не сознавать его болѣе или менѣе от-
четливо. Тридцать лѣтъ тому назадъ была показываема въ одномъ
изъ засѣданій академіи плотная каменная масса, заключающая въ
себѣ органическіе остатки. Показывавшій не былъ зоологомъ и
полагалъ возможнымъ принять за уши нѣкоторыя со всѣхъ сто-
ронъ закругленныя выпуклости, лишь мало выдававшіяся изъ
общей массы. Но такъ какъ я замѣтилъ, что выпуклыя поверх-
ности ихъ были совершенно одинаковы съ обѣихъ сторонъ, и
что въ каждомъ изъ этихъ предметовъ ясно можно было отличить
срединную плоскость, симметрически раздѣляющую ихъ; то я
объявилъ, что предметы никакъ не могутъ принадлежать къ пар-
нымъ органамъ, а должны происходить изъ срединной плоско-
сти животнаго, и это вполне подтвердилось, потому что при
дальнѣйшей очисткѣ оказались клювы слизней.

Взглядъ, брошенный на исторію развитія другихъ наукъ, при-
водитъ насъ еще скорѣе и вѣрнѣе къ тому предложенію, которое
я желалъ бы здѣсь предварительно выставить, какъ имѣющее
значеніе всеобщее, дабы основать на немъ мой взглядъ на бли-
жайшія задачи краниологіи. Предложеніе это можетъ быть выра-
жено такимъ образомъ: человѣкъ носить въ себѣ внутреннюю по-
требность, принадлежащую ему, отыскивать причины вещей; по-
слѣднихъ причинъ онъ еще никогда не находилъ, но между тѣмъ
какъ онъ ихъ совѣстливо и ревностно отыскиваетъ, открывается
ему множество путей, представляющихъ виды на успѣхъ. Если
онъ съ твердою рѣшимостію пойдетъ по этимъ путямъ, то, от-
клоненный отъ главной цѣли, онъ хотя и немного къ ней при-
близится, за то открываются ему новыя области, обещающія бо-
гатую научную жатву, — области, которыя, онъ даже и не пред-
чувствовалъ; главная же цѣль становится для него по крайней
мѣрѣ яснѣе, хотя онъ едва ли можетъ сказать, что сколько-ни-
будь къ ней приблизился. Всякая значительная научная задача
подобна крѣпости, къ которой можно лишь медленно прибли-
жаться, посредствомъ траншей. Обыкновенно думаютъ взять ее
сначала внезапнымъ приступомъ, но скоро оказывается, что при
этомъ имѣлся въ виду лишь призракъ дѣйствительности, ея от-
раженіе въ духѣ нашемъ, а не самая дѣйствительность. Если же
подвигаемся медленно впередъ сапою труда подъ прикрытіемъ
фашинъ критики, то современемъ приблизимся по крайней мѣрѣ къ
цѣли и будемъ видѣть ее передъ собою въ болѣе опредѣленныхъ
очеркахъ; а между тѣмъ станемъ твердою ногою въ покоренныхъ
окрестностяхъ. Если изъ траншей нашихъ мы никогда не овла-

дѣемъ вполне крѣпостью, то это происходитъ отъ того, что — продолжая наше сравненіе — природа храбрый коммандантъ, не сдающійся даже и тогда, когда взяты передовыя укрѣпленія. Нѣтъ нужды доказывать справедливость этого предложенія. Я припомню только, что геологія сначала желала лишь узнать, какъ произошла и образовался земной шаръ; долго въ отвѣтъ на это довольствовалась она своими собственными предубѣжденіями; но попытка подтвердить фактами такія предложенія вызвала множество специальныхъ изслѣдованій, давшихъ въ отвѣтъ на первоначальный вопросъ весьма мало положительныхъ результатовъ, но весьма много за то отвѣтовъ на вопросы второстепенные; наконецъ черезъ самыя изслѣдованія научились, какъ надо изслѣдовать. Я позволю себѣ также припомнить, что астрономія не была бы тѣмъ, что она теперь, еслибы люди не чувствовали живой потребности узнавать, чѣмъ опредѣляется ихъ судьба, и еслибы они не искали отвѣта на это далеко между звѣздами. Такимъ образомъ научились наблюдать движенія планетъ, и пришли къ открытію законовъ, управляющихъ ими. Послѣ того какъ законы эти сдѣлались общеизвѣстными, всякій согласится, что хотя состояніе рода человѣческаго на различныхъ частяхъ земной поверхности и находится въ зависимости отъ положенія оси земли къ плоскости ея орбиты, однако ни одинъ благоразумный человѣкъ не будетъ стараться прочесть въ звѣздахъ судьбу своей отдѣльной личности. Такимъ образомъ величайшее торжество человѣческаго ума, *Кепплеро-Ньютоновское* ученіе, есть цвѣтокъ, распустившійся на величайшемъ изъ человѣческихъ заблужденій — астрологіи.

Если послѣ этого длиннаго отступленія, возвратимся снова на нашу дорогу, то будемъ въ состояніи уже быстрѣе идти по ней. Нельзя ли съ полнымъ правомъ утверждать, что сравненіе различій въ строеніи человѣческихъ головъ, или сравнительная антропологія вообще только теперь выходитъ изъ періода предубѣжденій, дабы вступить на путь болѣе строгихъ изслѣдованій? Линнеево, Бюффоново, Гунтерово, Циммерманово раздѣленіе человѣческаго рода на большія группы никто конечно не приметъ за что-либо большее, чѣмъ за остроумные взгляды. Но будетъ ли слишкомъ смѣлымъ утверждать, что и Блумменбахъ, какъ ни велика оказанная имъ заслуга собраніемъ матеріаловъ изслѣдованія, и та глубокая основательность, которой нельзя за нимъ не признать, считалъ себя однакоже въ силахъ сдѣлать больше, нежели сколько позволяли его средства, и сколько вообще можно было сдѣлать? Его раздѣленію человѣческаго рода на пять главныхъ породъ очевидно предпослана была мысль вывести происхожденіе его изъ одной основной формы и тѣмъ опредѣлить главную черту въ исторіи

человѣчества (1). Такимъ образомъ и почили вездѣ его ученіе, и это было конечно счастьемъ для этого періода, ибо тѣмъ только и приобрѣла сравнительная антропология столькожъ содѣйствующихъ и разнообразный матеріалъ для своихъ изслѣдованій, что считали возможнымъ сообщить всякому образованному человѣку сущность ея въ краткомъ очеркѣ.

Раздѣленіе человѣческаго рода на многочисленныя группы, предложенныя Бари де Сень-Венсаномъ и Демуленомъ, никогда не пользовалось такою популярностью. Я не имѣю нужды напоминать ни фактовъ, столь рѣшительно противорѣчащихъ простому ученію Блумменбаха, относительно Полинезій и Америки, ни попытокъ совершенно опровергнуть различія породъ, для доказательства, что еще не доставало твердой исходной точки, или по крайней мѣрѣ ариадниной нити для указанія пути въ этомъ лабиринтѣ.

Поэтому неудивительно, а напротивъ того весьма естественно, что и физиологи приняли съ своей стороны распредѣленіе человѣческаго рода на группы по языкамъ. Направленіе это господствуетъ въ большомъ сочиненіи Причарда, и конечно имѣетъ въ своемъ родѣ большое значеніе. Въмѣстѣ съ языкомъ передаются и особенности въ характерѣ умственныхъ представленій, которыя безъ сомнѣнія обуславливаютъ духовную жизнь народовъ, и съ теченіемъ времени не могутъ оставаться совершенно безъ вліянія на строеніе мозга, а черезъ это и на строеніе черепа. Но что будто бы сродство языковъ указываетъ на единство физическаго происхожденія и сопровождается сходствомъ въ физическомъ строеніи, — это одно лишь предположеніе, которое сочли удобнымъ принять, потому что желали группировать нагляднымъ образомъ, и притомъ такъ, чтобы группировка эта основывалась на физическомъ строеніи и происхожденіи. Но это предположеніе было похоже на *petitio principii* или говоря языкомъ Гербарта—уловка (*Erschleichung*). Если группируешь по языкамъ, то должно сознавать, что на основаніи ихъ именно и группируешь; а не на основаніи физическаго сродства. Чтобы въ этихъ взаимныхъ отношеніяхъ главныхъ и подчиненныхъ группъ имѣть право видѣть дѣйствительную исторію происхожденія этихъ группъ, надо бы предварительно доказать, что языкъ и именно внутреннее строеніе его (по которому болѣе чѣмъ по лексическому составу филологи опредѣляютъ сродство языковъ) не передается другому многочисленному народу различнаго происхожденія, хотя всякому извѣстно, что это бывало и ежедневно еще бываетъ съ небольшими

(1) § 85 третьяго изданія его знаменитаго сочиненія *De gen. hum. var. n.* не оставляетъ относительно этого ни малѣйшаго сомнѣнія.

племенами, которые окружены другими народами; или должно было быть доказано наоборот, что физические различия, замѣчаемыя въ народахъ, принадлежащихъ къ одной и той же большой группѣ языковъ, произошли впоследствии отъ вліянія климата и т. п.

Живительное начало, внесенное въ сравнительную антропологию изслѣдованіями Ретціуса, заключается, по моему мнѣнію, главнѣйше въ томъ, что онъ вовсе не спрашиваетъ о первоначальномъ происхожденіи, а доказываетъ и посредствомъ числовыхъ данныхъ дѣлаетъ нагляднымъ, какъ велики могутъ быть различія въ черепахъ народовъ, языки которыхъ всѣми считаются и безъ сомнѣнія должны считаться сродными. Если мы сопоставимъ среднія числа, выведенныя для нѣкоторыхъ важнѣйшихъ размѣровъ черепа, изъ множества произведенныхъ имъ отдѣльныхъ измѣреній, и для полученія достовѣрнаго результата присоединимъ къ нимъ среднія числа, выведенныя Гёвенемъ для череповъ Славянъ изъ измѣреній 2 череповъ Поляковъ и 15 Русскихъ такъ какъ среднія числа, полученныя для Славянъ Ретціусомъ, основаны на слишкомъ недостаточномъ матеріалѣ: (1 черепъ Чеховъ, 1 Поляковъ и 2 Русскихъ, изъ числа которыхъ 2 было гипсовыхъ),—то получимъ слѣдующую таблицу средней величины различныхъ размѣровъ головы въ миллиметрахъ:

	Наибольшая длина отъ лобной впадины (globella) до отдаленнѣйшей части затылка.	Высота отъ передняго края большаго затылочнаго отверстия (foramen magnum) до противоположной части темени.	Наибольшая ширина.
Шведы по Ретціусу.	190	135	147
Славяне —	170	136,5	151
— по Гёвену.	175	137	140
Финны по Ретціусу.	178	141	144
Лопари —	170	129	147

Одинъ взглядъ на эти числа показываетъ уже, что форма черепа Славянъ ближе подходитъ къ Финнамъ, чѣмъ къ Германцамъ, между тѣмъ какъ языкъ Славянъ принадлежитъ къ индоевропейскому корню, а языкъ Финновъ нѣтъ.

Это выказывается еще опредѣлительнѣе, если прочіе размѣры отнести къ длинѣ, принявъ ее у всѣхъ народовъ за 1000. Тогда получимъ:

	Длина.	Высота.	Ширина.
Шведы по Ретціусу.	1000	710,5	731,6
Славяне по Ретціусу.	1000	803	838,2
— по Гёвену.	1000	780	857
Русскіе по моимъ измѣреніямъ 30 головъ.	1000	778	835
Финны по Ретціусу.	1000	792	809
Лопари по Ретціусу.	1000	758,8	864,6

Изъ это видно, что черепа Финновъ имѣютъ относительно къ длинѣ значительно бѣльшую высоту и ширину чѣмъ Шведы; что Славяне по Гёвену имѣютъ почти одинаковую высоту съ Финнами, но еще бѣльшую ширину, въ отношеніи которой почти равняются съ Лопарями; что по моимъ измѣреніямъ Русскіе, безъ различія отдѣльныхъ племенъ, представляютъ хотя и не совсѣмъ столь широкіе черепа, какъ нашелъ это Гёвенъ при присоединеніи двухъ череповъ Поляковъ; но все же гораздо бѣлье широкіе, чѣмъ прочіе Индоевропейцы. По Реціусу различіе это было бы еще гораздо значительнѣе, но такъ какъ измѣренія его были дѣлаемы между прочимъ надъ двумя гипсовыми отливками, которые всегда больше своихъ оригиналовъ, и такъ какъ при этомъ были смѣшаны Чехи, Поляки и Русскіе, то числамъ его нельзя придавать большаго вѣса. Я послѣ буду имѣть случай показать, что даже между отдѣльными племенами Русскихъ замѣчаются чувствительныя различія. Но во всякомъ случаѣ и изъ этихъ измѣреній выходитъ тотъ общій результатъ, что Славяне гораздо короткоголовѣе Шведовъ.

Если же я возьму среднія числа изъ измѣреній характерныхъ Тунгузскихъ череповъ и вычислю изъ нихъ отношенія вышины и ширины къ длинѣ, то получу цифры, близко подходящія къ представляемымъ Шведами:

	Длина.	Вышина.	Ширина.
Шведы.	1000	710,5	731,6
Тунгузы.	1000	723	743

Слѣдовательно, тунгузскіе черепа немногимъ лишь выше и шире шведскихъ, или другими словами, Шведы немного длинноголовѣе. Но такъ какъ многіе германскіе народы также имѣютъ черепа менѣе длинные чѣмъ Шведы, — я самъ могъ это вымѣрить на черепахъ Голландцевъ — и такъ какъ я нахожу это для сѣверныхъ Британцевъ въ *Outlines of Anatomy* Монро; то я долженъ полагать, что относительныя числа размѣровъ тунгузскихъ череповъ почти одинаковы съ относительными числами размѣровъ череповъ германскихъ, если принимать въ расчетъ одни черепа. Части лица конечно весьма различны.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ:

1) Сходство въ языкахъ не составляетъ мѣрила для сродства въ физическомъ строеніи.

2) Дабы имѣть право заключать изъ сродства языковъ о физическомъ происхожденіи, должно быть предварительно доказано, что вліяніе внѣшнихъ физическихъ условий можетъ быть достаточно велико, чтобы произвести столь значительныя различія въ строеніи черепа, какъ тѣ, которыя замѣчаются между индо-

европейскими народами; о вліяніи же физическихъ условій имѣемъ мы до сихъ поръ лишь весьма немногія и весьма неточныя свѣдѣнія.

3) Что такое вліяніе, равно какъ и вліяніе духовнаго развитія на развитіе тѣла и наоборотъ, существуетъ, это кажется мнѣ неподлежащимъ никакому сомнѣнію. Я напому при этомъ о неоднократно сдѣланныхъ въ послѣднее время наблюденіяхъ, что негрскія племена наиболѣе удаляются отъ благороднѣйшаго человѣческаго типа тамъ, гдѣ будучи наиболѣе подвержены преслѣдованіямъ и разбоямъ племенъ, болѣе сильныхъ и промышленныхъ, принуждены укрываться въ самыхъ бесплодныхъ мѣстахъ, и подвергаются всякаго рода лишеніямъ.

4) Равнымъ образомъ нельзя еще заключить о происхожденіи по однимъ формамъ череповъ, ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы намъ отыскивать общую колыбель Германцевъ и Тунгузовъ. Короткость, высота и ширина черепа Малороссійанъ, съ почти перпендикулярно-спускающимся затылкомъ можно бы приписать болѣе примѣси татарской и монгольской крови, что дало бы повидимому удовлетворительное объясненіе большей короткоголовости ихъ сравнительно съ другими русскими племенами. Но Поляки и Чехи, которые, по крайней мѣрѣ въ историческое время, менѣе были смѣшаны съ Монголами чѣмъ Малороссійане, имѣютъ однакоже, какъ кажется, черепъ еще болѣе короткій и широкій, чѣмъ всѣ русскія племена.

Мнѣ кажется, что при такихъ условіяхъ, надо пока совершенно отодвинуть на задній планъ исторію распространенія человеческого рода: физиологія должна прежде всего заняться опредѣленіемъ нормальнаго устройства черепа отдѣльныхъ народовъ, выражаемымъ средними числами его размѣровъ, между тѣмъ какъ филологія будетъ съ своей стороны заниматься изслѣдованіемъ сродства языковъ. Если у народовъ, коихъ первоначальное сродство исторически достоверно, найдутся ощутительныя различія въ ихъ строеніи: то, чѣмъ положительнѣе будетъ установлена норма физического устройства, тѣмъ съ болѣшимъ правомъ можно будетъ заключать о вліяніи, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ измѣняющихся причинъ. Если ознакомятся при этомъ съ физическимъ устройствомъ до-историческихъ и древне-историческихъ народовъ, населявшихъ каждую страну; то можно будетъ судить о мѣрѣ вліянія смѣшенія съ другими народами. Но достигнуть ли когда-нибудь основательнаго взгляда на первоначальное распределеніе человеческого рода, это кажется мнѣ, по меньшей мѣрѣ, весьма сомнительнымъ.

Во всякомъ случаѣ, мы сдѣлаемъ уже шагъ впередъ, или положимъ по крайней мѣрѣ твердое основаніе для дальнѣйшаго раз-

вѣтїа сравнительной антропологїи, если изъ стремленїй, замѣчаемыхъ до сихъ поръ въ этой наукѣ, вынесемъ убѣжденїе, что и она, подобно всякой другой наукѣ, основанной на наблюденїи должна начать съ изслѣдованїа частныхъ, дабы выводить изъ нихъ въ послѣдствїи общїе результаты.

ИЗЪ БЕРЛИНА.

Въ умственной жизни Германїи, Берлину принадлежитъ почетное мѣсто, хотя и миновала уже блестящая пора Берлинскаго университета, имѣвшаго вліяніе на образованность чуть не всей Европы. Несмотря на то, что онъ не обладаетъ прежнею прїягательною силой для людей любознательныхъ, благотворное дѣйствїе его на образованїе молодаго поколѣнїа отнюдь не прекратилось. Отсутствие всепокоряющаго авторитета даетъ полную свободу для умственнаго развитїа. Преподаватели имѣютъ, благодаря времени и успѣхамъ общественной жизни, много средствъ для вѣрной оцѣнки историческихъ явленїй. Въ былое время, одна колоссальная личность привлекала общее удивленїе, одну систему считали вѣнцомъ челоуѣческаго творчества; но тѣмъ свободнѣе и многостороннѣе становится критика, тѣмъ ярче и полнѣе обрисовываются явленїя и лица, забытыя или отверженныя въ эпоху философской автократїи. Лѣтъ около тридцати тому назадъ, о Кантѣ отзывались съ такимъ равнодушіемъ, съ какимъ говорятъ о вещахъ имѣвшихъ только временный интересъ; теперь отдають должную справедливость глубинѣ Кантова мышленїа и заслуги его одинаково признаются и философами, и эстетиками, и юристами. Въ возможности историческаго, самостоятельнаго образованїа, безъ подчиненїа авторитету, живому или мертвому, заключается выгода положенїа современнаго университетскаго юношества въ Германїи, отчасти даже и сравнительно съ поколѣнїемъ, образовавшимся въ блестящую пору нѣкоторыхъ университетовъ.

Независимо отъ университета, обильную пищу для любознательности представляють здѣшняя королевскяя библіотека и музеи. Не входя въ подробное описанїе берлинской публичной библіотеки, я коснусь только того отдѣла, который имѣетъ интересъ преимущественно для русскаго путешественника: я говорю о книгахъ и руко-

писяхъ на русскомъ языкѣ или по содержанію относящихся къ Россіи Русскія книги не рѣдкость въ бібліотекахъ иностранныхъ, но иногда онѣ въ самомъ умѣренномъ количествѣ и оригинально размѣщены: такъ въ одной бібліотекѣ, въ шкапу съ надписью: «русскіе поэты», стоятъ *Избранныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ*, трагедіи Хераскова, проповѣди Иннокентія и одна валахо-молдавская книга. Въ нѣкоторыхъ же бібліотекахъ собрано довольно много русскихъ книгъ по разнымъ отраслямъ. Въ берлинской бібліотекѣ есть сочиненія Ломоносова, Карамзина, Жуковского, и т. д.; грамматика Ломоносова 1755 г. съ приложеніемъ двухъ эпистолъ Сумарокова: о русскомъ языкѣ и о стихотворствѣ, съ примѣчаніями въ родѣ слѣдующаго: «Шекеспиръ, англійскій трагикъ и комикъ, въ которомъ и очень хороша и чрезвычайно хорошева очень много». Изъ рукописей весьма любопытны разговоры на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ пословицами и поговорками XVI—XVIII вѣка; большею частію рѣчь идетъ о торговлѣ, иногда же и о другихъ предметахъ, интересныхъ для путешественника, соединяющаго пользу съ удовольствіемъ, болѣе или менѣе позволительнымъ. Разговоры и фразы не лишены иногда колорита: Какова земля, такова правда, вѣра и обычай; Не дай Богъ съ сильнымъ бороться, да съ богатымъ тягаться; Говори по памяти, да по правдѣ; Ваши люди неправедны; Какова земля, такова правда; Наша земля богата людьми да не зодотомъ; Нѣмецки люди живутъ погосподарски, да ваши какъ собаки; Сколько фѣства тебѣ даетъ твой господарь ко столу? Хороша ли твоя господарня, любитъ ли нѣмецкихъ молодцовъ? Хороша молодица, пойдемъ щипати орѣховъ; Коли тебя вижу, утѣшается тобой мое сердце, и т. п. Изъ позднѣйшаго времени интересенъ дневникъ Цукмантеля, 1755 (56) г. (Ms. gall. Oct. № 9), въ послѣдствіи получившаго мѣсто пастора въ Петербургѣ: преемникомъ его былъ Бюшингъ. Пріѣхавши въ страну незнакомую, Цукмантель тщательно записывалъ свои впечатлѣнія, какого бы рода они ни были, отъ рѣдкостей въ оранжереѣ до проекта освобожденія крестьянъ, о чемъ благородные люди думали уже въ половинѣ прошлаго столѣтія. Цукмантель посѣщалъ и ученыхъ, и мастерскія, и русскія церкви, и общественныя собранія. Въ академіи засталъ онъ большую дѣятельность: въ географическомъ кабинетѣ изготовляли карту Каспійскаго моря; въ другой комнатѣ около тридцати мальчиковъ занимались копированіемъ эстамповъ и моделей; третья зала назначена была для скульптурныхъ работъ. Онъ былъ пораженъ необыкновеннымъ искусствомъ молодого русскаго художника въ рѣзбѣ на камнѣ и металлѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне скуднымъ вознагражденіемъ за трудъ. Цукмантель нѣсколько разъ говорилъ съ

лицами духовными. Въ Александрo-Невскомъ монастырѣ онъ познакомился съ монахомъ, который съ одинаковою почти легкостью говорилъ полатыни, пофранцузски и понѣмецки; онъ учился сперва въ корпусѣ, потомъ въ академіи, и служилъ капитаномъ; занимаясь въ монастырѣ богословіемъ, монахъ не могъ безъ восторга говорить о теологическихъ сочиненіяхъ Теофана Прокоповича, къ крайнему изумленію своего собесѣдника, не понимавшаго той отважности и рѣшительности, съ которою Прокоповичъ судилъ и рѣдилъ о предметахъ самыхъ непостижимыхъ. Бывши у вечера, нашъ путешественникъ нашелъ, что монахи не показываютъ большой набожности, помѣщаясь большею частію у открытыхъ оконъ. О бѣломъ духовествѣ онъ говоритъ, что въ немъ рѣзко различаются два класса: одни ходятъ въ такихъ грязныхъ лохмотьяхъ, какихъ никакъ не ожидаешь въ столицѣ, другіе же въ богатыхъ рясахъ и подрясникахъ, делясь съ особенною заботливостію свои густыя и окладистыя бороды. Вообще замѣчаетъ онъ о духовествѣ, что оно составляетъ весьма немногочисленный классъ, и съ перваго разу бросается въ глаза, что Россія не страна поповъ: *on s'apperçoit d'abord que ce n'est le païs des prêtres*. Бесѣдуя съ петербургскими старожилами, Цукмантель записывалъ ихъ разказы; одинъ изъ нихъ показался ему особенно интереснымъ: онъ относился ко временамъ Анны Іоанновны. Одинъ французскій щеголь, заѣхавши въ Петербургъ, отправился въ дворцовый садъ, въ которомъ на ту пору гуляла императрица съ придворными. Хотя запрещено было впускать постороннихъ, но Француза впустили, потому, прибавляетъ Цукмантель, что русская стража смотритъ только на платье и наружность: будь только одѣтъ щеголемъ да гляди нахаломъ, сейчасъ примутъ за важную особу и пропустятъ куда угодно. Французъ расхаживалъ, какъ будто бы онъ былъ въ Версали или Тюльери, и, встрѣтившись съ императрицею, не оказалъ ей никакого знака почтенія. На вопросъ, кто онъ и по какимъ дѣламъ пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ отвѣчалъ только, что онъ Французъ и тратитъ собственныя деньги. Его оставили въ покоѣ, но отдано стражайшее приказаніе не выпускать его изъ сада и не давать ему ничего съѣстнаго. Нагулявшись досыта, Французъ пытался было выйдти, но какъ всѣ входы и выходы, за исключеніемъ спуска къ каналу, были заперты, то онъ долженъ былъ провести ночь на сырой травѣ. На другой день плѣнникъ напрасно умолялъ солдатъ принести ему хоть кусокъ хлѣба; замѣтивъ спускъ къ каналу, онъ рѣшился воспользоваться своимъ открытіемъ, и съ наступленіемъ ночи отправился по каналу, до половины въ водѣ, воображая, что перехитрилъ оплошную стражу. Подобно привычкѣ военной стражи встрѣчать по платью, мирные нравы класса чиновниковъ легко ста-

новились извѣстными путешественнику, сколько-нибудь внимательному. Въ то время большой интересъ возбуждала камчатская экспедиція, и неудачу ея объясняли раздорами чиновниковъ, дальностию пути и тѣмъ, что не хотѣли повиноваться царскимъ указамъ, говоря: Богъ высоко, а царь далеко. Прекрасной поры для Россіи ожидаетъ Цукмантель отъ юнаго еще тогда Московскаго университета: быть-можетъ, говоритъ онъ, этотъ университетъ разовьетъ любовь къ наукамъ у народа, между которымъ много свѣтлыхъ и остроумныхъ головъ. Самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ изъ тѣхъ, съ которыми Цукмантель встрѣчался въ Петербургѣ, былъ Эйзенъ, пасторъ лифляндской церкви на озерѣ Пейпусѣ. Онъ приготовилъ къ печати сочиненіе о необходимости освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ землею, что принесло бы существенную пользу и правительству, и помѣщикамъ, и крестьянамъ. Но трудно будетъ, замѣчаетъ Цукмантель, получить позволеніе напечатать эту вещь, потому что въ Россіи не любятъ подобнаго рода перемѣнъ. Какая судьба постигла благородный по мысли проектъ? А о проектахъ Эйзена отзывался съ большимъ уваженіемъ самъ Шлецеръ, врагъ прожектеровъ; онъ называетъ Эйзена гениальнымъ человѣкомъ, и удивляется въ проектахъ его множеству превосходныхъ идей, направленныхъ къ одной цѣли—содѣйствовать счастью Россіи.

Говоря о книгахъ и рукописяхъ библіотеки, нельзя не замѣтить, что берлинская библіотека принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ въ Европѣ. Особенною извѣстностью пользуется находящееся въ ней самое полное собраніе разнообразныхъ матеріаловъ для исторіи музыки. Для изученія другихъ искусствъ прекрасною школою могутъ служить музеи, старый и новый. Много художественныхъ произведеній находится въ залахъ музеевъ; но что составляетъ славу Берлина, такъ сказать, мѣстную, исключительно ему принадлежащую, это фрески новаго музеума. Рядъ стѣнныхъ картинъ, писанныхъ Каульбахомъ, высоко цѣнится нѣмецкими художниками; и путешественникъ, прибывшій въ Берлинъ на самое короткое время, заѣзжаетъ посмотрѣть на фрески Каульбаха. Кто видѣлъ картоны этихъ фресокъ на мюнхенской выставкѣ, тотъ едва ли не согласится, что нѣкоторые картоны стоятъ выше въ художественномъ отношеніи, нежели ихъ исполненіе; краски не возвышаютъ, а ослабляютъ впечатлѣніе: то же самое находятъ, сравнивая фрески Корнелиуса съ ихъ картонами. Но что даетъ преимущество берлинскимъ картинамъ Каульбаха передъ тѣми, которыя были на мюнхенской выставкѣ, это цѣльность впечатлѣнія. Только въ той совокупности и послѣдовательности, въ какой они представляются глазамъ въ берлинскомъ музеумѣ, открывается идея, опредѣляющая ихъ значеніе. Основ-

ная идея картинъ Каульбаха—представить развитіе человечества въ его главнѣйшихъ фазисахъ у различныхъ народовъ и въ разныя времена. Сообразно съ этою цѣлью, первая картина изображаетъ разрушеніе вавилонской башни, какъ первое великое событіе въ исторіи человечества, повлекшее за собою раздѣленіе на народы. Вторая картина, Греки и Гомеръ, представляетъ цвѣтущее состояніе греческой цивилизаціи, имѣвшее вліяніе на развитіе народовъ, въ послѣдствіи выступившихъ на историческое поприще. Въ картинѣ разрушенія Іерусалима художникъ представилъ паденіе іудейства подъ ударами римскаго міра и водвореніе новой религіи. Въ завоеваніи Святаго Гроба крестоносцами изображенъ внѣшній историческій триумфъ христіанства, и т. д. Отдѣльные лица служатъ также представителями историческихъ эпохъ: Солонъ олицетворяетъ греческій міръ, Моисей—іудейскій, Карлъ Великій—средне-вѣковой германскій, и т. п.

Я не хочу впрочемъ подробно говорить съ вами о всѣхъ достопримѣчательностяхъ Берлина, какъ представителя умственной жизни всей Германіи. Но имѣя въ виду всю Германію, не могу не сказать объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій ея умственной жизни, о литературной критикѣ. Литературная критика въ Германіи является преимущественно или въ формѣ статей въ спеціальныхъ изданіяхъ или въ исторіяхъ литературы. Къ числу спеціальныхъ изданій присоединился въ концѣ прошлаго года журналъ для романской и англійской литературы—*Lehrbuch für romanische und englische Literatur* издаваемый г. Эбертомъ и Вольфомъ въ Берлинѣ. Въ немъ помѣщенъ весьма дѣльный, написанный г. Эбертомъ разборъ книги Лакруа о вѣдѣніи Шекспира на французскій театръ. Но состояніе литературной критики, въ смыслѣ обширномъ, всего яснѣе обнаруживается въ исторіяхъ литературы. Самое полное обзорнѣе нѣмецкой литературы девятнадцатаго вѣка представляетъ трудъ Юліана Шмидта, вышедшій въ 1858—1859 году четвертымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: *Исторія нѣмецкой литературы со смерти Лессинга*. Авторъ, не ограничиваясь одними поэтическими произведеніями, рассматриваетъ различныя отрасли духовной дѣятельности, опредѣляетъ значеніе и поэтовъ, и ученыхъ по разнымъ спеціальностямъ, преимущественно историковъ и знаменитыхъ художниковъ. Книга Шмидта имѣетъ двойной интересъ, во первыхъ, какъ произведеніе одного изъ умнѣйшихъ и даровитѣйшихъ критиковъ современной Германіи, во вторыхъ, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія. Направленіе критики г. Шмидта либеральное въ благороднѣйшемъ, то-есть настоящемъ значеніи этого слова; свобода и совѣсть—его принципы. Вѣрный духу избранной имъ эпохи, г. Шмидтъ съ особенною подробностію говоритъ о связяхъ

литературныхъ произведеній съ развитіемъ общественной жизни. Конецъ восемнадцатаго и начало девятнадцатаго столѣтія былъ для Германіи вѣкомъ художественной дѣятельности, отрѣшенной отъ жизни дѣйствительной; въ послѣдующіе періоды дѣйствительность все болѣе и болѣе предъявляла свои права; поэты становились внимательнѣе къ ея призывамъ; литература все болѣе и болѣе пріобрѣтала практическое значеніе, и притомъ, нельзя не сознавать того, въ ущербъ значенію поэтическому. Самъ г. Шмидтъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ этого направленія. Свободное творчество, чистое отъ практическихъ связей съ жизнью, мало привлекаетъ его къ себѣ. «Жизнь, говоритъ онъ съ очевидною односторонностію взгляда, для насъ теперь болѣе нежели искусство, дѣло для насъ дороже лица, нравственная сила важнѣе прекрасной формы, определенное отечество вытѣснило собою отжившій космополитизмъ». Но это не мѣшаетъ г. Шмидту оцѣнивать съ полнымъ безпристрастіемъ степень участія писателей въ интересахъ общественной жизни. Тонъ его критики—спокойный и вмѣстѣ съ тѣмъ живой и увлекательный, обнаруживающій сочувствіе автора, которое всегда направлено вѣрно и всегда въ ладу съ общественнымъ мнѣніемъ. Такъ какъ автору приходится говорить о самыхъ современныхъ, животрепещущихъ явленіяхъ, то его тонъ становится иногда ироническимъ, не измѣняя впрочемъ своего достоинства. Слѣдуя методу говорить словами разбираемыхъ авторовъ, онъ такъ искусно заставляетъ ихъ вполне высказаться, что иронія заключается во внутренней несостоятельности нѣкоторыхъ мнѣній, мастерски сгруппированныхъ историкомъ литературы. Тѣ же свойства, хотя и не въ одинаковой степени, замѣчаются и въ другомъ произведеніи того же автора, въ его *Исторіи французской литературы со времени революціи*, изданной въ 1858 году. Чтобы познакомить вашихъ читателей, хотя отчасти, съ характеромъ критики г. Шмидта, я приведу сужденіе его о писателѣ, имѣвшемъ сильное вліяніе на современниковъ.

Жоржъ-Сандъ, говоритъ онъ, имѣетъ какъ страстныхъ защитниковъ, такъ и ожесточенныхъ порицателей. Въ ея твореніяхъ выражается неподдѣльный жаръ чувства, и даже сквозь сѣтъ парадоксовъ виднѣется слѣдъ внутренней истины и теплоты. Отъ этой теплоты образы ея получаютъ жизнь и движеніе, которое заставляетъ насъ вѣрить ихъ истинѣ. Когда она впадаетъ въ горячку рефлексіи, она осыпаетъ хулою божество, но когда живетъ и чувствуетъ, она не отрицаетъ Бога, вѣдающаго сердца. Прелесть отдѣльныхъ изображеній изъ міра природы и человечества такъ велика, они набросаны гакою легкою и вѣрною рукою, что напоминаютъ неподражаемое искусство Гёте.

Слабая сторона произведеній Жоржъ-Санда заключается, прежде всего, въ нравственной незрѣлости ея мыслей. *Индіана*, первый самостоятельно написанный романъ,—книга безнравственная, не потому, что касается сомнительныхъ предметовъ, а потому, что сужденіе о нравственныхъ задачахъ останавливается на полудорогѣ. Въ *Валентинѣ* множество софизмовъ, но она—шагъ впередъ въ сравненіи съ *Индіаною*: въ порывахъ страсти болѣе истины, различные слои общества первыхъ временъ реставраціи изображены превосходно. *Лелія* — не романъ, а сборъ парадоксовъ, вложенныхъ въ уста трехъ лицъ; одно изъ нихъ находитъ даже, что страсть къ игрѣ требуетъ болѣе героизма, нежели война: воинъ рискуетъ *только* своею жизнью, а игрокъ—своею честью! Всякая любовь истинна, говоритъ Жоржъ-Сандъ, будетъ ли она спокойная или бурная, духовная или чувственная, продолжительная или скоропреходящая. Чувственная любовь можетъ быть облагорожена и освящена борьбою и жертвами. Каждая любовь истощаетъ, за нею должно слѣдовать отвращеніе и печаль; связь мужчины съ женщиною должна быть кратковременна, все противорѣчить ея продолжительности, и перемѣна—необходимое условіе ея. Приведа эти парадоксы, г. Юліанъ Шмидтъ замѣчаетъ, что истинная поэзія страсти заключается не въ борьбѣ со внѣшними препятствіями, а въ столкновеніи внутреннихъ стремленій сердца. Первая страсть въ дѣвушкѣ нравственной и религіозной борется со страхомъ и робостью, возвышающими ея прелесть. Такая страсть можетъ быть изображена только поэтомъ, обладающимъ великимъ драматическимъ талантомъ, подобно Эврипиду, Шекспиру, Кальдерону. Но у Жоржъ-Санда преобладаетъ лиризмъ, притомъ она привыкла сравнивать и разсуждать, дѣлать изъ страсти доктрину. Несмотря на жаръ, наполняющій изображаемыхъ ею женщинъ, чувствуется тайный холодъ ихъ сердца; за ихъ идеальными стремленіями скрывается пламя чувственности. Рѣчь Жоржъ-Санда восходитъ иногда до высочайшей степени поэзіи, но, собственно говоря, мыслямъ не достаетъ обыкновенно того высшаго благородства, которое не въ духѣ эпикурейской философіи восемнадцатаго вѣка, а Жоржъ-Сандъ, не только по уму, но и по сердцу, истая дочь этого столѣтія. По сближеніи ея съ социалистами, ея романы получаютъ особый колоритъ; ихъ обычная тема — ненависть къ буржуазіи и отвратительному эгоизму, господствующему въ этомъ классѣ общества. Вліяніе Жоржъ-Санда и другихъ писателей на современность видно уже изъ того, что Жоржъ-Сандъ редижировала манифесты г. Ледрю-Родлена, а Сю отправленъ былъ социалистами депутатомъ въ національное собраніе. Но при всей односторонности нѣкоторыхъ

изъ романовъ Жоржъ-Санда, талантъ ея вывелъ ее на новую, прекрасную дорогу. Литературное изображеніе народа, какъ собирательнаго лица, которому должны приноситься въ жертву отдѣльныя личности, побудило ее углубиться въ народную жизнь. Цѣлый рядъ идиллій, въ родѣ *La mare au diable*, *François le champi* и другихъ, народныхъ и по духу и по языку, должно признать лучшими перлами французской поэзіи; они дѣлаютъ еще большее впечатлѣніе, если сравнить ихъ съ сельскими повѣстями Ламартина, напоминающими пасторали времени рококо. Что касается до общаго характера произведеній Жоржъ-Санда, то онъ объясняется изъ общественныхъ условій среды, въ которой развивался ея талантъ. Ея идеи о призваніи женщины и о любви показываютъ основную ошибку новѣйшаго католическаго образованія, рѣшительное отдѣленіе идеала отъ дѣйствительности. Протестантизмъ выводитъ, хотя и окольнымъ путемъ, долгъ изъ самой природы человѣка, и исполненіе долга полагаетъ въ предѣлахъ и интересахъ дѣйствительной жизни. Католицизмъ видитъ въ долгѣ проявленіе иной, вышечеловѣческой воли, стоящей внѣ природы и дѣйствительности. Бракъ въ католичествовѣ, повидимому, вещь священная; какъ таинство, онъ неразрывенъ. Къ этому присоединяется романское понятіе о чести, которое во Франціи хотя и не достигло такой крайности, какъ въ Испаніи, но довольно сильно для того, чтобы передъ всякимъ судомъ оправдать умерщвленіе нарушителя брака. Но при внимательномъ разсматриваніи оказывается иное. Святое состояніе, по понятію католичества, не бракъ, а безбрачіе, и бракъ разсматривается въ нѣкоторомъ смыслѣ какъ вина. Согласно съ этимъ, и въ понятіяхъ общества, при нарушеніи брака, стыдъ падаетъ не на оскорбившаго, какъ у протестантовъ, а на оскорбленнаго, и общественное мнѣніе какъ будто не видитъ въ винѣ ничего безчестнаго. Когда Французы не смѣются надъ чувствомъ, они неволью отдаются власти чувства, и утончаютъ его до послѣдней степени. Нѣмцы мучатся отъ избытка страсти, Французы наслаждаются ею до пресыщенія, будучи увѣрены, что могутъ мгновенно страхнуть ее: отсюда эксцентрическія теоріи, отсюда усилія возвести до правила всѣ исключенія и болѣзненные случаи.

Къ подобному же результату, хотя и совершенно другимъ путемъ, пришелъ соціальный критикъ современной Франціи, г. Прудонъ. Всего болѣе возбуждаетъ негодованіе г. Прудона любимая идея Жоржъ-Санда—эманципація женщинъ, съ ея неизбежнымъ слѣдствіемъ, уничтоженіемъ брака. Г. Прудонъ—ревностный защитникъ брака; онъ поражаетъ строгимъ укоромъ всякую мысль, подрывающую нравственное и гражданское значеніе брака. Рѣзкій при-

говоръ знаменитой писательницѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе ея гениальною женщиною объясняется идеями г. Прудона о призваніи женщины. Такъ какъ общество, говоритъ онъ, слагается изъ трехъ силъ: труда, знанія и справедливости, то и значеніе женщины опредѣляется въ этихъ трехъ отношеніяхъ, и можетъ выразиться такъ: муштина, въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи, выше женщины болѣе, нежели въ три раза, именно какъ 27: 8. Такая математическая точность нужна г. Прудону для вывода, что въ такой же пропорціи и вліяніе мужчины должно превышать вліяніе женщины: авторъ имѣетъ при этомъ въ виду женщинъ эманципированныхъ, стремящихся освободиться отъ какого бы то ни было вліянія. Но когда рѣчь идетъ о женщинѣ вообще, и преимущественно о женѣ, признающей святую браку, тонъ неумолимаго судьи переходитъ въ самый нѣжный лиризмъ. «Женщина, говоритъ г. Прудонъ, есть олицетворенная совѣсть человѣка; она—воплощеніе его юности, его разума и правды, всего, что есть въ немъ чистѣйшаго, искреннѣйшаго и благороднѣйшаго; она—идеалъ человечества, послѣднее и совершеннѣйшее изъ твореній. Но руководить обществомъ, открывать ему новые пути и создавать теоріи — не согласно съ призваніемъ женщины; женщина, это — зеркало, отражающее солнце, призма, преломляющая лучи свѣта; но спросите у зеркала о теоріи свѣта, и какой же отвѣтъ получите отъ него?...» Для критика съ такими идеями невыносима мораль Жоржъ-Санда. Вдохновеніе гнѣва, которымъ проникнуты обличительныя слова г. Прудона, вызвано современнымъ ему состояніемъ французскаго общества. Тонъ нѣмецкаго критика гораздо спокойнѣе и приговоры умѣреннѣе, хотя въ сущности нисколько не сходительнѣе.

Также безпощадна и критика произведеній Гейне, въ *Исторіи нѣмецкой литературы*. Признавая высокое художественное значеніе поэзіи Гейне, г. Юліанъ Шмидтъ разоблачаетъ его внутренней міръ, показываетъ шаткость его убѣжденій, несостоятельность его какъ поэта-гражданина. Вѣчная насмѣшка у Гейне, говоритъ критикъ, лишена глубокаго смысла и даже того значенія, какое она имѣетъ, на примѣръ, у Вольтера. Будучи крайне неразборчивъ въ выборѣ предметовъ, Гейне топчетъ въ грязь всѣ заветныя преданія. Смѣясь надъ порабощеніемъ Германіи, онъ не затрудняется слагать хвалебные гимны деспоту Наполеону. Изъ всѣхъ видовъ, въ которыхъ обнаруживается религіозная жизнь народовъ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ смѣется надъ протестантизмомъ, идущимъ рука объ руку съ гражданскимъ развитіемъ народа. Когда политическія идеи не выработались еще вполне, Гейне считали демократомъ; но его наклонности были скорѣе аристократическія, и будучи готовъ хранить, какъ святую, оковы идеальнаго реме-

сленника, онъ чуждался живаго ремесленника, носящаго дѣйстви- тельныя оковы; воображеніе его было большею частью въ раз- ладѣ съ его умомъ и сердцемъ.

Какъ ни строги приговоры г. Юліана Шмидта, его негодованіе, какъ и его симпатія, выходятъ изъ благороднаго источника; удары его направлены на двоедушіе, внутренней разладъ, отсутствие принциповъ. Онъ осуждаетъ политическіе дивирамбы нѣкоторыхъ поэтовъ именно за то, что ихъ тенденціи такъ же мало искренни и состоятъ изъ однихъ фразъ, какъ и прежнее ихъ удивленіе красо- тамъ природы, полевымъ цвѣтамъ и гѣнистымъ рощамъ. Но критика г. Юліана Шмидта, при всей беспощадности своей, умѣетъ отдавать должное каждому писателю и направленію. Признавая за совре- меннымъ поколѣніемъ несомнѣнный успѣхъ, онъ признаетъ и за- слуги предшествовавшихъ дѣятелей, стремившихся спасти обще- ство отъ его нравственнаго паденія. Въ восемнадцатомъ столѣтіи, и ранѣе, нѣмецкое общество представляло печальное зрѣлище внутренняго безсилія и разлада. Высшій классъ былъ совершенно чуждъ народной жизни, въ немъ господствовали французскіе нравы и французскій языкъ; народъ коснѣлъ въ рабствѣ, по- давленный чиновничествомъ и преобладаніемъ военнаго сословія; низкая лесть передъ знатью, крайняя ограниченность въ мнѣні- яхъ, постыдная терпимость къ вопіющей безмыслицѣ и не- правдѣ, условная нравственность — были стихіями тогдашняго общества. Идеалисты стремились путемъ искусства приве- сти народъ къ справедливости и нравственности; если путь ихъ и не самый прямой, то имъ все-таки принадлежитъ честь великаго дѣла: они достигли своей цѣли, научили самостоя- тельно мыслить и чувствовать, и на потомкахъ лежитъ долгъ про- должать ихъ святое дѣло. Много препятствій встрѣчаетъ оно въ настоящее время, но передовые люди не должны класть оружія. Подобно Шиллеру, современный критикъ высказываетъ убѣжде- ніе, что свободу *подарить* нельзя, что она должна самостоятельно быть выработана, войти въ плоть и кровь людей мыслящихъ, безукоризненныхъ и въ словѣ и въ дѣлѣ. Чѣмъ глубже и чище убѣжденія передовыхъ людей, тѣмъ ближе время благотворной побѣды.

М. Сухомлиновъ.

РУССКОЕ СТАРОБРЯДСТВО.

Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутренними состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII. Опытъ историческаго изслѣдованія о причинахъ происхожденія и распространенія русскаго раскола, соч. А. Щапова. Казань. Изданіе книгопродавца И. Дубровина. Въ университетской типографіи 1859. in-8. Стр. III и 547. Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 руб. 50 к. сер.

Издаваемый при казанской духовной академіи *Православный Собесѣдникъ* обратилъ на себя въ послѣднее время общее вниманіе мыслящихъ людей. Редакторы и сотрудники этого журнала статьями самаго разнообразнаго содержанія, написанными увлекательно и чистосердечно, въ короткое время успѣли познакомить читателей со многими историческими фактами, съ разными вопросами догматическими, и возвысили значеніе своего изданія рѣдкими внутренними достоинствами. Статьи ихъ, доказывающія обширную ученость, проникнуты постоянно живою мыслію, сознаніемъ требованій современности, отличаются направленіемъ истинно-христіанскимъ, чуждымъ исключительности и узкихъ воззрѣній; онѣ исполнены терпимости и горячей любви къ человѣчеству, и не наводнены общими мѣстами и отвлеченными, безплодными сентенціями, мертвящими самую живую и благодѣтельную истину.

Къ числу сотрудниковъ *Собесѣдника* принадлежитъ авторъ новой книги о расколѣ г. Щаповъ. Понятно, съ какимъ любопытствомъ принялись мы за его сочиненіе, ожидая найти въ немъ вѣрное пониманіе предмета и разъясненіе его съ новыхъ сторонъ, съ которыхъ расколъ не былъ разсматриваемъ въ новѣйшихъ о немъ изслѣдованіяхъ. Ожиданія эти не обманули насъ, и мы нашли въ книгѣ г. Щапова именно то, если не болѣе того, чего могли ожидать.

Авторъ говоритъ въ предисловіи (стр. III), что сочиненіе его «издается не для ученыхъ специалистовъ, а больше для неученой публики». Тѣмъ лучше. Если въ наше время чрезвычайно нужны спеціальныя изслѣдованія и монографіи, то тѣмъ не менѣе желательно, чтобы спеціалисты, уже обогатившіе себя достаточнымъ запасомъ матеріала и успѣвшіе выработать вѣрный взглядъ на свой предметъ, передавали добытыя ими богатства непосвященнымъ въ его тайнства. Этимъ непосвященнымъ по большей части приходится, на практикѣ, въ жизни, сталкиваться съ явленіями и людьми, которыхъ особенности имъ неизвѣстны; имъ необходимо бываетъ знать результаты вѣрнаго и добросовѣстнаго

изученія ихъ, а жизнь не ждетъ и требуетъ дѣятельности. Пусть же предметъ обогащается новыми открытіями; но не должно оставлять подъ спудомъ того, что уже знаешь и въ чемъ твердо убѣжденъ. Это особенно важно въ дѣлахъ, которыя по преданію и по разнымъ разчетамъ, многіе хотятъ еще и теперь облекать какою-то тайною и обречь ихъ храненію за семью печатами, причемъ непосвященные вводятся въ заблужденіе, а посвященные могутъ дѣйствовать произвольно и пожалуй несправедливо, не опасаясь обличенія, и даже разчитывая на одобреніе большинства непосвященныхъ.

Г. Щаповъ принадлежитъ къ числу тѣхъ изслѣдователей, которымъ грѣхъ было бы не подѣлиться съ публикой плодами своихъ изученій. Начнемъ съ того, что рѣдко можно у насъ встрѣтить въ сочиненіяхъ о расколѣ такое разнообразіе матеріаловъ, какое было въ распоряженіи автора. Къ чести его должно сказать, что въ этомъ отношеніи онъ дѣйствуетъ съ совершеннымъ безпристрастіемъ, и что это безпристрастіе даетъ его книгѣ характеръ настоящаго изслѣдованія, а не обвинительнаго акта противъ одной стороны, составленнаго съ цѣлю сочинить панегирикъ другой. Г. Щаповъ не ограничиваетъ своихъ указаній ссылками на одинъ извѣстный циклъ книгъ и рукописей, сдѣлавшихся неперемѣнными и неизмѣнными источниками доказательствъ и воззрѣній, которыя обратились уже въ пошлыя общія мѣста, притомъ же еще и искажающія истину. Онъ изо всего извлекаетъ то, что ему нужно, и на сколько ему нужно, для того чтобы взвѣсить и оцѣнить явленія и событія, хладнокровно извлечь истину изъ показаній разныхъ сторонъ и высказать свое убѣжденіе. Въ этомъ процессѣ нерѣдко давно извѣстныя, но худо понятыя или нарочно невѣрно истолкованныя свидѣтельства являются въ новомъ свѣтѣ, болѣе истиннымъ, и перестаютъ быть неправою защитою для однихъ и ложнымъ обвиненіемъ противъ другихъ. Фактамъ, свидѣтельствующимъ противъ одностороннихъ фанатическихъ воззрѣній, дано болѣе мѣста, на основаніи мудраго правила: *audiatur et altera pars*. Г. Щаповъ пользовался множествомъ рукописныхъ памятниковъ, сочиненіями писателей свѣтскихъ, правительственными актами, показаніями иностранцевъ и пр.; на эти свидѣтельства довольно скупы были его предшественники.

Такіе приемы ученой работы высказались вполне въ характерѣ труда почтеннаго автора. Взглядъ его отличается вѣрностію и безпристрастіемъ; въ немъ нѣтъ и слѣда какой-либо худо скрытой вражды, или слѣпой злобы, беспощадно укоряющей отщепенцевъ и не хотящей видѣть, что не одно ихъ упорство и невѣжество причинили печальныя явленія нашей церковной исторіи, а весь ходъ ея событій, весь складъ народной жизни и особенно пороки тѣхъ

которые потомъ стали сами его преслѣдовать. Авторъ не оправдываетъ вполнѣ и не осуждаетъ вполнѣ отдѣльныхъ событій или личностей, не приписываетъ имъ однимъ происшедшихъ бѣдствій, а скорбитъ о ихъ заблужденіяхъ, какъ христіанинъ, связываетъ не одни церковныя, но и политическія и гражданскія отношенія народа общемою нитью, и старается прослѣдить исторически ходъ мысли, ихъ оживляющей. Въ этомъ отношеніи трудъ его носитъ на себѣ печать современной науки, не останавливающейся на внѣшнихъ признакахъ, а ищущей смысла событій въ историческихъ судьбахъ народа, въ его духѣ и во всемъ, что имъ пережито. Такимъ образомъ авторъ представляетъ живую картину нравственно-религіозной жизни русскаго народа и наводитъ читателя на новыя мысли и соображенія. Г. Щаповъ не рассказываетъ подробно внѣшней истории раскола, онъ и въ заглавіи своей книги не объщаетъ этого. Его дѣло представить совокупность тѣхъ обстоятельствъ, которыя слагались издавна и привели Россію къ печальнымъ явленіямъ, ознаменовавшимъ XVII вѣкъ и развившимся позднѣе еще болѣе.

Познакомившись со взглядами автора на свою задачу, читатели конечно не будутъ ожидать отъ него и безплодныхъ споровъ объ обрядахъ, осужденныхъ великимъ московскимъ соборомъ 13 мая 1667 года. Къ сожалѣнію, эта мелочная полемика о *хожденіи посолона*, о *двуперстномъ сложеніи* и т. п. еще соблазняетъ до сихъ поръ нѣкоторыхъ охотниковъ до споровъ. Пренія эти давно пора бросить, особенно если вспомнить, что мудрымъ, хотя къ сожалѣнію и позднимъ, указомъ 27 октября 1800 года утверждено такъ-называемое единовѣріе, послѣдователи котораго получили отъ церковной власти разрѣшеніе слѣдовать упомянутымъ обрядамъ съ условіемъ признать священство, подчиненное епископамъ. Становится на почву подобныхъ споровъ значитъ приписывать слишкомъ большое значеніе обрядности и подражать самимъ раскольникамъ, которыхъ притомъ никакъ и не побѣдишь на столь знакомомъ имъ полѣ обрядовой формальности, на которомъ разсыяно столько оружія обоюдоостраго.

Г. Щаповъ издалека ведетъ филицію тѣхъ обстоятельствъ, совокупность которыхъ вызвала наконецъ въ XVII вѣкъ строгое противодѣйствіе, послѣ чего расколъ, какъ секта, осужденная высшею церковною властію, выдѣлился изъ массы народа и зажилъ внѣ опредѣленнаго церковнаго закона, открыто не признавая его. У насъ еще многіе видятъ начало этого явленія въ исправленіи патріархомъ Никономъ церковныхъ книгъ, то-есть принимаютъ одинъ изъ признаковъ, одно, правда, не случайное, но все-таки отдѣльное проявленіе уже созрѣвшаго зла за его причину. Если иные историки раскола и начинали исторію его нѣсколько ранѣе этого

времени, то все-таки приписывали появленіе раскола почти исключительно пристрастію къ одной обрядности, не заботясь объ истолкованіи связи такого пристрастія къ мертвой буквѣ съ характеромъ всего народа и его религиозныхъ воззрѣній. Притомъ эти историки только мимоходомъ намекали на нѣкоторые отдѣльно, одиноко и безсвязно выставленные факты, бывшіе предшественниками раскола, осужденнаго въ XVII вѣкѣ, какъ на примѣръ, на ересь Мартына въ XII столѣтіи, борьбу за старыя книги, исправляемая Максимомъ Грекомъ, въ XVI; и признаютъ нужнымъ вообще говорить о расколѣ только съ XV вѣка, когда начались споры о тѣхъ пустыхъ формальностяхъ, значеніе которыхъ признано несущественнымъ при учрежденіи единовѣрія. Г. Шаповъ считаетъ это пристрастіе къ обрядности въ христіанской жизни присущимъ характеру народа, прежде всего плѣнившагося, «вслѣдъ за послами Владиміровыми, вѣншимъ благолѣпіемъ и обрядностію христіанскаго богослуженія, которая въ то время въ Византіи достигла высшаго развитія» (стр. 13). Такова точка отправленія его на поиски, но въ данные моменты онъ связываетъ эту мысль съ другими явленіями, по мѣрѣ ихъ возникновенія, и въ XVII вѣкѣ рисуетъ намъ полную картину элементовъ, которые, взаимно слагаясь и дѣйствуя другъ на друга, должны были разразиться страшною бурейю.

Г. Шаповъ, разоблачая истину безпощадно, доказываетъ очень ясно, что многое о чемъ думали, что оно произошло въ XVII и XVIII вѣкѣ, существовало уже давно и въ огромныхъ размѣрахъ, такъ что невозможно было истребить вкравшееся зло. Что касается до историческихъ судебъ сложившагося раскола, въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка, онъ раздѣляетъ ходъ дѣла на четыре періода. Въ первомъ (съ XVI вѣка), расколъ имѣетъ характеръ чисто *религиозно-обрядовый*, выказывающійся въ сопротивленіи исправленію книгъ. Во второмъ (съ патріарха Никона), первенствуетъ элементъ *религиозно-демократическій*, духъ оппозиціи низшаго духовенства противъ строгости патріарха. Въ третьемъ періодѣ (съ 1666 года), расколъ переходитъ изъ сферы церковной въ гражданскую и народную жизнь, и становится преимущественно *народно-демократическою оппозиціей* противъ европейскихъ нововведеній правительства и государственнаго устройства Россіи. Наконецъ, въ четвертомъ (при Петрѣ Великомъ), завершается религиозно-гражданское развитіе раскола уравновѣшеніемъ принятыхъ въ него элементовъ: онъ принимаетъ характеръ *религиозно-національно-демократическій*, и окончательно отстаеетъ отъ преобразованной Россіи. Таковы результаты, добытые авторомъ (стр. 131) изъ изслѣдованія «главнаго, первоначальнаго источника и основныхъ началъ русскаго раскола старообрядства», которое составляетъ первую часть его сочиненія.

Сочиненіе это заключаетъ въ себя затѣмъ еще четыре части. Во второй разсматриваются нравственные недостатки русскаго общества XVII вѣка, благопріятствовавшіе происхожденію развитію и распространенію раскола. Въ третьей изображается внутреннее развитіе раскольнической общины. Четвертая часть описываетъ состояніе управленія и благочинія въ русской церкви во время появленія и распространенія раскола; и наконецъ, въ пятой говорится о гражданскомъ состояніи Россіи во время появленія и распространенія раскола.

Мы не будемъ представлять здѣсь результатовъ, выведенныхъ авторомъ изъ этихъ частей его сочиненія: тѣмъ, кого занимаетъ предметъ, пріятнѣе будетъ познакомиться съ ними изъ самой книги.

Мы однако не можемъ не посвятить нѣсколькихъ строкъ указанію на взглядъ г. Щапова на двѣ колоссальныя личности, явившіяся въ періодъ времени, имъ описанномъ: на Никона и на Петра. Портретъ Никона, рисующійся самъ собою изъ словъ автора, не польщенъ и слѣдовательно близокъ къ оригиналу. Реформа Петра и вообще попытки правительства и немногихъ передовыхъ людей еще до него преобразовать, хотя отчасти, нравы и учрежденія Россіи возбуждаютъ живое сочувствіе просвѣщеннаго автора. Онъ не усиливается видѣть въ розовомъ цвѣтѣ ту разлагавшуюся старину, которая служитъ великимъ историческимъ доказательствомъ испытанной невозможности для Россіи стоять и развиваться особнякомъ, внѣ живаго общенія съ образованнымъ челоѣчествомъ. Онъ не щадитъ эту старину, гдѣ всѣ проявленія народной жизни такъ легко принимали эти хорошо извѣстныя намъ уродливыя формы, изъ которыхъ одна, едва ли не самая уродливая, составляетъ предметъ ея изслѣдованій, гдѣ, съ одной стороны, общество было въ такомъ положеніи: «старыя книги, старыя понятія и никакой новой свѣжей мысли» (стр. 141), а съ другой, «духовенство стало нравственно слабѣть, упадать, утратило прежнее нравственное вліяніе на народъ, сдѣлалось раболѣпнымъ и закоснѣло въ рутинѣ и въ своей, какъ бы отдѣльной отъ общества, кастѣ» (стр. 119); гдѣ «духъ стремленія изъ общества, духъ пустынножителства, противообщественный и противощерковный, усилился» до невѣроятной степени, проистекая «только изъ склонности къ бродяжничеству» и тому подобныхъ причинъ (стр. 208). Но изъ этого авторъ не выводитъ необходимости оправдывать жестокость мѣръ, принимавшихся Никономъ, и представляетъ его въ истинномъ свѣтѣ: хотя и передовымъ челоѣкомъ, но все-таки сыномъ своего вѣка, воспитаннымъ въ средѣ произвола, насилія и неуваженія къ правамъ челоѣческой личности. Въ реформѣ Петра, которая вывела Россію съ ея прежней узкой и уединенной тропы на широкій путь

всемірно-исторической жизни, г. Щаповъ видитъ благотѣтельную необходимость. Онъ сочувствуетъ окончательному паденію того порядка, который былъ основанъ на смѣшеніи церкви и государства, къ обоюдному ихъ ущербу, «когда верховные правители Русской земли, князья, часто безпрекословно подчинялись вліянію митрополитовъ и епископовъ» (стр. 112), порядка, замѣнившагося сознаниемъ той великой идеи, «что главная, высокая обязанность церкви — заботиться о духовно-нравственномъ христіанскомъ развитіи и совершенствованіи народа, а внѣшнее, гражданское, матеріальное совершенствованіе Россіи составляетъ дѣло государства» (стр. 112). Но г. Щаповъ не отрицаетъ того, въ чемъ теперь у насъ убѣждены почти всѣ, что нѣкоторыя мѣры Петра, особенно мѣры худо понятыя и исполняемыя, а тѣмъ болѣе распоряженія его преемниковъ, заходили слишкомъ далеко и затрогивали такія стороны народной жизни, которыя трогать, особенно безъ необходимости, опасно. Впрочемъ симпатія автора, какъ и должно быть, рѣшительно на сторонѣ реформы *quand même*, потому что едва ли можно представить себѣ что-нибудь хуже и безобразнѣе начертанной имъ по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ картины нравовъ духовенства и общества XVII вѣка.

Книга г. Щапова, вѣроятно, вызоветъ осужденіе *нѣкоторыхъ*, но зато встрѣтитъ сочувствіе *всѣхъ людей просвѣщенныхъ*. Желаемъ, чтобъ ученые критики занялись ея подробнымъ разсмотрѣніемъ; у насъ есть для этого хоть немногіе, но ученые специалисты, которыми открывается при этомъ случаѣ поле для новыхъ и обширныхъ соображеній. До того времени да приметъ почтенный авторъ привѣтъ отъ одного изъ членовъ той «неученой публики», для которой, по словамъ его, написана его книга. Мы считаемъ долгомъ заявить ему наше сочувствіе: мы не привыкли, насъ не пріучили въ сочиненіяхъ подобнаго рода къ этому одинаковому безпристрастію къ *своимъ* и къ *чужимъ*, къ этому духу терпимости, къ этому тону, исполненному достоинства, отъ котораго вѣетъ истиной, убѣжденіемъ и братскою любовью къ людямъ, любовью теплою, но разумною и не заглушающею голоса разсудка и справедливости.

Михаилъ Лонгиновъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Въ Петербургѣ напечатана брошюра, подъ заглавіемъ: *Мысли свѣтскаго челоуька о книгѣ: «Описаніе сельскаго духовенства»*. Въ этой брошюрѣ изрекается страшное проклятіе на автора и мнимого издателя передъ всѣми русскими людьми, которые до сихъ

поръ, просимъ замѣтить, не имѣли и не могли имѣть понятія о книгѣ, напечатанной за границею.

Дѣйствовавъ всегда открыто, не скрываясь никогда подъ буквою или псевдонимомъ, я готовъ и въ настоящемъ случаѣ принять на себя обвиненіе, хотя косвенное, и объяснить дѣло, поскольку оно до меня касается.

Прежде всего замѣчу, что какъ чиновники не составляютъ юстиціи, такъ и духовныя лица, какія бы ни были, внѣ ихъ священнодѣйствія, не составляютъ церкви. Кто осуждаетъ тѣхъ или другихъ чиновниковъ, тотъ еще не показываетъ тѣмъ неуваженія къ юстиціи; кто показываетъ злоупотребленія духовныхъ лицъ или учреждений, какихъ бы то ни было, тотъ можетъ благоговѣть передъ церковію и святыми ея уставами. Обвиненія «свѣтскаго человѣка» по своему духу принадлежатъ скорѣе иезуиту, или такому инквизитору, который въ молитвѣ *Отче Нашъ* готовъ найти доказательство богохульства. Метода его не новая, и употребляется искони всѣми виноватыми людьми. Вы будете уличать ихъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ, а они вмѣсто отвѣта взведутъ на васъ вину въ неуваженіи или въ оскорбленіи религіи, власти, правительства. «Фармасонъ, красный, властей не признаетъ!» восклицаетъ Фамусовъ Грибоѣдова. «Это наши язвы, оглашать ихъ непозволительно», кричитъ въ *Разъѣздъ послѣ представленія Ревизора* патриотъ Гоголевъ. *Изъ избы не надо выносить сора*: хороша была бы изба, недавно замѣтилъ г. Павловъ, еслибы копить въ ней всѣ такія драгоцѣнности. Но распространяться болѣе о пошлыхъ, запоздалыхъ выходкахъ «свѣтскаго человѣка», не считаю болѣе нужнымъ, а разкажу исторію осужденной имъ книги.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, издавая *Москвитяинъ*, я получалъ въ разныя времена письма съ историческими актами и статьями отъ одного уѣзднаго священника, изъ которыхъ составилось у меня выгодное понятіе о его дарованіяхъ и познаніяхъ. Этому священнику случилось года черезъ два пріѣхать въ Москву и быть у меня. Удостоверясь среди личной бесѣды въ своемъ мнѣніи, я предложилъ ему написать записку о состояніи нашего низшаго духовенства, которое меня издавна занимало, прослѣдить жизнь мальчика изъ духовнаго званія со времени оставленія имъ отческаго дома, описать, какъ живетъ онъ въ училищѣ, какъ переходитъ въ семинарію, оканчиваетъ курсъ, поступаетъ на мѣсто, женится, въ какія отношенія входитъ онъ къ своему семейству, епархіальному начальству, къ крестьянамъ и помѣщикамъ.

Въ доказательство того, что состояніе сельскаго духовенства занимало меня издавна, сообщу здѣсь мимоходомъ статейку, написанную мною, лѣтъ пятнадцать назадъ, по просьбѣ бывшаго оберъ-

прокурора графа Протасова, и вѣроятно сохраненную въ его канцеляріи. Графъ Протасовъ пожелалъ, чтобъ я, прїѣхавъ тогда по какому-то случаю въ Петербургъ, осмотрѣлъ тамошнюю духовную академію и семинарію, вновь отдѣланныя, и потомъ сказалъ свое мнѣніе. Водилъ меня по академіи инспекторъ, архимандритъ Филовей, нынѣ архіепископъ тверской. Вотъ что я написалъ тогда для графа Протасова:

• *Петербургская семинарія.* Помните ли вы оборванныхъ ребяташекъ, съ голыми локтями, босикомъ, въ туфляхъ или сапожикахъ, въ затрапезныхъ халатахъ и длиннополыхъ неразрѣзныхъ сюртукахъ всѣхъ цвѣтовъ, съ заплатами на спинѣ и прорѣхами на бокахъ, въ шапкахъ лѣтомъ и картузахъ зимою, какъ они, въ урочный часъ, разсыпались въ Москвѣ по Никольской или по Петровкѣ, и поднимали шумъ и гамъ на улицѣ, толкая прохожихъ, кривляясь и дразня ихъ языкомъ, окружая калашниковъ, прямишниковъ, сбитеньщиковъ, затѣвая драку съ ними и между собою? Не обливалось ли сердце ваше кровію при мысли, что эти нищіе сорванцы и озорники предназначаются учить народъ закону Божію, воздѣвать руки къ небу передъ престоломъ Господнимъ за грѣхи наши, и совершать ежедневно великую тайну? Такъ было еще недавно. Не такъ ли бываетъ и теперь по всѣмъ городамъ Русскаго царства? Какая бѣдность, какая нужда, какая грубость! Заглядывали ли вы въ ихъ училища, когда, зимнимъ утромъ, они освѣтятъ вамъ ихъ восковыми огарками, натасканными изъ отцовскихъ церквей? или когда бросятся изъ дверей по прочтеніи молитвы, какъ будто сорвавшись съ цѣпи? или когда во сто голосовъ начнутъ твердить свои зады? Знаете ли вы воздухъ, который дышутъ они, и который разложить затруднилась бы химія? Разсуждали ль вы о дикой необузданности бурсака сравнительно съ деспотизмомъ, самымъ жестокимъ и безотчетнымъ, его надзирателя? Встрѣчались ли вы съ нимъ въ образѣ дьячка или попа на сельскихъ праздникахъ? Всмотривались ли вы въ его физиономію? Прислушивались ли вы къ звуку его голоса? Однимъ словомъ: имѣете ли вы понятіе о воспитаніи первоначальномъ, среднемъ и окончательномъ нашего духовенства?

• Ступайте же для утѣшенія къ Невскому монастырю, обойдите ограду, и вы увидите на правой рукѣ два огромныя зданія: это новая семинарія и академія.

• Поднимитесь по средней лѣстницѣ, и вамъ представятся по обѣимъ сторонамъ ея длинныя, просторныя коридоры, съ воздухомъ чистымъ и здоровымъ. Отворите боковыя двери и полюбуйтесь классами,—какія свѣтлыя учебныя комнаты! Молодые люди, прилично одѣтые, сидятъ въ порядкѣ на дубовыхъ красивыхъ лавкахъ, передъ почтенною каедрой, за своими книгами и тет-

радами. Ни крику, ни шуму, ни воплей. Благочинная тишина царствуетъ между ними. А вотъ и столовая, куда идутъ они, по два въ рядъ, тихо и спокойно. Вотъ ихъ опрятныя кровати, снабженныя всѣми нужными вещами. Вотъ обширныя комнаты для занятій...

« — Но все это наружный порядокъ, говорите вы: — точно, мы учились съ голодомъ и холодомъ пополамъ, мы не перемѣняли бѣлья по мѣсяцу, мы спали на голыхъ доскахъ и сочиняли проповѣди въ чуланахъ, но выучились же. Не въ наружности главное.

« Выучились... Четь и слава вашему испытанному мужеству, вашему долготерпѣнію, вашему героизму, вы взяли приступомъ крѣпость! Но сколько васъ пало за стѣною? Не чувствуете ли вы сами болѣзненныхъ ранъ въ сердцѣ вашемъ, въ вашей душѣ, послѣ долговременной битвы (1)? Ваше время было одно, а нынѣ другое, съ иными требованіями, иными нуждами. Но я согласенъ съ вами, что наружность есть дѣло второе, однакожь второе, а не двадцатое, и имѣетъ свою важность. Согласитесь, что не худо въ молодыхъ лѣтахъ приучать дѣтей къ опрятности, порядку, благочинію, и наоборотъ, что въ грязи, въ нуждѣ, въ лѣхмотьяхъ, съ голодомъ и холодомъ, среди брани и ругательствъ, въ безпрестанномъ страхѣ и трепетѣ, зараждаются многіе пороки, которыхъ въ послѣдствіи искоренить не въ силахъ никакая философія, никакая герменевтика и никакое богословіе.

« — Но вы забываете, что изъ этихъ убранныхъ комнатъ, съ этой мягкой постели, семинаристъ вашъ попадетъ въ избу, почти курную, къ пустымъ шамъ, къ женѣ, которая ничѣмъ не отличается отъ деревенской бабы.

« Нѣтъ, я помню это, и отвѣчаю вамъ: путь нашего духовнаго воспитанія длиненъ и покрытъ многими терніями. Вы видите теперь въ новомъ заведеніи, что часть этого пути, часть значительная, обнимающая десять лѣтъ жизни, очищена, углажена, украшена... Будьте же признательны, благодарите за нее, и ожидайте съ терпѣніемъ, чтобъ и слѣдующія части, слѣдующія станціи, одна за другою, очищались, углаживались.

« — Да не мѣшаетъ ли приятная наружность внутреннему достоинству?

« Мѣшать она не можетъ: если такія правила признаны необходимыми для воспитанія всѣхъ дѣтей вообще, то странно же дѣлать изъ нихъ исключеніе въ пользу, то-есть во вредъ духовнаго юно-

(1) Припомнимъ кстати извѣстное словцо Екатерины о митрополитѣ Платонѣ.

шества. Неужели философская дилемма понятнѣе, когда голова всклокочена, и изъ сапогъ выглядываютъ пальцы?

«А вы лучше спросите вотъ какъ: наружность и внутренность соответствуютъ ли одна другой? На этотъ вопросъ вдругъ отвѣчать нельзя: надо познакомиться съ заведеніемъ покороче, ободрѣть предметы, часы занятій, руководства, отношенія къ низшимъ и высшимъ училищамъ, посмотрѣть на воспитанниковъ въ разные часы, въ классѣ и въ комнатѣ, дома и въ гостяхъ, въ ученьи и на службѣ,—но это другое дѣло. На первый разъ мы пожелаемъ, чтобы внутренность петербургской семинаріи была еще лучше и выше ея прекрасной наружности, чтобы она сдѣлалась образцомъ для всѣхъ губернскихъ семинарій, чтобы сіи послѣднія всѣ были устроены также прочно и довольно, и чтобы содержались въ такомъ порядкѣ и исправности, какъ она. Еще болѣе пожелаемъ, чтобы все наше духовное воспитаніе, приготовленіе пастырей церкви и учителей народа, заняло подобающее ему мѣсто между предметами государственнаго попеченія. Въ настоящихъ дѣйствіяхъ мы видимъ уже зарю спасительныхъ преобразованій. Станемъ надѣяться, что высшее наше духовенство, въ рукахъ котораго находится воспитаніе, своими благими совѣтами, основанными на просвѣщенной опытности, своими учеными пособіями, окажетъ необходимое содѣйствіе благодѣтельному правительству, и приобрѣтетъ тѣмъ новое право на признательность всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества.»

Возвращаюсь къ прерванному разказу:

«Я прошу васъ только», сказалъ я священнику, въ заключеніе своего плана, «чтобы не было никакой риторики, и чтобы соблюдена была вездѣ чистая истина.» «Попробую», отвѣчалъ мнѣ священникъ. Года черезъ два прислалъ онъ мнѣ первую часть своей записки и спрашивалъ, продолжать ли? Я, разумѣется, ободрилъ его, и черезъ нѣсколько времени получилъ вторую часть. Записка поразила меня, и хоть я самъ зналъ состояніе сельскаго духовенства, какъ читатели видятъ теперь изъ вышеприведенной статейки, но новыя подробности, въ запискѣ открывшіяся, возмутили духъ...

Въ это время я былъ боленъ и лѣчился отъ ушиба. Со всѣми своими посѣтителеми я начиналъ говорить, разумѣется, о сельскомъ духовенствѣ, и отъ всѣхъ получалъ подтвержденіе прочтенному въ запискѣ. Разказу нѣкоторые случаи.

Приходитъ священникъ изъ одного села здѣшней губерніи, у котораго я однажды останавливался, искавъ источниковъ Москвы-рѣки. Я прочелъ ему страницу изъ записки о содержаніи дѣтей на квартирахъ. Священникъ, старикъ, залился слезами: «Точно такъ», сказалъ онъ, всхлиывая. На другой день случилось захватъ ко мнѣ

одному священнику, занимающему весьма видное мѣсто, я прочелъ ему страницу объ училищныхъ домахъ. Священникъ расхохотался. «Что вы?» спросилъ я его.—Продолжайте, продолжайте, отвѣчалъ онъ, я вспомнилъ одинъ случай изъ дѣтской своей жизни. «Какой?»—Я учился въ Л...скомъ училищѣ. Вдругъ треснула у насъ стѣна въ училищномъ домѣ. Мальчишки, мы испугались, и бросились сказать учителю. Учитель отнесся къ смотрителю. Смотритель пришелъ, освидѣтельствовалъ стѣну, и сказалъ намъ: Послушайте, ребята, заклейте трещину листомъ бумаги; если листъ къ завтраму останется въ цѣлости, то бояться нечего; а если разорвется, то мы посмотримъ. Мы тотчасъ учинили операцію. На другой день листъ расплосовало. Приходитъ смотритель, обозрѣваетъ стѣну, и говоритъ намъ: Не садитесь на эту сторону, а снаружи мы подопремъ. Такъ и было исполнено. Это бы все еще ничего, но прошло лѣтъ десять, или болѣе, я кончилъ курсъ въ училищѣ, въ семинаріи, въ академіи, назначенъ на мѣсто, пріѣхалъ повидаться съ родными въ Л..., посѣтилъ училище, и увидѣлъ стѣну точно въ томъ же положеніи, въ какомъ ее оставилъ. Вотъ чему я расхохотался. Теперь ѣду я въ Л... опять, и посмотрю опять, исправлена ли стѣна.

Третье подтвержденіе. Профессоры С* или Л* рассказали мнѣ на той же недѣлѣ, что товарищъ ихъ, инспекторъ гимназіи Г*, ѣздилъ на вакаціи, въ одинъ богатый уѣздный городъ повидаться съ своимъ братомъ, лѣкаремъ, и какъ педагогъ, осмотрѣвъ гражданское училище, хотѣлъ взглянуть и на духовное. Смотритель упросилъ его всѣми силами, чтобъ онъ не ходилъ въ училище, потому что совѣстно чужому человѣку показать домъ.

Четвертое подтвержденіе. Докторъ, лѣчившій меня, рассказалъ тогда же о своемъ землякѣ, болховскомъ купцѣ, который пріѣхалъ въ Москву, и у него остановился. Этотъ купецъ былъ приглашенъ знакомымъ ректоромъ семинаріи, недавно поступившимъ на мѣсто, завести порядокъ въ его семинаріи, относительно экономіи. Какой, говорилъ докторъ, нашелъ онъ котелъ, въ которомъ варили щи для семинаристовъ, что была за минута, когда вынималось мясо изъ котла, и прибѣгали какіе-то служки, рвали и раздирали его руками, просто уши вянуть.

Довольно о подтвержденіяхъ. О прочихъ сообщеніяхъ, умолчу пока. Я уничтожилъ въ рукописи всѣ мѣста, по коимъ можно бы было заключать о званіи и мѣстѣ жительства автора, и давалъ читать, списывать ее своимъ знакомымъ.

Прошло еще нѣсколько времени. Года два тому назадъ проѣзжалъ черезъ Москву одинъ мой старый знакомый, живущій за границей, и спросилъ у меня, нѣтъ ли какихъ примѣчательныхъ записокъ, которыхъ тогда ходило много въ публикѣ. Я далъ ему,

что попало мнѣ подъ руку, и вмѣстѣ записку о состояніи сельскаго духовенства. Вскорѣ потомъ я узналъ, что записка эта готовится къ печати за границей, и тотчасъ же увѣдомилъ о томъ автора. Авторъ отвѣчалъ мнѣ немедленно, и заклиналъ принять мѣры, чтобы записка не была напечатана. Помѣщая здѣсь подлинникомъ его письмо, дабы читатели видѣли, что въ изданіи этой книги онъ не виноватъ ни тѣломъ, ни душою, и что вся вина, если есть какая, падаетъ на меня. Вотъ это письмо, которое я радъ и имѣю право огласить, прочитавъ печатное обвиненіе «свѣтскаго человѣка».

«... Но печатать, никакъ, ни подъ какимъ видомъ, не позволяю, если только имѣю какія-либо права на грудь своей. Я не хочу не только передъ людьми, даже въ совѣсти своей быть въ разрядѣ . . . , кидających печатно грязью въ недруговъ своихъ. Если вы имѣли терпѣніе читать мои письма, и особенно послѣднія, то не могли не замѣтить, чего хотѣлъ я. Повторяю въ послѣдній разъ: я предназначалъ свое дѣло собственно и единственно для *двоихъ*, чтобы они: 1) по мѣрѣ силъ и возможности улучшили худое, исправили безпорядочное, направили къ цѣлямъ благимъ и святымъ блуждающихъ въ неисходной тѣмѣ и пр. и пр.; 2) *дали мнѣ трудъ и дѣло для улучшенія собственнаго моего быта, воспитанія и устройства семейства*,—вотъ и все! Иначе, еслибы только вы намекнули мнѣ, что вотъ оно куда можетъ пойдти, — клянусь Господомъ живымъ, я сжегъ бы его, и ни одна душа человѣческая не провѣдала бы о немъ. Поэтому, если есть еще какая-либо возможность удовлетворить моей цѣли, то именемъ Отца небеснаго молю васъ, поищите средствъ удовлетворить ей. Въ противномъ случаѣ прошу, молю и заклинаю васъ—сжечь все. Да не мои уста возглаголютъ во *всеслушаніе* о дѣлахъ человѣческихъ. Больше сказать мнѣ нечего.»

Запрещеніе автора я передалъ своему пріятелю во Франціи, но или оно пришло поздно, вслѣдствіе перемѣны его пребыванія, или онъ, какъ увѣрялъ меня послѣ, сообщилъ кому-то мою рукопись точно такъ же, какъ я сообщалъ ему.

Вотъ настоящая исторія изданія, вышедшаго впрочемъ подъ другимъ заглавіемъ.

Правда сказаннаго мною свидѣтельствуется тысячами и тысячами свидѣтелей. Множество людей являлось ко мнѣ и вызывалось доставлять дополненія. Самъ я могу представить несчетное количество неопровержимыхъ документовъ. Вмѣсто голословныхъ или теоретическихъ обвиненій, лучше бы позаботиться соединенными силами объ искорененіи зла, что, смѣемъ надѣяться, и происходитъ.

Если ударятъ тебя по ланитѣ, подставь ударяющему другую

Учить нашъ Божественный Учитель. Думалъ ли свѣтскій человекъ объ этомъ священномъ правилѣ? Книга же эта не раздаетъ отъ себя ударовъ, а только заявляетъ полученные удары, обнаруживаетъ раны, кои точатся кровію: за что же такое остервененіе противъ нея?

Странная судьба досталась мнѣ на долю. Съ самаго выступленія моего на поприще общественной дѣятельности, при изданіи перваго журнала въ 1827 году, случилось мнѣ приобрести множество литературныхъ недруговъ, преименно продолжающихся. За ними послѣдовали недруги по поводу мыслей моихъ о современныхъ вопросахъ. Неужели найдутся еще новые враги между духовными за искреннее, сердечное участіе къ судьбѣ русскаго духовенства?

Отцы и братія! Еже что переписалъ или не дописалъ, исправляйте Бога дѣла, а не кляните.

М. Погодинъ.

Апрѣля 30, 1859 г.

ГОНЕНІЕ НА ЕВРЕЕВЪ ВЪ ОДЕССѢ.

I.

Письмо изъ Одессы въ редакцію Русскаго Вѣстника (1).

Почти въ то же время, когда правительство наше сдѣлало новый шагъ на пути сираведливости и человеколюбія, и даровало Евреямъ, хотя и въ ограниченномъ объемѣ, право жительства во всей имперіи, Одесса, въ которой Евреи составляютъ значительную часть народонаселенія, напомнила намъ времена изступленнаго религіознаго фанатизма. Какъ бы мѣстная офиціальная газета (*Одесскій Вѣстникъ*, № 42) ни старалась уменьшить значеніе и размѣры событія, мы увѣрены, что найдется у насъ въ Одессѣ не мало людей, которые постараются возстановить истину, тѣмъ болѣе что *Одесскій Вѣстникъ* своимъ повѣствованіемъ о происходившихъ у насъ на глазахъ возмутительныхъ сценахъ, оскорбляя правду и христіанское человеколюбіе, оскорбляетъ наконецъ и національное чувство Русскаго. Позорному преслѣдованію Евреевъ, на которыхъ цѣлою толпою нападали вооруженные Греки, наша мѣстная газета придаетъ имя простой драки, происшедшей

(1) Печатаемъ эту корреспонденцію съ полнымъ сочувствіемъ къ напечатанію, въ которомъ она написана. Всѣ образованные Русскіе прочтутъ съ сердечною скорбію описаніе этихъ неистовствъ, вызванныхъ фанатизмомъ слѣпымъ и дикимъ, всего менѣе лежащимъ въ характерѣ настоящаго русскаго народа, который легко уживался и уживается со всѣми иновѣрцами

будто бы отъ хмѣля, досуга и особенной наклонности *рускаго* челоуѣка къ разгулу и удали въ праздники, и, мало того, подобный разгулъ называетъ дѣломъ обыкновеннымъ *у насъ на Руси* во время праздниковъ. Хороша рекомендація для русскаго разгула, и хорошія понятія могли бы составить себѣ о нашемъ русскомъ обществѣ и государствѣ проживающіе здѣсь во множествѣ инновѣрцы и иностранцы, еслибы воззрѣнія мѣстной нашей газеты они приняли за общее мнѣніе всѣхъ образованныхъ Русскихъ! Съ какой стати, по какому праву *Одесскій Вѣстникъ* позволяетъ себѣ сваливать всю вину на русскій праздничный разгулъ и чернить такимъ образомъ нашъ народный характеръ, только мелькомъ и какъ бы невзначай упоминая Грековъ, тогда какъ всѣмъ и каждому въ Одессѣ извѣстно, что начинателями и главнѣйшими виновниками гоненія на Евреевъ были вовсе не Русскіе, а Греки; всѣмъ извѣстно здѣсь, что по этому дѣлу содержатся въ острогѣ и находятся подъ слѣдствіемъ только Греки и *ни одного Русскаго*. Если, начиная съ понедѣльника Свѣтлой недѣли, и русскіе простолудины присоединились къ Грекамъ, то вина главнѣйшимъ образомъ все-таки падаетъ на послѣднихъ, потому что они начали и они же распространяли между Русскими нелѣпнѣйшія обвиненія противъ Евреевъ, дабы и въ Русскихъ вдохнуть свой фанатизмъ. Да и при томъ Греки убивали и наносили раны кинжалами, тогда какъ Русскіе только били; Греки совершали злодѣянія, Русскіе, вторя имъ, впали въ грубые, крайне прискорбные и предосудительные просгупки, но все же не дѣйствовали злодѣйски. Из-

и иноземцами. У всякаго христіянина болѣзненно сожмется сердце при вѣсти о мрачныхъ, совершенныхъ христіянами, дѣлахъ, отъ которыхъ имя христیانства бываетъ въ поношеніи у людей, не вѣдающихъ истиннаго христیانства. Мы имѣемъ причины думать, что корреспонденція эта вѣрно излагаетъ событія, которыя она описываетъ, что она ничего не убавляетъ и не преувеличиваетъ. Для сличенія, печатаемъ ниже изображеніе тѣхъ же событій, появившихся въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* и въ англійской газетѣ *Times*. Вамѣтимъ, что корреспондентъ лондонскаго журнала, такъ же точно какъ и нашъ корреспондентъ, упоминаетъ о явномъ выраженіи сочувствія этимъ буйнымъ фанатикамъ со стороны богатыхъ греческихъ негоціантовъ города Одессы. Это извѣстіе должно особенно непріятно поразить людей, симпатизирующихъ греческой націи и надѣющихся на наступленіе лучшихъ временъ для юго-востока Европы. Если такіа ожидаютъ насъ проявленія національной греческой самобытности, то кто во всемъ образованномъ мірѣ будетъ въ состояніи сочувствовать ей? На завистливомъ преслѣдованіи болгарской едиповѣрной народности, на кровожадной несправости къ Евреямъ, никогда не удастся Грекамъ основать прочное зданіе своей гражданской свободы. Исторія неподкупна въ своемъ возвышенномъ правосудіи. Кто угнеталъ своихъ ближнихъ, или былъ наклоненъ къ тому, чтобъ угнетать ихъ, тотъ никогда еще не спасался самъ отъ угнетенія. Свободенъ бываетъ только тотъ, кто умѣетъ и хочетъ уважать свободу другихъ. *Ред.*

бави Богъ, чтобы мы думали уменьшать вину Русскихъ изъ одного національнаго чувства, но мѣра ихъ вины несравненно меньшая, и насъ невольно возмущаетъ, что наша мѣстная *русская* газета, по неизвѣстнымъ намъ побужденіямъ, искажаетъ факты, для того только, чтобы сложить всю вину на русскій разгулъ и удалъ, на качества, будто бы присущія русскому національному характеру. Дѣло происходило, на сколько мы могли узнать его, частію какъ очевидцы, частію изъ разказовъ людей, заслуживающихъ въ этомъ случаѣ полнаго довѣрія, слѣдующимъ образомъ:

Уже давно, со времени преданія землѣ въ здѣшней греческой церкви прибитаго волнами къ Одессѣ тѣла замученнаго Турками патріарха константинопольскаго Григорія, не проходитъ ни одной Свѣтлой недѣли безъ того, чтобы здѣшніе Греки не упражняли своего религіознаго фанатизма надъ Евреями, безъ всякой вины или вызова со стороны послѣднихъ. Проявленіямъ фанатизма значительно содѣйствовала всегда близость греческой церкви къ Еврейской улицѣ и къ двумъ еврейскимъ синагогамъ, изъ коихъ впрочемъ одна еще не докончена и не открыта для богослуженія. Уже въ прошедшемъ году мѣстная полиція принуждена была прибѣгать къ пожарному брандсбою, чтобы разогнать толпы Грековъ, нападавшихъ на Евреевъ. Въ нынѣшнемъ же году многія обстоятельства должны были вызвать сильнѣйшій взрывъ религіознаго фанатизма. Впервыхъ, одинъ Еврей, лѣтъ двадцати отъ году, безъ сомнѣнія, въ припадкѣ помѣшательства, пробрался въ страстную великую пятницу въ римско-католическую церковь, и въ своемъ безуміи дерзнулъ ударить палкою изображеніе Распятаго Спасителя. Безумецъ былъ тотчасъ же схваченъ полиціей, и теперь содержится въ больницѣ острога для точнѣйшаго дознанія, въ какомъ состояніи находятся его умственные способности. Впрочемъ, случай этотъ, по общему мнѣнію, очень мало имѣлъ вліянія на послѣдующія событія, какъ это видно изъ того, что за немногими исключеніями католики вовсе не принимали участія въ гоненіи Евреевъ. Напротивъ, большое вліяніе имѣло прибытіе къ одесскому порту, за два дня до Свѣтлаго праздника, нѣсколькихъ греческихъ судовъ изъ Галаца, гдѣ, какъ извѣстно, по извѣстамъ одного христіанскаго мальчика, не задолго передъ тѣмъ, Греки избивали много Евреевъ, обвиняя ихъ въ томъ, будто бы они для своей пасхи хотѣли добыть христіанской крови. Говорятъ, греческіе матросы съ этихъ судовъ заранѣе подговаривали другихъ Грековъ на судахъ, находившихся въ портѣ, пройти на Свѣтлое Воскресенье въ городъ и избить въ немъ Евреевъ. И въ самомъ дѣлѣ греческіе матросы, въ числѣ 280 человекъ, съ кинжалами, стилетами и заостренными на концахъ палками, принимали дѣятельнѣйшее участіе въ гоненіи Евреевъ, такъ что на другой день, когда они къ ночи удалились на свои суда, начальство

сочло за должное приставить къ карантину роты двѣ солдатъ, чтобы не пускать ихъ въ городъ. Не было однакоже недостатка въ фанатизмъ и между здѣшними, одесскими Греками. Къ стыду для христіанскаго имени многіе изъ здѣшнихъ, и притомъ принадлежащихъ къ богатому классу, Грековъ, въ своемъ фанатизмѣ и невѣжественной грубости, не разъ уже и прежде искали себѣ утѣхи въ страданіяхъ невинныхъ передъ ними Евреевъ. Къ удивленію, многіе у насъ въ Одессѣ слагаютъ всю вину на самихъ же Евреевъ, именно за то, что они не послѣдовали совѣту, поданному имъ, какъ говорятъ, отъ начальства еще наканунѣ праздника, не показываться на улицахъ и не торговать въ Свѣтлое Воскресенье. Но пусть они сообразятъ, воцервыхъ, возможно ли было выполнить этотъ совѣтъ во всей точности народонаселенію въ пятнадцать тысячъ душъ, бѣольшая часть котораго живетъ со дня на день только тѣмъ, что успѣетъ заработать своею мелочною торговлею, и притомъ въ тотъ единственный день среди ихъ праздниковъ пасхи, въ который, по своей религіи, они могутъ продавать и покупать все, что имъ нужно; вовторыхъ, согласно ли съ великимъ началомъ вѣротерпимости, котораго держится Русское государство, согласно ли съ общимъ довѣріемъ къ могуществу русскихъ властей въ дѣлѣ поддержанія общественнаго порядка, чтобы значительная часть народонаселенія какого-нибудь города не смѣла показываться на улицахъ, потому только, что фанатическое и иноплеменное меньшинство и вновь прибывшіе иноземцы обнаруживаютъ склонность къ нарушенію великаго общественнаго начала, признаваемаго всякимъ образованнымъ правительствомъ? Притомъ же до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, ни наши законы, ни наши власти не запрещали Евреямъ торговать въ христіанскіе праздники, и разноплеменное народонаселеніе Одессы бѣольшею частію даже довольно тѣмъ, что по крайней мѣрѣ еврейскія лавки открыты въ тѣ дни, когда всѣ другія бываютъ закрыты. Запретить Евреямъ торговать въ христіанскіе праздники значило бы нарушить начало вѣротерпимости и нанести ударъ горговлѣ этого промышленнаго класса, потому что изъ семи дней недѣли имъ пришлось бы по крайней мѣрѣ два, субботу и воскресенье, сидѣть вовсе безъ дѣла. Да и сами христіане строго ли придерживаются этого правила о соблюденіи большей части своихъ праздниковъ?

Какъ бы то ни было, до третьяго часа пополудни все было спокойно, и не было принято никакихъ мѣръ къ предупрежденію страстей, которыя еще не обнаружились никакимъ дѣломъ; но въ третьемъ часу огромная толпа собралась на дворѣ греческой Троицкой церкви, а равно на улицахъ Екатерининской и Троицкой. Толпа эта состояла изъ однихъ Грековъ съ небольшою примѣсью русскихъ мальчишекъ; наиболѣе обращали въ ней на себя

вниманіе греческіе матросы въ красныхъ фескахъ; были и дамы, державшіяся съ своими спутниками ближе къ храму. Съ другой стороны, на Еврейской улицѣ прохаживались и стояли группами Евреи, со страхомъ выдвигаясь повременамъ на Екатерининскую улицу и заглядывая на собравшуюся тамъ толпу. На одну изъ такихъ группъ съ грозными криками бросились Греки съ своими до того времени спрятанными кинжалами. Евреи пустились бѣжать, и сбили съ ногъ одного своего единовѣрца, мѣщанина *Лейбу Бердицескаго*, торговавшаго апельсинами. Несчастный думалъ, вѣроятно въ своей простотѣ, что дѣло идетъ только объ его апельсинахъ, и принялся собирать ихъ съ улицы; въ это самое время какой-то изступленный Грекъ пронзилъ его насквозь кинжаломъ въ спину, и тотъ остался на мѣстѣ. Если вѣрить говору, трупъ его тутъ же подвергся поруганію, о которомъ неприлично было бы говорить печатно. На эту-то гнусную сцену подоспѣлъ частный приставъ 1-й части, г. Жидкевичъ, съ двумя полицейскими служителями, и сталъ энергически разгонять толпу; но энергія троихъ ничего не значила противъ многочисленной толпы, и частный приставъ, тяжело раненный камнемъ въ ногу, принужденъ былъ удалиться. Между тѣмъ другіе Греки продолжали преслѣдовать бѣжавшихъ Евреевъ, къ которымъ подоспѣли на помощь ихъ единовѣрцы, хватавшіеся за что ни попало въ лавкахъ, чтобы какъ-нибудь отстоять своихъ собратовъ отъ ярости Грековъ. Послѣдніе безъ труда одолѣли: пятеро Евреевъ были такъ тяжело ранены кинжалами, что медики отчаивались въ ихъ спасеніи; одинъ изъ нихъ дѣйствительно на другой же день умеръ въ госпиталѣ, другіе до сихъ поръ еще находятся между жизнью и смертью. Всѣхъ пораненныхъ кинжалами насчитываютъ за эти дни до 30 Евреевъ и ни одного ни Грека, ни Русскаго. Не говоримъ о Евреяхъ, избитыхъ палками и кулаками. Спрашивается, послѣ такого позорнаго кровопролитія можно ли говорить о разгнѣ и удали, и всему дѣлу придавать характеръ драки или кулачнаго боя? Повидимому, однакожь, нѣкоторое время наши власти смотрѣли на дѣло именно съ этой точки зрѣнія, и уже послѣ описанныхъ сценъ отправили на мѣсто преступленій нѣсколько козаконъ и жандармовъ и пожарный брандсбой. Не видя энергическихъ мѣръ противъ себя, толпа и не думала расходиться; напротивъ, Греки, сильно избивши брандсбойера, г. Старицкаго, и пожарную команду, овладѣли брандсбоемъ и стали направлять струи воды на полицейскихъ же чиновниковъ и служителей, и на Евреевъ. Напрасны были также увѣщанія присланнаго главнымъ начальникомъ военнаго чиновника; на всѣ сего увѣщанія разоидись одинъ Грекъ, захвативши въ руку грязи, бросилъ се въ лицо оратору съ словами: «вотъ тебѣ что!» Козаки успѣли было захватить челоуѣкъ пять наиболѣе виновныхъ, но старшіе

полицейскіе чиновники, уstraшенные угрозами толпы или можетъ-быть склонившись на ея обѣщаніе разоидтись, велѣли ихъ выпустить. Наконецъ прискакало болѣе значительное число козаковъ и жандармовъ, и общими усиліями по распоряженію коменданта и старшаго помощника полиціимейстера имъ удалось захватить до 40 человекъ Грековъ, изъ коихъ всѣ были отпущены, за исключеніемъ семи, признанныхъ наиболѣе виновными и посаженныхъ въ острогъ; изъ нихъ трое иностранные матросы, четверо же — здѣшніе Греки, прикащики, послѣдніе сильно избиты Евреями во время ихъ отчаяннаго сопротивленія убійцамъ. Между тѣмъ стали наступать сумерки; матросы удалились на свои суда; толпа стала рѣдѣть. Въ это время часть ея, отдѣлившись отъ главнаго мѣста происшествій, погналась по Троицкой улицѣ за двумя Евреями, съ неистовыми криками. Въ этой толпѣ уже не было видно красныхъ фесокъ, напротивъ мы замѣтили много русскихъ мальчишекъ. Одинъ изъ Евреевъ былъ сбитъ съ ногъ, и достался на долю мальчишкамъ, вооруженнымъ тонкими палками; другой же, преслѣдуемый и кулаками, и камнями, достигъ Преображенской улицы, и успѣлъ укрыться въ трактиръ *Европа*. Толпа принялась штурмовать трактиръ, но встрѣтила здѣсь отпоръ: въ нее лили воду и, должно-быть, кипятокъ; окна дребезжали отъ попадавшихъ въ нихъ камней, и Богъ вѣсть, чѣмъ бы все это кончилось, еслибы не появилось нѣсколько жандармовъ, вслѣдъ за которыми прискакала пожарная команда. Толпа бросилась бѣжать по Преображенской къ кладбищу и вскорѣ разстлалась. Дня черезъ два къ вечеру, по неизвѣстной намъ причинѣ, тотъ же трактиръ подвергся еще разъ нападенію толпы, но былъ также спасенъ полиціей.

Такъ кончился первый день: кровавое дѣло ведено было Греками съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Не мудрено, что на другой же день нашлись подражатели и среди русской черни, и дѣло затянулось еще на три дня, но здѣсь оно тотчасъ же утратило своей прежній изступленный характеръ. Убійствъ и смертельныхъ ранъ не было. Кинжалы и стилеты уступили мѣсто кулакамъ, и отчасти палкамъ и камнямъ. Но за то дѣйствіе, сосредоточившееся въ первый день въ одномъ пунктѣ, теперь разбросалось по всему городу, и подавить беспорядки было гораздо труднѣе. Нападенія стали направляться главнѣйшимъ образомъ на винныя погреба, содержимыя Евреями; распространился слухъ, что сюда увлекаютъ Евреи христіанъ, чтобы замучить ихъ и заставить ихъ кровью. Погреба были заперты, но толпа ломилась въ двери, и не безъ борьбы уступала усиліямъ жандармовъ и козаковъ. Особенно сильна была свалка около одного погреба на углу Троицкой и Екатерининской улицъ, во вторникъ вечеромъ.

Сверхъ того, толпы, съ камнями въ рукахъ, подступали къ домамъ Евреевъ, и выбивали въ нихъ стекла: такъ всѣ окна были разбиты въ Дегтярномъ ряду и на Арнаутской улицѣ. Можно было опасаться не Евреямъ только, но и вообще всѣмъ жителямъ Одессы, что беспорядки перемѣнятъ свой характеръ, и будутъ грозить бѣдою вообще частной собственности. Многіе изъ обывателей уже принимали съ своей стороны мѣры предосторожности противъ такой случайности. Тѣмъ не менѣе толпы и группы не переставали расказывать по городу, поодиначкѣ нападая на Евреевъ и преслѣдуя ихъ побоями, при чемъ не избѣгали опасности и тѣ изъ нихъ, которые уже вполне усвоили себѣ европейскіе нравы, обычаи, образованіе и костюмъ. Нельзя себѣ представить ничего возмутительнѣе, какъ эти неистовыя преслѣдованія какого-нибудь старика-Еврея цѣлою толпою. Но какъ бы ни возмущающъ образованные Русскіе и иностранцы при видѣ съ одной стороны безчеловѣчной дикости, съ другой незаслуженныхъ страданій, помочъ несчастнымъ жертвамъ они не имѣли никакой возможности. Такъ на театральной площади одинъ Англичанинъ вступился было за Еврея, но ему расшибли голову камнемъ, и онъ радъ-радехонекъ былъ, что ушелъ живой. Евреи же все это время провели въ страхѣ и трепетѣ, не будучи безопасны ни дома, ни на улицахъ, не говоря уже о томъ, что лавки и магазины ихъ оставались заперты и по прошествіи праздниковъ. Нельзя не подивиться тому, что среди этихъ многодневныхъ преслѣдованій, Евреи, несмотря на свою многочисленность, не вооружились на свою защиту, и только изрѣдка и очень слабо отражали силу силою. Иначе мы слышали бы объ избитыхъ и израненныхъ Грекахъ и Русскихъ, тогда какъ все время только и рѣчи было, что о несчастныхъ жертвахъ изъ Евреевъ. Бывали впрочемъ примѣры, что и Евреи сами нападали на Русскихъ: такъ, напримѣръ, въ среду утромъ на Ришельевской двое Евреевъ принялись бить одного рабочаго, не подозревая, что вблизи была цѣлая артель, къ которой онъ принадлежалъ: артельщики подоспѣли на помощь, и Евреи ушли чуть живые. Но это—исключительные и рѣдкіе случаи, очевидно вызванные жаждою мести, которая не могла не пробудиться послѣ столькихъ гоненій. Еслибъ Евреи и не были столько пассивны и проявили бы несравненно большій фанатизмъ и ненависть къ иновѣрцамъ, и тогда не имѣли бы мы ни малѣйшаго права винить ихъ больше или даже наравнѣ съ христіянами, которые были зачинщиками, и которые между тѣмъ исповѣдываютъ религію любви и братства. Въ послѣдніе три дня неистовства происходили главнѣйшимъ образомъ, кромѣ Дегтярнаго ряда и Арнаутской, еще на Александровскомъ проспектѣ противъ По-

кровской церкви, на концѣ Итальянской улицы и на Рыбной площади.

На третій день убѣдились наконецъ въ необходимости мѣръ энергическихъ и болѣе дѣйствительныхъ: кромѣ козаковъ и жандармовъ на разныхъ перекресткахъ разставлены были пикеты изъ трехъ солдатъ съ ружьями и штыками; въ мѣстахъ, гдѣ сосредоточивается народонаселеніе, какъ, напримѣръ, на Старомъ базарѣ, расположенъ былъ цѣлый отрядъ также вооруженныхъ солдатъ. Толпы могли убѣдиться, что начальство намѣрено наконецъ дѣйствовать энергически. Это убѣжденіе еще болѣе усилилось, когда стали безъ разбора хватать людей изъ толпы, и тутъ же, разложивши на мѣстѣ, бить козацкими нагайками. Сцены эти повторялись потомъ уже повсемѣстно. Будучи въ пользу энергическихъ мѣръ къ восстановленію нарушеннаго порядка, мы, разумѣется, никакъ не въ пользу такой патріархальной формы суда и расправы, тѣмъ болѣе, что она даетъ слишкомъ много простора произволу, ошибкамъ и даже неправдамъ. Такъ разказываютъ, что послѣ подобнаго наказанія многихъ Русскихъ на Александровскомъ проспектѣ, толпа стала требовать, чтобы не было пощады и виновнымъ Евреямъ: такихъ не оказалось въ наличности, и тогда, слѣдуя указаніямъ толпы, отправили козаковъ въ ближайшій винный погребокъ, который между тѣмъ былъ запертъ, и изъ котораго вытащили несчастнаго его владѣльца, чуть не семидесятилѣтняго старика, Зеде Гринсберга, какъ намъ его называли, и хотя онъ, очевидно, ни въ чемъ не былъ виновенъ, да и не было лично противъ него ни одного обвинителя, тѣмъ не менѣе его разложили передъ погребомъ, и дали ему 30 ударовъ нагайкою. Но при данныхъ обстоятельствахъ все-таки лучше было, чтобы былъ какой-нибудь хотя бы и самый несовершенный, только бы скорый судъ, чѣмъ еслибы пришлось ждать рѣшенія правильнаго суда годы, или хоть цѣлые мѣсяцы; мы думаемъ однакоже, что не столько козацкія нагайки, употреблявшіяся вышеописаннымъ образомъ, сколько пикеты и отряды солдатъ и еще болѣе наступленіе рабочей поры положили конецъ этимъ возмутительно-безчеловѣчнымъ сценамъ фанатизма. На воскресенье, на Фоминой недѣлѣ, опасались ихъ возобновленія съ большею еще силою, и Евреямъ черезъ раввина велѣно было не открывать магазиновъ и лавокъ; но все обошлось спокойно, и общественный порядокъ ничѣмъ не былъ нарушенъ.

Вспоминая все видѣнное и слышанное нами въ эти скорбные для всякаго образованнаго челоука, а еще болѣе для христіянина, дни, невольно чувствуемъ глубокое уныніе и смущеніе. Кто бы могъ думать и ожидать, что послѣ такъ недавно еще за-

явленныхъ человеколюбивыхъ намѣреній правительства относительно Евреевъ, послѣ всѣхъ еще продолжающихся литературныхъ толковъ объ уравниніи ихъ правъ со всѣми другими русскими подданными, послѣ всѣхъ возгласовъ и протестовъ въ ихъ пользу, кто бы могъ думать, что они за свое происхожденіе и за свои вѣрованія такъ скоро подвергнутся неистовымъ преслѣдованіямъ въ городѣ, который по справедливости слыветъ европейскимъ, въ которомъ Евреи въ последнее время проявили столько несомнѣнныхъ признаковъ своего искреннаго сочувствія къ общечеловѣческому образованію и къ сближенію со всѣмъ остальнымъ народонаселеніемъ! Какъ было не увлекаться мыслию, что по крайней мѣрѣ здѣсь, въ разноплеменной и разновѣрной Одессѣ, мы ближе, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи, къ одной изъ главнѣйшихъ цѣлей истиннаго просвѣщенія — къ уваженію во всякомъ человѣкѣ, независимо отъ его происхожденія и религіозныхъ вѣрованій, его человѣческаго достоинства, его свободы, его способности служить гражданскому обществу?

М. Д — ь.

II.

ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ О ТОМЪ ЖЕ.

Одесса, 20 апрѣля.

Минувшая недѣля не обоглась у насъ безъ происшествій, какъ это болшею частью бываетъ на Руси во время праздниковъ, когда досугъ и хмель пробуждаютъ особенную наклонность къ разгулу и удали. Въ Одессѣ, къ которой прибываетъ повременамъ большое число иностранныхъ моряковъ, — присоединяется къ тому еще и другое обстоятельство. Извѣстно, что въ южной Европѣ дни большихъ церковныхъ праздниковъ рѣдко проходятъ безъ того, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ не высказалась религіозная нетерпимость, если не сказать фанатизмъ, низшаго класса населенія. Причиной тому, конечно, пылкій темпераментъ. Вотъ главнѣйшія обстоятельства, породившія то происшествіе, о которомъ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ, и которому молва успѣла уже придать баснословные размѣры.

Въ первый день Свѣтлаго праздника, въ различныхъ частяхъ города, начались обыкновенныя насмѣшки и поддразниванія русскихъ и еврейскихъ мальчишекъ, которыя оканчивались при первомъ же появленіи полицейскаго служителя. Но около 3-хъ часовъ пополудни, у греческой Троицкой церкви, на углу Еврейской улицы, толпа матросовъ съ иностранныхъ судовъ, расположенныхъ въ портѣ, пользуясь скопленіемъ еврейскаго населенія въ этой части города, принялась подтрунивать надъ нимъ и, встрѣчая отпоръ, начала бить стекла въ домахъ и затѣяла драку, въ которой одинъ Еврей былъ убитъ, а пять человѣкъ ранено. Немедленно прибывшіе на мѣсто нѣсколько человѣкъ козаковъ и пожарный брандсбой успѣли однакожь быстро разогнать толпу. Во время задержанія виновныхъ, одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ укушенъ за руку. Съ тѣхъ поръ повторялись, правда, драки, — но самыя незначительныя, которыя обыкновенно кончались тѣмъ, что нѣ-

сколько человекъ были задерживаемы за разбитіе стеколъ въ еврейскихъ домахъ и безчинство на улицахъ. На четвертый же день, въ среду, 15-го апрѣля, толпа мальчишекъ и пьяныхъ русскихъ рабочихъ, возвращаясь изъ-подъ качель, затѣяла было новую ссору съ Евреями, на Арнаутской улицѣ, и начала было выбивать стекла въ нѣсколькихъ домахъ; но строгія полицейскія мѣры, принятія на этотъ разъ, совершенно прекратили безпорядки, и по настоящее время ничего уже подобнаго не повторялось.

Вотъ сущность дѣла, о которомъ мы слышали множество различныхъ и чрезвычайно преувеличенныхъ разказовъ. До какой степени русскій человекъ считаетъ естественнымъ разгуляться на праздникахъ, можно судить изъ того, что одинъ изъ зрителей этихъ сценъ разказывалъ намъ, будто бы сно телеграфіи получено на первый день позволеніе—быть кулачному бою. Какъ ни странна такая логика, но нельзя не сказать, что преданія старины еще сильно поддерживаютъ наклонность къ такимъ боямъ въ крови русскаго человека.

III.

TIMES О ТОМЪ ЖЕ.

Одесса, 16 (28) апрѣля.

Городъ нашъ былъ, въ недавнее время, сценою вѣроломнаго убійства и кровопролитія; катастрофа, происшедшая въ Галацѣ, повторилась у насъ съ несравненно страшнѣйшими подробностями. Греки снова запятали руки свои кровью бѣдныхъ, беззащитныхъ Евреевъ, умерщвляя ихъ въ многолюдныхъ улицахъ, среди бѣлаго дня. По случаю Свѣтлаго Воскресенья, наступившаго недѣлю тому назадъ, толпы Грековъ проходили по улицамъ, ища своихъ жертвъ, но не нашли никого, ибо, по распоряженію начальства, Евреи не выходили изъ домовъ. Греки поэтому отложили исполненіе своего намѣренія; но на другой день, дѣлая толпа ихъ, вооруженная кинжалами и пистолетами, ворвалась въ жидовскій кварталъ, напала на какого-то несчастнаго продавца плодовъ, сидѣвшаго за своимъ прилавкомъ, который тотчасъ же упалъ, пораженный ударомъ прямо въ сердце, переранила, потому, многихъ другихъ, находящихся теперь въ госпиталѣ въ самомъ жалкомъ положеніи. Нѣкоторые знатные греческіе торговцы въ нашемъ городѣ одобрили подобный образъ дѣйствій своихъ «собратій» и старались, съ помощью взятковъ, предлагаемыхъ мелкимъ чиновникамъ, освободить изъ заточенія убійцъ. Къ несчастію, въ двухъ случаяхъ старанія ихъ остались не безъ успѣха. Но слава Богу, подобный способъ *позлащать совесть* все болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія; благодаря энергическимъ распоряженіямъ генералъ-губернатора, графа Строганова, такъ же какъ гражданскаго губернатора барона Мессмахера, многіе изъ убійцъ сидятъ теперь въ тюрьмѣ и должны ожидать безпристрастнаго суда и наказанія.

Справедливость требуетъ заявить, что многіе изъ нашихъ греческихъ торговцевъ открыто говорятъ объ участіи своемъ въ этомъ отвратительномъ происшествіи и хвастаются, что «они построютъ золотой мостъ, для того чтобы вывести виновныхъ изъ тюрьмы». Ни одинъ изъ виновныхъ, ни словомъ ни жестомъ, не обнаружилъ раскаянія, точно такъ же, какъ многочисленное греческое духовенство не обратилось къ нимъ ни съ малѣйшимъ укоромъ.

Беру смѣлость сообщить вамъ подробности этого печальнаго происшествія, зная, что столбцы вашего журнала всегда открыты жалобамъ угнетенныхъ.

VERITAS.

Остаюся и т. д.

ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ.

I.

Г. медикохирургъ Покровскій въ замѣчательной статьѣ своей о повсемѣстномъ дозволеніи отыскивать каменный уголь въ Оренбургскомъ краѣ, напечатанной въ первой январской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* этого года, жалуясь на неопредѣленность нашихъ постановленій къ огражденію промышленниковъ отъ притѣсненія мѣстнаго начальства, между прочимъ разказываетъ случай, что золотопромышленникъ, купецъ Харитоновъ, получивъ отводъ къ золотому прииску на рѣчкѣ Санаркѣ, близъ Кособродской станицы и пустивъ въ ходъ золотопромывательную машину, встрѣтилъ претензію со стороны козаковъ, что машина его мутитъ въ рѣчкѣ воду, а потому вынужденъ былъ оставить приискъ и понесъ оттого убытку до 10.000 руб. сер. Г. Покровскій прибавляетъ, что войсковое начальство, вмѣсто законнаго содѣйствія промышленнику, распорядилось вообще не допускать устройства подобныхъ промывокъ на рѣчкахъ. При этомъ г. Покровскій указываетъ на то, что еслибы козачье начальство болѣе знакомо было съ мѣстною и государственною экономіей, то оно обязано было приказать козакамъ выкопать колодцы для чистой воды, каковой трудъ вознагражденъ бы продажею на приискѣ г. Харитонова куриныхъ яицъ, а не давать хода подобнымъ претензіямъ, отъ которыхъ, еслибъ онѣ были повсемѣстны, страна теряла бы ежегодно громадныя капиталы.

Такая жалоба въ статьѣ, замѣчательной по затрогиваемымъ ею вопросамъ, вѣроятно будетъ прочитана во всѣхъ концахъ Россіи и пожалуй будетъ принята за чистую истину, особенно тамъ, гдѣ Оренбургскій край и земля оренбургскихъ козаковъ извѣстны только по географической картѣ; а потому я, какъ членъ оренбургскаго козачьяго войска и какъ человекъ, близко знакомый съ объясненнымъ дѣломъ, считаю долгомъ опровергнуть несправедливую жалобу, заявленную г. Покровскимъ, и изложить это дѣло такъ, какъ оно было.

Екатеринбургскій купецъ, Петръ Дмитріевичъ Харитоновъ, заявилъ и принялъ отводъ къ золотому прииску, названному имъ *Успенскимъ*, по лѣвому берегу рѣчки Санарки у самой Кособродской станицы, и, не развѣдавъ мѣста, построилъ тутъ на рѣчкѣ Санаркѣ, выше селенія промывательную машину безъ всякаго условія съ козаками. Въ послѣдствіи, когда промывка была пущена въ ходъ и

дѣйствовала въ 1854 году цѣлое лѣто, оказалось, что пріискъ очень бѣденъ, золота было добыто во все лѣто менѣе двухъ фунтовъ, и это заставило Харитонова прекратить здѣсь работу. А такъ какъ при этомъ точно поступила жалоба отъ жителей Кособродской станицы, что промывка, устроенная выше селенія, мутитъ въ ихъ рѣчкѣ воду, которую имъ негдѣ брать за неизбѣнимъ колодезь, то и послѣдовало распоряженіе со стороны войсковаго начальства, чтобы не допускать устраиванія промывки на рѣчкахъ при подобныхъ условіяхъ. Но это распоряженіе не застало уже харитоновскаго заведенія, которое, по негодности пріиска, было имъ перевезено на другой его пріискъ, близъ Синеглазовскаго озера. Вотъ причины, по которымъ г. Харитоновъ оставилъ свой Успенскій пріискъ. Что же касается до того, что кособродскіе жители могли бы вырыть колодцы, и что этотъ трудъ ихъ былъ бы вознагражденъ продажою на пріискѣ куриныхъ яицъ, то и въ этомъ ошибся г. Покровскій, потому что Кособродская расположена не на такой мѣстности, какъ онъ указываетъ, гдѣ, по его словамъ, даже нѣтъ возможности сохранять продукты въ погребахъ отъ воды, а напротивъ лежитъ она на довольно возвышенномъ и крутомъ берегу, гдѣ трудъ для вырытія одного колодца едва ли вознаградится продажою всѣхъ собранныхъ за цѣлое лѣто въ станицѣ куриныхъ яицъ. Такъ точно и убытокъ въ десять тысячъ руб. сер., будто бы понесенный г. Харитоновымъ отъ неразработки пріиска, равно и потеря для страны капитала, показаннаго г. Покровскимъ, отъ неразработки пріисковъ вслѣдствіе притѣсненія мѣстнаго начальства, думаю, показаны ошибочно. Еслибы г. Харитоновъ имѣлъ въ виду работать свой Успенскій пріискъ, то онъ могъ бы поладить съ козаками сдѣлкою, или устроилъ бы промывку такъ, какъ это дѣлаютъ почти всѣ промышленники, получая воду проводами изъ рѣчекъ и задерживая жидельную грязь въ выработкахъ, или устройствомъ плотинъ на логахъ, гдѣ скапливается снѣжная и дождевая вода, а промывку песковъ дѣлаютъ обратною водою; далѣе, если только предвидѣлось бы съ выгодною добывать золото, то конечно, не только предполагаемое, но даже и дѣйствительное затрудненіе было бы устранено, какъ это показалъ случай въ деревнѣ Масловой, гдѣ промышленникъ Сиговъ скупилъ всю мѣстность даже подъ деревнею, съ условіемъ перенести дома на другое мѣсто. Дѣло въ томъ, что пріиски-то даются не часто, въ особенности такіе, которые было бы выгодно работать. Не успѣхъ и убытки г. Харитонова гораздо ближе отнеси къ его собственной ошибкѣ, чѣмъ къ распоряженію войсковаго начальства, потому что г. Харитоновъ, не развѣдавъ пріиска, сдѣлалъ на немъ устройство. Убытокъ его состоялъ въ расходахъ на переноску съ одного на другой пріискъ строенія,

и конечно далеко не равняется показанной г. Покровскимъ суммѣ. Войсковое начальство тутъ нисколько не виновато. Напротивъ промышленники должны быть благодарны войсковому начальству, какъ потому, что во многихъ случаяхъ облегчены имъ даже законныя формальности по заявкѣ и отводу золотыхъ приисковъ, такъ и потому, что почти со времени открытія здѣсь золотаго промысла бóльшая часть приисковъ снабжается лѣсомъ изъ войсковыхъ боровъ по самой умеренной цѣнѣ: напримѣръ дрова продаются по 1 р. 50 коп. за кубическую сажень, уже нарубленные, тогда какъ, вольною покупкой, они обошлись бы въ три раза дороже. Впрочемъ стыдно было бы требовать отъ землевладельцевъ-козачковъ дароваго права на ихъ земли и воды. Г. Покровскій самъ землевладелецъ въ здѣшнемъ краѣ, и потому желательно знать, въ какой степени допуститъ онъ примѣненіе проповѣдуемыхъ имъ правилъ въ отношеніи къ своей землѣ?

Вопросъ, поднятый г. Покровскимъ по поводу дозволенія отыскивать каменный уголь въ Оренбургскомъ краѣ, довольно важенъ; но думаю, что не зачѣмъ было столько хлопотать о немъ, когда есть уже указанія для войсковой земли, въ положеніи военнаго совѣта высочайше утвержденнаго въ 12 день іюля 1859 года, на отдачу въ оброчное содержаніе участковъ войсковой земли для руднаго и другихъ промысловъ (1). Стоитъ только взять у войсковаго начальства дозволеніе и по нему отыскивать то, къ чему кто стремится. Но при этомъ должно еще сказать, что чѣмъ стремиться къ невѣрному и предполагаемому, не лучше ли обратиться, если точно имѣется нужда въ горючемъ матеріалѣ, къ вѣрному и доступному, именно къ торфу, котораго здѣсь кроются истинно баснословные запасы. Я укажу на одну изъ тысячи мѣстностей близъ Урала, не далеко отъ заводовъ. Эта мѣстность—вершины рѣки Міаса, гдѣ отъ Косачевой деревни вверхъ по Міасу на много верстъ длины и ширины тянется тундра страшной глубины превосходныхъ торфяниковъ. Впрочемъ, у всякаго свой вкусъ и свои виды, а потому не диво будетъ, если указаніе мое останется голосомъ вопіющаго въ пустынь.

За всѣмъ тѣмъ нельзя не благодарить г. Покровскаго, высказавшаго, что примѣненіе буквы закона въ одномъ и томъ же дѣлѣ, но при разныхъ условіяхъ, не всегда бываетъ удачно, какъ это оказывается по приложенію правилъ о частной золотопромышленности въ Сибири къ оренбургскимъ промысламъ. Къ какой

(1) Кроме добычи благородныхъ металловъ и минераловъ, промыселъ таковыи разрешается г. министромъ шансовъ, какъ на землѣ, окормленной для того казною.

стали, напримѣръ, запрещенъ золотой промыселъ кореннымъ обитателямъ здѣшняго края козакамъ, лишь потому, что сибирскими правилами запрещенъ таковой промыселъ служащимъ тамъ? Извѣстно, что козаки, отъ генерала до рядоваго, совершенно лишены всякой возможности не служить до извѣстнаго возраста; всѣ они подходятъ подъ разрядъ *лицъ служащихъ*, но есть ли необходимость, чтобы законъ отнималъ у нихъ право извлекать пользу изъ нѣдръ земли, ими же когда-то кровью и потомъ добытой? Какъ хотите, а такой порядокъ дѣлъ нельзя назвать справедливымъ. Если разъ правительство нашло удобнымъ нарушить такое постановленіе въ пользу есаула Колбина, указавшаго возможность золотого промысла на земляхъ оренбургскихъ козаковъ (1), то почему не допустить этого и для прочихъ войсковыхъ обывателей, которые для этого будутъ имѣть средства?

Въ заключеніе повторяю за г. Покровскимъ, что монополія есть зло для народа, будь то вольныя почты или откупа на разные предметы потребленія; если предметы насущной потребности будутъ въ однихъ рукахъ, это будетъ горшее зло для народа чѣмъ вольныя почты. Тѣ, по крайней мѣрѣ, можно объѣхать, или можно даже вовсе не ѣхать въ ту сторону, гдѣ онѣ существуютъ. Можно не пить вина, не курить табаку, но безъ хлѣба и безъ соли человекъ нельзя быть. А вѣдь есть такіе господа-прожекторы, которые и на эти продукты хотятъ выхлопотать себѣ монополію,—и не дальше какъ самъ обличитель монополій, г. Покровский домогается, какъ здѣсь всѣмъ извѣстно, забрать въ свои руки всю соль, какая добывается на сѣверо-востокѣ Оренбургскаго края. Что за бѣда, если соль, вмѣсто 30 коп. за пудъ (теперешняя цѣна на линіи), въ рукахъ г. Покровскаго удвоится въ цѣнѣ! Что за дѣло г. Покровскому до массы потребителей, когда онъ видитъ въ томъ выгоду себѣ! Мы находимъ себѣ утѣшеніе только въ сомнѣніи, хватить ли средствъ у г. Покровскаго огородить Оренбургскую линію отъ тайнаго провоза изъ-за линіи соли, и будетъ ли настолько обязательно линейное начальство, чтобы защищать его монополію?

Странно созданъ міръ людской,
А человекъ загадка для себя.

ПАЕРКО-Правдинъ,
Оренбургскій козакъ.

25 апрѣля 1859 г.
Оренбургская линія.

(1) Земля Оренбургскаго козачьяго войска въ 1835 году была закортомлена казною для добычи на ней благородныхъ металловъ и минераловъ, и съ этого времени она производила здѣсь развѣдки, которыя продолжались до 1842

II.

М. г., позвольте мнѣ обратиться къ посредству вашего журнала, чтобы разъяснить дѣло, имѣющее общественный интересъ, хотя и касающееся въ настоящемъ случаѣ лично одного меня. Постараюсь быть краткимъ.

Нельзя не сочувствовать обличительному направленію нашей новѣйшей изящной литературы, особенно если художественные типы вѣрно взяты изъ современнаго общества со всѣми ихъ крупными и мелкими недостатками. Нельзя не признать нѣкоторыхъ заслугъ въ такомъ направленіи, если не всегда въ результатахъ, то по крайней мѣрѣ въ прекрасной цѣли — исправить общественную нравственность. Но что сказать о тѣхъ повѣстяхъ и разказахъ, въ которыхъ авторъ, рисуя съ талантомъ картины современной жизни, выводитъ въ нихъ никогда небывалыя, хотя художественно и возможные дѣйствія *живыхъ лицъ, почти называя ихъ настоящими именами*, и въ такой обстановкѣ, что всѣ близко даже и не близко ихъ знающіе, прочтя разказъ, прямо могутъ указать на нихъ пальцемъ? Художественное произведение, принимая въ извѣстной мѣстности характеръ *преднамеренной клеветы*, обращается въ орудіе личнаго недоброжелательства. Если описанныя лица узнаютъ себя *по своему обыкновенному образу мыслей и дѣйствій*, то какъ бы ни было раздражено ихъ самолюбіе, они не въ правѣ протестовать и возмущаться. Но если описанный узнаетъ себя *только по полудержанному своему имени, по извѣстной обстановкѣ, или по исключительно своему положенію*, то узнающіе его по этимъ чисто внѣшнимъ признакамъ знакомые и незнакомые легко могутъ заподозрить его и обвинить въ приписываемомъ ему въ повѣсти поступкѣ. Положеніе, согласитесь, крайне неловкое и тягостное! Не признать же себя въ кругу своихъ знакомыхъ безъ вины виноватымъ, не безмолвствовать же покорно передъ незаслуженнымъ приговоромъ хоть бы самаго талантливаго автора! Нѣтъ, онъ долженъ судиться съ нимъ гласно, черезъ печатное слово!

года. А такъ какъ въ періодъ сего времени казна ничего здѣсь не открыла, то и была уже переписка о прекращеніи кортомы и платежа козакамъ оброчныхъ денегъ; но въ это время г. Колбинъ, вопреки мнѣнію горныхъ чиновниковъ, что на козачей землѣ нѣтъ золота, вызвался открыть золото, чѣмъ сохранилъ войску доходъ 3.000 р. сер. и положила начало здѣсь частной золотопромышленности. Въ настоящее время добывается здѣсь золота ежегодно до 70 пудовъ.

Въ такомъ положеніи, М. Г., нахожусь я, прочитавши въ недавно вышедшемъ въ Одессѣ *Новороссійскомъ Литературномъ Сборникѣ* замѣчательный разказъ г. Владиміра Елагина *Важное мертвое тѣло*. Въ мѣстности, гдѣ я теперь живу и дѣйствую, описанное въ этомъ разказѣ происшествіе имѣетъ нѣкоторую историческую основу: всякій называетъ *графа Заозерскаго* другимъ графскимъ именемъ, именемъ человека, съ которымъ я былъ при его жизни хорошо знакомъ, и расположеніемъ котораго пользовался; между тѣмъ не всякому извѣстно, что *побочной дочери Ольги Александровны* (героини, на которой главнымъ образомъ основанъ весь интересъ разказа) у него никогда не было, что поэтому я не могъ *быть ея женихомъ* и не могъ *отъ нея отказываться*, потому что *по смерти графа она лишилась его наслѣдства*. Такой безнравственный поступокъ *обрусьвшаго Француза Шарля, состоявшаго на службѣ въ губернскомъ городѣ, жившаго у откупщика* и въ послѣдствіи *женившагося на дочери богатой помѣщицы потихоньку отъ ея матери, но ошибшагося въ расчетъ, потому что старуха изъ знать не хочетъ* (см. *Новороссійскій Литературный Сборникъ* стр. 15, 41, 50, 51, 52 и 53), такой безнравственный поступокъ я отвергаю отъ себя гласно, печатно, во всеуслышаніе, со всею возмутительною перепискою и еще болѣе возмутительными послѣдствіями этого поступка, падающими всею свою тяжестью лишь на выведенное г. Елагинимъ лицо.

Мнѣ скажутъ, вольно же въ художественномъ типѣ узнавать себя? Такимъ возраженіямъ я отвѣчу, что я дѣйствительно обрусьвшій Французъ по имени Карлъ Осиповичъ (правда, не *Ивановичъ*), что я дѣйствительно былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ однимъ графомъ при его жизни, что я дѣйствительно былъ на службѣ учителемъ французскаго языка въ губернскомъ городѣ, жилъ у откупщика, и два года тому назадъ женился на дочери богатой помѣщицы безъ согласія ея матери, которая до сихъ поръ ничего не дала своей дочери, что нисколько однакожъ не мѣшаетъ моему семейному счастью; отвѣчу, что какъ мнѣ достоверно извѣстно, каждый здѣсь, прочитавъ *Важное мертвое тѣло*, прибавляетъ мою фамилію къ имени Шарля, и такимъ образомъ подозрѣваетъ меня въ приписываемомъ Шарлю поступкѣ. Къ этому могу еще прибавить, что, зная самого г. Елагина, живши прежде въ одномъ съ нимъ городѣ, я не мало удивляюсь, къ чему этому писателю понадобилось меня, его знакомаго, выставить въ своемъ разказѣ? Другіе внѣшніе признаки, другое имя, другое положеніе въ обществѣ нисколько бы не убавили *красоты* его произведенія... Личная мечь?.. Но, не говоря о постыдности ея въ литературѣ, мнѣ никогда ничего не приходилось дѣдить съ г. Елагинимъ, и вѣроятно не придется...

Послѣ всего здѣсь сказаннаго, я позволяю себѣ надѣяться, что г. Владиміръ Елагинъ, такъ неосторожно оскорбившій мою честь, дорожа собственною авторскою честію, не откажется печатно разъяснить мои недоумѣнія, или объявить, что все это произошло случайно, ненамѣренно, отъ необдуманности. *Исключительное положеніе мое, человека, не сдѣлавшаго еще себѣ карьеры (1)*, а болѣе всего справедливость, не позволяютъ мнѣ пренебречь мнѣніемъ добрыхъ людей и товарищей по службѣ, и заставляютъ меня сдѣлать г. Елагину этотъ вызовъ.

Прошу васъ, М. Г., дать мѣсто этому письму въ вашемъ журналѣ, и принять и пр.

КАРЛЪ КОМПЕРЪ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

По всѣмъ спорнымъ дѣламъ, производящимся въ коммерческихъ судахъ, тяжущіяся стороны должны находиться на лицо сами или имѣть законныхъ повѣренныхъ, являться въ судъ по его назначенію и до рѣшенія дѣла не въ правѣ отлучаться изъ города, безъ дозволенія суда; неявка отвѣтчика или его повѣреннаго, по назначенію суда, безъ представленія законныхъ причинъ, даетъ суду право приступить къ разсмотрѣнію дѣла по доказательствамъ истца; неявка же истца освобождаетъ отвѣтчика отъ иска до новой просьбы истца съ оправданіемъ неявки. Опредѣленія коммерческаго суда *частныя* объявляются тяжущимся лично, если послѣдовали во время бытности ихъ въ судѣ; если же состоялись въ отсутствіи ихъ, то объявляются черезъ врученіе имъ копій съ опредѣленія приставомъ суда, и это опредѣленіе служитъ сторонамъ повѣсткою для явки въ судъ на срокъ, назначенный опредѣленіемъ. О порядкѣ объявленія *рѣшительныхъ* опредѣленій установленъ закономъ такой же порядокъ, съ добавленіемъ, что въ случаѣ отсутствія одной стороны безъ вѣдома и дозволенія суда, опредѣленіе считается объявленнымъ ей со дня, означеннаго въ повѣсткѣ, при которой послана копія съ того

(1) Слова письма *Charl'* я къ Ольгѣ Александровнѣ, см. стр. 51 *Новороссійскаго Литературнаго Сборника*.

опредѣленія. Но слѣдуетъ ли примѣнять это послѣднее правило и къ частнымъ опредѣленіямъ, въ случаѣ безгласной и недозволенной отлучки одной изъ сторонъ,—объ этомъ ничего не было сказано въ законѣ, и это опущеніе подавало поводъ къ частнымъ недоумѣніямъ коммерческихъ судовъ. Вопросъ о томъ, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ, имѣлъ немаловажное практическое значеніе. Относительно отлучившагося истца, судъ могъ бы еще безъ затрудненія зачислить дѣло конченнымъ, основываясь на общемъ законѣ; но главное затрудненіе возбуждалось отлучкою отвѣтчика, потому что есть случаи, въ которыхъ невозможно приступить къ приведенію дѣла въ ясность, не удостоверившись въ томъ, что частное опредѣленіе объявлено отвѣтчику. Такъ напримѣръ, если истецу въ доказательство иска-ссылается на свидѣтелей, судъ по закону обязанъ рассмотреть, можетъ ли въ дѣлѣ быть допущено доказательство черезъ свидѣтелей, и если признаетъ это возможнымъ, долженъ постановить частное опредѣленіе о допросѣ свидѣтелей, съ назначеніемъ срока на явку ихъ въ судъ вмѣстѣ съ сторонами. Для жалобъ на такія опредѣленія назначенъ срокъ, и до истеченія этого срока судъ не можетъ приступить къ исполненію своего опредѣленія; а такъ какъ начало срока считается съ объявленія, то неблагонамѣренный отвѣтчикъ, безгласно отлучившись изъ города, для проволочки дѣла, всегда могъ бы достигнуть своей цѣли. Справедливость требовала, чтобы правило, существующее по этому предмету для рѣшительныхъ опредѣленій, распространено было и на частныя: въ отношеніи къ послѣднимъ необходимость подобнаго правила представлялась еще очевиднѣе, такъ какъ дѣло разрѣшается ими не окончательно, и послѣ нихъ остается еще тягущимся средство защиты посредствомъ апелляціи, въ тѣхъ дѣлахъ, въ коихъ она дозволена. Вслѣдствіе того въ одномъ изъ коммерческихъ судовъ вышеизложенная потребность повела къ возбужденію законодательнаго вопроса о порядкѣ объявленія частныхъ опредѣленій. Вопросъ этотъ разрѣшенъ—распространеніемъ на частныя опредѣленія коммерческихъ судовъ правила о порядкѣ объявленія рѣшительныхъ опредѣленій, состоявшихся безъ бытности въ судѣ тягущихся или ихъ повѣренныхъ (мн. гос. сов. выс. утв. 30 марта 1859 г.).

Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія о скорѣйшемъ распространеніи подробныхъ офиціальныхъ свѣдѣній о статьяхъ Свода Законовъ, дополненныхъ, измѣненныхъ или отмѣненныхъ новыми постановленіями, главноуправляющій II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи объявилъ слѣдующее правило, утвержденное, по всеподданнѣйшему докладу его, Высочайшею властью. Отнынѣ каждое продолженіе Свода Зако-

новъ, начиная съ третьяго (1), будетъ издаваемо черезъ три мѣсяца, по тому же плану, по которому издавались прежнія продолженія; такъ что по окончаніи года четыре трехмѣсячныя части составятъ одну книгу. Сверхъ того, для скорѣйшаго доставленія продолженій тѣмъ судебнымъ и правительственнымъ мѣстамъ гражданскаго вѣдомства въ губерніяхъ, коимъ книги законовъ доставляются на счетъ казны, — повелѣно: разсылать продолженія непосредственно отъ типографіи II отдѣленія, а не черезъ министерства и главныя управленія.

По поводу безпорядковъ и злоупотребленій, возникавшихъ въ Грузіи отъ накопленія между жителями старыхъ, по прежнему обычаю нигдѣ не засвидѣтельствованныхъ актовъ, главноуправлявшій Грузіей, генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ, распорядился въ 1817 году объявить жителямъ, чтобъ они представили всѣ свои старые документы къ засвидѣтельствуванію куда слѣдуетъ въ теченіе одного года, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, признанія ихъ незаконными. Подобное же правило въ 1822 году установлено и для жителей Имеретіи; но первоначально назначенные сроки нѣсколько разъ были продолжаемы.

Та же необходимость, которая повела къ установленію этой мѣры въ Грузіи и Имеретіи, обнаружилась и въ Мингреліи по поступленіи этого края съ 1856 года въ русское управленіе. При прежнемъ владѣтельскомъ управленіи былъ определенъ и въ Мингреліи порядокъ явки документовъ, но не былъ исполняемъ. Явка соединилась съ строгою ревизіею содержанія актовъ, и взыскиваемая пошлины были слишкомъ велики, такъ что частныя лица при заключеніи сдѣлокъ уклонялись отъ явки: послѣдствіемъ этого было появленіе множества безгласныхъ письменныхъ актовъ, не удостовѣренныхъ въ подлинности, что служило поводомъ къ возбужденію ябедъ и процессовъ, крайне затруднительныхъ въ разрѣшеніи по неопредѣленности документовъ, которые должны служить основаніемъ права.

Для устраненія этого безпорядка, намѣстникъ кавказскій, вслѣдствіе представленія мѣстныхъ властей, установилъ слѣдующую мѣру: жителямъ Мингреліи объявлено, что въ теченіи года со дня послѣдней печатной публѣкаціи обязаны они представить въ совѣтъ управленія всѣ свои документы, какъ-то: купчія крѣпости, отпускныя, закладныя, дарственныя и рядныя записи, завѣщанія, заемныя и вѣрщія письма, контракты и т. п., за исключеніемъ заемныхъ обязательствъ ниже 50 руб. Въ совѣтъ всѣ эти

(1) Объ изданіи втораго Продолженія къ Своду Законовъ объявлено было въ указѣ правительствующаго сената 21 марта. Продолженіе это еще не получено въ Москвѣ.

документы будутъ засвидѣтельствованы членами и секретаремъ безденежно и безъ всякаго разбирательства дѣятельностью, и затѣмъ возвращены владѣльцамъ. При этомъ съ документовъ снимаются точныя копии съ означеніемъ всѣхъ подсобокъ, разностей почерка и описаніемъ печатей. По истеченіи назначеннаго срока всякій не засвидѣтельствованный документъ лишается преимуществъ акта явленнаго. Вместе съ тѣмъ, на будущее время, относительно всѣхъ совершаемыхъ и являемыхъ актовъ, распространены на Мингрелію общій порядокъ, существующій въ Закавказскомъ краѣ.

Въ этомъ положеніи, утвержденномъ 2-го апрѣля 1859 года Высочайшею властію, не объяснено положительно, должно ли, послѣ вышеозначенной явки старыхъ документовъ, почитать окончательно и безусловно утвержденною подлинность ихъ. При томъ безпорядкѣ совершенія актовъ, какой существовалъ до сего времени въ Мингреліи, естественно, что подъ видомъ подлинныхъ актовъ могутъ быть представляемы въ совѣтъ управления и документы подложные; а по силѣ новаго положенія явка должна быть производима въ совѣтъ, безъ всякаго разбирательства дѣятельности актовъ, при чемъ не сдѣлано никакой оговорки относительно удостовѣренія въ ихъ подлинности.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вся Европа съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ теперь за побѣдными бюллетенями, присылаемыми императоромъ Французомъ императрицѣ и Франціи. Лѣтописи французской арміи во второй разъ наполняются памятными именами Монтебелло, Верчелли, Тичино. Наполеоновскіе орлы во второй разъ увѣнчиваются италіянскими лаврами. Къ триумфальному списку французскихъ побѣдъ, завѣщанному дядею, племянникъ прибавилъ еще новое имя «Маджента», и маршалъ Макъ-Маконъ, новый герцогъ маджентскій, увеличилъ собою ряды наполеоновской аристократіи. Австрійская армія, такъ самонадѣянно вторгнувшаяся въ Пиемонтъ, теперь не только отступаетъ, а почти спасается бѣгствомъ и спѣшитъ укрыться въ крѣпостяхъ, бросая оружіе, за-

пасы и полковыя ящики съ деньгами. Миланъ, столица сѣверной Италіи, возстала, и въ настоящую минуту вѣроятно уже совершилось торжественное вступленіе императора, окруженнаго блестящею свитой французскихъ и сардинскихъ генераловъ, съ кородемъ во главѣ ея, въ этотъ богатый историческій городъ, который еще недавно былъ центромъ австрійскаго *управленія*. Недаромъ Австрійцы поторопились заблаговременно вывезти жемчужную корону изъ Монцы.

Первый актъ кампаніи идетъ быстро и вѣрно къ развязкѣ; Австрійцы почти изгнаны изъ Пиемонта, у нихъ въ тылу французскій флотъ, блокирующій Венецію, передъ ними сильная, дисциплинированная непріятельская армія, а кругомъ повсюду народонаселеніе, которое, подобно миланскому, готово подняться при первой рѣшительной неудачѣ. Но съ другой стороны и Французамъ нельзя будетъ далеко врѣзаться въ Ломбардію, имѣя у себя во флангъ сильно укрѣпленныя Пиаченцу и Павію. Между тѣмъ Австрія разчитываетъ подвинуть свою дипломатическую кампанію, опредѣлить свои отношенія къ Германіи; пока Французы будутъ заняты осадой крѣпостей, Австрія надѣется на какой-нибудь непредвидѣнный поворотъ обстоятельствъ, который спасетъ ее. Переходъ черезъ Тичино, совершенный 4-го іюня, весьма важенъ не только въ военномъ, но и въ политическомъ отношеніи; онъ послужитъ пробнымъ камнемъ прочности германскаго нейтралитета и объяснитъ вопросъ о томъ, какъ смотрятъ европейскія государства на покореніе Ломбардіи Французами. До сихъ поръ Австрійцы изгонялись изъ чужой территоріи; война получаетъ новое значеніе на равнинахъ Ломбардіи. Каждая новая битва можетъ расширить значительно театръ войны; уже и теперь она грозитъ захватить Парму; часть Модены формально присоединена къ Пиемонту, а въ сосѣдствѣ съ Венеціей находится Триестъ, порто-франко, входящій въ составъ Германскаго Союза...

Въ этомъ разгарѣ войны, второстепенныя государства заявляютъ о своемъ нейтралитетѣ и стараются о признаніи его со стороны воюющихъ; главныя державы вооружаются сами, чтобы получить возможность собственными силами защищать свои территоріи отъ эпидемическаго вліянія войны. Кромѣ обязательно-нейтральной Швейцаріи, о своемъ нейтралитетѣ заявили: Швеція, Данія, Греція, Неаполь, Папская область и Испанія. Россія, Англія и Пруссія отказались отъ какихъ-либо обѣщаній и предоставили себѣ полную свободу дѣйствій.

Въ Англіи королева издала прокламацію о нейтралитетѣ, обращенную не къ иностраннымъ правительствамъ, а къ собственнымъ подданнымъ. *Times* разсуждаетъ по этому поводу слѣдую-

щимъ образомъ: «Прокламація королевы о нейтралитетѣ доказываетъ ясно, что наше отечество не желаетъ помогать ни деспотизму, прикрываемому филантропіей, ни деспотизму, опирающемуся на холодной легальности. Всѣ три государства, затянувшіяся въ войну, безъ сомнѣнія готовятъ себѣ бѣдствіе, одни неразборчивымъ честолюбіемъ, другое неразумнымъ упрямствомъ. Если Франція и будетъ побѣдительницею, то она заплатитъ за это увеличенную тяжестью налоговъ, болѣе строгимъ военнымъ правленіемъ и должна будетъ надолго отказаться отъ попытокъ осуществить формы свободной политической жизни. Австрія не можетъ выиграть ничего; хотя бы она и удержала то, чѣмъ владѣетъ теперь, она заплатитъ за это кровью и деньгами, которыхъ не вознаградитъ одно поколѣніе. Въ отношеніи къ Сардиніи, этого орудія Франціи и жертвы Австріи, для насъ ясно одно: ея юная конституція, возбуждающая сочувствіе Европы, теперь отложена въ сторону и замѣняется покорными собраніями, по типу наполеоновскому. Наконецъ, что касается до свободы Италіи, которая выставляется цѣлью этого крестоваго похода, то намъ лучше оставаться въ сторонѣ и предоставить дѣло освобожденія чужимъ рукамъ. Мы имѣли свою долю участія въ освобожденіи народовъ. «Безумно-любящій другъ, который страдаетъ за всѣхъ», слишкомъ часто «страдалъ понапрасну», и это охладило энтузіазмъ Англичанъ. Если Италіяны сдѣлаются ечастливыми, мы порадуемся тому и съ удовольствіемъ уступимъ Франціи всю славу подвига. А пока нашъ народъ будетъ поступать такъ, какъ совѣтуетъ ему королева; онъ не вмѣшается въ споръ, котораго начало ознаменовано обманомъ и насиліемъ, а конецъ скрывается во мракѣ. Въ Парижѣ, Туринѣ и Вѣнѣ, наши соотечественники воздержатся отъ всего, что можетъ сдѣлать ихъ сторонниками воюющихъ. Строго соблюдая нейтралитетъ, мы останемся спокойными зрителями драмы, которая теперь только-что начинается.»

Это отнюдь не значить, чтобъ Англія не сочувствовала дѣлу освобожденія Италіи. Стоитъ прослѣдить рѣчи, произнесенныя на многочисленныхъ митингахъ, чтобъ убѣдиться въ противномъ. Но у свободнаго народа есть всегда отвращеніе отъ вмѣшательства въ чужія дѣла, особенно когда послѣдній результатъ вмѣшательства нельзя опредѣлить заранѣе. Въ словахъ, приведенныхъ нами изъ *Times*: «мы съ удовольствіемъ уступимъ Франціи всю славу подвига», слышится однакожъ небольшая доля неискренности: нейтральное государство не отказывается отъ участія въ международныхъ вопросахъ, оно предоставляетъ себѣ право всегда подать рѣшительный голосъ, который будетъ услышанъ. «Большія военныя монархіи на континентѣ, говоритъ та же газета, подобно древнему царю Каппадокіи, богаты рабами, но бѣдны деньгами. Механическія изобрѣтенія новѣйшаго времени

дали возможность увеличивать число сражающихся; на что прежде требовались годы, то теперь совершается въ теченіи нѣсколькихъ недѣль; но сообразно съ этимъ сокращается срокъ обоюднаго истощенія силъ, которое въ состояніи развести самыхъ упорныхъ бойцовъ... Следовательно, если мы удержимся въ нашемъ нейтралитетѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то не только наше положеніе будетъ самое безопасное, но мы даже приобретемъ рѣшительный голосъ. Последнее слово будетъ дѣйствительно принадлежать тѣмъ свѣжимъ силамъ, которыя сумѣютъ сохранить себя среди этой борьбы. Если съ перваго раза государствамъ не удалось согласиться между собою, если они не стали рѣшительно на сторонѣ того дѣла, къ которому общественное мнѣніе высказало свое сочувствіе, и тѣмъ не предупредили войны, — то теперь всякое вмѣшательство будетъ только подливать масло въ огонь и бесполезно длить борьбу, раздражать рану, которая и такъ находится уже въ воспалительномъ состояніи. Чѣмъ меньше государствъ захвачено войною, тѣмъ скорѣе наступитъ время, когда нейтральные вызовутся на дѣло умиротворенія; какъ участники конгресса, который соберется послѣ войны, они произнесутъ свой судъ, скажутъ свое рѣшеніе.

По этому поводу мы нашли очень вѣрные замѣчанія въ англійскомъ журналѣ *Economist*, которыя приведемъ здѣсь: «Россія и Пруссія наблюдаютъ теперь за борьбою въ Италіи, одна съ сочувствіемъ къ Франціи, другая съ сочувствіемъ къ Австріи. Если мы хотимъ сохранить нашъ нейтралитетъ, то должны заботиться, чтобы Россія и Пруссія сохраняли свой. Пруссія похвально обнажитъ мечъ, въ случаѣ, если интересы германской союзной территоріи будутъ нарушены или поставлены въ опасность. Россія грозитъ поступить такъ же, если Англія и Пруссія вздумаютъ стать на сторонѣ Австріи. Три нейтральныхъ государства, каковы Англія, Пруссія и Россія, при взаимномъ согласіи, могутъ оказывать самое благодѣтельное вліяніе на возстановленіе мира; имъ принадлежитъ неострашимое *veto*, въ случаѣ какихъ-либо вредныхъ сдѣлокъ, могущихъ повести къ новымъ столкновеніямъ или грозящихъ политическому равновѣсію Европы. Если напротивъ Россія и Пруссія впадутъ въ войну, то положеніе Англіи должно измѣниться... Мы думаемъ, что все или почти все зависитъ отъ твердости Пруссіи: Германскій Союзъ не двинется безъ нея. И Россія, мы увѣрены, не выйдетъ изъ нейтральнаго положенія, пока Союзъ не побудитъ ее къ противному своимъ заступничеству за Австрію... Англійское правительство должно заботиться о томъ, чтобы не ускорять кризиса; оно должно употребить все свое вліяніе на Пруссію, чтобы она не увлеклась германскою паникой, пока нигде не грозитъ самой Германіи, и пока

Австрія терпитъ наказаніе на театрѣ своихъ многообразныхъ преступленій. Этими же сдѣланы много пользы Европѣ и вырѣсь съ тѣмъ обезпечить политикѣ коллижированнаго нейтралитета то законное могучее вліяніе, на которое не можетъ никогда разчитывать одинъ нейтральный. Невѣроятно также, чтобы Англія, оставшись одна, могла удержать своей нейтралитетъ: для торжества нейтральной политики такъ же точно необходимы могущественныя союзники, какъ они необходимы для войны.»

Должно надѣяться, что желанія, высказанныя англійскимъ журналомъ, не останутся простыми *ria desideria*. Правильно понимаемые интересы главныхъ государствъ нейтральныхъ рѣшительно заставляютъ ихъ воздерживаться отъ участія въ войнѣ. «Россія, говоритъ петербургскій корреспондентъ журнала *le Nord*, удаленная своими интересами и своимъ положеніемъ отъ театра борьбы, менѣе другихъ государствъ побуждается къ участію въ войнѣ, пока она ограничивается Италію. Предавшись вполнѣ своимъ внутреннимъ реформамъ, Россія, напротивъ, особенно заинтересована тѣмъ, чтобы война ограничилась полуостровомъ, и чтобы пожаръ не сдѣлался всеобщимъ... Въ Англіи и въ Россіи печать исполнила свою обязанность. Выражала самое живое сочувствіе дѣлу италійской независимости, желая ей торжества, англійская печать, подобно русскою, поддерживала начало локализациі войны и возможнаго ограниченія ея ужасныхъ послѣдствій.» Въ иностранныхъ журналахъ были сообщены извѣстія о приведеніи трехъ русскихъ корпусовъ на военное положеніе и о призывѣ безсрочноотпускныхъ. Эти мѣры, конечно, приняты въ виду будущихъ возможныхъ осложнений; но въ настоящемъ онѣ не показываютъ еще намѣреній Россіи принять участіе въ войнѣ, и объясняются потребностями вооруженнаго нейтралитета.

Что касается до Англіи, то, при отсутствіи парламента, общему мнѣнію страны предстоило высказаться на многочисленныхъ митингахъ, которые почти ежедневно собирались въ разныхъ городахъ Соединеннаго Королевства. Одна изъ главныхъ ролей принадлежала обществу мира, *peace society*, которое считаетъ въ Англіи и въ другихъ странахъ огромное число членовъ. Извѣстно, что это общество собирало въ 1849—51 годахъ международныя конгрессы, на которыхъ обсуждались мѣры для охраненія всеобщаго мира; вѣрные своей основной мысли, члены общества, большею частію квакеры, не отступали отъ нея даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вся страна увлекалась другими чувствами: они не побоялись говорить даже противъ усмиренія Индіи и громко доказывали необходимость отказаться отъ этой колоніи; ни нападенія журналовъ, ни насмѣшки со стороны присутствовавшихъ не могли остановить квакеровъ отъ распространенія ихъ ученія. Тѣмъ

болѣе теперь они должны были подать свой голосъ въ пользу нейтралитета. Въ разныхъ городахъ Англiи собирались митинги общества, чтобы почтить память недавно умершаго своего президента Джозефа Сторджа, того самаго, который въ 1853 году приѣзжалъ къ императору Николаю I съ просьбою отъ друзей мира о предотвращенiи восточной войны. Панегиристы Сторджа, обозрѣвая его жизнь; посвященную дѣламъ милосердiя, противопоставляли ему императора Французовъ. «Чей характеръ болѣе достоинъ удивленiя: Сторджа или двухъ воюющихъ императоровъ?» на этотъ вопросъ всѣ присутствовавшiе отвѣчали громкимъ сочувствiемъ дѣлу покойнаго президента и всего общества. Годъ тому назадъ, когда дѣло шло объ усмиренiи индiйскаго возстанiя, множество голосовъ поднялось бы противъ квакеровъ; теперь вся Англiя въ одинъ голосъ вторитъ ихъ словамъ. Во всѣхъ большихъ городахъ, въ Лидсѣ, Манчестерѣ, Бермингамѣ на митингахъ собирались люди, пользующiеся особеннымъ влiянiемъ, и повсюду принималось одно и то же рѣшенiе: выразить правительству желанiе народа о сохраненiи нейтралитета. Адресы, составленные въ этомъ смыслѣ, передавались графу Дерби, который всякiй разъ подтверждалъ громко заявленную политику англiйскаго министерства: «никакая причина, сказалъ еще недавно первый лордъ казначейства, кромѣ безусловной необходимости самозащитенiя, не можетъ оправдать участiя Великобританiи въ войнѣ.» Все англiйское общество настроено совершенно одинаково; на митингахъ не допускались даже выраженiя слишкомъ явнаго сочувствiя къ одной изъ воюющихъ сторонъ, и всѣ предложенiя объ этомъ не имѣли успѣха. Такъ въ Гайдъ-Паркѣ собралась толпа народа и сначала благосклонно выслушала предложенный однимъ ораторомъ, г. Веббомъ, благодарственный адресъ императору Французовъ за начатое имъ освобожденiе Италiи; но достаточно было другому оратору г. Мантелю сказать нѣсколько словъ, и всѣ присутствовавшiе согласились воздержаться отъ всякаго адреса. То же самое повторилось и на митингѣ, бывшемъ въ Лондонской Тавернѣ 20 мая. На немъ предсѣдательствовалъ лордъ-меръ. Г. Дакинъ сдѣлалъ слѣдующее предложенiе: «По мнѣнiю митинга, въ высшей степени важно для чести и интересовъ Англiи, чтобы она сохраняла строгое безпристрастiе въ отношенiи обоихъ воюющихъ государствъ на континентѣ и не заключала никакихъ союзовъ и трактатовъ, которые могли бы запутать ее и быть опасными для ея нейтралитета.» Это предложенiе такъ пришлось по душѣ каждому, что присутствовавшiе не хотѣли даже слушать никакой поправки въ немъ. Г. Тайлоръ, желавшiй сдѣлать такую *поправку*, съ цѣлью прибавить выраженiе сочувствiя къ Италiи, принужденъ былъ замолчать при

крикахъ: «сядте на свое мѣсто» и другихъ знакахъ неудовольствія. Когда ораторъ пытался защищать свое предложеніе, то волненіе на митингѣ усилилось до такой степени, что лордъ-меръ счелъ лучшимъ покинуть свое предсѣдательское кресло и удалиться изъ залы подъ предлогомъ болѣзни. Послѣ недолгихъ споровъ, поправка г. Тайлора была отвергнута, и резолюція г. Даккина принята единогласно. На подобныхъ митингахъ члены новаго парламента не упускаютъ случая высказать тѣ убѣжденія, которыя они будутъ поддерживать въ предстоящую сессію. Такъ г. Гильпинъ на митингѣ 20 мая уже сдѣлалъ первый опытъ нападенія на министерство. «Народъ англійскій, сказалъ онъ, сочувствуетъ угнетеннымъ всѣхъ націй; но нѣкоторые члены нашего общества высказали явно свои нѣмецкія симпатіи (*рукоплесканія*). Если, въ интересахъ національностей, должно требовать и настаивать на сохраненіи нейтралитета (*одобреніе*), то еще съ большею силою должно заботиться, чтобы не нарушали нейтралитета тѣ, которые сочувствуютъ деспотамъ (*одобреніе*).» Присутствовавшіе поняли этотъ намекъ на министерство и положили сообщить графу Дерби о рѣшеніи митинга. На другой день первый лордъ казначейства объявилъ, что политика министерства совершенно согласна съ резолюціею митинга, и такимъ образомъ принялъ на себя новое обязательство передъ общественнымъ мнѣніемъ страны. Другой членъ либеральной оппозиціи, г. Докъ-Кингъ высказался въ засѣданіи кройдонскаго общества сельскаго хозяйства, бывшемъ 26 мая. Остроумный ораторъ обратилъ вниманіе слушателей на всю невыгоду и бесполезность территориальнаго расширенія и примѣнилъ это къ своей любимой мысли о малыхъ хозяйствахъ. «Мы знаемъ очень хорошо, сказалъ онъ, что расширеніе территоріи будетъ для насъ источникомъ слабости, а не силы, что оно поведетъ насъ къ бѣдности, а не къ богатству (*слушайте, слушайте*). Безъ сомнѣнія, война бываетъ необходима въ нѣкоторыхъ случаяхъ; но въ настоящее время нѣтъ такой необходимости. Чтобы указать на ужасныя слѣдствія войны, я припомню здѣсь одно замѣчаніе о французскомъ народѣ, слышанное мною во Франціи же отъ одного глубокаго мыслителя. Дознано всѣми, что французская нація значительно выродилась и обезсилѣла въ послѣдніе годы, и что теперь весьма трудно для пополненія арміи найти такихъ рослыхъ и сильныхъ людей, какіе были въ прежнее время; мнѣ говорилъ одинъ Французъ, хорошо знакомый съ дѣломъ, что правительство принуждено постоянно понижать мѣрку роста, требуемую отъ конскриптовъ. Это произошло оттого, что во время большихъ войнъ Наполеона I погибли лучшіе люди... оставались дома только увѣчные и не способные къ войнѣ, и отъ нихъ-то народи-

лись теперешние Французы (смыслъ и одобреніе). Смейтесь, джентльмены, но въ томъ, что я сказалъ, есть большая доля правды; война понижаетъ даже «нравскія свойства народа. (Одобреніе).» Фермерамъ понравилась нравоченіе, и они такъ же единодушно выразили свое одобреніе нейтралитету, какъ и англійские negociанты, собиравшіеся въ лондонской тавернѣ.

Но, рѣшившись остаться нейтральною до послѣдней возможности, Англія энергически заботится о собственной защитѣ; она не доверяетъ ни своему недавнему союзнику, ни вообще мирному расположенію настоящаго времени. *Times* разсуждаетъ не этому поводу слѣдующимъ образомъ: «Если нельзя извлечь никакой пользы изъ бѣдствій, то они могутъ научить многому. Между прочимъ мы должны убѣдиться въ томъ, что идеи о всеобщемъ мирѣ, такъ недавно утѣшавшія всѣхъ, были пустою мечтою. Восточная война составляетъ еще исключеніе: она готовилась долго и окончилась быстро; но италійская война есть война совершенно стараго закала. Что было виною ея, французское честолюбіе или австрійское упрямство, все равно. Каковы бы ни были причины войны, на кого бы ни падала ответственность за нее, но дѣло въ томъ, что война явилась вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ принциповъ, которые заставляли воевать предшествовавшіе поколѣнія. Она разразилась надъ Италіей, но могла разразиться и надъ Англіей... Послѣ всѣхъ нашихъ конгрессовъ о мирѣ, послѣ нашихъ международныхъ дружественныхъ связей и нашей всемірной выставки промышленности, дѣла приняли такой оборотъ, что изъ пяти главныхъ державъ двѣ затянулись въ борьбу на жизнь и смерть; двѣ другія вооружились съ головы до ногъ, имѣя въ виду броситься на поле битвы; а пятая, искренно желая остаться нейтральною, спѣшитъ изо всѣхъ силъ вооружаться. Народъ принимаетъ результатъ, который является помимо его желанія. Французы кричатъ теперь за войну, когда война уже началась, у Нѣмцевъ всѣ «фибры напряжены воинственно, и Англичане заняты отрадами волонтеровъ и стрѣлковъ. Мы имѣемъ въ виду не теперешнюю войну, не италійскій вопросъ и вообще не какой-либо частный вопросъ; мы говоримъ только, что человѣческія страсти не измѣнились, и что война является результатомъ этихъ страстей. До сихъ поръ не найдено еще средствъ предупредить ее. Конгрессы или не удаются, или не приносятъ пользы; расходы на войну не останавливаютъ никого, потому что разчетливые и экономные Французы подписались на десятки милліоновъ; даже конституціонныя формы не препятствуютъ войнѣ, потому что Пьемонтцы народъ свободный. Что касается до насъ, то мы конечно едва ли не единственная нація, понимающая все безуміе и безнравственность войны; но здравый смыслъ заставляетъ насъ быть на готовѣ,

и наши берега должны опестиниться пушками и солдатами.» И въ самомъ дѣлѣ отъ одного конца Англїи до другаго народъ готовится стать твердою стѣною противъ всякаго, кто вздумалъ бы оскорбить своимъ вооруженнымъ приутиствомъ старую Англїю. По своему обыкновенію, Англичане толчась же обирають митинги; каждый частный человекъ спешитъ высказать свое мнѣніе о лучшемъ способѣ вооруженія и обученія интуцернакъ (riflemen); самыя почтенныя лица долго и важно толкуютъ о томъ, какія панталоны удобнѣе для будущей мѣлнцы. Всѣ согласны въ томъ, что защита Англїи должна быть предоставлена самому народу. «Въ нашомъ отечествѣ, сказано въ *Times*, неизвѣстны ни конскрипція, ни наборъ; свободная Англїя должна быть защищена руками свободного народа. Если встрѣтится надобность, то въ нѣсколько недѣль, и ужъ назавтра въ нѣсколько мѣсяцевъ, ляжетъ подъ ружьемъ миллионъ людей, готовыхъ своею кровью защищать родную землю отъ чужеземной профанаци.» Уже успѣла образоваться цѣлая литература по вопросу о штуцернахъ; специалисты и неспециалисты толкуютъ объ этомъ дѣлѣ, и если въ этикъ толкахъ не всегда видно пониманіе военного искусства, за то высказывается по горячее участіе ко всякому общественному вопросу, которое составляетъ снму Англїи. Лордъ Эльчо, напримѣръ, отстаиваетъ превосходство панталанъ, впущенныхъ въ сапоги, другіе предпочитаютъ ботинки и острия; одни отдають преимущество зеленому цвѣту куртокъ, другіе сѣрому. Г. Друммендъ, этотъ «эксцентрическій членъ парламента», издалъ брошюру, въ которой предлагаетъ раздѣлить штуцернахъ на малые отряды и расположить ихъ на небольшихъ тропинкахъ, во рвахъ, въ лѣсахъ и за заборами. «Если, говоритъ онъ, миллионъ штуцернахъ стволонъ будетъ выглядывать изъ-за заборовъ на всемъ пространствѣ между берегомъ и Лондономъ, то нападающій два раза подумаетъ, прежде чѣмъ покажетъ своей носъ въ Англїю.» Нѣкоторые предлагаютъ даже, въ случаѣ высадки Французонъ, по крайней мѣрѣ въ теченіи пяти ночей бить въ снвороды, чтобы не давать спать неприятелю; истомивши его безсонницей, легко будетъ справиться съ нимъ. Однимъ словомъ, вниманіе всѣхъ Англичанъ сосредоточено теперь на средствахъ защиты. Въ самыхъ извѣстїяхъ съ театра войны они ищутъ преимущественно указаній на дѣйствїя штуцернахъ; въ *Times* напечатана статья о битвѣ при Монтебелло съ этой точки зрѣнїя. «Для совершенства солдатъ, говоритъ авторъ статьи, нѣтъ надобности въ долгомъ обученїи. Конечно, необходимо прилежно практиковаться въ стрѣльбѣ изъ штуцера, но крайне заблуждаются тѣ, которые думаютъ, будто солдаты должны готовиться къ войнѣ путемъ долгой дрессировки. Вѣроятно, по крайней мѣрѣ половина войскъ, сражающихся теперь въ Италїи,

имѣть не больше опытности, какъ и наши милиціонные полки, и маршалъ Ней справедливо сказалъ однажды, что французскіе солдаты «никогда не бываютъ слишкомъ молоды». Нравовученіе, которое мы можемъ вывести изъ этого замѣчанія, состоитъ въ томъ, что наши молодые волонтеры имѣютъ право смотрѣть на себя, какъ на силу не хуже всѣхъ регулярныхъ войскъ на свѣтѣ. Если они приучатся не уставать отъ ходьбы и мѣтко попадать въ глазъ быка, то съ ними трудно будетъ состязаться, и Англія можетъ съ полнымъ довѣріемъ и спокойно смотрѣть на свое неприступное положеніе.» Образуются штуцерные клубы (*rifle club*) и цѣлыя компании стрѣлковъ; всѣ главные города готовы оказать имъ денежное вспоможеніе; многіе митинги кончались взносомъ отъ 500 до 1000 фунтовъ стерл. (6.250 руб. сер.) и запискою до 50 человекъ. Хотя далеко еще до идеальной цифры милліона, однако общее число штуцерныхъ уже значительно: Англія никогда не знаетъ границъ въ дѣлѣ усовершенствованій; едва только обстоятельства укажутъ ей дѣйствительный или воображаемый недостатокъ ея, какъ всѣ наперерывъ стараются посмотрѣть на него въ увеличительное стекло, умышленно напугать себя и другихъ, и въ результатѣ окажется, что страна обезпечена на будущее время отъ дѣйствительной опасности. Правительство едва въ состояніи читать обо всемъ, что дѣлаютъ частныя лица на пользу общую, оно едва успѣваетъ собирать всю богатую жатву послѣ этихъ безчисленныхъ рабочихъ. Война еще далеко отъ дверей Англіи, а уже приняты всѣ мѣры къ защитѣ отъ нападенія. На упомянутомъ нами выше годичномъ собраніи сельскаго общества въ Кройдонѣ, членъ парламента г. Алькокъ выразилъ совершенное спокойствіе за безопасность Англіи. «Если у насъ будетъ, сказалъ онъ, двѣ или три тысячи штуцерныхъ и отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ стрѣлковъ, то ни одна непріятельская армія не проникнетъ на десять миль отъ берега (*одобреніе*)... Говорятъ, что при помощи пароходовъ Франція или другая страна могутъ нагрузить и высадить войска въ Англію въ нѣсколько часовъ. Я считаю это невозможнымъ. Что было во время крымской войны? Около 40.000 войскъ высадились въ Крыму въ іюнь или іюль 1854 года, но они могли двинуться только черезъ пять дней послѣ высадки (*слушайте, слушайте*). Если принять это мѣркою трудностей при нападеніи на чужую страну, то ни Россія, ни Франція и никакое другое государство не могутъ высадить 50 или 60 тысячъ и привести ихъ въ движеніе, прежде чѣмъ подоспѣютъ противъ нихъ штуцерные отряды. Что касается до меня, то я не вѣрю нападенію на Англію, хотя въ то же время думаю, что нужно быть готовымъ ко всякой случайности (*одобреніе*).»

Итакъ англійское общество желаетъ нейтралитета и рѣшилось само защищаться внутри страны. Защита береговъ лежитъ на обязанности правительства, но и въ этомъ отношеніи Англія не менѣе безопасна; снаряженъ такой флотъ, какого никогда еще не бывало въ Англіи: болѣе 50 винтовыхъ линейныхъ кораблей уже готовы, а этого числа не могутъ выставить всѣ остальные флоты въ мірѣ, соединенные вмѣстѣ. Для вооруженія такого количества кораблей, правительство прибѣгаетъ къ волонтерамъ; но нельзя сказать, чтобы легко было собрать ихъ. Англичанинъ охотно возьметъ свой штуцеръ и станетъ на порогѣ своего дома ждать непріятеля, но его трудно убѣдить, чтобы онъ покинулъ домашній очагъ и шелъ защищать неизвѣстный ему городъ отъ какого-то деспота. Корпуса штуцерныхъ наполняются быстро, а волонтеры-моряки, несмотря на всѣ приманки, прибываютъ медленно. Много толкуютъ о страшной бѣдности въ Англіи; казалось бы, тысячами должны были приходиться эти бѣдняки, которымъ правительство предлагаетъ около 20 руб. сер. въ мѣсяцъ и полную пенсію за 20 лѣтъ службы. Ничуть не бывало. Англійскіе морскіе офицеры семь дней ѣздили по Лондону въ великолѣпной каретѣ, съ музыкой, съ пѣснями, говорили рѣчи о прелестяхъ морской службы, и въ результатѣ оказалось, что изъ всей этой толпы бѣдняковъ не болѣе 50 человекъ согласились надѣть мундиры. Мы приведемъ здѣсь двѣ-три подробности о митингѣ, бывшемъ въ Саутшильдѣ, на которомъ капитанъ Пимъ убѣждалъ присутствовавшихъ вступить въ морскую службу. Изъ словъ капитана видно, что на купеческомъ кораблѣ матросъ получаетъ 4 фунта (27 руб. сер.) въ мѣсяцъ, но такъ какъ обыкновенно корабль стоитъ четыре мѣсяца въ портѣ, то годовая плата будетъ не выше 32 ф. (200 р. сер.). Правительство предлагаетъ 2 ф. 9 шилл. жалованья и $7\frac{3}{4}$ шилл. за хорошее поведение, что составитъ 19 руб. сер. въ мѣсяцъ или 228 р. сер. въ годъ; при этомъ одежда и табакъ продаются по дешевымъ цѣнамъ; послѣ десяти лѣтъ службы назначается половинная пенсія, а послѣ двадцати полная, и дается право на помѣщеніе въ гриничскій госпиталь. «Я вижу здѣсь, сказалъ капитанъ, бывшаго повара на кораблѣ *Юргонъ*; онъ получаетъ 28 фунтовъ пенсіи, да 47 фунтовъ отъ хозяина за свою теперешнюю службу; 75 фунтовъ (около 470 р. с.),—это уже порядочное обезпеченіе.» Присутствовавшіе остались удовлетворены денежными выгодами, предоставляемыми правительствомъ; но есть одно обстоятельство, которое внушаетъ отвращеніе свободному Англичанину отъ военной службы; оно было высказано на митингѣ. «Я увѣренъ, сказалъ г. Лиддль первый записавшійся волонтеръ, что въ случаѣ опасности для Англіи, весь народъ пойдетъ противъ врага, который осмѣлится поставить свою ногу на англій-

скую землю. (Фукльскаля.) Но вѣдь на кораблѣхъ существуютъ ящики, и правъ нельзя замѣнить другимъ наказаніемъ это варварское и произвоственное обращеніе? Другіе моряки также съ отвращеніемъ поверили о дѣлькахъ, называемыхъ вещью неестественною, немислимою для свободнаго и разумнаго человека; море родная стихія для Англичанина, и не будь этихъ чудовищныхъ орудій наказания, морскіе экипажи наподнились бы съ чрезвычайною быстротою.

Во всякомъ случаѣ, въ Англіи не было бы недостатка въ людяхъ для защиты страны; о другіяхъ предствахъ войны нечего и говорить; конечно, ни одна страна въ мірѣ не можетъ соперничать въ этомъ отношеніи съ Англіею. Мы приведемъ здѣсь статью, помѣщенную въ *Times* по поводу тѣхъ матеріальныхъ силъ, которыми можетъ располагать Англія въ случаѣ войны: «Казна наша никогда не истощится, арсеналы и доки наши все болѣе и болѣе производительны, военные заводы наши увеличиваются съ каждымъ днемъ. Мы въ состояніи одѣть, вооружить и снабдить всѣмъ необходимымъ не только самихъ себя, но и своихъ союзниковъ, еслибъ они просили насъ о помощи. Сила пара, употребляемая въ нашемъ отечествѣ, превышаетъ ручную силу всего человѣческаго рода; въ такомъ же отношеніи стоитъ у насъ и производство военныхъ кораблей, пароходовъ, канонирскихъ додокъ, пушекъ, ружей, бомбъ, ядеръ и пуль. И не только по количеству, но и по качеству всѣхъ этихъ матеріаловъ, мы не имѣемъ равныхъ себѣ: все, что имѣется у насъ, есть самое лучшее въ своемъ родѣ и самаго высокаго качества. Нельзя также сомнѣваться и въ духъ націи, которая производитъ въ такомъ количествѣ орудія смерти. При первомъ вызовѣ, и если только неприятель будетъ достоинъ гнѣва Англіи, она превратится въ разрушительный вулканъ для всѣхъ своихъ враговъ ближайшихъ и дальнихъ... Пушка г. Армстронга можетъ служить разительнымъ доказательствомъ громадности тѣхъ механическихъ средствъ, которыя составляютъ силу нашего отечества. Мы вполнѣ убѣждены, что ни одно государство не въ состояніи готовить въ достаточномъ количествѣ орудій этого рода—мы опередили всѣхъ; едва ли могутъ они отнять даже и одну такую пушку. А мы навѣрное можемъ отнять ихъ сколько угодно всякаго размѣра, даже такіа пушки, которыя заряжаются стофунтовыми ядрами и могутъ стрѣлять на громадное разстояніе, теперь почти невѣроятное. Но пушка, о которой мы говоримъ, не составляетъ еще всего. Бомбы, изготовляемыя для нея, возбуждаютъ гораздо сильнѣйшее удивленіе. Онѣ разрываются тотчасъ при вылетѣ изъ пушки или при удареніи о какой-либо предметъ—это зависитъ отъ желанія: въ первомъ случаѣ бомба разрывается на нѣсколько частей, которыя образуютъ родъ вѣтра и распространяютъ разрушеніе въ

такихъ размѣрахъ и на такомъ пространствѣ, о которыхъ и не снилось при прежнихъ бомбахъ. Деревянные стѣны Англіи не способны защитить насъ отъ разрушительныхъ снарядовъ, которые могутъ пронизать девяти-футовое плотное дубовое бревно. Мы должны имѣть поэтому стѣны желѣзныя; люди уже не надѣваются теперь желѣзныхъ доспѣховъ, но за то корабли должны ограждать себя ими. И въ этомъ отношеніи Англія имѣетъ первенство надъ всѣми прочими странами. Въ одинъ или два года она можетъ, если захочетъ, построить флотъ съ гигантскими вооруженіями, покрытый чешуею, которой не сдѣлаютъ вреда никакія ядра. Всѣ соображенія эти относятся, можно сказать, къ будущему. Мы въ состояніи обзавестись желѣзнымъ флотомъ, Армстронговыми пушками, цѣлыми горами ядеръ и бомбъ самаго разрушительнаго свойства, и по мѣрѣ того, какъ подвигается война, мы можемъ все болѣе и болѣе развивать источники могущества, лежащіе въ нашей почвѣ и нашемъ народонаселеніи. Но вопросъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, какъ могли бы мы дѣйствовать, если бы война захватила насъ черезъ мѣсяць или даже прежде? Въ какой степени притоговлены мы бороться съ высадкою непріателя, покровительствовать нашей торговлѣ или встрѣтиться въ открытомъ морѣ съ 60 или 70 линейными кораблями? Не будемъ говорить на этотъ разъ объ адмиралтействѣ; которое дѣлаетъ все, чѣмъ отъ него зависитъ. Но взглянемъ на Вульвичскій арсеналъ, на это громадное убѣжище циклоповъ, гдѣ идетъ работа, которую языческой поэтъ не могъ бы обнять даже своимъ воображеніемъ. Можно предполагать, что тамъ находится 7000 совершенно годныхъ для употребленія пушекъ, кромѣ соответствующаго количества снарядовъ въ разныхъ докахъ, разбѣянныхъ по всему пространству королевства. Пушки эти могутъ быть сосредоточены пожеланію на всякомъ пунктѣ, въ числѣ 200 или 300. Читатели наши могли убѣдиться по опыту крымской кампаніи, что пушка далеко не прочное орудіе и портится послѣ известнаго числа выстрѣловъ. Въ какомъ же количествѣ можемъ мы переливать ихъ? Съ помощью старыхъ горновъ въ Вульвичѣ и нѣсколькихъ новыхъ, уже оконченныхъ или готовыхъ къ окончанію, съ помощью также частныхъ литейныхъ заводовъ, Англія можетъ производить отъ 4000 до 5000 пушекъ всякаго размѣра ежегодно. Что касается до бомбъ и ядеръ, то одинъ Вульвичъ даже теперь поставляетъ ихъ до 26.000 въ недѣлю, а можетъ легко заготовить до 40.000; то-есть вшестеро больше того количества, которое потрачивалось еженедѣльно въ крымскую кампанію. Обратимся ли мы отъ большаго къ малому оружію, то убѣдимся, что мы въ состояніи снабдить имъ и аммуниціею въ какомъ угодно количествѣ всякую ар-

мию. У насъ въ запасъ 80 или 90 миллионъ картежей Минье, и мы можемъ производить еженедѣльно два или три миллиона.»

Когда страна, обладающая такими громадными силами, твердо держится нейтралитета, то ея примѣръ не можетъ не оказать самага благотѣльнаго вліянія. При настоящемъ положеніи дѣлъ, характеръ англійской политики получаетъ особенный смыслъ: Германія чутко прислушивается ко всему, что дѣлается въ Англии и ищетъ въ ней опоры для себя.

Что бы ни говорили ораторы идеальнаго нѣмецкаго патриотизма, единая Германія существуетъ только въ ихъ воображеніи. Германскій сеймъ, въ его нынѣшнемъ составѣ, представляетъ собою такую нестройную машину, которая годна только для распложенія бумагъ и рѣшительно не способна дѣйствовать правильно. Эта пестрая смѣсь правительствъ съ самыми различными характерами никакъ не можетъ составить стройное цѣлое: теперешнее либеральное правительство Пруссіи говоритъ языкомъ, непонятнымъ для ретроградныхъ представителей Австріи или Ганновера; рѣдко два члена Союза одинаково понимаютъ одну и ту же статью союзнаго акта. Мы не разъ говорили уже о томъ, что вся эта искусственная организація держится только искусственнымъ равновѣсіемъ между Австріею и Пруссіею; какъ только Австрія принуждена бываетъ замолчать, какъ только парализируется ея вредное вліяніе на сеймъ, Германія начинаетъ ощупью попадать на правильную дорогу, и прежде всего слышатся голоса противъ безобразія нынѣшняго сеймоваго устройства. Общій голосъ страны требуетъ, чтобы вмѣсто союза государей сеймъ выражалъ собою представительство народа. «Подъ именемъ сейма, сказано въ штутгартскомъ журналѣ *Beobachter*, существуетъ пустой союзъ государей, основное начало котораго состоитъ въ исключеніи народовъ; при первомъ европейскомъ кризисѣ этотъ союзъ долженъ разорваться. Для національнаго развитія Германіи онъ не только былъ бесполезенъ, но служилъ прямо препятствіемъ.» То же самое говорилъ въ штутгартской палатѣ одинъ изъ представителей, г. Гельдерсъ: «Германскому народу, читаемъ мы въ его рѣчи, давно уже обѣцано народное представительство на сеймъ; только оно можетъ обезпечить нашу свободу и дать отпоръ реакціоннымъ стремленіямъ, которыя по временамъ высказываются на сеймѣ.» Это недовольство существуетъ повсюду, и его нельзя отстранить такими средствами, какъ напримѣръ полицейское преслѣдованіе того нумера журнала, въ которомъ напечатаны приведенныя нами слова. Во множествѣ брошюръ задается тотъ же неотвязный вопросъ: существуетъ ли Германія, какъ государство? Естественно, что лучшая часть германскаго народонаселенія обращается теперь съ сочувствіемъ къ Пруссіи и готова пере-

дать ей судьбы общаго отечества; въ одной брошюрѣ сказано даже прямо, что прусское правительство, «которое вступило на путь правильного прогресса и соблюдаетъ вѣрность народу», должно быть поставлено во главѣ Германцевъ.

Такого рода стремленія, которыя существовали уже семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, а въ 1849 году сдѣлались девизомъ *готской партіи*, не нравятся приверженцамъ Австріи, потому что Австрія можетъ существовать только при нынѣшнемъ безобразномъ устройствѣ сейма. Сѣверная и южная Германія раздѣлились теперь на два лагеря; *Allgemeine Zeitung*, которая нѣсколько лѣтъ была органомъ германскаго единства, теперь стала защищать какой-то *порядокъ*, будто бы олицетворяемый Австріею; она стала косвенно упрекать прусское правительство въ потворствѣ революціи, въ слабости и снисходительности къ польской партіи въ палатѣ; по мнѣнію этой газеты, только она понимаетъ истинные интересы Германіи, а всѣ другіе журналы «пляшутъ по дудкѣ *ютаэровъ*». Началась перестрѣлка между *Allgemeine Zeitung* и *National-Zeitung*. Первая заговорила о томъ, что Германія вовсе не въ Берлинѣ, а въ Мюнхенѣ. «Было время, сказано здѣсь, когда Берлинъ имѣлъ такое сильное вліяніе на всю Германію, что берлинскія воззрѣнія служили мѣркою для всѣхъ германскихъ племенъ (*Stämme*). Теперь все измѣнилось: Мюнхенъ, болѣе чѣмъ въ одномъ отношеніи, имѣетъ первенство передъ Берлиномъ.» *National-Zeitung* отвѣчала на это, что Германія безъ Пруссіи существовать не можетъ, а безъ Баваріи ей легко обойтись; что Франція и не подумаетъ бояться Германіи, если ее не поддержитъ 540.000 прусскаго войска; что второстепенныя государства должны поэтому опираться на Пруссію.

Поводомъ къ такимъ объясненіямъ послужило засѣданіе прусскихъ палатъ, о которомъ было говорено въ прошлой книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, и слишкомъ пылкое предложеніе Ганновера о собраніи обсервационнаго корпуса на Рейнѣ. Въ Баваріи прусскихъ либераловъ называютъ *kleindeutsche Partei*, а защитниковъ ретрограднаго сейма *Grossdeutsche*. Конечно, по мнѣнію *Allgemeine Zeitung*, рѣчи гг. Штала и Бланкенбурга гораздо выше рѣчей ораторовъ, принадлежащихъ партіи, «которая особенно разчитываетъ на симпатіи Германіи». Эта газета, заслужившая себѣ въ сѣверной Германіи лестное прозвище *österreichischer Organ am Lech*, увѣряетъ, что она получила, по поводу засѣданія 12-го мая, множество писемъ весьма неместныхъ для Пруссіи, и не печатаетъ ихъ только въ интересахъ согласія между Нѣмцами.

Еще болѣе разыгрался антагонизмъ южной и сѣверной Германіи по поводу прусскаго протеста на сеймѣ, 19-го мая. Въ отвѣтъ на предложеніе Ганновера о томъ, чтобы на Рейнѣ собранъ былъ обсервационный корпусъ, Пруссія потребовала себѣ ини-

цѣлѣннѣе въ дѣлѣ защиты Германіи. Ничего не могло быть естественнѣе такого требованія: Пруссія первая привела на военное положеніе свою армію, она одна имѣетъ достаточно силъ, чтобы дать отпоръ грозному врагу; она не можетъ подчиняться всякому капризу слабонервнаго патриотизма какого-нибудь третъестепеннаго государства въ родѣ Ганновера. Но всѣ приверженцы сейма, въ австрійскомъ вкусѣ, забили тревогу. Въ инициативѣ Пруссіи увидѣли шагъ къ ея исключительному преобладанію, со страхомъ смотрѣли на осуществленіе идеала *gotta-ross* и въ виду виѣшняго врага завели счеты съ Пруссіей. Въ это время прусское правительство отправило генераловъ Виллизена въ Австрію и Альфонслебена въ южную Германію съ какими-то порученіями; всѣ были увѣрены, что дѣло идетъ о преобразованіи сейма, и *Preussische Zeitung* должна была опровергнуть этотъ слухъ. Политическимъ сплетнямъ въ Германіи теперь самый широкій просторъ, тѣмъ болѣе, что сеймъ, вѣроятно изъ боязни преобразованія, пересталъ публиковать отчеты о своихъ засѣданіяхъ. Извѣстно только, что докладъ по вопросу о прусской инициативѣ былъ порученъ г. фонъ-деръ-Фюрдтену, оставленному первому министру баварскому. У этого господина не разъ прорывалось желаніе выдвинуть хотя на второй планъ Баварію, о которой никто не заботился. Теперь представился къ тому удобный случай: стоить только занять вакантное мѣсто Австріи и сдѣлаться самымъ нѣмецкимъ изъ нѣмецкихъ государствъ. Для этого нужно было отстранить Пруссію; и вотъ, зная убѣжденія прусскаго правительства, г. Фюрдтенъ поставилъ необходимымъ условіемъ прусской инициативы обязательство со стороны Пруссіи защищать италіянскія владѣнія Австріи. «Этотъ балетмейстеръ, говоритъ *National-Zeitung*, думаетъ поставить на сцену свою новую штуку. . . Онъ покаялся своими школьными тетрадами (г. Фюрдтенъ былъ профессоромъ), что Пруссія тотчасъ гарантируетъ австрійскія владѣнія въ Италіи; онъ, баварскій господинъ посланникъ на сеймъ, будетъ требовать этого безошадно отъ регента Пруссіи, и если получитъ уклончивый отвѣтъ, то, послѣ отчаяннаго пируэта, съ мечомъ въ рукѣ въ одинъ мигъ очутится въ Эльзасѣ; отсюда онъ возвратитъ въ Тюльери свою ленту почетнаго легіона и велитъ сказать, что онъ теперь сдѣлался столько же ужасенъ, сколько прежде былъ сговорчивъ и почтителенъ.» По тону этой статьи можно заключить, какое непріятное впечатлѣніе произведено въ Пруссіи предложеніемъ Баваріи. Говорятъ даже, что Баварія собираетъ въ Пфальцѣ, слѣдовательно по ту сторону Рейна, цѣлый корпусъ войскъ, и намѣревается стать здѣсь въ авангардъ защитниковъ Германіи, подражая принцу нассаускому, который защищаетъ теперь Германію въ Италіи. На что разчитываетъ подобная демон-

страція? Думаетъ ли Баварія побудить Пруссію тотчасъ же объявить войну Франціи, или она желаетъ только унижить Пруссію въ глазахъ Германіи? То и другое равно вѣроятно; но вопросъ поставленъ такъ рѣзко, что Пруссіи трудно уступить. Ея политика послѣдняго времени заслуживала полнаго сочувствія; вотъ какъ объясняетъ ее *National-Zeitung*: «Пруссіи приходилось опредѣлить свою роль. Ее побуждали сначала сдѣлаться вассаломъ и покорно стать подъ двувѣтное знамя Австріи, чтобы распространить австрійское владычество въ Италіи и запечатлѣть союзъ императора съ папою; это значило бы исполнить то, чего желала бременская коалиція девять лѣтъ тому назадъ, разчитывая на содѣйствіе Россіи... Оставалась единственно возможная роль: взять на себя предводительство истинно-германскою политикою; уважать и щадить всѣ отдѣльные интересы, но соединять народъ германскій и направлять его дѣйствія къ одной цѣли; парализовать реакціонный и клерикальный характеръ австрійскихъ интересовъ и защищать ихъ на столько, на сколько они суть вмѣстѣ интересы германскіе: вообще воздерживать народъ отъ ультрамонтанизма и отъ легитимистскаго донкихотства.»

Какъ бы то ни было, Баварія рѣшительнѣе другихъ подняла знамя противъ Пруссіи. Но она дѣйствуетъ не одна; къ ея партіи принадлежатъ Ганноверъ, Нассау, Дармштадтъ и Брауншвейгъ. А въ послѣднее время этотъ анти-пруссскій союзъ нашелъ подкрѣпленіе еще въ Саксоніи. При открытіи саксонскихъ палатъ, 25 мая, король въ тронной рѣчи сказалъ между прочимъ: «Послѣ болѣе нежели сорокалѣтняго мира, возгорѣлась въ сердцѣ Европы война, которая дѣлаетъ сомнительными трактаты, условливающіе юридическій бытъ Европы. Германскій Союзъ не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ борьбы... Если дойдетъ до войны за правое дѣло, то Богъ будетъ съ нами и съ общимъ нашимъ отечествомъ, съ Германіею.» Эти слова были предисловіемъ ко второму, весьма важному факту, къ послыжкѣ перваго министра Саксоніи, г. Бейста, въ Англію. Лучшаго доказательства безсилія Германіи не могло быть; она не умѣетъ шагу ступить, не опираясь на какое-либо иностранное государство; прежде она искала опоры у Россіи, теперь она обращается къ Англіи. Но Англію не легко побудить вступаться въ чужія дѣла и заботиться о чужихъ интересахъ. Лордъ Мальмсбери можетъ надавать обѣщаній г. Бейсту, но народъ англійскій не захочетъ, конечно, поддерживать Германію; вѣдь все-таки это еще не *большой человекъ*. «Въ германскомъ энтузіазмѣ, сказано въ *Times*, очевидна тоска по чужеземной помощи и недостатокъ довѣрія къ собственной силѣ... Германцы не должны ждать отъ насъ помощи. Конечно, могутъ случить-

ся обстоятельства, которыя способны вовлечь Англiю въ войну; но ничего подобнаго еще не случилось. Мы видимъ въ Италии двѣ арміи, которыя способны помѣряться другъ съ другомъ, но не видимъ никакой немедленной опасности для равновѣсія Европы. Если Германцы благоразумны, то они должны выжидать спокойно, наблюдать, какая армія сражается лучше, и посмотреть, дѣйствительно ли Австрійская имперія достойна помощи. Но если Германцы предпочитаютъ войну, то надо полагать, что они достаточно сильны сами по себѣ; такъ пусть же они не кланутся тѣню Чатама и не взываютъ къ Англiи о помощи.» Еще рѣшительнѣе выражается *Manchester Examiner*. «Г. фонъ Финке, сказано здѣсь, возлагаетъ большія надежды на тѣнь Чатама, для того чтобы пробудить духъ Англiи. Нелѣпо, конечно, предполагать, чтобы духи раехаживали по землѣ сто лѣтъ спустя послѣ того, какъ они освободились отъ тѣлесной оболочки, не говоря уже о томъ, что духъ, о которомъ говоримъ мы, обѣщаль не появляться на свѣтъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ уплаченъ государственный долгъ. Мы обязаны понизить нѣсколько тономъ подобныхъ декламаций. Германскіе соплеменники наши обладаютъ необыкновенно широкою душою. Они способны совершить мыслію пятьдесятъ кампаній, прежде чѣмъ хоть одинъ воинъ изъ духовной сферы, въ которой они вращаются, перейдетъ въ другой, тѣлесный міръ. Аналогіи, заимствованныя изъ эпохи, минувшей сто лѣтъ тому назадъ, не доказываютъ ничего. Предположимъ даже, что тогдашнія и теперешнія событія имѣютъ нѣкоторое сходство, все-таки въ промежутокъ ихъ Европа совершенно измѣнила свое положеніе. Германія не то уже безпомощное, дряхлое тѣло, какою она была въ послѣдніе дни священной Римской Имперіи. Духъ свободы пронесся надъ нею, проникъ во все существо ея и вдохнулъ въ нее энергію. Не утверждая, чтобы германскіе власти-тели нашихъ дней достигли во многомъ политическаго совершенства, справедливость заставляетъ насъ однако признаться, что они стоятъ несравненно выше развращенныхъ и вѣтренныхъ предшественниковъ своихъ 1792 года. Наполеонъ III можетъ изгнать Австрію изъ Италиі, ибо Наполеонъ I пытался сдѣлать то же самое и успѣлъ въ томъ; но Наполеонъ III не будетъ стараться покорить себѣ Германію, ибо Наполеонъ I дѣлалъ уже подобную попытку, и безуспѣшно. Кромѣ того, въ отношеніи средствъ обороны, Германія нашего времени несравненно выше Германіи 1792 года, а военный геній Наполеона III, кажется, нѣсколько ниже генія Наполеона I. Естественное слѣдствіе изъ всего этого, что Германія останется нетронутою, если только сама она не подастъ къ тому повода; если же она подастъ его,

Наполеонъ, конечно, постарается быть завоевателемъ съ обѣихъ сторонъ Альпъ. Прежде чѣмъ мѣшаться Германіи въ дѣла Австріи, слѣдовало бы ей взглянуть на вопросъ широкимъ и безпристрастнымъ взоромъ. Намъ говорятъ, что Австрія германское государство: можетъ-быть по имени и преданію, но не иначе. «Австрія насчитываетъ 8.000.000 нѣмецкихъ подданныхъ», восклицаетъ г. Симсонъ, бывший вице-президентъ франкфуртскаго національнаго собранія. Только 8.000.000! Но все народонаселеніе Австріи состоитъ изъ 36.000.000, стало-быть германскій элементъ составляетъ только четвертую его часть (1). Конечно, Австрія находится въ близкихъ отношеніяхъ къ Германіи. Она украла у нея императорскую корону и хочетъ увѣрить, что незаконная эта эмблема государственной власти перешла къ ней тысячелѣтнимъ преемствомъ съ чела Карла Великаго. Австрія—повелительница пестрой массы національностей, между которыми находится много благородныхъ и подавленныхъ племенъ, Славяне, Италіянцы, Венгры, Альбанцы. Политика ея состоитъ въ томъ, чтобы противопоставлять эти племена одно другому, побуждать ихъ подавлять свободу друга друга, и все это для того только, чтобы достигнуть ей въ Германіи вліянія, на которое она не имѣетъ права. Какую роль играла бы Австрія на франкфуртскомъ сеймѣ, еслибы роль эта определялась тамъ по количеству германскаго ея народонаселенія? Положеніе ея тамъ представляетъ неслыханную аномалію. Конституціею, изданною въ мартѣ 1849 года, она объявила, что всѣ разнообразныя національности ея составятъ на будущее время одну, нераздѣльную имперію. Признала ли когда-нибудь Германія это распоряженіе? Между основными законами Германскаго Союза и австрійскою конституціею существуетъ коренное различіе, явная и непримиримая распря. Независимость Венгрии и Италіи введетъ Австрію въ истинные, законные предѣлы германскаго государства и принудитъ ее занять принадлежащее ей мѣсто между членами Союза. Пруссіи это извѣстно, и каково бы ни было мнѣніе палаты, въ рѣчи принца-регента есть мѣста, имѣющія столь же грозный смыслъ для Австріи, какъ и для Франціи. Во всякомъ случаѣ было бы болѣе чѣмъ бесполезно со стороны Англіи оказывать свою помощь презрѣнному и многообразному деспотизму, имѣющему центръ свой въ Вѣнѣ, и если Германія будетъ имѣть сумасшествіе вступить въ борьбу, то пусть отвѣчаетъ она сама за себя, не разчитывая ни на копѣйку нашихъ денегъ, ни на каплю нашей крови.»

(1) Англійскій журналъ слишкомъ похвально германскому элементу въ Австріи. Онъ не составляетъ даже и пятой части всего народонаселенія Имперіи.

Эти слова должны бы заставить задуматься г. Бейста и всѣхъ послѣдовъ отъ такъ-называемой Германіи: если въ Англіи есть симпатія къ какой-либо германской державѣ, то этою державою можетъ быть только Пруссія. Напрасно толкуютъ въ настоящемъ случаѣ о Германіи; во всѣхъ махинаціяхъ, направленныхъ противъ Пруссіи, видна слишкомъ опытная рука; нельзя не узнать здѣсь Австріи, искусившейся въ интригахъ на сеймѣ и теперь напрягающей всѣ свои дипломатическія способности. Въ какомъ же положеніи находится сама Австрія?

Естественно, что Австрія имѣетъ теперь печальную привилегію сосредоточивать на себѣ общее весьма не лестное вниманіе всей Европы. Она употребила всѣ средства для того, чтобъ отклонить конгрессъ; она съ негодованіемъ помышляла о томъ, что ее вызываютъ на судъ, что ей придется выслушать много горькихъ истинъ отъ уполномоченныхъ главныхъ европейскихъ державъ, что наконецъ можетъ — быть даже поставленъ будетъ вопросъ о владѣніи Ломбардіею. Но что же выиграла Австрія? Грозный ультиматумъ ея далеко не былъ поддержанъ будто бы побѣдоносною второю арміею; трактатъ, на который она опиралась, разорванъ ею же самою, — и теперь уже не одни дипломаты высказываютъ свое мнѣніе объ Австріи, а вся европейская печать, кромѣ завѣдомо-австрійскихъ журналовъ, обязана сказать свое слово осужденія, свой приговоръ. И уже рѣчь идетъ не о Ломбардіи, а о существованіи самой Австріи; *tu l'as voulu*... Когда война вступаетъ во всѣ свои факгическія права, когда дипломаты закрываютъ свои портфели, купцы приостанавливаютъ свои обороты, мирные жители съ тоскою ждутъ побѣдителей и побѣжденныхъ, тогда двѣ только силы остаются въ полѣ: сила меча и сила общественного мнѣнія. Голосъ послѣдняго, правда, не въ состояніи иногда заглушить громкую команду генераловъ и громкія реляціи о побѣдахъ; но въ немъ можно услышать бюллетень другой арміи, болѣе многочисленной и вооруженной не пушками и мечомъ, а тѣмъ, что приводитъ въ дѣйствіе мечи и пушки, что одно можетъ упрочить побѣду.

Передовые застрѣльщики этой безсчетной арміи не замедлили выступить противъ Австріи, и мѣтко сбиваютъ тяжелую, но ржавую артиллеріею, которая со скрипомъ выдвинулась было на защиту Австріи *quand même*. Гарибальди перенесъ войну въ Ломбардію, прежде чѣмъ французско-сардинская армія подошла къ Тичино; волонтеры общественнаго мнѣнія далеко опередили главный корпусъ, идущій спокойно, по знакомой дорогѣ, озираясь на театръ войны и прислушиваясь къ выстрѣламъ. Эти волонтеры конечно во сто разъ многочисленнѣе партизановъ, собравшихся подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ Гарибальди; у нихъ

также есть свое знамя, и они уполномочены дѣйствовать тою же войною, которая сдѣлала Гарибальди изъ капитана частнаго корабля командиромъ отдѣльнаго отряда.

Видное мѣсто въ ряду этихъ волонтеровъ, по всему праву, принадлежитъ г. Кошуту, — пока онъ не избралъ еще себѣ другой роли. Карлъ-Альбертъ, развитый Радецкимъ, сказалъ: «если когда-нибудь начнется война съ Австрійцами, я пойду простымъ солдатомъ противъ нихъ»; бывший диктаторъ Венгрии не давалъ подобныхъ обещаній, онъ не удовлетворился бы ролью простаго солдата: можетъ-быть не сознавая въ себѣ особенныхъ воинскихъ способностей, онъ избралъ себѣ другую сферу дѣятельности. Удальвшись въ Америку, г. Кошутъ много и краснорѣчиво говорилъ о свободѣ и деспотизмѣ, и его слова возбуждали пылкій восторгъ въ слушателяхъ. Но къ чему могъ послужить этотъ восторгъ *ликозъ* для противника Австріи, когда *лики* едва только по имени знали Австрію? Г. Кошуту нужна была другая пропаганда, ему нужно было возбудить интересъ къ своему дѣлу въ той странѣ, гдѣ общественное мнѣніе есть первенствующая сила, и гдѣ находится средоточіе другой силы, финансовыхъ средствъ едва ли не всего міра. Пресытившись безплодными оваціями Американцевъ, онъ переезжалъ въ Англію, гдѣ не разъ говорилъ на митингахъ о своемъ любимомъ предметѣ; въ нынѣшнемъ году, увидѣвши, что въ Европѣ готовится что-то, что австрійская политика становится день ото дня невыносимѣе, раздражительнѣе, Кошутъ въ началѣ февраля, началъ въ Англии лекціи о національности. Первая его лекція произвела впечатлѣніе, англійскіе журналы напечатали извлеченіе изъ нея, изъ котораго видно, что профессоръ хорошо зналъ своихъ слушателей и удерживался отъ крайнихъ воззрѣній: «национальности, говорилъ онъ, были великими посредницами, нравственными лицами, стоящими между семействомъ и человечествомъ; особенный геній каждой изъ нихъ, въ своемъ движеніи, служить развитію цѣлаго.» Мысль теоретически вѣрная, противъ которой никто не станеть спорить. Вопросъ только въ практическомъ приложеніи ея, и г. Кошутъ воспользовался теперешнею войною, чтобы отъ общихъ теорій перейти къ практикѣ. Онъ началъ свои рѣчи въ разныхъ городахъ Англии, и въ теченіи пяти дней успѣлъ участвовать въ двухъ митингахъ: въ Лондонѣ и Манчестерѣ.

О митингѣ, собиравшемся въ Лондонской Тавернѣ 20 мая, мы говорили уже выше; онъ весьма замѣчателенъ потому, что на немъ высказался особый оттѣнокъ настроенія, господствующаго теперь въ англійскомъ торговомъ классѣ. Предсѣдательствовавшій лордъ-меръ выразилъ желаніе, чтобы Англія оставалась спокойною зри-

тельницею войны, чтобы самая война ограничилась Италіею и окончилась какъ можно скорѣе. «Всѣ должны радоваться, если результатомъ борьбы будетъ освобожденіе порабощенной Итали, возстановленіе ея національности и появленіе новаго оплота свободы противъ деспотизма. (*Одобреніе.*) Только это можетъ оправдать войну, и мы должны молить Провидѣніе, чтобы побѣда была повсюду на сторонѣ народа, и чтобы государи глубоко убѣдились въ томъ, что ихъ честь, счастье, долгоденствіе, равно какъ благосостояніе ихъ подданныхъ достигается лучше всего сохраненіемъ мира. (*Одобреніе.*)» Это желаніе въ пользу Итали не понравилось Нѣмцамъ, и, чтобы уменьшить его силу, они стали доказывать, будто бы лондонскій лордъ-меръ есть только представитель мелкихъ торгашей, а не *Города*; а между тѣмъ еще недавно *Times* протестовалъ противъ чрезмѣрной власти лорда-мера и увѣщевалъ высокопочтеннаго г. Уайра только тѣмъ, что въ ноябрѣ наступитъ время новыхъ выборовъ, и что тогда лондонскіе негоціанты могутъ смѣнить мистера Уайра. Желаніе, высказанное лордомъ-меромъ, есть желаніе почти всѣхъ Англичанъ, да и однихъ ли Англичанъ? Въ настоящемъ случаѣ оно опредѣляло тонъ всего митинга, на которомъ главная рѣчь принадлежала г. Кошуту. Понимая очень хорошо, что нельзя убѣдить Англичанъ вмѣшаться въ войну за одно съ Франціею, г. Кошутъ убѣждалъ ихъ на митингѣ въ необходимости сохранить нейтралитетъ. «Я не припомню, сказалъ онъ, ни одного офіціального или полуофіціального объявленія, изъ котораго я могъ бы заключить о желаніи англійскаго правительства стать на сторонѣ Франціи, но все, что я читалъ, приводитъ меня къ заключенію, что выборъ возможенъ между нейтралитетомъ или поддержкою Австріи. (*Нѣтъ, нѣтъ!..*) Мы слышали, что въ интересѣ Англій противиться занятію Адриатическаго моря французскимъ флотомъ; что въ интересѣ Англій защищать Триестъ отъ нападенія; наконецъ министерскій кандидатъ въ Вестъ-Райдингъ говорилъ, что, въ случаѣ осады Венеціи, Англія должна заботиться о ея спасеніи. И отчего же пришлось бы спасать Венецію? Отъ величайшаго несчастья для нея, отъ сверженія ига австрійскаго деспотизма (*рукоплесканія.*)» Англичане готовы слушать разумный совѣтъ, кѣмъ бы онъ ни былъ высказанъ, они позволяютъ иностранцу публично порицать свое министерство; «мы горячо сочувствуемъ мудрому совѣту, который даетъ намъ г. Кошутъ, говоритъ *Times*; австрійскія симпатіи, высказанныя дербитами, не нравятся огромному большинству Англичанъ, и они готовы вторить словамъ бывшаго диктатора Венгріи.» Но здѣсь кончается сходство мнѣній; взглядъ на теперешнюю войну, высказанный г. Кошутомъ, составляетъ его личное убѣжденіе, не воплія

раздѣляемое Англичанами. «Италіанскій вопросъ, говоритъ г. Кошутъ, возникъ не изъ дурнаго управленія или дурнаго правительства, онъ поэтому не можетъ быть рѣшенъ своевременными уступками, улучшениями или реформами. Это былъ вопросъ о національности, и вслѣдствіе того для практическаго рѣшенія его необходимо совершенное и окончательное изгнаніе Австрійцевъ изъ Италіи. (*Громкія рукоплесканія.*) Никакая сдѣлка здѣсь невозможна. Или Австрійцы должны быть навсегда выброшены изъ Италіи, или италіанскій вопросъ будетъ возникать снова и снова. Только поголовное истребленіе Италіанцевъ можетъ обезпечить господство Австріи на полуостровѣ; но нельзя истребить 26 миліоновъ народа.» За тѣмъ г. Кошутъ обращается къ воспоминаніямъ 1848 года и указываетъ на то обстоятельство, что въ то время Италіанцы сражались и протѣстовали противъ своихъ правительствъ не потому, чтобъ эти правительства были дѣйствительно дурны, а потому, что въ Ломбардіи ихъ соотечественники сражались съ Нѣмцами. «По мнѣнію г. Кошута о настоящей войнѣ, говоритъ *Times*, она вовсе не имѣетъ въ виду матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ Италіи, облегченія налоговъ, соединенія народа въ одно государство и пріобрѣтенія личной, муниципальной и политической свободы. Ничуть не бывало. Война имѣетъ сентиментальный и географическій характеръ. Все дѣло въ томъ, чтобы земля на югъ отъ Альповъ не была профанирована присутствіемъ народа, въ языкѣ котораго много согласныхъ и мало гласныхъ, тогда какъ эта земля предоставлена Провидѣніемъ народу, въ языкѣ котораго преобладаютъ гласныя буквы.» Въ этихъ словахъ англійскаго журнала есть своя доля правды, но ихъ нельзя принять безусловно. Бываютъ на свѣтѣ гласныя и согласныя очень властолюбивыя; бываютъ и такіе случаи, что цѣлыя государства существуютъ благодаря враждѣ между гласными и согласными, и опираясь на эту вражду поработаютъ одинъ народъ другимъ. Въ такихъ государствахъ интересы цѣлаго приносятся въ жертву какой-либо части, национальности становятся не способны къ упругости, къ сдѣлкамъ: соединенная въ одномъ государствѣ, онѣ не хотятъ оставаться на равныхъ правахъ, стремятся къ преобладанію, и всякая побѣда въ этой борьбѣ заковывается крѣпче ту цѣпь, которой тягость придется испытать самимъ побѣдителямъ. Посмотрите напримѣръ на отношеніе нѣмецкаго и славянскаго элемента въ Австріи: Нѣмцы свысока смотрятъ на Славянъ, считаютъ себя въ правѣ налагать на нихъ свои учрежденія, даже свой языкъ; является гнетъ не только германской бюрократіи, но даже гнетъ согласныхъ, о которыхъ говоритъ *Times*. Чувство національной особенности необходимо должно заявлять себя при подобномъ гнетѣ, особенно если на помощь ему придетъ

живой примѣръ страны, гдѣ однородное народонаселеніе сумѣло выработать разумныя общественныя отношенія. Могла ли Ломбардія оставаться укрѣпленнымъ австрійскимъ лагеремъ, когда въ Туринѣ собирались палаты, существовала свободная печать, была обезпечена личность каждаго? Еслибы австрійское правительство, вмѣсто египетской работы централизаціи, развивало самоуправленіе въ каждой провинціи, оно воздвигло бы крѣпости сильнѣе Мантуи и Вероны; еслибы оно, вмѣсто того, чтобы вести свои войска въ Туринъ, перенесло туринскія учрежденія въ Ломбардію, италіанскій вопросъ принялъ бы другой оборотъ. Теперь, когда въ большей части государствъ не признана необходимость уваженія къ племеннымъ элементамъ, національностямъ трудно разчитывать на другую гарантію, кромѣ отдельной государственной формы; но этотъ взглядъ долженъ измѣниться, и чѣмъ раньше правительства усвоятъ себѣ уваженіе къ національностямъ, тѣмъ вѣрнѣе предотвратятъ они крайнія стремленія національностей и оставятъ имъ ихъ истинное значеніе; съ другой стороны тѣмъ скорѣе народы, ими управляемые уразумѣютъ, что политическія стремленія должны быть направлены не къ раздѣльности національностей, а къ тому, чтобы обезпечить возможность ихъ мирнаго общенія и взаимной свободы. Отъ замѣны же одного деспотизма другимъ, народъ ничего не выиграетъ; нѣтъ большаго различія въ томъ, опирается ли этотъ деспотизмъ на многоязычную и разрозненную, или на сплошную и однородную массу; австрійское правительство есть тоже, если угодно, правительство національное, но дѣло въ томъ, что оно представляетъ собою исключительно нѣмецко-бюрократическія притязанія на остальные племена; какая польза была бы для Италіи, еслибы австрійскій скипетръ замѣнился въ ней французскимъ? Абстрактная любовь къ національности есть нѣчто совершенно слѣпое, а къ какимъ увлеченіямъ она способна, это показываютъ слова хоть самого г. Кошута на манчестерскомъ митингѣ. «Перемѣна деспотическихъ правительствъ, говоритъ онъ, можетъ хотя въ малой мѣрѣ вести къ свободѣ; это можетъ произойти и въ настоящемъ случаѣ, потому что во Франціи, кромѣ деспотизма, есть еще народность, а въ Австріи ея нѣтъ.» Не блистательна же будущность Италіи, если ей предстоитъ только перемѣнить однихъ властителей на другихъ; Франція не отличалась никогда особеннымъ уваженіемъ ни къ національностямъ, ни вообще къ общественнымъ элементамъ, и что за дѣло Италіи до сплоченности французской народности, если эта народность ляжетъ на нее всею своею тяжестью? Если г. Кошутъ такъ прилагаетъ свою теорію національности, то

эта теорія дѣйствительно можетъ быть названа сентиментальною...

Необходимо ли существованіе Австріи для политическаго равновѣсія Европы? вотъ другой вопросъ, который предлагаетъ г. Кошутъ. Но онъ не признаетъ даже разумности этого равновѣсія, называетъ ее «кабалистическою абракадаброю, Молохомъ, пожиравшимъ такъ долго справедливость, нравственность и свободу народовъ.» Нѣтъ нужды доказывать, что такъ-называемое равновѣсіе основывается на чувствѣ самозащиты, что европейскій союзъ по возможности, не принося жертвъ этому Молоху, сохраняетъ такое распредѣленіе государствъ, которое обезпечиваетъ противъ чрезмѣрнаго усиленія одного изъ нихъ, ставить барьеры новымъ завоеваніямъ. Существованіе Австріи въ теперешней или измѣненной формѣ признается однимъ изъ такихъ барьеровъ, и Австрія, конечно, много равчитывала на этотъ взглядъ, когда задумывала теперешнюю войну. Г. Кошутъ указываетъ особенно на ошибочность такого расчета. «Противъ чьего преобладанія, говоритъ онъ, Австрійская имперія составляла барьеръ? Конечно, противъ русскаго или французскаго. Но она не можетъ служить барьеромъ противъ Россіи, потому что русскому царю стоитъ сдѣлать воззваніе къ національности семнадцати милліоновъ Славянъ, находящихся подъ владычествомъ Австріи, и они встанутъ противъ нея. Австрія не можетъ служить барьеромъ и противъ Франціи; если императоръ Французовъ приблизится къ границѣ какой-либо національности, поработченной Австріею, и скажетъ: я приидель помочь вамъ, встаньте и разбейте немыслимыя цѣпи, — это воззваніе будетъ принято съ энтузіазмомъ. Австрія не была барьеромъ, она была Дамоньимъ мечомъ, висѣвшимъ надъ спокойствіемъ и безопасностью Европы. Она была пещерою, въ которой гнѣдился европейскій вулканъ. Пусть она низвергнется въ бездну вѣчнаго проклятія, распыливающа для нея (*рукоплевсканія*), и тогда всѣ мѣстные революціи будутъ только домашнимъ дѣломъ... У народовъ, составляющихъ искусственную массу, называемую Австріею, есть весьма много элементовъ могущества, но было бы ошибочно предполагать, что отъ этого могущественна Австрійская имперія. Еслибы воишь этимъ народамъ удалось возстановить свою національность, они образовали бы дѣйствительный оплотъ неаависимости Европы; но въ настоящее время Австрія, вмѣсто того чтобы служить барьеромъ, была большимъ мѣстомъ европейскаго мира и безопасности.» Нельзя не согласиться во многомъ съ г. Кошутомъ; нельзя не порадоваться, что онъ сдѣлалъ шагъ впередъ въ послѣдніа десять лѣтъ, дошелъ до признанія славянской народности наравнѣ съ венгерскою; нѣмецкіа провинціа Австріи, по его мнѣнію, должны

отойдти къ Германіи, остальные же образуютъ отдѣльныя государства, и первое мѣсто между ними займетъ Венгрія, которая «слишкомъ сильна, чтобы сдѣлаться департаментомъ Франціи». Этого, конечно, не опасается никто; но можно ли поручиться, чтобъ отдѣльныя государства, число которыхъ будетъ весьма значительно, въ состояніи были теперь уже образовать прочной союзъ, федерацію, достаточно сильную внутри себя? Что преобразование Австріи должно совершиться, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; что стремленія ея къ централизаціи не могутъ имѣть прочнаго успѣха, — это также ясно; что наконецъ подчиненіе тридцати милліоновъ разноплеменнаго народонаселенія семи милліонамъ Нѣмцевъ не можетъ въ наше время долго держаться, въ этомъ убѣждены всѣ, кромѣ австрійскаго правительства. Но трудно сказать опредѣлительно, въ какой формѣ совершится преобразование; можно пожелать только, чтобъ она предотвратила борьбу различныхъ національностей, ихъ стремленіе къ преобладанію. Аудиторія, въ которой говорилъ г. Кошутъ, отвѣчала на его слова громкими рукоплесканіями, но общественное мнѣніе въ Англіи не раздѣляетъ этого восторга. «Мы не думаемъ, говоритъ *Times*, чтобъ англійскій народъ, по преимуществу практическій, увлекся вмѣстѣ съ г. Кошутомъ въ страну призраковъ. Въ настоящемъ мы рѣшились оставаться нейтральными; за будущее мы не можемъ отвѣчать; но безъ сомнѣнія мы станемъ руководствоваться иными побужденіями, не увлечемся краснорѣчіемъ сентиментальныхъ политиковъ, для которыхъ исторія не представляетъ никакихъ уроковъ, политическая мудрость не имѣетъ значенія, и которые своимъ участіемъ способствовали только къ подавленію національностей.»

Манчестерская рѣчь г. Кошута намъ извѣстна пока только по небольшимъ извлеченіямъ, напечатаннымъ въ нѣмецкихъ журналахъ. Изъ нихъ видно, что бывшій диктаторъ готовъ приступить къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, чѣмъ рѣчи на митингахъ. Телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, будто бы г. Кошутъ уже прибылъ въ Геную, откуда намѣренъ отправиться въ Венгрію. Должно думать, что онъ имѣетъ какія-нибудь надежды на успѣхъ своего дѣла, и нѣкоторые признаки придаютъ этимъ надеждамъ вѣроятіе. Между венгерскими солдатами, находящимися теперь въ Италіи, распространена прокламація, написанная 15 марта въ Пестѣ. Здѣсь высказывается совѣтъ не сражаться противъ Итальянцевъ и Французовъ, которые готовы идти на освобожденіе Венгріи. «Венгерцы, братья, солдаты! сказано въ прокламаціи, — эти строки посылаются вамъ отъ имени венгерскаго отечества и вашихъ прежнихъ предводителей... Какъ только начнется война, возвращайтесь къ намъ назадъ, при первой возможности! Мы будемъ ждать васъ съ трехцвѣтнымъ венгерскимъ знаменемъ.»

Въ самой Венгріи расположеніе умомъ должно бы заставить австрійское правительство подумать о своемъ положеніи. По обычаю, дворянство разныхъ провинцій, входящихъ въ составъ Австріи, поспѣшило представить императору вѣрноподданническіе адреса; даже Евреи выражаютъ свою готовность къ пожертвованіямъ на войну; на улицахъ Вѣны прибиты объявленія, въ которыхъ побуждаются къ вѣрноподданническому адресу «иностранны нѣмецкой націи». Корреспондентъ *National-Zeitung* удивляется подобнымъ подстреканіямъ, написаннымъ чрезвычайно витіевато, отъ имени Германіи, «возникшей подобно фениксу изъ пепла 1813 года»; онъ замѣчаетъ вообще объ адресахъ, что они мотивируются преимущественно полицейскимъ надзоромъ надъ мнѣніями, тѣмъ, для чего у Нѣмцевъ есть особое слово *Gesinnungspolizei*; каждый, чье имя не красуется въ адресѣ, боится, чтобы его не заподозрили въ отсутствіи преданности. Духовенство ограничилось краснорѣчивыми посланіями къ своей паствѣ, и не оправдало надежды, которая возлагалась на него; всѣ думали, что въ войнѣ, вызванной тою системою, въ которой конкордатъ былъ однимъ изъ краеугольныхъ камней, духовенство выкажетъ большую щедрость и поможетъ правительству въ его финансовыхъ затрудненіяхъ; а между тѣмъ прелаты, получающіе по 20.000 гульденовъ дохода, подписались не болѣе какъ на 2.000, а о пожертвованіяхъ изъ суммъ монастырей и конгрегацій не было и рѣчи. Но каковы бы ни были мотивы адресовъ, поданныхъ дворянами и корпораціями нѣмецкими и славянскими, въ Вѣнѣ очень беспокоятся о томъ, что дворянства Галиціи и Венгріи воздержались даже отъ этого офіціального выраженія чувствованій. Въ названныхъ частяхъ Австріи особенно сильно недовольство централистическими мѣрами г. фонъ-Баха, и дворянство поставило удаленіе этого министра условіемъ для своего примиренія съ правительствомъ. Разчитывая на теперешнее положеніе Австріи, можно было ожидать, что императоръ согласится на уступки; когда цѣлая система оказывается несостоятельною, прежде всего необходимо удалить ея представителей. Говорили даже, что венгерскіе дворяне хотѣли на аудіенціи просить императора избавить ихъ отъ барона Баха; но до сихъ поръ министръ внутреннихъ дѣлъ держится твердо, и даже придворная партія и ультрамонтаны едва не успѣли сдѣлать его президентомъ совѣта министровъ. Австрійскій корреспондентъ *Times*, который вообще видитъ все въ розовомъ свѣтѣ, не можетъ скрыть своихъ опасеній за Венгрію: «Извѣстія, говоритъ онъ, получаемыя мною изъ Венгріи, до того мрачны, что я не рѣшаюсь передавать ихъ. Недовольство и ропотъ народа растутъ съ каждымъ днемъ, и нельзя со-

мнѣваться, что рано или поздно возникнутъ беспорядки, если Венгерцамъ не будутъ сдѣланы нѣкоторыя уступки. Правда, въ разныхъ частяхъ Венгріи набрано много волонтеровъ, но почти все это только сволочь (riffraff). Премія въ 15 флориновъ (9 руб. сер.) составляетъ соблазнъ для людей, у которыхъ нѣтъ ни гроша, а такихъ теперь въ Венгріи огромная масса.»

Но если г. фонъ-Бахъ до сихъ поръ еще стоитъ непоколебимо, то графъ Буоль былъ принесенъ въ жертву,—трудно сказать положительно, кому или чему. Какъ водится, официальная газета выставила причину отставки графа Буоля разстройство его здоровья, но по всему видно, что удаленіе графа было первымъ шагомъ на пути тѣхъ уступокъ, къ которымъ вынуждена теперь Австрія. Соображая отрывочныя извѣстія, разбѣяныя въ разныхъ журналахъ, нельзя не придти къ заключенію, что въ удаленіи графа Буоля участвовала аристократическая партія при дворѣ, которая желаетъ восстановленія священнаго союза, за одно съ феодалскою партіей въ Пруссіи. Говорятъ, что графъ Виндичгрецъ объявилъ прямо, что не можетъ разчитывать на успѣхъ своего посольства въ Россію, пока министромъ иностранныхъ дѣлъ останется графъ Буоль; партизаны графа Туна считаютъ его одного способнымъ восстановить прежнія отношенія Россіи съ Австріею. Наконецъ инвалидъ старой дипломатіи и священнаго союза, князь Меттернихъ, вѣроятно, убѣдилъ императора пожертвовать графомъ Буолемъ,—по крайней мѣрѣ императоръ рѣшился на это послѣ долгаго разговора съ нимъ. Однимъ словомъ, можно заключить, что графъ Буоль былъ принесенъ въ жертву столь несбыточному доброму согласію съ Россіей; по выраженію *National-Zeitung*, это «Курцій, бросившійся въ бездну, образованную восточною войною для того, чтобы закрылась эта бездна.» Если эта бездна действительно существуетъ, то въ наше время невозможны тѣ чудеса, о которыхъ повѣствуется въ римской исторіи. Перемена одного лица не измѣняетъ всей системы; графъ Буоль былъ нашимъ политическимъ врагомъ, онъ сдѣлалъ много ошибокъ, но эти ошибки вызывались ненормальнымъ положеніемъ Австріи, ея политической агоніей. Графъ Буоль представлялъ собою Австрію, всю ея систему, ея сущность. Начатая не вовремя война то же самое для дипломата, что проигранное сраженіе для генерала; она доказываетъ недостатокъ стратегическаго разчета. Но не на одного министра иностранныхъ дѣлъ должна падать отвѣтственность за неудачу; графъ Буоль во внѣшнихъ сношеніяхъ могъ представлять только Австрію, съ ея мрачною правительственною системою, съ ея разстроенными финансами, съ конкордатомъ, съ сѣченіемъ женщинъ, съ ненавистью народа къ правительству.

Всѣ конвульсіи австрійской дипломатіи выражали только ея внутреннюю болѣзнь; съ тѣми средствами, которыя давала Австрія, графъ Буоль не могъ сдѣлать ничего для ея спасенія; какъ могъ онъ дѣйствовать спокойно и обдуманно, когда почва подъ нимъ постоянно колебалась? Ему приходилось олицетворять фиктивное понятіе объ Австріи, какъ о государствѣ; отсюда все мрачное въ его дѣятельности. Но онъ работалъ во имя этой фикціи, и не мы, конечно, станемъ упрекать графа Буоля за то, что онъ содѣйствовалъ къ расторженію священнаго союза; онъ видѣлъ въ этомъ интересъ своего отечества, и дай Богъ, чтобы всѣ министры руководились подобными побужденіями.

Графа Буоля замѣнилъ графъ Юганъ Бернгардъ Рехбергъ-Ротенловенъ, который отличается особенно упорнымъ характеромъ, не идущимъ ни на какія сдѣлки. *Times* сравниваетъ его съ лордомъ Страффордъ и придаетъ ему эпитеты «абсолютнаго и упрямаго». Изъ прошедшей исторіи новаго министра извѣстно, что онъ занимаетъ важные дипломатическіе посты уже съ 1851 года, когда онъ назначенъ интернунціемъ при оттоманскомъ дворѣ 45-ти лѣтъ отъ роду; за годъ передъ тѣмъ онъ былъ австрійскимъ комиссаромъ и такъ велъ дѣла, что австрійскія войска едва не вступили въ сраженіе съ прусскими при Бронцеллт; въ 1853 году графъ Рехбергъ назначенъ былъ при Радецкомъ для управленія гражданскими дѣлами въ Ломбардіи, и скоро потомъ занялъ мѣсто австрійскаго посланника при германскомъ сеймѣ и председателя сейма. Здѣсь графъ Рехбергъ дѣйствовалъ съ такою настойчивостью, что пріобрѣлъ для Австріи рѣшительный перевѣсъ въ Германіи; на эту знакомую ему почву перенесъ онъ и теперь свою тактику, и, какъ мы видѣли выше, его дѣйствія имѣютъ извѣстные успѣхъ. Графъ Рехбергъ еще болѣе Австріецъ, чѣмъ графъ Буоль; онъ питаетъ ненависть къ либеральной Пруссіи, и теперь столкновеніе между двумя главными германскими державами болѣе возможно, чѣмъ когда-нибудь. Онъ будетъ искать союзниковъ, конечно, прежде всего въ Германіи и Италіи, или правильнѣе сказать, въ ретроградныхъ правительствахъ германскихъ и италіянскихъ. Все утверждаетъ въ надеждѣ, что только на этомъ полѣ придется ему развивать свою энергію, и что она окажется безсильною, если возьмется за исполненіе обширныхъ плановъ графа Виндишгреца, графа Туна и князя Меттерниха. Пора побѣдоносныхъ дипломатическихъ кампаній на востокъ Европы прошла, кажется, безвозвратно для Австріи; востокъ Европы едва ли подчинится вліянію графа Рехберга, какъ бы абсолютенъ и упрямъ ни былъ нравъ его.

Но какія же надежды можетъ подавать новому австрійскому

министру Италіи, эта страна, раздѣленная теперь войною и еще болѣе системой правительствъ на два противоположные лагеря?

Говорить теперь о Сардиніи значило бы говорить о военныхъ дѣйствіяхъ. Передвиженіе войскъ, безконечныя толки о различныхъ планахъ кампаніи, страстное ожиданіе бюллетеней изъ главной квартиры, вотъ чѣмъ наполнена общественная жизнь въ Пиемонтѣ. Вся страна походитъ на огромный лагерь, и лихорадочное движеніе, которое возбуждается всегда великими событіями, не только не утихааетъ, но съ каждымъ днемъ распространяется все болѣе. Съ перваго взгляда, движеніе это составляло поразительный контрастъ съ тою апатіею, въ которой находилась, повидимому, ломбардская область: апатія эта, впрочемъ, была, какъ оказалось, крайне обманчива и при первой рѣшительной неудачѣ Австріицевъ не замедлила уступить мѣсто поголовному возстанію. Это и не удивительно: Австріицы принимали такія мѣры противъ жителей Ломбардіи, которыя допускаются рѣдко даже въ непріятельской странѣ, среди самаго разгара военныхъ дѣйствій: въ Миланѣ, коммандантъ этого города издалъ прокламацію, въ которой говорится, что военныя лица могутъ на мѣстѣ убивать тѣхъ жителей, отъ которыхъ они понесутъ какое-либо оскорбленіе. Понятно, къ какимъ послѣдствіямъ могла вести подобная варварская мѣра: офицерамъ былъ предоставленъ полный произволъ; всякій неосторожный поступокъ могъ быть истолкованъ какъ неуваженіе къ военной власти. Но эта безумная строгость упомянутого нами распоряженія показываетъ только, съ какою безнадежностію смотрятъ сами Австріицы на пребываніе свое въ Ломбардіи. Несомнѣннымъ признакомъ этого можетъ служить, между прочимъ, то обстоятельство, что даже люди, бывшіе до сихъ поръ вѣрными слугами вѣнскаго правительства, спѣшатъ отказать отъ того, чему они поклонялись такъ усердно. Въ Миланѣ полиція арестовала одного изъ редакторовъ тамошней оффиціальной газеты, г. Зонзоньо, за то, что онъ значительно понизилъ яростный тонъ своего изданія и умѣрялъ ультра-австріискій пылъ, которымъ пропитаны извѣстія главнокомандующаго изъ лагеря. Все это, повторяемъ, свидѣтельствуетъ о крайне-напряженномъ состояніи, въ которомъ находится ломбардское народонаселеніе; да и могло ли быть иначе, когда во всѣхъ сосѣднихъ странахъ, не въ Сардиніи только, но въ Пармѣ и Моденѣ, національное движеніе дѣлаетъ смѣлые шаги впередъ?

Герцогство Пармское до сихъ поръ сбиваетъ толку Европу нерѣшительностію и колебаніями своими среди великихъ событій, разыгрывающихся около предѣловъ его. Давно ли герцогиня Пармская принуждена была покинуть свои владѣнія, и лишь только европейская публика стала привыкать къ этой мысли,

какъ пришло извѣстіе, что она опять возвратилась въ столицу своего государства. Событіе это показывало, кажется, ясно, что революціонные элементы вовсе не такъ сильны въ Пармѣ, что правительница пользуется тамъ симпатіею, если не всего народонаселенія, то по крайней мѣрѣ значительнаго его большинства. Вслѣдъ за тѣмъ распространилась вѣсть, что она вторично должна была выѣхать изъ Пармы, и что отрядъ тосканскихъ войскъ, вступилъ уже въ пармскія владѣнія, для того чтобы подать руку помощи инсургентамъ. Но вѣсть эта не подтвердилась, и событія еще не опровергли циркуляра, разосланнаго недавно пармскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, г. Паллавицино, ко всѣмъ европейскимъ дворамъ. Въ циркулярѣ этомъ говорилось, что партія, сочувствующая войнѣ за независимость, весьма многочисленна въ Пармѣ, что она получила-было минутный перевѣсъ, благодаря недоразумѣнію и чисто случайнымъ обстоятельствамъ, но тотчасъ же сама испугалась своего торжества, и правительство, назначенное ею, поспѣшило разсѣяться.

Возстаніе въ Пармѣ значительно развязала руки союзнымъ войскамъ. Много причинъ заставляегь думать, что у нихъ есть твердое намѣреніе дѣйствовать противъ Австрійцевъ съ крайняго, лѣваго ихъ фланга. Доказательствомъ этого могло бы служить прибытіе принца Наполеона въ Тоскану, гдѣ онъ долженъ принять начальство надъ отдѣльнымъ корпусомъ. Принцъ объявляегь въ своей прокламаціи, что обязанности его чисто военныя, что онъ нисколько не будетъ вмѣшиваться во внутреннее управленіе страны: нельзя думать, однако, чтобъ онъ прибылъ туда съ намѣреніемъ оставаться тамъ въ бездѣйствіи. Военное движеніе должно непременно начаться оттуда въ скоромъ времени. Газета *Times* предвидѣла это, но она не понимала только, какимъ образомъ движеніе это можетъ совершиться, когда Парма и Модена придерживаются строгаго нейтралитета. Что касается Модены, то нейтралитетъ ея болѣе чѣмъ сомнителенъ, такъ какъ австрійскія войска давно уже занимаютъ столицу этого государства, а о Пармѣ французскій телеграфъ говорилъ, вѣроятно, по предчувствію... Можно думать, что этими же стратегическими соображеніями должно объяснять посѣдшность, съ которою Пиемонтъ объявилъ Массу и Каррару присоединенными окончательно къ своимъ владѣніямъ. Хотя событіе это извѣстно намъ по послѣднимъ газетамъ не офиціально, но ничто не заставляегь сомнѣваться въ его достовѣрности. Оставимъ однако болѣе или менѣе вѣрныя предположенія касательно различныхъ плановъ военныхъ дѣйствій, и лучше послѣдуемъ за дѣйствительнымъ путешествіемъ принца Наполеона въ Тоскану. Нельзя сказать,

чтобы народонаселеніе этой страны было одинаково довольно всѣмъ, что произошло послѣ того какъ великій герцогъ принужденъ былъ покинуть Флоренцію. Страна, какъ извѣстно, избрала тогда короля Виктора-Эммануила своимъ диктаторомъ, но король отклонилъ отъ себя это званіе, хотя и согласился отправить туда комиссара. Г. Буонкомпаньи и генералъ Уллоа назначены были для этой цѣли, и власть раздѣлена была между ними. Г. Буонкомпаньи давно уже извѣстенъ въ Тоскані; его образование, свободный образъ мыслей, пріятныя манеры приобрѣли ему тамъ всеобщее расположеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ хорошо извѣстно, что по натурѣ своей онъ менѣе всякаго другаго способенъ къ рѣшительному энергическому образу дѣйствій. Колебанія его обнаружались съ самаго принатія имъ новой должности: онъ не оговжился нести на себѣ отвѣтственность за всѣ дѣла, и собралъ консульту, которая состоитъ изъ сорока двухъ человекъ, и обязанность которой содѣйствовать правительству своими совѣтами. Мѣра эта произвела самое невыгодное впечатлѣніе, и весьма естественно. Надо было рѣшиться на что-нибудь изъ двухъ, или предоставить странѣ полную свободу, не стѣснять ничѣмъ печати, дать странѣ немедленно возможность учредить правительство согласно съ ея дѣйствительнымъ желаніемъ, или, взявъ всю власть въ свои руки, на томъ основаніи, что страна находилась въ одномъ изъ тѣхъ критическихъ положеній, когда повывраженію Альфieri: *commandichi puo, ubbidisca chi dove* (1). Назначеніе консульта и ничего не значація права, дарованная ей, служатъ яснымъ свидѣтельствомъ, что правительство не намѣрено слѣдовать ни той, ни другой политикѣ. Роль ея не отличается большою важностію; правительство можетъ обращаться къ ней, если найдеть то нужнымъ, за совѣтами, но сама она лишена всякой инициативы. Люди, составляющіе эту консульту, принадлежать, конечно, къ числу людей весьма почтенныхъ и пользующихся уваженіемъ въ странѣ, но большинство ихъ ничѣмъ не заявило своей способности къ дѣламъ, и въ народѣ теперь уже консульта называется не иначе, какъ *тосканскимъ инвалиднымъ домою*. Если правительство хотѣло учрежденіемъ ея заявить свое уваженіе къ конституціоннымъ формамъ, то и это бесполезно, послѣ тѣхъ распоряженій, которыя изданы недавно министромъ внутреннихъ дѣлъ. Свобода печати отмѣнена до наступленія болѣе спокойнаго времени. «Я считаю ее однимъ изъ самыхъ могущественныхъ орудій современной цивилизаціи, говоритъ министръ, но теперь она можетъ только породить раздоры. Наступитъ время

(1) - Коммандуи кто можетъ, повинуйся кто долженъ.»

свободнаго обсужденія; теперь же намъ нужно дѣйствовать мужественно, съ единодушіемъ, которое одно можетъ доставить намъ усиліе надъ непріателемъ и доказать, что мы достойны лучшей участи.» Каковы бы ни были причины подобныхъ распоряженій, но странно видѣть правительство, начинающее свою дѣятельность такую мѣрою, въ которой оно выказываетъ недоувѣріе къ націи и съ тѣмъ вмѣстѣ недоувѣріе къ самому себѣ. Это особенно неблаговидно со стороны такого правительства, какъ тосканское. Только открытый, свободный голосъ страны могъ бы дать ему легальную опору и оправдать его въ глазахъ другихъ государствъ. Теперь же Европа съ недоумѣніемъ спрашиваетъ, на сколько прочна новая власть, и соответствуетъ ли она желанію народа; по извѣстіямъ, сообщаемымъ въ *Times*, ни Англія, ни Россія, ни другія главныя державы не признали новаго правительства Тосканы, и онѣ имѣли на то достаточное основаніе. Съ какой точки ни взглянуть, слѣдовательно, на консульту, назначеніе ея представляется одинаково бесполезнымъ. Оно выказало только со стороны правительства крайнюю нерѣшительность и колебаніе: со дня на день признаки внутренняго безсилія замѣчаются все болѣе и болѣе во всѣхъ отрасляхъ управленія, — армія не довольна своимъ бездѣйствіемъ, во внутреннемъ управленіи все идетъ по старой рутинѣ, и присутствіе центральной власти замѣтно только въ безчисленныхъ и многословныхъ прокламаціяхъ. Газета *Times*, которая во Флоренціи, точно такъ же какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, имѣетъ отличнаго корреспондента, громко возстаетъ противъ теперешняго тосканскаго правительства и требуетъ, чтобъ оно не парализовало народнаго движенія.

Въ послѣднемъ обзорѣи нашемъ мы говорили о признакахъ безпокойства въ римскихъ провинціяхъ. Съ тѣхъ поръ они еще болѣе усилились и грозятъ перейти въ явное возстаніе. Особенно волненіе Романы достигло такихъ размѣровъ, что папское правительство сочло наконецъ нужнымъ принять рѣшительныя мѣры. Оно обратилось для этого къ нѣкому г. Алаи, который командовалъ войскомъ въ этой провинціи въ 1851 году и навелъ тамъ такой ужасъ, что до сихъ поръ именемъ его пугаютъ малыхъ дѣтей. Кардиналъ Антонелли предложилъ этому сбиру титулъ начальника внутренней стражи, но увы! времена переимѣнились, и г. Алаи не обнаружилъ ни малѣйшей готовности принять, среди теперешнихъ обстоятельствъ, предлагаемое ему званіе. Между нимъ и первымъ министромъ произошелъ, по этому случаю, любопытный разговоръ, за достовѣрность котораго корреспондентъ *Times* ручается вполне. «Святой отецъ желаетъ, такъ началъ кардиналъ, чтобы вы снова вступили въ службу.» — Же-

ланіе мое, отвѣчалъ Алаи, — провести остатокъ моихъ дней въ спокойствіи, да и что могу я сдѣлать? Вся Романья теперь въ пламени. «Но за насъ войска?» возразилъ Антонелли. — Нисколько. Алаи описалъ вслѣдъ за этимъ страшное неудовольствіе, которое распространилось во всемъ романскомъ народонаселеніи; онъ говорилъ, что войска деморализованы, правительство не имѣетъ почти ни одного приверженца во всей провинціи, что все пришло тамъ въ анархію, и духовенство должно, при первомъ возстаніи, опасаться даже за свою жизнь. Г. Алаи такъ рѣшительно отказывался, при этомъ, отъ предлагаемой ему должности, что кардиналъ долженъ былъ прибѣгнуть къ вмѣшательству самого папы, для того чтобы склонить его къ уступчивости, но онъ и передъ святымъ отцомъ повторилъ тѣ же самыя возраженія. «Послать меня въ Романью значитъ безъ пользы принести меня въ жертву народонаселенію,» сказалъ онъ. — Хотите ли довести меня до того, чтобы я умолялъ васъ? возразилъ ему Шій IX. Г. Алаи смягчился. Онъ принялъ должность и отправился въ провинцію, но можно надѣяться, что образъ его дѣйствій будетъ вовсе не таковъ какъ въ 1851 году. Событія, происходящія теперь въ Италіи, тяготѣютъ сильно надъ римскою правительственною системою и побуждаютъ къ умѣренности и благоразумію даже тѣхъ людей, которые всегда были извѣстны своимъ пристрастіемъ къ крайнимъ мѣрамъ. До чего переѣнились времена, можно видѣть изъ одного знаменательнаго анекдота, который находимъ въ той же самой газетѣ *Times*. Одинъ житель провинціи, извѣстный своимъ либеральнымъ образомъ мыслей, прибылъ недавно въ Римъ. Лишь только префектъ полиціи, монсиньоръ Маттеучи, узналъ объ этомъ, какъ прислалъ ему приказаніе выѣхать изъ города. Въмѣсто того, чтобы повиноваться этому приказанію, тотъ, къ кому относилось оно, самъ прибылъ къ префекту и обратился къ нему съ такого рода словами: «Если хотите, чтобы я удался изъ Рима, пришлите ко мнѣ жандармовъ, и пусть силою вытаскаютъ они меня изъ дома. Но прежде этого, позвольте дать вамъ маленькій совѣтъ: теперь не время обращаться попржежнему, то-есть своевольно, съ мирными гражданами, обдумайте еще разъ свой поступокъ, монсиньоръ.» Г. Маттеучи, дѣйствительно долженъ былъ послѣдовать этому «маленькому» совѣту, и приказаніе, данное имъ сначала, не получило исполненія. «Происшествіе это, замѣчаетъ *Times*, доказываетъ ясно, что духъ законнаго сопротивленія пробуждается въ римскихъ областяхъ; пробилъ послѣдній часъ клерикальнаго владычества.»

До сихъ поръ еще не имѣемъ мы подробныхъ извѣстій о томъ, какъ произошло вступленіе на престолъ въ Неаполѣ короля

Франциска II. Съ одной стороны, говорятъ, что спокойствіе не было нарушено, съ другой, что новый правитель долженъ былъ принять нѣкоторыя насильственныя мѣры противъ партій, предпочитавшей ему герцога Трани, сына покойнаго короля отъ его втораго брака. Какъ бы то ни было, теперь ясно, что Францискъ II утвердился во власти, и всѣ газеты исполнены предположеніями, чего можетъ ожидать отъ него Европа среди теперешнихъ обстоятельствъ. Газета *Morning-Herald* спѣшитъ дать ему нѣсколько благоразумныхъ совѣтовъ. «Прежде всего желали бы мы, говорить она, чтобы преемникъ Фердинанда II даровалъ своему народу тѣ конституціонныя учрежденія, которыя были такъ часто ему обѣщаны. Пусть приблизитъ онъ къ себѣ г. Филанджіери и людей, извѣстныхъ своимъ либеральнымъ образомъ мыслей. Италия находится теперь въ кризисѣ, во время котораго патріотизмъ и мудрость сыновъ ея подвергнуты будутъ тяжкимъ испытаніямъ. Новый король обязанъ соблюдать строгій нейтралитетъ и въ то же время пріобрѣсти расположеніе своихъ подданныхъ, искоренить вопіющія злоупотребленія и предотвратить возможность поголовнаго возстанія. Для него не представляется никакихъ выгодъ принять участіе въ войнѣ; онъ, напротивъ, можетъ многое потерять, если дозволитъ себѣ увлечься общимъ потокомъ.»

Будемъ надѣяться, во всякомъ случаѣ, что во внутреннемъ своемъ управленіи король Францискъ II не оставитъ безъ вниманія совѣтовъ, которые внушаются ему общественнымъ голосомъ всей Европы. Совѣты эти не разъ были подаваемы его предшественнику, онъ презиралъ ихъ, и что же было послѣдствіемъ того? Отчужденіе отъ него почти всѣхъ подданныхъ и то недоброжелательство за предѣлами его государства, которое нашло себѣ отголосокъ въ слѣдующей статьѣ *Times*, напечатанной тотчасъ по полученіи извѣстія объ его смерти: «Фердинандъ, король Обѣихъ Сицилій, покинулъ наконецъ престолъ свой, для того чтобы предстать на судъ, гдѣ потребуется отъ него строгій отчетъ за его правленіе. Для всякаго, сколько нибудь не жестокосердаго челоуѣка, тяжело произносить приговоръ о жизни умершаго, прежде чѣмъ прахъ его преданъ могилѣ. Не будемъ же говорить ничего, кромѣ самой простой и всѣмъ извѣстной истины о публичныхъ дѣяніяхъ этого короля. Мало людей обрушили на ближнихъ своихъ такой огромный запасъ бѣдствій, какі король Фердинандъ; мало людей были столь беспощадны въ распредѣленіи наказаній, столь нечувствительны къ страданіямъ осужденныхъ. Именно въ эту самую минуту, найдутся между нами, въ Лондонѣ, люди, которые могутъ засвидѣтельствовать справедливость этихъ словъ. Должны

ли же мы оставаться безмолвны, потому только, что король лишень, наконецъ, возможности внушать трепеть своимъ подданнымъ? Въ обществѣ господствовало въ сущности ложное понятіе о королѣ Фердинандѣ. Онъ не былъ, по крайней мѣрѣ за два года до конца своей жизни, мрачнымъ и таинственнымъ ханжею, какимъ преданіе рисуетъ намъ Филиппа II испанскаго. Онъ соединялъ въ лицѣ своемъ всѣ несимпатичныя качества неаполитанскаго характера, но не безъ примѣси той *bonhomie*, которою отличаются ладзарони въ его владѣніяхъ. Если бы всѣ подданные его согласились жить и умирать подобно безсловеснымъ животнымъ, онъ вовсе не былъ бы для нихъ дурнымъ государемъ. У него не было также недостатка въ умѣ. Онъ не имѣлъ притязаній на репутацію государственнаго чловека, въ настоящемъ смыслѣ слова. Онъ нисколько не понималъ прогресса европейской цивилизаціи. Система его состояла въ томъ, чтобы править деспотически, и для этого опираться на чужеземную силу. Для того чтобы поступать какъ ему угодно съ своими подданными, онъ не обращалъ вниманія на то, что Австрія поступала какъ ей угодно съ нимъ самимъ. Подъ конецъ жизни, однако, онъ опередилъ даже своихъ учителей: австрійское деспотическое правительство поняло наконецъ, что неаполитанскій союзникъ его зашелъ немного далеко. Главнѣйшее искусство короля состояло въ распознаваніи слабостей различныхъ лицъ и въ умѣнн пользоваться затруднительнымъ положеніемъ европейскихъ кабинетовъ. Онъ могъ отпустить, послѣ разговора съ собою, всякаго съ самымъ твердымъ убѣжденіемъ, что чловекъ, рѣшающійся говорить или дѣйствовать противъ такого милостиваго государя, заслуживаетъ строжайшаго и справедливаго наказанія: по волѣ умѣлъ онъ польстить, смѣяться, плакать, прикинуться сентиментальнымъ, словомъ подѣйствовать на всякую слабую струну въ чловеческомъ сердцѣ. Король не зналъ только искусства пробуждать въ чловекѣ возвышенныя, геройскія чувства... Италия лежала передъ нимъ въ рабствѣ и униженіи. Изъ этого униженія и рабства онъ бы легко извлечь ее. Онъ могъ бы найти себѣ мѣсто въ сердцахъ своихъ подданныхъ, и вмѣсто этого предпочелъ отстранить ихъ отъ себя. Онъ могъ бы, на другомъ концѣ Италии, и съ гораздо меньшими препятствіями, дѣлать то же самое, что сдѣлалъ король сардинскій, и вмѣсто того остался вассаломъ Австріи, и не захотѣлъ вступить на открытый передъ нимъ путь патріотизма, славы и благотворной политики. Если бы онъ не забывалъ своихъ обязанностей, жители Италии наслаждались бы теперъ миромъ, вмѣсто того, чтобы утучнять поля Пиемонта и Ломбардіи своею кровью. И несмотря на все это, неспособный возвыситься до пониманія своего достоинства и

истиннаго могущества, онъ зналъ, какъ направить два облака, чтобы, столкнувшись, они разсѣяли другъ друга; и въ послѣдніе годы жизни, слабый и беззащитный, онъ только и заботился о томъ, чтобы поддерживать соперничество между двумя главнѣйшими европейскими державами. У насъ нѣтъ ни времени, ни охоты, перечислять даже главнѣйшія событія его царствованія. Довольно вспомнить только о дѣйствіяхъ его въ 1848 году. Въ это время, когда революціонный духъ проникъ въ Неаполь, не было во всемъ неаполитанскомъ королевствѣ чловѣка, столь страстнаго къ конституціоннымъ учрежденіямъ, какъ самъ король. Только бы, кажется, ему и хотѣлось, что конституціонныхъ министровъ, да конституцію, чтобы быть совершенно счастливымъ. То не было съ его стороны формальнымъ, холоднымъ признаніемъ новаго порядка вещей; онъ присягалъ, давалъ обѣщанія, призывалъ Бога въ свидѣтели своей искренности, накликалъ на себя страшныя наказанія послѣ смерти, если бы пришлось ему измѣнить своему слову. Хладнокровный зритель могъ бы замѣтить:

Methinks this monarch doth protest too much (1).

но тогда было не до того. Легковѣріе народа, точно такъ же, какъ лицемѣріе короля, не знало себя предъловъ. Но во все это время Фердинандъ II обдумывалъ дальнѣйшій свой образъ дѣйствій; онъ ждалъ только случая, и случай вскорѣ представился. Въ одно прекрасное майское утро онъ замѣтилъ, что теченіе дѣлъ ему благопріятно, воспользовался этою минутою и засыпалъ Неаполь бомбами и картечью. И это еще не все. Пока улицы были обагрены кровью, король подтвердилъ свою прежнюю присягу; благодаря этому, онъ удержалъ отъ бѣгства всѣхъ предводителей оппозиціи и потомъ, захвативши ихъ, засадилъ въ тюрьмы, гдѣ они должны были испытывать невыносимыя страданія. Когда г. Гладстонъ посѣтилъ Неаполь, число политическихъ преступниковъ простиралось отъ 15.000 до 20.000 чловѣкъ. Казалось бы, невозможно, чтобы подобныя вещи могли случаться въ наше время, а между тѣмъ это фактъ. Суевѣріе короля Фердинанда кажется намъ единственно возможнымъ оправданіемъ для него въ этомъ случаѣ; дѣйствительно, онъ былъ суевѣренъ до крайности и потому самому, можетъ быть, не чувствовалъ всего бремени,

(1) - Мнѣ сдается, что монархъ этотъ ужъ слишкомъ много протестуетъ.

тяготѣвшаго надъ его совѣстью. Авось придется намъ скоро извѣстить, что старая система умерла вмѣстѣ съ старымъ королемъ; онъ заставлялъ проливать много слезъ при своей жизни, немного ихъ будетъ пролито о его смерти.»

7-го іюня новаго стила (26 мая ст. ст.) Королева Викторія открыла первую сесію новаго парламента Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи. Телеграфъ сообщилъ намъ содержаніе тронной рѣчи, произнесенной по этому случаю. Вкратцѣ упоминаетъ о вѣдшихъ политическихъ событіяхъ, рѣчь королевы выражаетъ намѣреніе поддерживать миръ, на сколько это зависитъ отъ Англій, и вовсе не касается вопросовъ внутренней политики. О реформѣ сказано только, что *всѣмъ* королій былъ получить утвержденіе королевы. По поводу преній объ отвѣтномъ адресѣ, въ Нижней палатѣ сдѣлано предложеніе выразить недовѣріе палаты министерству графа Дерби. Канцлеръ казначейства требовалъ, чтобы палата произнесла свой приговоръ въ ту же ночь, но палата общинъ не послѣдовала требованію г. Дизраэли и отсрочила продолженіе преній до четверга, 9-го іюня.

Въ слѣдующемъ обзорѣнн мы будемъ подробно говорить объ этихъ преніяхъ, и сообщимъ свѣдѣнія о личномъ составѣ новой палаты общинъ.

П О П Р А В К И.

Въ статьѣ *Преданія и пѣсни уральскихъ казаковъ*, напечатанной въ №№ 7 и 8 *Русскаго Вѣстника*, вкрались слѣдующія опечатки: въ № 7 на 411 стр., въ выноскѣ напечатано: *статистическія архивовъ*, — а должно быть: *статистическія архивовъ*. На 417 стр. курсивомъ напечатано: *не окаянствуетъ*, — а должно быть: *не окаяняется*. На 427 стр., на самой послѣдней строкѣ, напечатано: *образъ Михаила Святителя*, — должно быть: *образъ Михаила Святителя*. — Въ № 8 на послѣдней строкѣ 583-й и на первой строкѣ 584-й страницъ напечатано: *напалываетъ (наставляетъ) дерево*, — а должно быть: *начинаетъ (наставляетъ) дерево на дерево*. На 588 стр., на послѣдней строкѣ, напечатано: *отубили*, — а должно быть: *студобили*. На 591 стран., въ началѣ четвертой строки снизу напечатано: *«Господи*, — а должно быть: *«Гости*.

ВЪ КОНТОРЪ
ТИПОГРАФІИ КАТКОВА и Ко

въ Армянскомъ переулкѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СУДЬБЫ ИТАЛИИ отъ паденія Западной Римской Имперіи до
возстановленія ея Карломъ Великимъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1850.
Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

ОСАДА ЛЕЙДЕНА въ 1573 и 1574 г. Эпизодъ изъ исторіи войны
за независимость Нидерландовъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1855.
Цѣна 50 к., съ пер. 75 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. ака-
демика Стефани. М. 1856. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Рулье.
М. 1857 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ПАПСТВО и СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ въ XIV и XV
столѣтіи (до Базельскаго собора). Соч. Генриха Вызинскаго. М.
1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

РАЗБОРЪ КОМЕДИИ ГРАФА СОМЛОГУБА „ЧИНОВНИКЪ“.
Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

БИОГРАФЪ-ОРИЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 50 к.,
съ пер. 75 к.

СЪВЕРЪ и ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1857.
Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ
штатахъ сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ Стоу. Переводъ
съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

ДВѢ СЕСТРЫ. Романъ Е. Нарской. Въ двухъ томахъ. М. 1858.
Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

УЗКІЙ ПУТЬ. Романъ въ двухъ частяхъ. соч. Криницкаго. М.
1858. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадов-
ской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Евгеніи Туръ. Выпускъ I. На Рубежѣ.
Выпускъ II. Ошибка. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ОБОЗРѢНІЕ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. Выпускъ 4-й.
Издаль проф. М. Капустинъ. М. 1859. Ц. 1 руб. сер.

ЗОЛОТУХА, ея исторія, значеніе, отличительные признаки,
причины и леченіе вообще. Доктора С. Смирнова. М. 1856. Ц.
1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

ОСНОВАНІЯ КЛИМАТОЛОГИИ, или популярное изложеніе на-
учныхъ свѣдѣній относящихся къ теченію времени года и измѣ-
неніямъ погоды. Соч. І. Ж. Гузо. Переводъ съ французскаго.
М. 1859. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

УРОСКОПІЯ. Руководство къ изслѣдованію почечнаго отдѣ-
ленія, помощію химіи микроскопа, въ приложеніи къ распознаванію
болѣзней. Доктора С. Смирнова. М. 1853. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА для путешественника. М. 1858. Ц. 75
коп., съ пер. 1 руб.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ЗА ГРАНИЦЕЮ. М. 1858. Ц. 75 коп., съ
перес. 1 руб.

СОВѢТЪ МАТЕРЯМЪ. Сочин. К. Э. Фонъ-Дейчь. Изд. 2-е. М.
1859. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 2 руб.

Гг. книгопродавцамъ дѣляется обычная уступка.

«— Спросите его самого.

«Я объяснилъ еще разъ алькальду, чѣмъ я обязанъ Бобу, какимъ образомъ мы съ нимъ встрѣтились, и какъ онъ заботился обо мнѣ у Джонни.

«Алькальдъ одобрительно кивнулъ головой, но потомъ сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

«— Тѣмъ не менѣе вы останетесь здѣсь; именно теперь вы должны остаться; а вы, Бобъ, отправитесь одни. Вы въ такомъ состояніи, что для васъ лучше остаться одному, вы раздражены... понимаете? а потому оставьте этого молодого чело­вѣка здѣсь, чтобы не случилось опять какого-нибудь несчастія. Онъ здѣсь безопаснѣе, чѣмъ съ вами или съ Джонни. Завтра при­ѣзжайте опять, и мы увидимъ, что для васъ можно сдѣлать.

«Слова эти были произнесены съ твердостію, которой рѣдко могутъ противиться люди съ характеромъ Боба. Въ знакъ согла­сія онъ кивнулъ головой и вышелъ.

«Но я все еще сидѣлъ, какъ ошеломленный, не сводя глазъ съ этого необыкновеннаго чело­вѣка; онъ мнѣ представлялся чѣмъ-то сверхъестественнымъ, почти какимъ-то демономъ.

VIII.

«Когда Бобъ вышелъ, алькальдъ затрубилъ въ раковину, которая исправляла у него должность колокольчика; потомъ онъ взялъ ящикъ съ сигарами, сталъ осматривать одну сигару за другою и принялся съ досадою ломать ихъ и выбрасывать въ окно. Негръ, вбѣжавшій на звукъ раковины, ждалъ уже нѣсколько минутъ, между тѣмъ какъ господинъ его продолжалъ ломать и выбрасывать сигары. Наконецъ алькальдъ, казалось, потерялъ тер­пѣніе.

«— Послушай, Штоли! крикнулъ онъ на оторопѣвшаго негра:— если ты опять принесешь въ мой домъ такія сигары, которыя не курятся и не дымятся, то смотри, задымишь у тебя спина; ручаюсь тебѣ! Ни одна изъ нихъ ни къ чорту не го­дится. Скажи ты черномазой вѣдьмѣ этого Джонни, что мнѣ не нужно ея сигаръ. Не смѣй у нея больше брать! А теперь поѣз­жай сейчасъ къ мистеру Дусіе и возьми у него ящикъ; да смотри, скажи ему отъ меня, чтобы отпустилъ хорошихъ. Кстати при этомъ можешь сказать ему, что мнѣ надобно повидаться съ нимъ; да пусть онъ привезетъ съ собою и сосѣдей. Да смотри, сейчасъ опять вернись; въ два часа чтобы ты былъ дома. Возьми того

мустанга, котораго мы поймали на прошедшей недѣлѣ. Посмотри кстати, какъ онъ выдерживаетъ ѣзду.

«Разиня ротъ и бессмысленно выпуча глаза на своего господина, курчавая голова выслушала всѣ эти приказанія и потомъ опротягивъ ринулась къ дверямъ.

«— Куда ты, Птоли? крикнулъ ему вслѣдъ алькальдъ.

«— Къ масса Дусіе.

«— Безъ вида, Птоли? Что же ты скажешь мистеру Дусіе?

«— Чтобъ онъ не посылать такихъ скверныхъ сигаръ; что черномазая вѣдьма. Масса говорить съ Джонни и сосѣди. Джонни привезъ съ собою сосѣди.

«— Я такъ и зналъ, сказалъ судья пресеріозно. — Постой, я напишу тебѣ видъ и нѣсколько словъ къ мистеру Дусіе.

«Сказавъ это, онъ написалъ и то и другое, и отдалъ негру.

«Когда послѣдній вышелъ, алькальдъ взялъ опять ящикъ и закурилъ первую попавшуюся въ руку сигару; я сдѣлалъ то же. Сигары курились превосходно: это были великолѣпныя принсипесы.

«Такимъ образомъ мы сидѣли молча, пока не затихъ топотъ усакавашаго негра; тогда алькальдъ затрубилъ опять въ раковину.

«Вошелъ другой негръ.

«— Ксени, сказалъ алькальдъ,—поѣзжай ты сейчасъ къ мистеру Стонсу, Аврааму Еноху Стонсу, понимаешь? Скажи ему, что я прошу его пріѣхать сюда завтра утромъ, для сѣмки границъ около персиковаго острова; да попроси, чтобъ онъ привезъ съ собою и сосѣдей. Подожди, напишу лучше нѣсколько словъ, а то еще перепутаешь. Къ двумъ часамъ чтобы ты вернулся, понимаешь?

«Отдавъ негру записку и видъ, онъ опять принялся курить молча.

«Вдругъ онъ обратился ко мнѣ:

«— А вы? живете на югъ или на сѣверъ отъ линіи Мазона и Диксона (1)?

«Вопросъ этотъ былъ предложенъ такимъ отрывистымъ, рѣшительнымъ тономъ, что я сначала колебался, отвѣчать мнѣ или нѣтъ.

«— Въ серединѣ, отвѣчалъ я наконецъ,—я изъ Мериланда.

«— Стало быть сосѣдъ *старой доминіи*? О, *старая доминія* всегда останется *старою доминією*! (2)

«— Да, великій штатъ, замѣтилъ я.

«— Великій штатъ! вскричалъ онъ съ негодованіемъ:—скажите

(1) Такъ называется умственная линія между невольническими и свободными штатами, то-есть между югомъ и сѣверомъ.

(2) Виргинія, прежде самый могущественный штатъ, называлась громкимъ именемъ *старой доминіи*.

лучше величайшій, какой когда-либо былъ, есть и будетъ. Какой изъ вашихъ двадцати четырехъ штатовъ можетъ выставить такой рядъ мужей, какъ Вашингтонъ, Генрихъ Патрикъ, Джефферсонъ и подобныя имъ?

« — Джефферсонъ? сказалъ я, качая головой.

« — Да, Джефферсонъ, Джефферсонъ.

« — Однако немного онъ имѣлъ бы радости отъ демократическихъ своихъ плодовъ, еслибы прожилъ до сихъ поръ.

« — Напротивъ, радовался бы, сказалъ онъ съ увѣренностію, — радовался бы такъ, какъ только можетъ радоваться человѣкъ, который видитъ, что его принципъ проведенъ съ желѣзною послѣдовательностію и развивается роскошно, можетъ-быть даже слишкомъ роскошно. Этотъ принципъ нашего народнаго самодержавія, подобно роскошно произрастающему дереву, требуетъ только подчистки и подрѣзыванія, понимаете? Джефферсону принадлежитъ честь и слава, что принципъ этотъ сдѣлался господствующимъ. Правда, ваши джеаристократы и финансовыя тузы проклинали его за это и посылаютъ въ преисподнюю; да и не удивительно: онъ потузилъ ихъ пророковъ, Гамильтонъ и Адамсовъ, не слишкомъ церемонился съ ними. Но это было необходимо, рѣшительно необходимо съ людьми, которые, какъ тогдашніе федералы, такъ глупо-эгоистически думали, что революція совершилась только для нихъ, и что милліоны пожертвовали имуществомъ и кровью для того только, чтобы промѣнять англійское иго на ихъ иго. Они слишкомъ поторопились наложить на народъ оковы. И увѣряю васъ, это удалось бы имъ, еслибы не было Джефферсона. Но онъ былъ, этотъ Джефферсонъ. Правда, какъ человѣкъ, и онъ имѣлъ свои слабости, но какъ лицо государственное, Джефферсонъ одинъ изъ величайшихъ мужей, которые когда-либо держали въ рукахъ кормило правленія. Никто никогда не понималъ въ такой ясности и полнотѣ состава демократіи, не понималъ такъ свойствъ и всей громадности животворной ея силы, не приводилъ въ такое быстрое движеніе этой триумфальной колесницы человѣчества. Ему обязаны Соединенные Штаты, что въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ они будутъ величайшею націею на земномъ шарѣ; ему обязаны, что и теперь уже распространяются они и твердо укоренились на цѣлой половинѣ нашей части свѣта. Онъ открылъ Американцамъ шлюзы, прорвалъ плотины, которыми Гамильтоны и Адамсы хотѣли стѣснить и удержать народъ. Онъ былъ именно тотъ человѣкъ, который намъ тогда былъ нуженъ, и онъ доказалъ, что принципъ, принятый имъ въ основаніе, былъ единственно вѣрный. Народы рождаются подобно людямъ; народы, разчитываю, не что иное, какъ соединеніе многихъ людей: растутъ какъ они, достигаютъ силы, мужества, и

умирають. Молодой народъ можете изуродовать и сдѣлать ка-
лѣкою точно также, какъ и молодаго человѣка, если будете дер-
жать его въ тискахъ и налагать на него тяжести, которыя въ
состояніи нести только зрѣлый и сильный народъ или человѣкъ.
Вотъ почему было такъ мало націй, которыя приобрѣли свобод-
ное употребленіе членовъ, здраваго разсудка, и сдѣлались со-
вершеннолѣтними. Въ древнемъ мірѣ такими были Греки и Рим-
ляне, а въ новѣйшія времена Англичане и мы. Теперь и Французы
стараятся достигнуть этого. Желаю имъ успѣха. Въ послѣднее
время они сдѣлали много, выметая старый соръ и убирая об-
ломки.

«— Но не эти ли самыя націи, которыя вы называете совер-
шеннолѣтними, имѣли и теперь еще имѣютъ свою сильную ари-
стократію? замѣтилъ я.

«— Однако вы допустите, что онѣ не имѣли ея въ своей моло-
дости? сказалъ алькальдъ.

«— Напротивъ, въ молодости своей, любезный судья, въ самой
ранней молодости, возразилъ я.

«— Ну хорошо, хорошо; не хочу спорить съ вами о словахъ.
По мнѣ называйте норманскихъ бароновъ аристократами, *Lords
of the bedchamber* или пожалуй хоть *grooms of the stole*; разчитываю
однако, что если они и были аристократы, то все-таки въ нихъ
демократической закваски было больше, чѣмъ желали бы ихъ
правители, а если они и подавали имъ иной разъ умываться, то уже
вѣрно другой разъ опрокидывали тазъ надъ головою. Чтѣ это
были за люди! Теперешніе же ваши аристократы — пхе! Из-
нѣженныя, двуполыя, тунейдныя ядовитыя болотныя растенія!
Выродившись, они проквасили, отравили, изгадили родную почву,
какъ наше табачное растеніе испортило вашу мериландскую и
нашу виргинскую почву.

«— Такъ вы считаете теперешнюю аристократію ядовитымъ и
болотнымъ растеніемъ? спросилъ я.

«— Къ несчастію, самое лучшее портится; самая прекрасная,
самая свѣжая вода приходитъ въ гніеніе, если она долго нах-
дится въ лѣнливомъ, неподвижномъ спокойствіи. И у насъ уже
обнаруживается эта гнилость. Славные наши Вашингтоны, Ка-
рольтоны имѣютъ свои болотные и ядовитые отростки; это
лжеаристократы, джентльмены по милости своихъ портныхъ,
сыновья мастеровыхъ, сидѣльцевъ и лавочниковъ, которые,
потаскавшись по всему свѣту, принесли наконецъ свое мошен-
ничество къ намъ, обогатились имъ здѣсь и теперь желали бы
произвестъ свое отродье въ лорды. Я также аристократъ, демо-
кратическій аристократъ, но такого лжеаристократа я бы...

«— Такъ и сами вы аристократъ? вырвалось у меня невольно.

«Вѣроятно въ голосѣ моемъ слышалась иронія, потому что онъ съ какимъ-то презрѣніемъ бросилъ сигару, хлебнулъ изъ стакана, потомъ пристально посмотрѣлъ на меня, и сказалъ рѣшительнымъ, почти строгимъ голосомъ:

«— Я человѣкъ! понимаете? Человѣкъ! И перъ и первый лордъ и первый герцогъ не выше этого, и самъ русскій царь не выше; тогда только онъ можетъ быть всѣмъ, чѣмъ можетъ быть, если онъ человѣкъ. Я человѣкъ, и, если хотите знать больше, человѣкъ движенія, человѣкъ принципа. И Наполеонъ былъ властелиномъ подміра, пока былъ человѣкомъ, поборникомъ принципа; и пересталъ онъ быть властелиномъ, когда пересталъ быть человѣкомъ, когда сдѣлался слабоумцемъ безъ убѣжденія, лицемѣрною бабой.... Не угодно ли покушать? спросилъ онъ вставая.

«— Я бы не прочь, только чувствую большую слабость.

«— Ну такъ мы подкрѣпимъ васъ, сказалъ онъ и постучалъ по столу.

«Вошла негритянка.

«— Принеси горшокъ, который стоитъ на лѣвой полкѣ буфета, бутылку съ чердака и чистые стаканы.

«Все это негритянка принесла черезъ нѣсколько минутъ. Онъ вынулъ изъ горшка что-то такое, что я сначала принялъ за скорлупы грецкихъ орѣховъ, пока не попробовалъ. Это были медвѣжьи лапы, приготовленныя въ мадерѣ; первый разъ мнѣ случилось ихъ отвѣдать.

«Когда я съѣлъ ихъ съ полдюжины, алькальдъ отодвинулъ горшокъ, замѣтивъ при этомъ, что это слишкомъ аристократическая пища, и для молодаго холостяка нѣкоторымъ образомъ вредная.

«Человѣкъ этотъ заинтересовывалъ меня все болѣе и болѣе. Дѣйствительно въ немъ была какая-то смѣсь демократіи съ аристократіей: внѣшность, движенія и приемы изобличали грубаго, но въ то же время хитраго демократа, а по уму и по чувству, ровному и спокойному, это былъ истинный, воплощенный аристократъ. Къ этому надобно прибавить приличную дозу техасской флегмы, которая, при нѣкоторомъ лукавствѣ, обнаруживала проницательный острый умъ и желѣзную волю. Видно было, что онъ всегда отлично хорошо знаетъ чего хочетъ.

«Мы съѣли на лошадей и поѣхали черезъ хлопчатобумажныя поля. Пока еще виденъ былъ хоть одинъ кустъ хлопчатника, алькальдъ весь былъ плантаторъ,—исключительно плантаторъ: примы, рынки, хлопчатобумажныя поля, цѣны, обработки и прессы составляли единственный предметъ разговора. Когда мы выѣхали на луга, онъ сдѣлался вполнѣ скотоводомъ; быки, коровы, телята, и опять телята, коровы и быки,—объ этомъ только и говорилось; о хлопчатой бумагѣ не было и помину. Джефферсоны и Наполеоны, аристокра-

ты и демократы, казалось, совершенно исчезли изъ его памяти, а о Бобѣ ни полслова. Всегда въ немъ было видно ровное, невозмутимое спокойствіе; лишь говоря о Британцахъ онъ нѣсколько раздражался. Послѣднихъ онъ ненавидѣлъ (употребляю собственное его выраженіе) отъ всего сердца, отъ всей души, всѣми помышленіями, всѣми силами, и не потому, что они кровные враги наши, а потому, что въ нихъ еще болѣе эгоизма, нежели въ насъ: особенно характеристическая, истинно американская ненависть! Она объяснила мнѣ свойства и причину ненависти нашей къ Британцамъ: въ этой ненависти проглядывало что-то въ родѣ зависти.

«Съ удовольствіемъ желалъ бы я еще на часъ продолжить нашу прогулку, потому что шесть съѣденныхъ мною медвѣжьихъ лапъ ободрили меня до невѣроятности; но звонъ колокола позвалъ насъ домой. Это былъ знакъ, что Штоли и Ксени возвратились изъ своего посольства.

«Не измѣняя ни одной черты своего лица, алькальдъ прочиталъ отвѣты, потомъ сѣлъ къ письменному столу, написалъ еще двѣ записки и опять вручилъ ихъ неграмъ, приказавъ имъ пообѣдать прежде. Потомъ и мы сѣли за столъ.

«Обѣдъ былъ очень хорошъ; мы обѣдали вдвоемъ, потому что жена его и падчерица была въ гостяхъ у полковника Стефана Ф. Аустина, въ Санъ-Фелипе, и возвращенія ихъ ожидали лишь черезъ нѣсколько дней. Мы говорили о положеніи нашихъ штатовъ, о дѣйствіяхъ и беспорядкахъ абolicіонистовъ, о *мичизмѣ* (1) и своеволіи толпы и о нелѣпой нуллификаціи. Обо всехъ этомъ онъ имѣлъ, казалось, самыя полныя и самыя подробныя свѣдѣнія, но особенно поразили меня его глубокомысленныя сужденія, когда онъ говорилъ о государственномъ хозяйствѣ, о затрудненіяхъ, сопряженныхъ съ несоразмѣрнымъ количествомъ нашихъ доходовъ, о положеніи нашей торговли и тарифѣ. Къ приморскимъ городамъ нашимъ и политикѣ ихъ онъ, казалось, не имѣлъ большаго уваженія, но за то тѣмъ болѣе надежды возлагалъ онъ на будущность запада. Я не могъ скрыть своего удивленія, какимъ образомъ этотъ человекъ, который, безъ сомнѣнія, долженъ былъ бы играть роль въ Штатахъ, могъ зарыть себя въ пустыняхъ Техаса.

«— Люблю жить въ домѣ, который самъ себѣ выстроилъ, сказалъ онъ отрывисто и какъ будто про себя.

«— Я васъ не понимаю.

«— Развѣ думаете, что Техасъ не будетъ нуждаться въ дѣльныхъ людяхъ, не будетъ театромъ великихъ событій?

«Я невольно улыбнулся при этомъ скрытомъ, самому себѣ сдѣланномъ комплиментѣ.

(1) Самоуправной смертной казни.

«— Техасъ? этотъ окроекъ, это пятое колесо у жалкой государственной колесницы Мексики? вырвалось у меня невольно.

«— Вы думаете, что онъ всегда останется окройкомъ, пятымъ колесомъ у жалкой государственной колесницы Мексики? возразилъ онъ спокойно, даже въжливо.

«Отвѣтъ спокойнаго джентльмена на мой далеко не джентльменскій вопросъ нѣсколько смутилъ меня; я потушилъ глаза.

«Не продолжая разговора, онъ закричалъ, чтобы принесли пуншу. Когда негритянка подала все, что для этого было нужно, онъ придвинулъ къ себѣ миску, съ педантическимъ спокойствіемъ выдавилъ въ нее ананасы, такъ же спокойно всыпалъ сахару, потомъ влилъ рому, все это смѣшалъ, разбавилъ чаемъ, и зачерпнулъ стаканами.

«— Да, мистеръ... какъ ваше имя?

«— Эдвардъ Натаниель Морзъ.

«— Морзъ? Родня вамъ судья Морзъ въ В.?

«— Я сынъ его.

«Онъ поднялъ свой стаканъ, съ намѣреніемъ чокнуться; я сдѣлалъ то же, и мы принялись за пуншъ.

«Нѣсколько минутъ мы сидѣли, не говоря ни слова, и прихлебывали изъ стакановъ. Пуншъ былъ восхитителенъ! Наконецъ алькальдъ прервалъ молчаніе.

«— Да, мистеръ Морзъ; десять штукъ лучшаго своего скота отдамъ бы я за то, чтобы этого не случилось съ Бобомъ.

«Надобно вамъ сказать, что въ Техасѣ все цѣнится рогатымъ скотомъ. Это всеобщій предметъ размѣна, ходячая монета. Доктору платятъ за врачевныя пособія быкомъ или коровою; точно также платятъ и учителю за его преподаваніе, и юристу за его ходатайство передъ законами.

«— Вѣрю вамъ, возразилъ я;—но что же дѣлать, прошедшаго не воротить.

«— Да, это такъ же вѣрно, какъ то, что Моисей былъ Евреемъ. Какъ вамъ нравится этотъ ананасный пуншъ? Боба слѣдуетъ повѣсить, какъ убитаго оленя,—но....

«Это *но* опять поставило меня въ тупикъ, и я невольно опустилъ стаканъ, который поднесъ было къ губамъ.

«— Но этого нельзя сдѣлать, хотя бы мы и хотѣли. Много было бы у насъ работы, еслибы мы стали вѣшать всѣхъ тѣхъ, которые....

«— Много работы, еслибы вы стали вѣшать всѣхъ убійцъ! перебилъ я его съ нѣкоторою раздражительностію.—Боже мой! что это за общественный....

«— Порядокъ? дополнилъ онъ совершенно спокойно, закуривая сигару.—Ну да, продолжалъ онъ, раскуривши ее, — совершенно такой общественный порядокъ, какой только можетъ быть

въ странѣ, которая втрое больше Нью-Йоркскаго штата (1) или даже самой Виргиніи, и едва ли имѣетъ какія-нибудь тридцать пять тысячъ жителей; въ странѣ, которая не что иное какъ пустыня, конечно прелестная, но все-таки пустыня. Не думаете ли вы, что сюда придутъ ваши Карольтоны, Патерсоны, Ранселлеи, Ливингстоны, и будутъ здѣсь бороться съ нашею индѣйскою и мексиканскою сволочью, съ змѣями, москитосами, многоножками, скорпіонами и ядовитыми, въ кулакѣ величины, пауками, не говоря уже о вашемъ луизианскомъ самунѣ? Что они придутъ къ намъ, когда у нихъ дома во всемъ изобиліе; когда имъ стоить только позвонить, чтобы привести въ движеніе десятки рукъ и ногъ? Призовите только на помощь вашъ здравый разумъ, любезнѣйшій мистеръ Морзъ! Вѣдь это такая земля, какими нѣкогда были всѣ никому не принадлежавшія земли (потому что мексиканское правительство все равно что совсѣмъ бы его не было); Техасъ принужденъ довольствоваться тѣмъ, что попадаетъ сюда, даже соромъ и навозомъ. Да, въ такой странѣ и соръ и навозъ необходимы. У насъ здѣсь въ Техасѣ даже не годились бы такіе люди, какъ Ливингстоны, Ранселлеи, Карольтоны или ваши филадельфскіе и ньюджерзейскіе квакеры, привыкшіе къ порядку и повиновенію.... Всѣ они, безъ сомнѣнія, очень почтенные люди, продолжалъ онъ, выпустивъ нѣсколько клубовъ дыма;—но для насъ они слишкомъ почтенны, слишкомъ много въ нихъ благочестія и уваженія къ авторитету. Они бы подчинялись, гнулись, скорѣе бы все перенесли, чѣмъ стали бы защищаться, возставать и биться. Они слишкомъ почтенны, черезчуръ любятъ спокойствіе и порядокъ.

«Онъ замолчалъ на минуту.

«— Теперь же разчитываю, намъ въ Техасѣ не столько нужны спокойные, порядочные люди, сколько безпокойныя головы; головы съ веревкой на шеѣ, съ нечистою силою въ тѣлѣ, которыя цѣнять жизнь свою не дороже выѣденнаго яйца, которыя долго не торгуются, а готовы сейчасъ же взяться за штуцеръ.

«— Однако, я думаю, вы не далеко бы ушли съ такими людьми, возразилъ я.

«— Правда, не далеко въ Штатахъ, гдѣ уже устроилось гражданское общество, но здѣсь во всякомъ случаѣ ушелъ бы дальше, нежели съ вашими мирными, спокойными гражданами. Если бы напримѣръ Норманы.... если бы напримѣръ Норманы были мирные, почтенные люди, то они преспокойно остались бы дома, въ Норвегіи, съ своими оленями и хлѣбомъ изъ древесной

(1) Техасъ втрое больше Нью-Йоркскаго штата; онъ занимаетъ приблизительно три четверти всего пространства Франціи.

коры. Нѣтъ, это были безпокойные, отчаянные головорѣзы, которымъ даже среди ледяныхъ своихъ горъ стало жарко, разбойники на морѣ и на сушѣ, съ сильными кулаками и костями и тощимъ кошелекомъ, отчаянные духомъ, гроза тогдашняго міра, который казался имъ тѣснымъ. И эти отчаянные головорѣзы не только покорили одну за другою Нормандію, Сицилію, Англію, но и основали государство, истинно славное, знаменитое государство, въ сравненіи съ которымъ остальные ваши государства—дрянь. Еслибы Англія осталась подъ властію толстокожихъ флегматиковъ Англо-Саксовъ, никогда не вышло бы изъ нея ничего путнаго. А смѣшавшись съ этою норманскою разбойничью кровью, она образовала славную, знаменитую породу людей.. Не сграница ли однако? сказалъ онъ помолчавъ:—самыя могущественныя державы, которыя когда-либо существовали въ мірѣ, произошли отъ людей, не признававшихъ никакой свободы, никакихъ правъ и поправившихъ все вокругъ себя?

«— Какъ вы это понимаете? чтѣ вы хотите этимъ сказать?

«— А какъ же? развѣ не разбойники основали Римъ, если только правду говоритъ исторія, и развѣ не отъ морскихъ разбойниковъ Великобританія получила свое начало?

«— Вы рисуете слишкомъ яркими красками, судья.—Норманы, покорившіе Англію, столько же походили на морскихъ разбойниковъ, сколько наши *янки* походятъ теперь на набожныхъ пилигримовъ изъ Плимута. Это были бароны и рыцари, которые выступили изъ своихъ замковъ и резиденцій въ Нормандіи; если хотите, искатели приключеній, но не въ пошломъ смыслѣ; искатели приключеній, грозные для враговъ, но великодушные къ странникамъ, почтительные къ прекрасному полу.

«— Должно быть рыцарски-великодушны были они! возразилъ алькальдъ, прихлебывая изъ стакана:—нечего сказать, рыцарски великодушны, когда королевскія принцессы даже при дворѣ своихъ государей не могли найти защиты отъ рыцарской ихъ грубости, и должны были искать убѣжища въ монастыряхъ! когда вся страна представляла зрѣлище насилій, разврата, убійствъ и грабежа! Славное великодушіе! славное рыцарство! Нѣтъ, любезнѣйшій мой; хорошее мнѣніе ваше о Норманахъ дѣлаетъ честь вашей юношеской поэтической фантазіи, но никакъ не здравому вашему разсудку или историческому наблюдательному взгляду. Вы очень ошибаетесь, если думаете, что могучіе богатыри, одержавшіе побѣду при Гастингсѣ или вырвавшіе у Іоанна Безземельнаго знаменитую Magna Charta, были рыцарски-благородные джентльмены. Разсѣйте облака и ѳиміамъ, которыми семь столѣтій и поэты и поэтизирующіе историки окружили вашихъ героевъ, и вы найдете, что они были такіе же отчаянные головорѣзы, грабители, кровожадные собаки, какъ...

«Я съ негодованіемъ отвернулся и, возмущенный этими выраженіями; пробормоталъ:

«— Вотъ наше американское проклатіе! Мы все, къ чему только ни прикоснемся, стаскиваемъ до нашего уровня и мѣряемъ на свой грубо-плебейскій аршинъ.

«Въ досадѣ своей я сказалъ громче, нежели хотѣлъ. Алькальдъ однако нѣсколько времени не отвѣчалъ; отдувая отъ себя дымъ сигары, онъ помолчалъ минуты двѣ, и потомъ возразилъ:

«— Вотъ какъ? Такъ мы все, до чего ни дотронемся, мѣряемъ на свой грубо-плебейскій аршинъ? Вамъ это кажется грубо, это вамъ проза, нѣтъ поэзія, не правда ли? Вы хотѣли бы, чтобы мы падали на колѣни передъ древними Норманами, какъ передъ полубогами, какъ передъ недосягаемыми героями баснословнаго вѣка? чтобы воспѣвали ихъ? Пхе! Предоставляемъ это вашимъ нью-йоркскимъ, лондонскимъ и парижскимъ беллетристамъ; мы же, вмѣсто этого, будемъ сами доставлять вашимъ поэтамъ предметы для пѣснопѣній, покажемъ имъ фактическую поэзію. Покажемъ, покажемъ! Совершимъ самито, что совершили Норманы; совершимъ, говорю вамъ; хоть и не совсѣмъ такъ, какъ они, а все-таки въ этомъ родѣ. Чувствуемъ и мы въ крови своей не менѣе отваги, духа и силы, сколько могли когда-либо чувствовать Норманы. Черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, когда Техасъ будетъ мотушественнымъ государствомъ, можетъ-быть вы увидите и надъ нашими головами подобное сіяніе, такой же нимбъ.

«Я не смотрѣлъ на алькальда и не зналъ, что подумать: серьезно ли говорилъ онъ, или ананасный пуншъ разогрѣлъ его до такой степени? Этотъ смѣлый полетъ мыслей сдѣлалъ бы честь самому пылкому нашему кентекійцу.

«— Увидите! продолжалъ онъ.—Если Норманны отдубасили при Гастингсѣ толстоголовыхъ флегматиковъ Англо-Саксовъ, то мы намѣрены сдѣлать то же самое съ тонкоголовыми Мексиканцами, хоть ихъ и приходится по тысячѣ человекъ на каждого изъ насъ одного. Конечно, дѣйствія наши съ перваго раза не покажутся поэтическими, напротивъ, скорѣе прозаическими; ваши тори и ихъ твари, ручаюсь вамъ, не преминутъ расписать насъ по своему: и денными разбойниками, и ворами, и сбѣжавшимся сбродомъ, и Богъ знаетъ еще чѣмъ; но мы будемъ утѣшать себя мыслию, что и Норманамъ въ свое время доставалось не легче; что и ихъ бранили и проклинали, когда они морскими разбойниками напали на Нормандію и сухопутными на Англію. Только въ послѣдствіи, когда они уже владѣли обѣими землями, сіяніе и нимбъ сошли на ихъ головы; тогда только они нашли средства и случай платить поэтамъ и поэтизирующимъ историкамъ, откармливать набожныхъ прелатовъ, которые должны были проповѣдывать, что

дѣла ихъ совершались по внушенію и благословенію Божию. Отнимите это сіяніе у вашихъ героевъ, и вы увидите, что кровь ихъ была не чище и не краснѣе нашей; едва ли даже такъ красна и чиста.

« На такую рѣчь нечего было отвѣчать; я молчалъ.

« — Э, почтеннѣйшій! да вы сердитесь. Не годится; такъ нельзя будетъ разговаривать. Въ преріяхъ, продолжалъ онъ съ важностію,—совсѣмъ иначе смотришь на вещи, нежели въ вашихъ городахъ. Города ваши устроены человѣческими руками, заражены человѣческимъ дыханіемъ; луга же созданы Богомъ, оживлены чистымъ Его духомъ. Чистый духъ этотъ дивнымъ образомъ проясняетъ взоръ омраченный городскими испареніями! Дивная вещь это прозрѣніе, когда видимо исчезаютъ испорченныя, зараженныя испаренія, и вы до дна видите истину, видите какъ распоряжается великій Зиждитель, видите, какъ для созданія самыхъ прекрасныхъ, дивныхъ своихъ твореній служатъ самые чудовищные элементы, самые отчаянные люди, даже воплощенные дьяволы, которые такъ буйствуютъ, какъ будто только-что вышли изъ ада!

« Я взглянулъ на него и подумалъ: къ чему все это клонится?

« — Да, воплощенные дьяволы; и буйствовали они какъ будто только-что вырвались изъ ада.

« — О комъ говорите вы, судья?

« — О комъ? о комъ? О комъ же больше, какъ не о Норманхъ?

« Меня покорило наконецъ: точно меня укусилъ скорпіонъ. Непреодолимая неотвязчивость, съ которою онъ не отставалъ отъ своихъ Нормановъ, доходила, казалось мнѣ, до мономаніи.

« — Вы, кажется, крѣпко не жалуете этихъ Нормановъ, судья? замѣтилъ я, качая головой:—какого же чорта они вамъ сдѣлали?

« — Ничего, любезнѣйшій! Они мнѣ не сдѣлали ничего, кромѣ добра. Если они были воплощенные дьяволы для Французовъ и Англо-Саксовъ, такъ для насъ они были славные, знаменитые, могучіе богатыри. Безъ этихъ Нормановъ не было бы Великобританіи, Соединенныхъ Штатовъ; не было бы Виргиніи. Весь свѣтъ, разчитываю, былъ бы не что иное, какъ жалкое скопище мелкихъ торгашей.

« — Хорошо! Такъ за что же вы постоянно и вѣчно нападаете на этихъ Нормановъ, какъ будто они и въ самомъ дѣлѣ были вырожденки человѣчества? Мнѣ кажется, напротивъ, мы имѣемъ полное право гордиться этими Норманами.

« — Такъ кажется и мнѣ; но чтобъ имѣть ясное понятіе о предметѣ, надобно, разчитываю, смотрѣть на него не съ одной свѣтлой стороны. Норманы, конечно, оставили намъ славное наслѣдство,

но они были, разчитываю далеко не ангелы, когда пріобрѣтали его; скорѣе были воплощенные дьяволы. Земли и государства не пріобрѣтаются, какъ невѣсты, кротостію, терпѣніемъ, учтивостію и скромностію; а пріобрѣтаются силою, превосходствомъ и ударами. Еслибы Норманы были кроткіе, благонравные люди, еслибы они любили миръ, порядокъ и справедливость, то ни Нормандіи, ни Англіи не видать бы имъ, какъ ушей своихъ. Но это были сильные, грубые, отчаянные головорѣзы, которые въ грошъ не ставили свѣта и его мнѣнія, заставляли своихъ прелатовъ молиться за себя и просить небснаго благословенія, а сами свирѣпствовали, какъ воплощенные дьяволы. Еслибы Норманы были благочестивые, богобоязненные и смиренные люди, то они позволили бы, какъ Нѣмцы, отнимать у себя всѣ права, постепенно одно за другимъ, позволили бы содрать съ себя кожу. Еслибы Гуго Капетъ былъ благочестивый, богобоязненный, смиренный майордомъ или графъ парижскій, то онъ и остался бы навсегда смиреннымъ парижскимъ графомъ; никто бы и не замѣтилъ его, а Каролинги и до сихъ поръ сидѣли бы на престолахъ. Великаго достигаютъ не добрые, не благочестивые, не смиренные государи и народы; лучшіе государи для Англіи и Франціи были именно самые безсовѣстные и всего менѣе разборчивые въ выборѣ средствъ. Лудовикъ XI, величайшая бестія между Капетами, сдѣлалъ для величія Франціи болѣе, нежели двадцать Лудовиковъ Святыхъ, и сдѣлалъ это съ помощію самыхъ черныхъ злодѣевъ, которые когда-либо существовали на свѣтѣ; злодѣевъ, въ сравненіи съ которыми нашъ Бобъ могъ бы быть названъ образцомъ добродѣтели. Но Лудовикъ зналъ, чего хотѣлъ отъ своихъ Оливье, отъ своихъ сватовъ. Для государственнаго человѣка необходимы и Оливье, и сваты, и Бобы.

«На словѣ *Бобы* онъ сдѣлалъ такое удареніе, что я встрепенулся.

«— Бобы? вскричалъ я.

«— Ну да, Бобы! повторилъ алькальдъ.

«— Бобы? вскричалъ я снова.—Зачѣмъ Бобъ? Чтò вы хотите съ вашимъ Бобомъ?

«— Что хотимъ съ Бобомъ? сказалъ онъ, доставая свѣжую сигару.—То же, что Плантагенеты, Капеты хотѣли съ людьми его покроя.

«— Но вы не Плантагенеть, не Капетъ.

«— Нисколько не хуже каждаго изъ нихъ. Никакъ не хуже самаго лучшаго изъ нихъ, сказалъ онъ, преспокойно закуривая сигару... Нисколько не хуже, повторилъ онъ, раскуривши ее;—ни на волосъ не уступлю. Мы нисколько не хуже ихъ и имѣемъ такое же право дѣлать съ собою, чтò хотимъ, какъ любой Плантагенеть или Капетъ, и такъ же мало зависимъ отъ кого бы

то ни было, какъ и они. Мы свободные американскіе граждане, любезнѣйшій мой! Никому неподвластны, кромѣ Бога и закона!

«— Закона; вы говорите справедливо. Но позволяетъ ли вамъ законъ...

«— Отнять Техасъ у Мексиканцевъ, хотите вы сказать? сказалъ онъ съ улыбкой.—На столько же, на сколько законъ позволялъ Вильгельму Завоевателю отнять Англію у Англо-Саксовъ, и даже больше. Если люди, подобные Бобу, могутъ быть при этомъ полезны, то я право не понимаю, почему бы...

«И алькальдъ проговорилъ все это такъ спокойно, такъ равнодушно! Его рѣчь и способъ выраженія превзошли все, что я когда-либо слышалъ въ этомъ родѣ.»

— Однако, полковникъ, правду сказать, я вовсе не понимаю, что вамъ тутъ показалось страннымъ и необыкновеннымъ, перебилъ его полковникъ Бентли. — По моему, алькальдъ говорилъ такъ, какъ имѣетъ право говорить гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ.

— Конечно, замѣтилъ, смѣясь, полковникъ Окли;—только выражался онъ немножко странно. Сейчасъ видно, что онъ живетъ въ новой, техасской землѣ.

— Другъ широкой свободы и врагъ всякаго покровительства, сказалъ кто-то со смѣхомъ.

— Совершенно справедливо! замѣтилъ Окли.

— Совершенно справедливо! подтвердилъ генералъ.—Скажите, полковникъ Морзъ, этотъ алькальдъ не тотъ ли самый, который такъ рѣшительно выступилъ противъ генерала Коса и полковника Мехіа? который довелъ до взрыва всеобщее брожение умовъ въ Техасъ?

— Тотъ самый, отвѣчалъ Морзъ.

— Я такъ и думалъ. Могучій характеръ! хоть немножко и чудакъ.

— Вы говорите немножко? нетерпѣливо вскричалъ полковникъ Крекеръ.—Немножечко, генералъ? скажите лучше совсѣмъ помѣшанный! Возмутительный человѣкъ! врагъ всякаго общественнаго порядка! Его бы слѣдовало посадить въ смиригельный или сумашедшій домъ!

— Вы такъ думаете? насмѣшливо спросилъ техасскій полковникъ.—Въ такомъ случаѣ мнѣ право очень жаль, что я такъ неосторожно коснулся вашей деликатной нравственности, можетъ быть даже оскорбилъ ее...

— Дослушаемъ сперва алькальда, примирительно вмѣшался полковникъ Окли.

— Доставите вы намъ удовольствіе дослушать его, полковникъ? спросилъ генералъ.

— Очень охотно! отвѣчалъ Морзъ.

IX.

«Алькальдъ нѣсколько минутъ сидѣлъ, не говоря ни слова. Вдругъ онъ устремилъ на меня пронизательный взглядъ.

«— Вы юристъ, законникъ, не правда ли?

«При этомъ неожиданномъ вопросѣ я, признаюсь, смутился.

«— Изъ чего вы это заключаете? спросилъ я наконецъ.

«— Вѣдь вы хотите, чтобы Бобъ, во что бы то ни стало, былъ повѣшенъ. Это совершенно согласно съ закономъ, и я вижу, что вы поборникъ закона. Во всемъ у васъ проглядываетъ законъ; вы думаете, что нужно возмездіе, что оно въ порядкѣ вещей, хотя, по правдѣ сказать, я не ожидалъ, чтобы именно вы были обвинителемъ Боба.

«Говоря это, онъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ отдувалъ отъ себя дымъ своей сигары.

«Я молчалъ, ибо чувствовалъ, что онъ задѣлъ меня за живое: каково бы ни было преступленіе, не мнѣ слѣдовало осуждать Боба.

«— Но я васъ за это не обвиняю, продолжалъ онъ очень спокойно,—виною тому натура; это лежитъ въ нашей натурѣ, или, скорѣе, въ духовной формѣ, которую отпечатало на насъ гражданское общество. Форма эта проявляется вездѣ. Притомъ же вы только-что пріѣхали изъ Штатовъ, гдѣ человѣческая жизнь не имѣетъ такой высокой цѣны. Но здѣсь у насъ въ преріяхъ совершенно иначе. Здѣсь человѣческая жизнь вдвое дороже, чѣмъ у васъ въ Штатахъ, и въ двадцать разъ дороже, нежели въ старой Англій, гдѣ она уже не имѣетъ почти никакой цѣны, гдѣ бѣдняка вѣшаютъ за украденную овцу. У насъ бы онъ могъ украсть цѣлое стадо, и за это его много много что высѣкли бы.

«Онъ замолчалъ на минуту.

«— Но теперь, кажется, и у васъ въ Штатахъ убійство не наказывается уже смертію, или по крайней мѣрѣ не такъ часто?

«При этомъ вопросѣ онъ снова устремилъ на меня испытующій взоръ.

«— Дѣйствительно, съ того времени, какъ распространились Ливингстоновы начала. Вы знаете, что въ нѣкоторыхъ штатахъ эти начала были приняты въ основаніе при составленіи уголовныхъ законовъ.

«— Да, Ливингстонъ великій философъ, замѣтилъ онъ въ размышленіи;—истинный философъ-криминалистъ! Основное положеніе его, что никакое гражданское общество не можетъ имѣть

права отнять жизнь у челоѣка, = въ высшей степени справедливо. Положеніе чисто демократическое! Но я съ своей стороны впрочемъ того мнѣнія, что при такихъ условіяхъ никакое гражданское общество не можетъ долго существовать.

«— Я согласенъ съ вами, по крайней мѣрѣ слишкомъ многочисленное общество, столпившееся въ большихъ городахъ. Положеніе, что преступникъ и даже убійца долженъ быть сдѣланъ безвреднымъ для общества, но никакъ не долженъ быть принесенъ ему въ жертву, философски мудро, но не благоразумно.

«— Потому что изъ всѣхъ негодяевъ, образованный негодяй, безъ всякаго сомнѣнія, самый опасный, присокупилъ онъ.

«— И потому еще не благоразумно, замѣтилъ я,—что запирая, перевоспитывая и потомъ опять выпуская преступника въ гражданское общество, мы наказываемъ не преступника, а самое общество. Дѣйствительно, это перевоспитаніе—эпитимія, слишкомъ тяжелая для нашихъ штатовъ. Подумайте только о страшныхъ суммахъ, которыя мы издерживаемъ на государственныя темницы въ Обурнѣ, Зингзингѣ, Филадельфи, Питсбургѣ!

«— Но съ другой стороны преступники образуются обыкновенно отъ недостатковъ самого общества и его несовершенствъ, и, мнѣ кажется, весьма было бы справедливо, чтобы...

«— Однако, судья, перебилъ я его зѣвая,—разсуждая такимъ образомъ, мы можемъ зайти въ настоящій лабиринтъ доказательствъ и противорѣчій.

«— Правда, правда! возразилъ алькальдъ, осушая стаканъ:—но теперь вы, по крайней мѣрѣ поймете, что если вы у себя въ Штатахъ не казните преступниковъ, то намъ здѣсь и подавно не слѣдуетъ вѣшать Боба. Тогда работы не оберешься.

«— Но вы не въ Штатахъ, а въ Мексикѣ; вы мексиканскій алькальдъ!

«— И поэтому, вы думаете, мы должны сдѣлаться вашими палачами, и вы посылаете къ намъ своихъ убійцъ и разбойниковъ? Положимъ, что у васъ въ Штатахъ какое-нибудь судилище и дерзнетъ приговорить къ смерти самаго ужаснаго преступника; вы непременно его освободите и дадите ему возможность убѣжать къ намъ; это такъ же вѣрно, какъ вѣрно то, что Моисей былъ Еврей.

«Къ сожалѣнію, я долженъ былъ согласиться съ нимъ, ибо, какъ извѣстно, основное положеніе Ливингстона, а по моему скорѣе предубѣжденіе его, что *общество не имѣетъ права отнять жизнь у гражданина*, такъ повсемѣстно распространилось, что дѣйствительно едва можно найти судилище, которое произнесло бы смертный приговоръ за преступленіе, самое тяжкое и всѣми признанное достойнымъ смертной казни. Вы можете быть увѣрены,

что его освободятъ, а попробуй онъ показаться на другой день, такъ его непременно сами *полимчатъ* (1).

«— Мексиканцы въ свою очередь, продолжалъ алькальдъ,—присылаютъ къ намъ своихъ преступниковъ. Изъ гарнизона различныхъ постовъ: Санъ-Антоніо, Накогдочесъ, форта Голадъ, Аламы, то-есть изъ четырехъ сотъ слишкомъ человекъ, не найдется и двѣнадцати, которые бы не заслужили смертной казни; всѣ они, безъ исключенія, осужденные на смерть разбойники и убійцы, изъ которыхъ составили тамъ нѣчто въ родѣ ссылочнаго гарнизона. Мексиканцы въ этомъ случаѣ держатся тонкой политики: на преступника, осужденнаго на казнь, надѣваютъ солдатскую куртку, ссылаютъ его въ Техасъ и, для очищенія грѣховъ, заставляютъ дѣйствовать противъ насъ, еретиковъ, *Hereges*. Такимъ образомъ нашъ Техасъ на самой прекрасной дорогѣ сдѣлается вторымъ Ботанибеемъ.

«— Не слишкомъ заманчивая перспектива! замѣтилъ я.

«— Но впрочемъ не такъ дурная, какъ вы думаете, очень равнодушно возразилъ алькальдъ.—Въ этомъ, разчитываю, есть своего рода польза, какъ для Мексики, такъ и для насъ. Мексика освобождаетъ себя отъ вредныхъ головъ, а намъ даетъ возможность освободиться отъ нея самой.

«— Какъ такъ?

«— Да такъ. Эта мѣра будетъ одною изъ множества рукоятокъ того большаго багра, который оттолкнетъ насъ отъ Мексики, а ваши ссыльные и висѣльники избавятъ насъ въ свою очередь отъ этой мексиканской сволочи, и такимъ образомъ будутъ противоядіемъ мексиканскому яду. Если подобную ватагу напустить на ваши тѣсно населенные штаты, она, конечно, произвела бы тамъ страшныя опустошенія и окончательно развратила бы жителей, ибо одна уже атмосфера порока заразительна. Здѣсь же опасаться этого нечего.

«Онъ положилъ сигару, отодвинулъ въ сторону стаканъ, и сказалъ съ важностію:

«— Слава Богу! нечего опасаться. Здѣсь ни злодѣй, ни убійца не повредитъ дурнымъ примѣромъ, никого не заразитъ, потому что здѣсь никто съ нимъ не связывается, всякій его избѣгаетъ. Увѣряю васъ, злодѣй, убійца здѣсь такъ же свободенъ, какъ я и вы: никто его не обидитъ; однако часто онъ съ радостію промѣнялъ бы эту свободу на тюрьму, чтобы только быть съ подобными себѣ, ибо такая свобода для него страшнѣе заключенія. Для злодѣя, для убійцы ничего не можетъ быть ужаснѣе этой свободы въ луговыхъ степяхъ. Увѣряю васъ, тысячу разъ охот-

(1) Казнятъ судомъ Линча.

нѣе онъ пошелъ бы въ тюрьму, потому что тамъ онъ между равными себѣ, тамъ онъ не отверженъ, не изгнанъ, даже въ одинокой кельѣ ему легче: онъ по крайней мѣрѣ знаетъ, что онъ тамъ подъ одною кровлею съ равными себѣ. Здѣсь же ему все чуждо; здѣсь всякій избѣгаетъ его, даже убійца обходитъ; убійцы бѣгутъ другъ отъ друга; даже за бутылкою рома не охотно встрѣчаются они. Каждый остается съ самимъ собою, въ своемъ собственномъ обществѣ; и какъ это общество должно быть ужасно! одинъ съ своею нечистою совѣстію! Она постоянно гонитъ и всюду преслѣдуетъ его, не давая ни покоя, ни отдыха, вѣчно терзая его! И это понятно: тутъ онъ стоитъ посреди чистаго, неоскверненнаго Божьяго міра, передъ лицомъ свѣтлой, безпредѣльной, безмолвной пустыни! Надъ нимъ гнѣвный перстъ Божій, грозящій ему съ небесъ, изъ земли, изъ всѣхъ дивныхъ, великихъ Его твореній! Стоитъ онъ, зараженный смрадомъ убійства, котораго отогнать не въ силахъ: чистымъ божественнымъ дуновеніемъ смрадъ этотъ постоянно возвращается къ нему и душитъ его!... Нѣтъ, у насъ въ Техасѣ не позавидуете свободѣ злодѣевъ и убійцъ!

«— Да, завидовать нельзя! прошепталъ я, содрогаясь, ибо при этихъ словахъ алькальда мнѣ живо представился Бобъ съ его страшнымъ отчаяніемъ и терзаніями совѣсти.

«— Да, для подобныхъ людей наши луговые степи такая ужасная тюрьма, какую когда-либо строилъ архитекторъ! Намъ вовсе и не надобно тюрьмы: у насъ ужъ никто не убьютъ. Вотъ почему я и Боба оставилъ на свободѣ. Впрочемъ, еслибъ у насъ и была тюрьма, я и тогда оставилъ бы его свободнымъ.

«— Какъ? оставили бы его на свободѣ?

«— Оставилъ бы, потому что мы не можемъ, не имѣемъ права посадить его въ тюрьму.

«— Не можете, не смѣете посадить его въ тюрьму? Да вѣдь вы алькальдъ?

«— Да, но тутъ есть маленькая запятая, и, если угодно, скажу вамъ какая. Еслибы мы были совершенно свободны и независимы отъ Мексиканцевъ, намъ бы не трудно было найти топоръ для своего топора. Но мы еще подъ властію Мексики: правительство у насъ мексиканское, военныя власти мексиканскія, суды наши состоятъ изъ Мексиканцевъ. Теперь спрашиваю васъ, сообразно ли, не говорю я съ американскою гордостью, нѣтъ, просто съ чувствомъ стыда,—позволительно ли своего соотечественника, единокровнаго, предать ихъ суду, и тѣмъ самымъ обнаружить нашъ собственный позоръ? Теперь представьте себѣ, что приговоръ состоялся въ первой инстанціи; его слѣдуетъ передать во вторую, то-есть въ окружный судъ. Но всѣ засѣдатели

этого суда, хоть мнѣ и не слѣдовало бы такъ говорить, потому что я самъ судья, всѣ до сдого самая жалкая сволочь, которая когда-либо ходила въ изорванныхъ башмакахъ! Всѣ они—бывшіе холопы епископовъ, архіепископовъ, президентовъ, генераловъ, и притомъ совершенно безграмотные; за дурное поведеніе ихъ послали на эту должность, похожую скорѣе на милостивую ссылку, съ тайнымъ условіемъ, чтобъ они старались всѣми силами, всѣми способами, сдѣлать жизнь нашу невыносимою, и тѣмъ самымъ выжить насъ изъ Техаса. Сначала они сами вызвали насъ сюда, въ той надеждѣ, что мы очистимъ ихъ землю отъ Кумачіевъ и другихъ мародеровъ, съ которыми они не могли справиться. Теперь же, когда мы очистили страну отъ Индѣйцевъ, они хотятъ очистить ее отъ насъ, засѣсть въ готовые теплыя гнѣзда, въ устроенные нами дома и плантаціи. Вотъ ключъ къ ихъ политикѣ.

«— Славная политика, нечего сказать! замѣтилъ я.

«— Да, славная; а средства, употребляемые ими, еще лучше. Всѣ помышленія и дѣйствія устремлены только на то, чтобы ссорить насъ другъ съ другомъ; они не останавливаются ни передъ какимъ средствомъ, не щадятъ ни трудовъ, ни денегъ, чтобы только запутать въ своихъ сѣтяхъ нашихъ гражданъ и даже бѣглецовъ.

«— Для какой же цѣли нужны имъ послѣдніе ?

«— Для такой цѣли, какой вы можете ожидать отъ духовнаго правительства, именно чтобы собирать противъ насъ ядовитыя стрѣлы. Лишь только нашъ преступникъ, заслужившій смертную казнь, будетъ препровожденъ алькальдомъ, то-есть первою инстанціею, въ окружный судъ, то онъ не только навсегда потеряетъ для насъ и нашихъ интересовъ, но и становится поневолѣ смертельнымъ нашимъ врагомъ. О справедливости тутъ и рѣчи быть не можетъ. Конечно, для вида, его осуждаютъ на смерть, но вслѣдъ за произнесеніемъ приговора къ нему приступаютъ мѣстный *padre* и начальникъ квартирующей въ округѣ военной команды, и предлагаютъ жизнь и свободу, только съ условіемъ, чтобъ онъ сдѣлался католикомъ или поступилъ въ мексиканскую службу. Разумѣется, на одно изъ этихъ условій онъ непременно согласится, и, во всякомъ случаѣ, онъ для насъ уже совершенно потерянъ: изъ американскаго гражданина онъ обращается въ ренегата, врага своего отечества. Конечно, нѣмецкій, французскій, даже англійскій ренегатъ можетъ быть человѣкомъ очень честнымъ и достойнымъ всякаго уваженія: общественный гнетъ родины могъ быть для него невыносимъ, и онъ могъ искать для себя атмосферы болѣе свободной, болѣе чистой; но отступникъ, врагъ нашей страны, это не только отвѣщенный злодѣй, но и врагъ всего человѣчества: такой человѣкъ на все способенъ. У

насъ было два примѣра, и примѣры эти очень печальны; они будутъ служить намъ предостереженіемъ на вѣчныя времена!

«— Однако, въ самомъ дѣлѣ затруднительное положеніе! замѣтилъ я.

«— Да, сказалъ алькальдъ, принимаясь опять за сигару.— Вы видите теперь, что если мы обвинимъ Боба, то всё-таки это ни къ чему не поведетъ (положимъ даже, что онъ не былъ бы намъ такъ нуженъ). Если мы обвинимъ Боба, то должны отправить его въ окружный судъ, въ Санъ-Антоніо, гдѣ его непременно освободятъ, и онъ черезъ часъ меня же застрѣлитъ на улицѣ, среди бѣлаго дня, изъ мексиканскаго своего мушкета, и за это получить еще отпущеніе грѣховъ отъ своего *padre*, а отъ генерала своего повышение и награду; этимъ онъ вѣдь избавляетъ міръ отъ еретика, отъ врага единоспасающей католической церкви.

«— Но вѣдь это ужасно! замѣтилъ я.

«— Ну, не совсѣмъ и ужасно, очень хладнокровно возразилъ алькальдъ, осушая стаканъ. — Не такъ чортъ страшенъ, какъ его малюютъ, и нѣтъ на свѣтѣ такого зла, изъ котораго нельзя было бы извлечь пользу. Подобные случаи очень помогли намъ, открыли глаза нашимъ гражданамъ, и скорѣе увѣрили ихъ въ необходимости отторженія отъ Мексики, нежели самая основательная доказательства и пренія. Случаи эти для насъ—настоящіе зажигательные снаряды, способные воспламенить готовые горячіе матеріалы... А матеріаловъ у насъ много, продолжалъ онъ съ самодовольствомъ, наполняя стаканъ,—такъ много, что мы можемъ надѣяться произвести порядочный пожаръ. Теперь вопросъ только въ томъ: кѣмъ и когда зажигать? Теперь ли удобный моментъ, вотъ вопросъ. Въ такихъ дѣлахъ все зависитъ отъ благопріятной минуты... Сыновьямъ великаго *скваттера* и Аустинамъ хотѣлось бы еще подождать, продолжалъ онъ, сомнительно качая головою...—Ни сыновья Натана, ни Аустины не хотятъ еще приниматься за дѣло, продолжалъ алькальдъ, послѣ нѣкотораго молчанія.—«Еще будетъ время,» говорятъ они. Можетъ-быть они и правы: многое говорить за нихъ, многое и противъ нихъ. Бываютъ случаи, что не слѣдуетъ слишкомъ рано заводить себя собственнымъ хозяйствомъ, но часто бываетъ и наоборотъ. Отторженіе отъ отцовскаго дома, отъ роднаго края, объявленіе себя совершеннолѣтнимъ—дѣло не очень трудное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и запутанное. Молодые люди, которые спѣшатъ быть самостоятельными, могутъ выиграть при этомъ, но точно такъ же легко могутъ и проиграть, если они не имѣютъ достаточно силъ и средствъ выдержать себя до конца. Безразсудно начинать хозяйство, когда нѣтъ силъ и средствъ вести его какъ слѣдуетъ; только втягиваешься въ долги и попадаешь въ зависимость, а

подобная зависимость для государства пагубна, какъ и для частнаго лица. Но съ другой стороны надобно взять во вниманіе молодость, бодрость, дѣятельность начинающихъ, и никакъ не упускать удобнаго момента. Тысячи, миллионы берутся у насъ за дѣло, и, не имѣя никакихъ средствъ, кромѣ здоровыхъ рукъ и головъ, они между тѣмъ успѣваютъ. Все зависитъ отъ самого человѣка и наконецъ отъ благопріятной минуты, которая приходится только одинъ разъ, какъ человѣку, такъ и цѣлому народу, — одинъ разъ, именно тогда, когда они молоды. Но если они устарѣли, то уже поздно. Кто не женится въ свое время, не начнетъ и не подвинетъ впередъ своего хозяйства во время, тотъ пусть лучше и не приступаетъ къ хозяйству... Намъ предстоитъ рѣшить очень важный вопросъ, продолжалъ онъ, отпивая изъ стакана: — начинать теперь или подождать еще? Конечно, въ сравненіи съ Мексикою насъ только горсть; на тысячу Мексиканцевъ едва ли приходится одинъ Американецъ; но между нами есть достойные, честные, рѣшительные, сильные, дивные люди! Боюсь, чтобы мы не упустили рѣшительной минуты; боюсь, чтобы духъ, этотъ независимый духъ, который Американецъ всасываетъ вмѣстѣ съ молокомъ матери, не испортился, не улетучился въ рабской мексиканской атмосферѣ, чтобы намъ не сдѣлаться наконецъ такими же Мексиканцами, свобода которыхъ — одна только безстыдная ложь... Для человѣка свободнаго опека эта мексиканская возмутительна! продолжалъ алькальдъ. — Нѣтъ больше силъ сносить ее! Во все вмѣшивается это черное отродье. Эти *padri* твердятъ, что нашъ бракъ, не освященный ихъ бритою головой, не имѣетъ силы. Они хотятъ, чтобы мы, протестанты, приносили къ нимъ нашихъ дѣтей для крещенія, чтобы мы слушали ихъ богослуженіе, чтобы исповѣдывали имъ свои грѣхи. Понимаете ли вы, что это значить? шепнуть имъ въ уши и открыть всѣ сокровеннѣйшія мысли наши, намѣренія, предпріятія, даже ошибки и проступки! Паписты эти не такъ глупы, какъ кажутся! Съ другой стороны, мы въ вѣчномъ разладѣ съ нашимъ генеральнымъ конгрессомъ, вѣчно ссоримся съ собраніемъ въ Когагуилѣ, отъ которой мы желаемъ и должны оторваться, если хотимъ двинуться впередъ.

• — Какъ же граждане смотрятъ на все это? спросилъ я.

• — Странно слышать такой вопросъ отъ человѣка, который жилъ на линіи Мазона и Диксона! Что говорятъ? Они говорятъ то, что могутъ говорить граждане, рожденные въ колыбели свободы и вскормленные этою свободой. Нѣтъ въ нихъ ни сомнѣній, ни колебаній, и всѣ они хоть сейчасъ готовы приступить къ дѣлу: и *чулочники* изъ Индіаны, и *сосуны* изъ Иллинойса, *льшше* изъ Миссури и *рыжаки* изъ Кентекки, *козлы* изъ Огайо и *прожоры* изъ Мичигана, *угри* изъ Новой Англій, *тугоголовые* изъ

Тенесси и *зерноды* изъ Виргиніи. Всѣ они готовы, и хотъ сей-йчасъ приступать къ дѣлу. А есть въ общинахъ пятьдесятъ насъ отборныхъ человекъ: за нами послѣдуютъ и всѣ остальные. Колѣблются только еще сыновья и внуки Натана и Аустины, аристократы; но придется наконецъ и имъ плыть по теченію или погибнуть въ волнахъ. Не пройдетъ и года, какъ закипитъ у насъ дѣло.

«Я покачалъ головою. Предпріятіе это было болѣе, чѣмъ важно; оно было просто отчаянно: едва три тысячи человекъ, способныхъ носить оружіе, противъ республики, въ которой девять милліоновъ душъ!

«— Конечно, прибавилъ онъ, угадавъ мои мысли, конечно, важное предпріятіе; но это такіе люди, которые знаютъ за что берутся: взявшись за копье, они увѣрены, что попадутъ имъ туда, куда нужно; а за копье берутся они, какъ слѣдуетъ братья. Скажу больше: лучшіе Мексиканцы должны даже радоваться нашей побѣдѣ; желанія благороднѣйшихъ Мексиканцевъ на нашей сторонѣ, и мы твердо рѣшились не покоряться больше поповскому правительству Бустаменте, не сносить больше недостойныхъ ихъ дѣйствій и деморализующихъ притѣсненій. Не хотимъ, не должны больше позволять, чтобъ оскорбляли чувство нашего собственного достоинства. А сыновья Натана и Аустина, вотъ видите готовы покориться всему, продолжалъ онъ,—снести все, лишь бы имѣть покой; имъ нравится этотъ покой, ничего лучшаго они не желаютъ. Говорю вамъ, что въ подобныхъ случаяхъ Бобы для меня во сто разъ лучше, несмотря на ихъ преступленія и испорченность: они для насъ полезнѣе. Правда, они дурные люди; но если вы строите домъ, и у васъ не достаетъ извести, то вы берете глину; если не достаетъ у васъ мрамора, то вы довольствуетесь гранитомъ. Подобный гранитъ послужилъ же фундаментомъ Великобританіи; сырой, грубый гранитъ—самый лучшій матеріалъ въ рукахъ искуснаго строителя, для основанія крѣпкаго, прочнаго зданія... Самый лучшій, продолжалъ онъ;—по крайней мѣрѣ при настоящемъ нашемъ кризисѣ. Сыновья Натана и ваши Аустины скорѣе вредны, чѣмъ полезны, тогда какъ Бобы за свободу души и тѣла своихъ согражданъ, за правое дѣло, по первому призыву готовы пожертвовать своимъ достояніемъ, кровью и всѣмъ своимъ существомъ, не имѣющимъ для нихъ никакой цѣны. Наши Бобы нисколько не хуже тѣхъ тварей, которыя были употребляемы вашими Наполеонами, вашими Лудовиками-Филиппами, и наемъ которыхъ даже и теперь бросаютъ огромныя деньги.

«— Можетъ-быть! замѣтилъ я;—однако...

«— Мы не можемъ оправдать Боба, продолжалъ алькальдъ,—но не можемъ и осудить его; этимъ мы расшевелили бы гнѣздо

ось, которыя могутъ искушать насъ до крови. Но чего бы это ни стоило, а мы найдемъ случай избавиться отъ этихъ ось, и, ручаюсь вамъ, что этимъ принесемъ существенную пользу странѣ, обществу, свободѣ и религіи. Противъ бандитовъ, которыхъ прежде всего вышлютъ противъ насъ Мексиканцы, намъ нужны именно такіе люди, какъ Бобъ; а честнаго гражданина истинно жаль посылать противъ такихъ бандитовъ. Признаюсь вамъ, часто меня коробило, когда я, лежа въ постелѣ, сидя въ комнатѣ или ходя по лугамъ и островамъ, думалъ о томъ, зачѣмъ это люди, подобные Бобу, бродятъ и шатаются здѣсь въ Техасѣ, гдѣ они ничего не найдутъ для себя, ни игорныхъ домовъ, ни безпутной компаніи; гдѣ, напротивъ, каждый долженъ трудиться, съ усиліемъ трудиться и бороться съ лишеніями всякаго рода, прежде чѣмъ найдетъ возможность спокойно поселиться въ своихъ четырехъ стѣнахъ. Часто сердило меня, зачѣмъ это они идутъ къ намъ; но потомъ мнѣ стало ясно, зачѣмъ они сюда являются: они будутъ еще служить Богу, будутъ служить и обществу. У насъ много этого сброда, этого сора, выброшеннаго къ намъ вашими Штатами. Вы воображаете, что они могутъ отравить, заразить всю страну. Ничуть не бывало. Эта гниль вашей распутной цивилизаціи испаряется, улетучивается въ нашихъ чистыхъ лугахъ; скажу больше: порочное дыханіе этой гнили способствуетъ даже къ тому, чтобъ еще рѣзче, еще величественнѣе показать всю чистоту атмосферы добродѣтели, чтобы противодѣйствовать мексиканской заразѣ. И будетъ противодѣйствовать эта гниль, и даже скоро, — до истечения года! Хотя во всемъ Техасѣ теперь едва найдется тридцать пять тысячъ душъ, считая тутъ и гражданъ, и негровъ, и Мексиканцевъ, которые не многимъ лучше нашихъ негровъ, — и едва три тысячи человекъ, способныхъ носить оружіе; но мы все-таки съ этими тремя тысячами... Французы, продолжалъ онъ, — основываютъ въ настоящее время государство въ Варварійскихъ владѣніяхъ, въ Алжирѣ, который они оттягали у султана, оттягали съ помощію цѣнта своей арміи. Они завоевали его съ огромнымъ пожертвованіемъ денегъ, имущества и крови. Мы, отторгаясь отъ Мексики, не можемъ дѣлать такихъ жертвовацій: у насъ нѣтъ и сотой доли ихъ военной опытности, ихъ сокровищъ и средствъ; у насъ только горсть гражданъ. Но граждане эти свободные люди; люди, которые чувствуютъ въ себѣ силу не уступать цѣлому свѣту. Мы хотимъ показать міру, что въ состояніи сдѣлать свободные люди; хотимъ безъ шума основать себѣ свой политическій домъ, который, какъ бы онъ ни казался теперь малъ и ничтоженъ, черезъ пятьдесятъ или сто лѣтъ будетъ играть совсѣмъ иную роль, нежели вашъ Алжиръ, отнятый съ такимъ торжествомъ у султана!

«Я былъ утомленъ и хотѣлъ спать, но послѣднія слова наэлектризовали меня. Забывъ сонъ и усталость, я вскочилъ со стула.

«— Алькальдъ! это сказано смѣло, чортъ возьми, и чисто по-американски! Если вы начнете, то и я не отстану.

«— Не связывайте себя словомъ, молодой человѣкъ! возразилъ онъ, также вставая. — Свобода дѣйствій, и ни отъ кого никакой милости! вотъ мой девизъ. Испытывайте все и избирайте лучшее! превосходное изреченіе нашей Библии. Испытывайте, а когда испытали, тогда выбирайте. Если вы выберете нашу сторону— добро пожаловать! Скажу вамъ откровенно, у меня нѣтъ избытка въ молодыхъ образованныхъ людяхъ, и такой человѣкъ могъ бы многое совершить у насъ, достигнуть великаго. Но сперва подумайте, а подумавши выбирайте!

«— Я послѣдую вашему совѣту.

«— Мы не хотимъ ничего дурнаго, мистеръ Морзъ, хотя, можетъ-быть, вашъ свѣтъ будетъ говорить противное. Мы не хотимъ царства невѣрія, мы не вольтеріянцы, не белисты, но въ то же время мы и не приверженцы тьмы. Хотимъ свѣта и правды, у приверженцевъ тьмы и неправды хотимъ отнять то, что для нихъ бесполезно, и основать царство свободы, мира, просвѣщенія, успѣха и познаній: вотъ чего хотимъ мы, и затѣмъ спокойной ночи!

«— Спокойной ночи! сказалъ я, смотря вслѣдъ этому странному демократическому аристократу.

«Несмотря на усталость и изнуреніе, я долго не могъ заснуть. Нельзя сказать, чтобы призма, сквозь которую алькальдъ смотрѣлъ на міръ и на его исторію, была нова для меня; и прежде не разъ случалось мнѣ улыбаться надъ такимъ взглядомъ. Но если я улыбался у насъ въ Штатахъ, то это потому, что тамъ не доставало задняго плана, который здѣсь выступалъ такъ рельефно и придавалъ всему, что ни говорилъ алькальдъ, такой величественный характеръ. Противоположности нечестія и высокой вѣры, односторонняго и въ то же время возвышеннаго взгляда на предметы, имѣли здѣсь опредѣленную цѣль, которая обнаруживала истинно колоссальный духъ, желѣзную волю. А такая воля возбуждаетъ къ себѣ уваженіе.

«Я заснулъ съ уваженіемъ къ этому человѣку.

—Уваженіе къ этому безстыдству, къ этому нечестію! вскричалъ полковникъ Крекеръ.

— Крекеръ, Крекеръ! закричалъ, смѣясь, молодой человѣкъ, который, судя по его черной одеждѣ, былъ вѣроятно одинъ изъ высихъ судей штата. Вы самый отчаянный *coskney* (1), кото-

(1) Уличный мальчишка.

рый когда-либо прыгалъ по лондонскимъ тротуарамъ. Неужели вы не понимаете, что именно это самое безстыдство, это нечестіе производятъ столько великаго въ мірѣ? что это безстыдство и нечестіе стаскиваютъ съ одной стороны къ своему уровню все великое и возвышенное, а съ другой стороны опять возводятъ насъ къ этому великому и возвышенному? Возвратимся къ примѣру Нормановъ: неужели вы думаете, что они потрясли бы когда-нибудь французскій престолъ и опрокинули англійскій, еслибъ они въ почтительномъ отдаленіи удивлялись ихъ величію и считали ихъ установленными Богомъ? Не потому ли скорѣе они испровергли эти престолы, что смотрѣли на нихъ нечестивымъ взглядомъ? Вѣдь тутъ дѣло идетъ не о нравственной проповѣди, а о разрѣшеніи исторической задачи.

— Совершенно справедливо! замѣтили нѣсколько человѣкъ.

— Продолжайте, если смѣемъ просить васъ, сказалъ главный судья.—Каждое слово ваше драгоцѣнно.

С у д ъ.

Х.

Полковникъ подумалъ съ минуту и потомъ продолжалъ:

«На другой день, утромъ, меня разбудилъ конскій топотъ. Это былъ Бобъ; онъ сѣзалъ съ лошади. Но съ какимъ усиліемъ онъ это дѣлалъ! члены его какъ будто отказывались служить ему; они, казалось, готовы были разойтись, разорваться: такъ шатки, такъ изломаны, такъ неопредѣленны были всѣ его движенія. Сначала я думалъ, что онъ пьянъ, но я ошибался. Это было смертельное утомленіе тѣла, изнемогающаго подъ бременемъ душевныхъ мукъ. Онъ имѣлъ видъ чловѣка, который возвращается съ пытки; должно быть страшно его измучили послѣдніе двадцать четыре часа.

«Дрожа всѣмъ тѣломъ, я наскоро одѣлся, бросился внизъ по лѣстницѣ и отперъ ему дверь.

«Положивъ голову на шею своего мустанга, скрестивъ надъ головою руки, онъ стоялъ, то вздрагивая, то стелая изъ глубины души.

«— Это вы, Бобъ?

«Отвѣта не было.

«— Бобъ, не хотите ли войти? сказалъ я, стараясь взять его за руку.

«Онъ поднялъ глаза, дико устремилъ ихъ на меня, и, казалось, не узнавалъ меня.

«Я отвелъ его отъ мустанга, привязалъ мустанга къ одному изъ столбовъ и потомъ повелъ самого Боба въ домъ. Онъ позволялъ все съ собою дѣлать, слѣдовалъ за мною, лишенный всякой воли, почти безъ силъ. Я поставилъ ему кресло, въ которое онъ всею своею тяжестію рухнулъ такъ сильно, что кресло затрещало, и задрожалъ весь домъ. Но нельзя было вытянуть изъ него ни единого слова. Я только-что хотѣлъ опять войти въ свою спальню, чтобы привести въ порядокъ свой туалетъ, какъ вдругъ снова услышалъ сильный лошадиный топотъ. Это были двое верховыхъ, за которыми, въ небольшомъ разстояніи, слѣдовало еще нѣсколько другихъ; всѣ они, вооруженные винтовками и ножами на подобіе кинжаловъ, были въ охотничьихъ блузахъ, въ панталонахъ и курткахъ изъ оленьей кожи: здоровые, крѣпкіе, смѣлые люди, повидимому изъ югозападныхъ штатовъ, съ настоящимъ кентекскимъ, полуконскимъ, полуаллигаторскимъ профилемъ, и съ бурей, громомъ и молніею въ лицѣ. Дѣйствительно, думалъ я, три тысячи такихъ людей не уступятъ цѣлой арміи Мексиканцевъ, если она состоитъ изъ такихъ же сухопаренькихъ человѣчковъ, какихъ я видѣлъ; каждая изъ рукъ этихъ колоссовъ въ сила никакъ не меньше цѣлаго Мексиканца. Признаюсь, я съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ слѣзали они съ лошадей, съ истинно-кентекскимъ *care the devil*, и, бросивъ поводья неграмъ, входили въ домъ какъ люди, которые, считая себя вездѣ дома, поступали какъ хозяева и въ Техасѣ, хозяйничали здѣсь даже болѣе, нежели сами Мексиканцы. Такіе люди дѣйствительно были въ состояніи сдѣлать Техасъ независимымъ.

«При входѣ въ парлоръ они кивнули мнѣ головой, но съ нѣкоторою холодностію: соколинымъ взглядомъ своимъ они окинули въ одно и то же время меня и Боба, и наше сообщество, казалось, поразило ихъ, хотя они скрывали это подъ маскою равнодушнаго невниманія. Между тѣмъ, не прерывая своего разговора, они повременамъ бросали на меня пронизательные взгляды. Предметомъ ихъ разговора были: рогатый скотъ, цѣны на хлопчатую бумагу, пренія на когагуильскомъ, техасскомъ и генеральномъ конгрессахъ, демонстраціи, предпринимаемыя, какъ носился слухъ, со стороны Метаморы противъ Техаса и, какъ вамъ извѣстно, вскорѣ послѣ того дѣйствительно произведенныя, но какъ будто нисколько ихъ не касавшіяся. Можно было побожиться, что эти грозныя демонстраціи вовсе не относятся къ нимъ. Число пріѣзжавшихъ мало-по-малу увеличивалось, такъ что ихъ всѣхъ набралось четырнадцать человѣкъ; всѣ они выступали смѣло и рѣшительно, исключая двухъ, которые мнѣ меньше понравились.

Кажется, и остальнымъ они не слишкомъ приходились по душѣ; не только никто не протянулъ имъ руки, но и едва отвѣтили нѣмымъ кивкомъ на ихъ *good morning*. Они одни подошли къ Бобу, пытаясь вызвать его на разговоръ, но напрасно.

«Между тѣмъ, судя по шуму въ сосѣднемъ кабинетѣ, можно было полагать, что алькальдъ всталъ и занимался своимъ туалетомъ. На послѣдній, повидимому, онъ употреблялъ немного времени, потому что прошло не болѣе трехъ минутъ послѣ раздавагося скрипа кровати, какъ уже отворилась дверь, и онъ вышелъ.

«Всѣ гости подошли къ нему дружески, даже съ сердечно-стію, исключая двухъ, которые остались въ отдаленіи. Пожавъ руку только первымъ, и холодно кивнувъ головою этимъ двумъ, онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и представилъ своимъ гостямъ. Тогда только я узналъ, что нахожусь ни болѣе ни менѣе какъ передъ членами *ayuntamiento* Санъ-Фелипе де-Аустинъ; что двое изъ почтенныхъ моихъ земляковъ были корегидоры, одинъ прокураторъ, а остальные *buenos hombres*, то-есть нѣчто въ родѣ засѣдателей, — почетныя названія, которыя, впрочемъ, они, повидимому, не слишкомъ высоко цѣнили. Въ привѣтствіяхъ и въ разговорѣ они называли другъ друга только по фамиліи.

«Негръ принесъ свѣчу и нѣсколько ящичковъ сигаръ и принялся разставлять кресла. Судья молча указалъ на столъ съ винами, на сигары и спокойно сѣлъ въ кресло.

«Одни изъ гостей налили себѣ по рюмкѣ, другіе взяли сигары. Это наливаніе, выпиваніе, закуриваніе и раскуриваніе заняло не мало времени. Боба между тѣмъ болѣзненно коробило и ломало.

«Ну вотъ наконецъ теперь алькальдъ примется за дѣло, думалъ я; однако ошибся.

«— Мистеръ Морзъ! обратился онъ ко мнѣ: — не угодно ли вамъ вина?

«Я налилъ себѣ стаканъ; алькальдъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я съ нимъ чокнулся. Я подошелъ, чокнулся съ нимъ и со всѣми гостями, исключая тѣхъ двухъ. Потомъ алькальдъ предложилъ мнѣ сигару; я закурилъ ее. Видя передъ каждымъ полный стаканъ и въ рукахъ сигары, онъ съ видимымъ удовольствіемъ кивнулъ головой и оперся руками на обѣ ручки кресла.

«Во всей этой процедурѣ, которую можно характеристически назвать истинно-американскою, было что-то педантически-скучное, но вмѣстѣ съ тѣмъ патриархально важное и въ то же время методически-разчитанное. Такъ какъ мы сбросили съ себя всѣ внѣшнія формы, то серьезный нашъ національный характеръ замѣнилъ, и очень удачно, какъ мнѣ кажется, своею медленностію, полною достоинства и обдуманности, тѣ формальности, тотъ

блескъ и эффектъ, которые мы видимъ у другихъ народовъ въ ихъ судебныхъ и общественныхъ дѣйствіяхъ.

«Итакъ, когда всѣ выпили и всѣ закурили свои сигары, судья вынулъ изъ рта свою сигару, взялъ стаканъ и обратился къ собесѣдникамъ:

«— Граждане!

«— Сквайръ! отозвались они.

«— Намъ предстоитъ дѣло, продолжалъ алькальдъ,—дѣло, которое, разчитываю, всего лучше объяснить намъ тотъ, котораго оно касается.

«Присяжные взглянули на сквайра, потомъ на Боба, потомъ на меня.

«— Бобъ Рокъ! или какъ иначе ваше имя, сказалъ алькальдъ:—такъ какъ вы имѣете нѣчто сказать здѣсь, то скажите.

«— Въдъ ужъ я разказалъ вамъ вчера, пробормоталъ Бобъ, все еще держась руками за голову и опершись локтями на колѣни.

«— Да, но сегодня должны повторить. Вчера было воскресенье, а воскресенье, вы знаете, праздникъ, день покоя, а не дѣль. То, чтó вы сказали въ воскресенье, я считаю несказаннымъ. Не буду и не позволю судить васъ по вчерашнимъ вашимъ показаніямъ. Къ тому же вы сказали это съ глазу на глазъ, потому что мистера Морза я не считаю, смотрю на него, какъ на иностранца.

«— Къ чему эта безконечная болтовня, когда дѣло ясно? проворчалъ Бобъ, съ досадою подымая голову.

«Присяжные взглянули на Боба, и мрачная, пасмурная важность изобразилась на ихъ желѣзныхъ лицахъ. И дѣйствительно страшно было смотрѣть на него: сине-черное лицо, впалыя щеки, всклокоченная борода, глаза, налитые кровью и дико вращающіеся въ своихъ впадинахъ! Казалось, ничего человѣческаго не было въ этихъ чертахъ.

«— Да, ясно какъ вода изъ Миссиссипи, сказалъ судья, съ разстановкой.—Ясно, какъ вода изъ Миссиссипи, когда она отстаивалась въ продолженіи двадцати-четырёхъ часовъ. Ни васъ не хочу обвинять по собственнымъ вашимъ словамъ, и никого другаго, слышите, Бобъ? тѣмъ менѣе васъ, который жилъ—не то чтобы жилъ, а служилъ по крайней мѣрѣ въ моемъ домѣ, ѣлъ мой хлѣбъ... Не хочу осуждать васъ.

«Бобъ тяжело переводилъ дыханіе.

«— Вчера вы сами обвиняли себя, но въ вашемъ самообвиненіи есть запятая: у васъ была лихорадка.

«— Ничто не поможетъ, простоналъ Бобъ, какъ будто тронутый.— Ничто не поможетъ. Вижу, желаете мнѣ добра. Можете спасти меня отъ человѣческихъ рукъ, но не спасете отъ меня самого. Ничто не поможетъ! Надобно повѣсить, — повѣсить

на томъ самомъ патріархѣ, подъ которымъ онъ лежитъ, тотъ, котораго я застудилъ.

«Присяжные снова взглянули на него, но не сказали ни слова.

«— Ничто не поможетъ, продолжалъ Бобъ...—Если бы онъ грозилъ, вызывалъ на ссору, или хоть бы только отказалъ мнѣ! Но ничего этого не было. Сказалъ только... до сихъ поръ еще звенить въ ухахъ... все еще слышу, какъ онъ говоритъ: «Не дѣлайте этого, не заставляйте меня защищаться... чтобы мнѣ или вамъ не пришлось раскаиваться. Не дѣлайте этого! У меня жена и дѣти. То, что вы намѣрены сдѣлать, не принесетъ вамъ счастья!..» Но я не слушалъ, простоналъ онъ изъ глубины груди,—ничего не слушалъ, кромѣ голоса дьявола, схватилъ винтовку, прицѣлился, выстрѣлилъ...

«Ужасные его стоны, подобные глухому реву дикаго звѣря, потрясли, казалось, даже и этихъ желѣзныхъ людей. Они смотрѣли на Боба провизительными взглядами, но какъ будто украдкой.

«— Такъ вы убили человѣка? спросилъ кто-то изъ нихъ глухимъ басомъ.

«— Убилъ! съ усиленіемъ проговорилъ Бобъ.

«Когда у него вырвалось это слово, онъ остался съ раскрытымъ ртомъ, устремивъ дикіе глаза на того, кто спросилъ его.

«— Какъ же это случилось? продолжалъ спрашивать басъ.

«— Какъ случилось? какъ случилось? спросите у черта или у Джонни! Нѣтъ, не у Джонни; и онъ не можетъ сказать вамъ: Джонни при этомъ не было. Только я одинъ могу сказать, да и то едва могу: самъ не знаю, какъ это случилось. Я встрѣтилъ этого человѣка у Джонни; Джонни разбудилъ во мнѣ дьявола, показалъ на его кисеть съ деньгами.

«— Джонни? спросило нѣсколько голосовъ.

«— Да, Джонни. Онъ посматривалъ на кисеть, но самъ не рѣшался, и когда обыгралъ меня, вытащилъ мои двадцать, пятьдесятъ...

«— Двадцать долларовъ, пятьдесятъ сентовъ, пояснилъ судья,—которые онъ получилъ отъ меня за доставку дичи и поимку мустанговъ.

«Присяжные кивнули головой.

«— И вы убили этого человѣка за то, что онъ не хотѣлъ играть? спросилъ снова басъ.

«— Нѣтъ... черезъ нѣсколько часовъ послѣ того... около Джасинто... не далеко отъ *патріарха*... Встрѣтилъ тамъ и застрѣлилъ.

«— Я такъ и думалъ, что тамъ есть что-нибудь особенное, вмѣшался одинъ изъ присутствующихъ.—Вотъ отчего мы, проѣжая, видѣли тамъ такіа огромныя стаи коршуновъ, вороновъ и подобную погань. Не правда ли, мистеръ Гертъ?

« Мистеръ Гертъ утвер дительно кивнулъ головою.

« — Встрѣтилъ его недалеко отъ патріарха и требовалъ пополамъ кошелекъ, продолжалъ Бобъ машинально. — Онъ давалъ мнѣ на табакъ и еще больше, но не соглашался дать половину своихъ денегъ; говорилъ, что у него жена и дѣти.

« — А вы что? спросилъ опять басъ, и на этотъ разъ вопросъ его звучалъ какъ-то глухо и мрачно.

« — Застудилъ его, возразилъ Бобъ съ хриплымъ и дикимъ смѣхомъ.

« Нѣсколько минутъ всѣ сидѣли молча, уставивъ глаза въ землю. Потомъ басъ началъ допрашивать снова:

« — Что же это былъ за человекъ?

« — Что за человекъ? Не спрашивалъ его, кто онъ такой, и на лбу у него не было написано. Гражданинъ, но откуда—изъ Индіаны ли, изъ Огайо, или изъ Тенесси—не знаю.

« — Алькальдъ, я полагаю, это дѣло надобно разслѣдовать, сказалъ одинъ изъ присяжныхъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

« — Да, надобно, сказалъ алькальдъ.

« — За чѣмъ тамъ еще долго разслѣдовать? проворчалъ Бобъ съ досадою.

« — Какъ зачѣмъ? возразилъ алькальдъ.—Затѣмъ, что мы обязаны сдѣлать это для себя, для убитаго и для васъ самихъ; мы не можемъ осудить васъ, не видѣвши мертваго тѣла. Да тутъ еще есть и другое обстоятельство, на которое я долженъ обратить ваше вниманіе, продолжалъ онъ, обратившись къ присяжнымъ.—Человекъ этотъ, какъ вы видите, едва владѣетъ собою; у него лихорадка; она была у него и въ то время, когда онъ совершилъ убійство; притомъ еще, взбѣшенный этимъ Джонни, обгравшимъ его, онъ находился въ состояніи отчаянія, и однако, несмотря на такое бѣшеное состояніе, онъ спасъ жизнь вотъ этому джентльмену, мистеру Эдварду Натаніелю Морзу.

« — Правда это? спросилъ басъ, обратившись ко мнѣ.

« — Совершенная правда, отвѣчалъ я.—Бобъ спасъ мнѣ жизнь не только тѣмъ, что вытащилъ меня изъ глубокой рѣки, въ которую я, полумертвый, былъ сброшенъ своимъ мустангомъ, и въ которой неминуемо утонулъ бы; но спасъ еще и тѣмъ, что заботился обо мнѣ съ необыкновенною внимательностію, даже Джонни и его мулатку заставилъ ухаживать за мною. Безъ него меня не было бы уже на свѣтѣ; я готовъ поклясться въ этомъ.

« Бобъ бросилъ на меня взглядъ, который потрясъ меня до глубины души. Какъ страшно было видѣть слезы на этихъ глазахъ! Присутствовавшіе слушали въ глубокомъ молчаніи.

« — Кажется, Джонни уговорилъ и подстрекнулъ васъ къ этому? началъ опять басъ.

« — Я не говорилъ этого; я сказалъ только, что онъ показалъ на кисеть съ деньгами и сказалъ мнѣ...

« — Что онъ сказалъ?

« — Что вамъ за дѣло до того, что сказалъ Джонни? проворчалъ опять Бобъ, съ досадою. — Вамъ до этого никакого нѣтъ дѣла.

« — Нѣтъ, есть дѣло, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ, — есть дѣло.

« — Хорошо, если вамъ до этого есть дѣло, то пожалуй скажу, проворчалъ опять Бобъ. — Когда я, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ изъ дома, Джонни мнѣ сказалъ: «Бобъ, неужели ты сдѣлался такимъ трусомъ, что удираешь въ то время, когда за полунціи свинцу можно добыть полный кисеть съ деньгами?»

« — Сказалъ онъ это? спросилъ опять бась.

« — Спросите его самого.

« — Но мы васъ спрашиваемъ.

« — Ну да, сказалъ.

« — Да такъ ли это?

« — Говорятъ вамъ, сказалъ! Къ чему болтовня? Онъ сказалъ это, но вамъ слѣдуетъ спросить его самого. Ни чьей совѣсти не хочу наступать на мозоли; надоѣли мнѣ и свои, ручаюсь въ этомъ. Хочу только, чтобы срѣзали мои собственные, и онъ будутъ срѣзаны. Если и ему хотите срѣзать, такъ обратитесь къ нему самому; а я хочу только за себя отвѣчать, за себя быть повѣшеннымъ.

« — Все это такъ, все такъ, Бобъ, сказалъ алькальдъ; — но вѣдь мы не можемъ повѣсить васъ, не убѣдившись напередъ, заслуживаете ли вы того. Что вы на это скажете, мистеръ Вайтъ? вы прокураторъ; а вы, мистеръ Гертъ? мистеръ Стонъ? Наливайте себѣ рому или бренди; а вы, мистеръ Брайтъ? мистеръ Ирвинъ, свѣжюю сигару! довольно сносны, эти сигары. Не правда ли?.. Хорошо, мистеръ Вайтъ... вотъ въ этой бутылкѣ бренди... что вы на это скажете?

« Аристократическій мой демократъ сдѣлался вполнѣ демократомъ, и это при другихъ обстоятельствахъ вызвало бы съ моей стороны улыбку; но теперь мнѣ было вовсе не до смѣху. Мистеръ Вайтъ, прокураторъ, всталъ, какъ мнѣ казалось, для произнесенія своего приговора; но я ошибся. Онъ подошелъ къ столу съ виномъ, преспокойно взялъ одною рукой бутылку, другою стаканъ, и сказалъ:

« — Ну что жъ, сквайръ, или, вѣрнѣе, алькальдъ!..

« При словѣ «алькальдъ» онъ налилъ полстакана рому.

« — Если такъ... говорилъ онъ дальше, прибавляя на четверть дюйма воды, — и если... продолжалъ онъ, кладя въ стаканъ нѣсколь-

ко кусковъ сахару, — Бобъ застрѣлилъ этого человѣка... застрѣлилъ его умышленно... прибавилъ онъ, разбивая и мѣшая сахаръ деревяннымъ пестикомъ, — то, разчитываю... продолжалъ онъ, подымая стаканъ, — что Боба, если это ему не противно, слѣдуетъ... повѣсить, заключилъ онъ, поднося къ губамъ стаканъ и осушая его.

«Казалось, большая тяжесть свалилась съ груди Боба. Онъ вздохнулъ съ видимымъ облегченіемъ. Всѣ присутствовавшіе молча кивнули головою.

«— Хорошо! сказалъ судья, качая головою:—если вы такъ думаете, то нечего дѣлать, мы должны исполнить его волю. Конечно, намъ по настоящему слѣдовало бы передать все это дѣло въ окружный судъ въ Санъ-Антонію; но такъ какъ Бобъ изъ нашихъ, то намъ придется смотрѣть сквозь пальцы и сдѣлать для него снисхожденіе: исполнить его желаніе. Но, признаюсь вамъ, я дѣлаю это не охотно. Я готовъ такъ сдѣлать, но во всякомъ случаѣ необходимо прежде осмотрѣть убитаго и допросить Джонни. Мы должны такъ поступить для себя и для Боба, согражданина нашего.

«— Во всякомъ случаѣ необходимо! подтвердили всѣ двѣнадцать человѣкъ.

«— Но для чего же тутъ нуженъ Джонни? вмѣшался Бобъ съ досадою.—Двадцать разъ я вамъ говорилъ, что его при этомъ не было, и что все это не его касается.

«— Нѣтъ, касается, возразилъ судья, — касается, любезный. Хотя онъ и не присутствовалъ, но подстрекалъ васъ, если не словами, то тайными средствами. Еслибы не Джонни, то вы въ первыхъ не видѣли бы ни человѣка этого, ни кошелька его, во вторыхъ не проиграли бы вашихъ двадцати пятидесяти, а третьихъ вамъ бы и въ голову не пришло вымѣнить его кошелька на полунціи свинцу.

«— Это достовѣрно! подтвердили всѣ.

«— Вы злодѣй и душегубецъ, Бобъ! продолжалъ алькальдъ:—но я долженъ вамъ сказать, и мнѣ все равно, кто бы это ни слышалъ, говорю вамъ это въ глаза, безъ лести: одинъ вашъ ноготь для меня дороже всего Джонни, съ его кожей и костями. Мнѣ васъ жаль, потому что знаю, что вы по природѣ не злодѣй, а человѣкъ, испорченный дурнымъ примѣромъ и дурнымъ обществомъ. Но, я думаю, васъ можно еще исправить, извлечь изъ васъ пользу, и во многихъ случаяхъ пользу большую, нежели вы думаете. Винтовка ваша, капитальная винтовка!

«Последнія слова заставили всѣхъ поднять глаза. Всматриваясь острымъ и вопросительнымъ взглядомъ въ Боба, всѣ оставались въ напряженномъ ожиданіи.

«— Бобъ! продолжалъ алькальдъ ободряющимъ тономъ. —

Оскорбленнымъ вашимъ согражданамъ, законамъ, попраннымъ вами, и человечеству вы могли бы принести гораздо больше пользы чѣмъ-нибудь другимъ, нежели тѣмъ, что васъ повѣсятъ. Вы и теперь стоите дюжины Мексиканцевъ.

«Въ продолженіи рѣчи алькальда, голова Боба опустилась на грудь. Теперь онъ приподнялъ ее и глубоко вздохнулъ при этомъ.

«— Понимаю, сквайръ! знаю, на что вы намекаете. Но не могу, не смѣю, — не могу такъ долго ждать, не хочу. Жизнь мнѣ въ тягость, мучить меня, терзаетъ невыносимо. Не даетъ мнѣ покоя, ни днемъ, ни ночью, гдѣ бы я ни стоялъ, куда бы ни шелъ!

«— Ну, такъ ложитесь, сказалъ судья.

«— Онъ и тогда стоитъ передо мною, гонитъ меня къ патриарху.

«При этихъ словахъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ взглянули на Боба, потомъ взоры ихъ опять опустились въ землю. Такимъ образомъ просидѣли они нѣсколько секундъ въ глубокомъ молчаніи; наконецъ они приподняли головы и посмотрѣли другъ на друга вопросительнымъ взглядомъ. Алькальдъ началъ снова:

«— Итакъ рѣшено, Бобъ. Сегодня мы отправимся къ патриарху, а завтра вы приходите туда. Согласны вы на это?

«— Въ какое время? спросилъ Бобъ.

«— Около десяти часовъ.

«— Нельзя ли раньше? пробормоталъ Бобъ, нетерпѣливо качая головою.

«— Для чего же раньше? Неужели васъ такъ тянетъ къ веревкѣ? сказалъ мистеръ Гертъ.

«— Къ чему болтовня? проворчалъ Бобъ съ досадою. — Говорятъ вамъ, не даетъ мнѣ покоя. Не могу оставаться на этомъ свѣтѣ,—гонитъ меня съ него; такъ чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Жизнь мнѣ опротивѣла! Если я приѣду въ десять часовъ, да вы еще будете заниматься своею болтовнею, да потомъ еще придется часъ или два ѣхать къ патриарху, то лихорадка опять воротится ко мнѣ.

«— Однако нельзя же намъ, для вашей лихорадки, какъ дикимъ гусямъ, вдругъ слетѣться и опять разлетѣться, вскричалъ нетерпѣливо прокураторъ.—Подумайте же, любезный!

«— Правда, правда, сказалъ Бобъ кротко и съ покорностію

«— А вѣдь непріятный гость эта лихорадка, мистеръ Вайтъ! замѣтилъ мистеръ Тресъ, наполняя свой стаканъ:—и я полагаю, продолжалъ онъ, осушая стаканъ,—намъ бы слѣдовало сдѣлать ему это снисхожденіе.

«— Хорошо, сказалъ прокураторъ;—что вы на это скажете, сквайръ? Какъ вы думаете, исполнить намъ его желаніе?

« — Этотъ Бобъ, разчитываю, слишкомъ уже дерзокъ въ своихъ требованiяхъ, сказалъ судья, съ большою досадою качая головою.

« Всѣ молчали.

« — Но если вы всѣ желаете этого и согласны, продолжалъ онъ, обращаясь къ собранiю, — и въ особенности потому, что это Бобъ; потому что это вы, Бобъ, обратился онъ къ послѣднему, — то, разчитываю, намъ придется исполнить вашу волю.

« — Благодарю васъ! сказалъ Бобъ, видимо облегченный.

« — Не за что! проворчалъ алькальдъ съ досадою: — не за что благодарить! Теперь ступайте въ кухню, понимаете? и прикажите тамъ подать себѣ хорошiй кусокъ ростбифа съ принадлежностями, понимаете?

« Онъ постучалъ по столу.

« — Дать Бобу хорошiй кусокъ ростбифа и все, что нужно къ этому, приказалъ онъ вошедшей Дiанѣ; — сейчасъ приготовить! да смотри, чтобъ онъ непременно съѣлъ. Вы одѣньтесь получше, Бобъ, понимаете? какъ гражданинъ, а не какъ Индѣецъ краснокожiй, понимаете?

« Онъ махнулъ рукой негритянкѣ, чтобъ она вышла, и потомъ, обратившись къ Бобу, продолжалъ:

« — Безъ возраженiй, Бобъ! мы пришлемъ вамъ. рому; кушайте и пейте, любезный! Идите на встрѣчу судьбѣ вашей, какъ существо разумное, какъ человекъ, а не какъ глупецъ безмысленный! Не нужно здѣсь никакихъ порыванiй, никакого голоданiя, которыя дѣлаютъ васъ еще безумнѣе. Предупреждаю васъ, шагу не сдѣлаемъ, если не будете ѣсть и пить, если не вкусите отъ даровъ вашего Бога, которымъ Онъ повелѣлъ произрастать для знатныхъ и незнатныхъ, для злыхъ и для добрыхъ! Шагу не сдѣлаемъ, если вы не одѣнетесь и не будете вести себя какъ существо, одаренное разумомъ!

« — Благодарю васъ! сказалъ смиренно Бобъ.

« — Я сказалъ вамъ, что не за что! проворчалъ алькальдъ.

« Бобъ вышелъ. Всѣ присутствовавшiе остались на своихъ мѣстахъ такъ спокойно, какъ будто бы ничего и не происходило. Время отъ времени нѣкоторые изъ нихъ наливали себѣ вина, брали и закуривали сигары, и еслибы въ эту минуту вошелъ кто-нибудь постороннiй, то едва ли бы онъ угадалъ, что здѣсь собрались люди для того, чтобы произнести приговоръ о жизни и смерти своего собрата. Изрѣдка посреди говора слышался ропотъ; изъ него можно было заключить, что они все еще не были согласны на эту нетерпѣливую поспѣшность Боба разчитаться съ жизнью, а особенно былъ противъ этого алькальдъ; но мало-по-малу уступалъ, казалось, и онъ. Въ продолженiи цѣлаго часа они разсуждали, взвѣшивали свои мнѣнiя, развивали ихъ, и все

это самымъ спокойнымъ, флегматическимъ образомъ. Ни слова, ни звука не было слышно громче обыкновеннаго разговорнаго тона. Можно было побиться объ закладъ, что дѣло идетъ о самомъ незначительномъ предметѣ; даже Джонни, признанный, по единоголасному мнѣнію, самымъ опаснымъ негодяемъ, не могъ вывести ихъ изъ обычнаго ихъ спокойствія: они такъ хладнокровно рѣшили поиничить его, какъ будто дѣло шло о поимкѣ мустанга. Наконецъ, остановившись на этомъ рѣшеніи, они встали, подошли еще разъ къ столу, выпили за здоровье судьи, за мое здоровье, пожали намъ руки, вышли изъ парлора и отправились домой.

«Въ продолженіи этихъ бесконечно-флегматическихъ судебныхныхъ «преній» мнѣ сдѣлалось даже дурно: я чувствовалъ себя такъ нехорошо, что едва былъ въ состояніи держаться на ногахъ. Грубая безчувственность и въ то же время глубокое чувство этихъ людей донельзя раздражили мои нервы. Безвкусны мнѣ показались завтракъ, обѣдъ, ужинъ. Но и алькальдъ былъ не въ лучшемъ расположеніи духа, хотя причина его дурнаго настроенія, какъ вы легко можете понять, была совершенно иная. Досада его происходила отъ того, что присяжные не согласились на его мнѣніе—сохранить Боба для общаго блага, какъ говорилъ онъ; что они слишкомъ легко согласились на желаніе Боба повѣсить его, тогда какъ онъ могъ еще оказать большія услуги своей странѣ и гражданскому обществу. Отправить на тотъ свѣтъ Джонни, подлаго, низкаго, трусливаго измѣнника Джонни, было, по его мнѣнію, совершенно справедливо; но поступить такимъ же образомъ съ Бобомъ казалось ему глупо, безумно, нелѣпо. Напрасно было напоминать ему о преступленіи противъ гражданскаго общества, противъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, указывать ему на перстъ Божій и на угрызеніе совѣсти.

«Бобъ, доказывалъ онъ, согрѣшилъ противъ гражданскаго общества, противъ своего Творца; а потому не прилично самому Бобу требовать и назначать удовлетвореніе; убѣгая какъ трусъ изъ міра, противъ котораго согрѣшилъ, Бобъ не служить ни Богу, ни людямъ. И въ числѣ этихъ четырнадцати гражданъ, продолжалъ алькальдъ, было двое убійць: совершивъ преступленіе, они бѣжали изъ Штатовъ, но они несутъ тяжесть грѣха своего какъ мужи, и какъ мужи хотятъ искупить его, служа нашей странѣ противъ Мексиканцевъ.

«Мы едва не поссорились съ алькальдомъ, говорили мало въ продолженіи всего дня, и вечеромъ разошлись очень рано.

XI.

« На слѣдующее утро, когда мы сидѣли еще за завтракомъ, подъѣхалъ къ дому довольно хорошо одѣтый мужчина, весь въ черномъ. Онъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ алькальду, который встрѣтилъ его словами:

« — А, это вы, Бобъ?

« Дѣйствительно это былъ Бобъ, хотя съ трудомъ можно было узнать его. вмѣсто гадкаго, окровавленнаго платка, который вчера еще висѣлъ лохмотьями вокругъ его головы, на немъ была шляпа; вмѣсто кожаной куртки и остальной одежды его на немъ было приличное черное суконное платье; борода тоже исчезла. Теперь этотъ человѣкъ походилъ на джентльмена. вмѣстѣ съ одеждою, онъ и самъ какъ будто весь измѣнился: былъ спокоенъ, тихъ, покоренъ, даже кротокъ. Съ какою-то грустію во взорѣ онъ протянулъ руку алькальду; съ чувствомъ пожалъ ее судья и долго держалъ въ своей рукѣ.

« — Ахъ, Бобъ, Бобъ! сказалъ онъ ему: — зачѣмъ не слушали того, что я такъ часто говорилъ вамъ!... Я нарочно выписалъ для васъ это платье изъ Новаго Орлеана, чтобы по крайней мѣрѣ по воскресеньямъ вы казались порядочнымъ и приличнымъ человѣкомъ. Какъ часто я ссорился съ вами, требуя, чтобы надѣвали эту одежду и вмѣстѣ съ нами отправлялись на митингъ, когда проповѣдывалъ мистеръ Блисъ! Не безъ причины, любезный, заказалъ я для васъ это платье. Въ пословицѣ « платье дѣлаетъ человѣка » есть много правды: съ новою одеждою, человѣкъ какъ будто облекается въ новыя чувства и помышленія. Еслибы вы въ эти новыя помышленія облекали себя только пятьдесятъ два раза въ продолженіи года, право, это произвело бы благодѣтельный разрывъ между вами и Джонни. Цѣль у меня была добрая.

« Бобъ молчалъ.

« — Три только раза мнѣ удалось надѣть на васъ это платье и привести васъ на митингъ. Ахъ, Бобъ!

« Бобъ молча кивнулъ головою.

« — Да, Бобъ! продолжалъ алькальдъ: — я употребилъ всѣ средства, чтобы сдѣлать изъ васъ порядочнаго человѣка; сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло.

« — Это правда, сказалъ глубоко тронутый Бобъ; — да награди васъ за это Богъ!

«Въ эту минуту я почувствовалъ уваженіе къ алькальдъ, увѣрю васъ, глубокое уваженіе. Я пожалъ его руку. У алькальда на глазахъ показались слезы, но онъ скрылъ ихъ, указывая намъ на приготовленный завтракъ.

«Бобъ благодарилъ съ покорностію, но рѣшительно объявилъ, что ѣсть не будетъ; не принимая пищи, желаетъ предстать передъ лицомъ оскорбленнаго Творца своего и Судьи.

«Алькальдъ возразилъ съ строгою важностію:

«— Не тѣмъ мы сдѣлаемъ угодное Богу, что откажемся отъ даровъ, которые онъ создалъ для насъ, своихъ твореній, а тѣмъ, что будемъ разумно пользоваться ими. Кушайте, любезный! пейте! послушайте хоть разъ въ жизни совѣта людей, которые больше заботятся о благѣ вашемъ, нежели вы сами!

«Бобъ сѣлъ къ столу.

«Только-что мы успѣли кончить свой завтракъ, какъ къ дому подъѣхала первая партія присяжныхъ; они слѣзли съ лошадей и вошли въ комнату. На лицахъ ихъ не выражалось ничего, кромѣ непоколебимой тегасской флегмы. Хладнокровно, не измѣняя ни одной черты лица, они поклонились алькальдъ, мнѣ и Бобу; потомъ, когда были поданы свѣжія блюда и чистыя тарелки, они сѣли къ столу и начали ѣсть съ такимъ аппетитомъ, какъ будто постились по крайней мѣрѣ сутки.

«Пока они закусывали, пріѣхали и остальные. Тѣ же поклоны, тѣ же нѣмыя привѣтствія, тотъ же аппетитъ. Я увѣренъ, что въ продолженіи всего завтрака всѣ они вмѣстѣ не произнесли и ста словъ, да и слова-то были обычныя ихъ: *Will you help me, yourself* и т. п.

«Наконецъ, когда кончился завтракъ, алькальдъ приказалъ неграмъ убрать со стола тарелки и потомъ выйти изъ комнаты.

«Негры исполнили приказаніе. Тогда алькальдъ сѣлъ у верхняго конца стола, по обѣимъ сторонамъ помѣстились присяжные, а передъ ними Бобъ. Я, разумѣется отошелъ въ сторону, такъ же какъ и тѣ два человѣка, которые, совершивъ убійство, бѣжали изъ Штатовъ.

«Мало-по-малу лица всѣхъ приняли выраженіе, уже менѣе флегматическое, болѣе приличное важности момента.

«— Мистеръ Вайтъ! началъ судья:—вы прокураторъ; не имѣете ли вы чего-нибудь сказать?

«— Да, алькальдъ, имѣю, отвѣчалъ прокураторъ.—Я долженъ сказать, что по обязанности моей и по порученію, на меня возложенному, мы отправлялись на мѣсто, указанное Бобъ Роккомъ, или какъ его зовутъ, и нашли тамъ тѣло человѣка, убитаго выстрѣломъ изъ штуцера Бобъ Рока, или какъ его зовутъ. Тутъ же нашли кисеть съ деньгами и нѣсколько писемъ и рекомендацій къ разнымъ плантаторамъ.

« — Узнали вы, кто онъ такой? спросилъ алькальдъ.

« — Узнали, отвѣчалъ прокураторъ. — Изъ тѣхъ писемъ и рекомендацій мы усмотрѣли, что человекъ этотъ былъ гражданинъ изъ Илинойса, и вѣхалъ въ Санъ-Фелипе де-Аустинъ, чтобы купить землю у полковника Аустина и поселиться на ней.

« Сказавъ это, прокураторъ досталъ изъ лежавшаго около него сѣдельнаго чемоданчика тяжелый кисетъ съ деньгами, и положилъ его вмѣстѣ съ письмами на столъ. Письма были распечатаны, а на кисетѣ была приложена печать.

« Алькальдъ сломалъ печать, сосчиталъ деньги, которыхъ оказалось больше пяти сотъ долларовъ золотомъ и серебромъ, потомъ сосчиталъ мелочь, находившуюся въ кошелькѣ, взятомъ Бобомъ. Затѣмъ прокураторъ прочиталъ вслухъ письма и рекомендаціи.

« Потомъ одинъ изъ коррегидоровъ донесъ, что Джонни и его мулатка скрылись; что онъ, коррегидоръ, съ своею партіей преслѣдовалъ ихъ по слѣдамъ; такъ какъ слѣды эти раздѣлились, то и онъ, коррегидоръ, съ своими людьми долженъ былъ раздѣлиться на двѣ партіи, но несмотря на то, что они преслѣдовали бѣглецовъ не менѣе семидесяти миль, ничего о нихъ не узнали.

« Алькальдъ выслушалъ это донесеніе съ весьма недовольнымъ видомъ.

« — Бобъ Рокъ! произнесъ онъ громко: — подойдите!

« Бобъ выступилъ впередъ.

« — Бобъ-Рокъ, или какъ васъ зовутъ! признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что убили выстрѣломъ человека, у котораго найдены эти письма и деньги?

« — Виновенъ! пробормоталъ Бобъ.

« — Джентльмены присяжные! произнесъ опять алькальдъ: — не угодно ли вамъ выйти для совѣщанія?

« Двѣнадцать человекъ встали съ своихъ мѣстъ и вышли изъ парлора; остались только алькальдъ, я, Бобъ и оба бѣглеца. Минутъ черезъ десять снова вошли присяжные, съ непокрытыми головами. Алькальдъ снялъ также свою шапочку.

« — Виновенъ! сказалъ старшій изъ присяжныхъ.

« — Бобъ! произнесъ алькальдъ громкимъ голосомъ: — Бобъ Рокъ, или какъ васъ зовутъ! ваши сограждане и перы признали васъ виновнымъ, и я произношу приговоръ — повѣсить васъ за шею, пока вы не умрете! Да помилуетъ Богъ вашу душу!

« — Аминь! произнесли всѣ.

« — Благодарю! прошепталъ Бобъ.

« — Прежде, нежели мы исполнимъ печальную нашу обязанность, запечатаемъ, какъ слѣдуетъ, наследство убитаго! сказалъ алькальдъ.

• Онъ позвалъ негрятянку, приказалъ ей принести свѣчу, запечаталъ сперва самъ кисеть и бумага, за нимъ прокураторъ и наконецъ коррегидоры.

• — Не имѣетъ ли кто возразить что-нибудь противъ исполненія произнесеннаго приговора? началъ опять алькальдъ, бросивъ на меня значительный взглядъ.

• — Судья и сограждане! онъ спасъ мнѣ жизнь! сказалъ я, глубоко потрясенный:—спасъ съ истиннымъ самоотверженіемъ!..

• Когда я произносилъ эти слова, глаза Боба сдѣлались неподвижны, глубокій вздохъ приподнял его грудь, но въ то же время онъ отрицательно покачалъ головою.

• — Съ Богомъ, отправитесь! сказалъ алькальдъ.

• Всѣ мы молча вышли изъ парлора и сѣли на лошадей. Алькальдъ взялъ съ собою Библию, чтобъ приготовить Боба къ вѣчности, и дорогой читалъ ее. Сначала Бобъ слушалъ со вниманіемъ, даже съ набожностію. Скоро однакоже нетерпѣніе снова начало овладѣвать имъ; онъ поѣхалъ скорѣе и наконецъ поскакалъ съ такою быстротою, что мы стали подозрѣвать его въ желаніи спастись бѣгствомъ. Но онъ хотѣлъ спастись отъ того, чтобы передъ смертію не застигнулъ его припадокъ лихорадки.

• По прошествіи часа мы были передъ такъ-называемымъ патриархомъ.

• И дѣйствительно это былъ патриархъ, истинный патриархъ растительнаго міра! Торжественное ли настроеніе духа, или величіе смерти, проникнувшее насъ до глубины души, были тому причиной, только всѣ мы, при видѣ этого дерева, остановились, какъ передъ явленіемъ высшей, сверхъестественной природы. Какъ будто духи невидимаго міра шептались между собою, вѣли на меня изъ этого гигантскаго творенія, изъ этого колоссальнаго дива природы! Такъ мало походило оно на дерево! Громадная растительная масса, въ нѣсколько сотъ футовъ въ поперечникѣ, подымалась по крайней мѣрѣ на сто тридцать футовъ въ вышину; нельзя было различить ни пня, ни сучьевъ, ни вѣтвей, ни даже листьевъ; видны только были миллионы зеленовато-бѣлыхъ чешуекъ, съ безчисленнымъ множествомъ серебристыхъ бородъ. Эти миллионы чешуекъ, эти безчисленныя серебристыя бороды смотрѣли на насъ въ такихъ дивно-фантастическихъ образахъ, что вы при первомъ взглядѣ поклялись бы, что сотни, тысячи патриарховъ глядятъ на васъ изъ своихъ тайниковъ! Чѣмъ ниже, тѣмъ эти бороды были длиннѣе; опускаясь до самой земли, онѣ достигали до сорока футовъ длины; и до такой степени закрывали собою весь пенъ, что нѣсколько человекъ должны были слѣзть съ лошадей и разрывать эти мшистыя бороды; лишь съ трудомъ могли они

расчистить намъ дорогу подъ дерево. Это тотъ самый испанскій мохъ, который всёю такъ извѣстенъ; только здѣсь онъ не грязно-сѣраго, а серебристо-сѣраго цвѣта. Войдя во внутренность этого громаднаго свода, внезапно ослѣпленные въ его таинственномъ сумракѣ, мы долго не могли ничего различить вокругъ себя. Лучи солнца, переломленные серебристымъ мхомъ, чешуйками, листьями и бородами, проникали сюда, какъ сквозь цвѣтныя стекла соборнаго храма, въ самыхъ разнообразныхъ цвѣтахъ, красномъ, зеленомъ, голубомъ, желтомъ, и разливали какой-то фантастическій полусвѣтъ внутри этого таинственнаго святилища. Пень тоже представлялъ своего рода чудо природы. Поднимаясь футовъ на сорокъ отъ земли до развѣтвленія въ сучья, онъ имѣлъ на себѣ такъ много наростовъ и возвышеній, что совершенно походилъ на утесъ неправильной конической формы; отъ этого громаднаго утеса исходили въ разныхъ направленіяхъ зубцы другихъ, меньшихъ утесовъ, и на этихъ зубцахъ нарастали массы серебристаго мха, мшистыя борода и вѣтви. Я такъ былъ пораженъ и подавленъ гигантскимъ величіемъ этого явленія, что оставался нѣсколько минутъ въ нѣмомъ изумленіи, словно окаменѣлый, и только глухой говоръ моихъ спутниковъ привелъ меня къ сознанію.

«Они составили кругъ подъ сводомъ дерева, Бобъ находился въ серединѣ. Онъ дрожалъ какъ осиновый листъ, устремивъ неподвижные взоры на свѣжую земляную насыпь, которая видѣлась шагахъ въ тридцати отъ пня.

«Подъ нею покоился убитый. Какая чудная могила! Ни одинъ поэтъ не могъ бы ни пожелать себѣ, ни вообразить такой дивной, такой очаровательной могилы. Нѣжнѣйшая мурава, величественный сводъ, который образовала сама природа, съ вѣчнымъ сумракомъ, такъ дивно затканнымъ радужными лучами!

«Бобъ, алькальдъ и должностные товарищи его остались на лошадяхъ, а остальные всё слѣзли. Одинъ изъ нихъ отрѣзалъ лассо отъ сѣдла Боба, одинъ конецъ его перекинулъ черезъ сукъ, который былъ пониже, и изъ обоихъ концовъ сдѣлалъ петлю.

«Послѣ этихъ несложныхъ приготовленій алькальдъ снялъ шляпу и сложилъ руки; всё остальные послѣдовали его примѣру. Бобъ съ мрачнымъ видомъ поникъ надъ головой своего мустанга. Алькальдъ обратился къ нему и сказалъ:

«— Бобъ! мы будемъ молиться о бѣдной душѣ вашей, которая теперь должна разстаться съ грѣшнымъ тѣломъ.

«Бобъ не слышалъ.

«— Бобъ! сказалъ опять судья.

«Бобъ встрепенулся.

«— Я хотѣлъ что-то сказать, вскричалъ онъ вдругъ, какъ безумный; хотѣлъ что-то сказать!

«— Что вы хотѣли сказать?»

«Бобъ дико посмотрѣлъ вокругъ себя; зубы его шевелились, но духъ его, казалось, уже не былъ на этой землѣ.

«— Бобъ! сказалъ опять судья: — мы будемъ молиться о душѣ вашей.

«— Молитесь, молитесь! простоналъ Бобъ: — мнѣ пужна будетъ ваша молитва.

«Алькальдъ молился медленно и громко, молился растроганнымъ и до глубины души потрясающимъ голосомъ:

«— Отче нашъ! иже еси на небеси...

«Бобъ повторялъ за нимъ каждое слово. При словахъ «остави намъ долги наши», голосъ его со стономъ вырвался изъ сокровеннѣйшей глубины души.

«— Господи! помилуй душу его! заключилъ алькальдъ.

«— Аминь! повторили за нимъ всѣ.

«Тогда одинъ изъ коррегидоровъ наложилъ петлю на шею Боба, другой завязалъ ему глаза, третій вынулъ изъ стремя его ноги, между тѣмъ какъ четвертый, поднявъ плеть, сталъ за мустангомъ. Все это совершалось въ мертвомъ молчаніи, тихо, содрогательно!..

«Плеть опустилась. Мустангъ сдѣлалъ скачокъ впередъ. Въ это самое мгновеніе Бобъ въ отчаянномъ страхѣ хотѣлъ ухватиться за поводъ и пронзительно крикнуть «стой!»

«Было поздно, — онъ уже повисъ.

«До сихъ поръ еще звучитъ въ ушахъ моихъ крикъ «стой!» который вслѣдъ за тѣмъ вырвался изъ груди алькальда; какъ теперь вижу, какъ онъ въ изступленіи обскакалъ человѣка, державшаго плеть, понесся къ повѣшенному, схватилъ его въ свои объятія и приподнял на свою лошадь.

«Одною рукой поддерживая Боба, а другою силясь развязать петлю, вся эта гигантская фигура дрожала въ неописанномъ страхѣ. Что-то ужасное было въ этомъ зрѣлищѣ! Прокураторъ, коррегидоры, всѣ стояли какъ окаменѣлые.

«— Вѣскп, вѣски! у кого есть вѣски? ревелъ судья.

«Одинъ изъ присутствовавшихъ подбѣжалъ съ бутылкою вѣски, другой поддерживалъ туловище повѣшеннаго, третій его ноги, алькальдъ влилъ ему въ ротъ нѣсколько капель. При этомъ онъ впился въ него глазами, какъ будто отъ пробужденія Боба зависѣла его собственная жизнь. Долго всѣ усилія были напрасны; къ счастью, шейный платокъ, который забыли снять, помѣшалъ переломленію шейныхъ позвонковъ; наконецъ Бобъ открылъ страшно-вывороченные глаза.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

Извѣстія о собраніи череповъ разныхъ народовъ въ С.-Петербургской Академіи наукъ. Академика БЕРА.

Изъ Берлина. М. В. СУХОМЛИНОВА.

Русское старообрядство. М. Н. ЛОНГИНОВА.

Объясненіе. М. П. ПОГОДИНА.

Гоненіе на Евреевъ въ Одессѣ. I. Письмо изъ Одессы. М. Д—а.

II. *Одесскій Вѣстникъ* о томъ же. III. *Times* о томъ же.

Письма къ редактору гг. Паерко-Правдина и К. Компера.

Внутреннія извѣстія.

Подитическое Обзорніе.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1859 ГОДЪ

ВЪ КОНТОРАХЪ РУССКАГО ВѢСТНИКА:

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

При Конторѣ Типографіи Каткова
и К^о, въ Армянскомъ переулкѣ, и
при книжной лавкѣ Базунова, на
Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ
Загряжскаго.

При книжной лавкѣ Базунова,
на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ
Энгельгардтъ.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*,
въ Москвѣ.

Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ пере-
сылкою и доставкой на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТИ-
ДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ.

Тамъ же и по той же цѣнѣ продаются остающіеся еще не распролацанными
экземпляры *Русскаго Вѣстника* за 1858 годъ.

Печатать позволяется.

Мая 30-го. Ценсоръ А. Драшусовъ.

Ценсоръ Н. Гилдровъ-Платоновъ.

